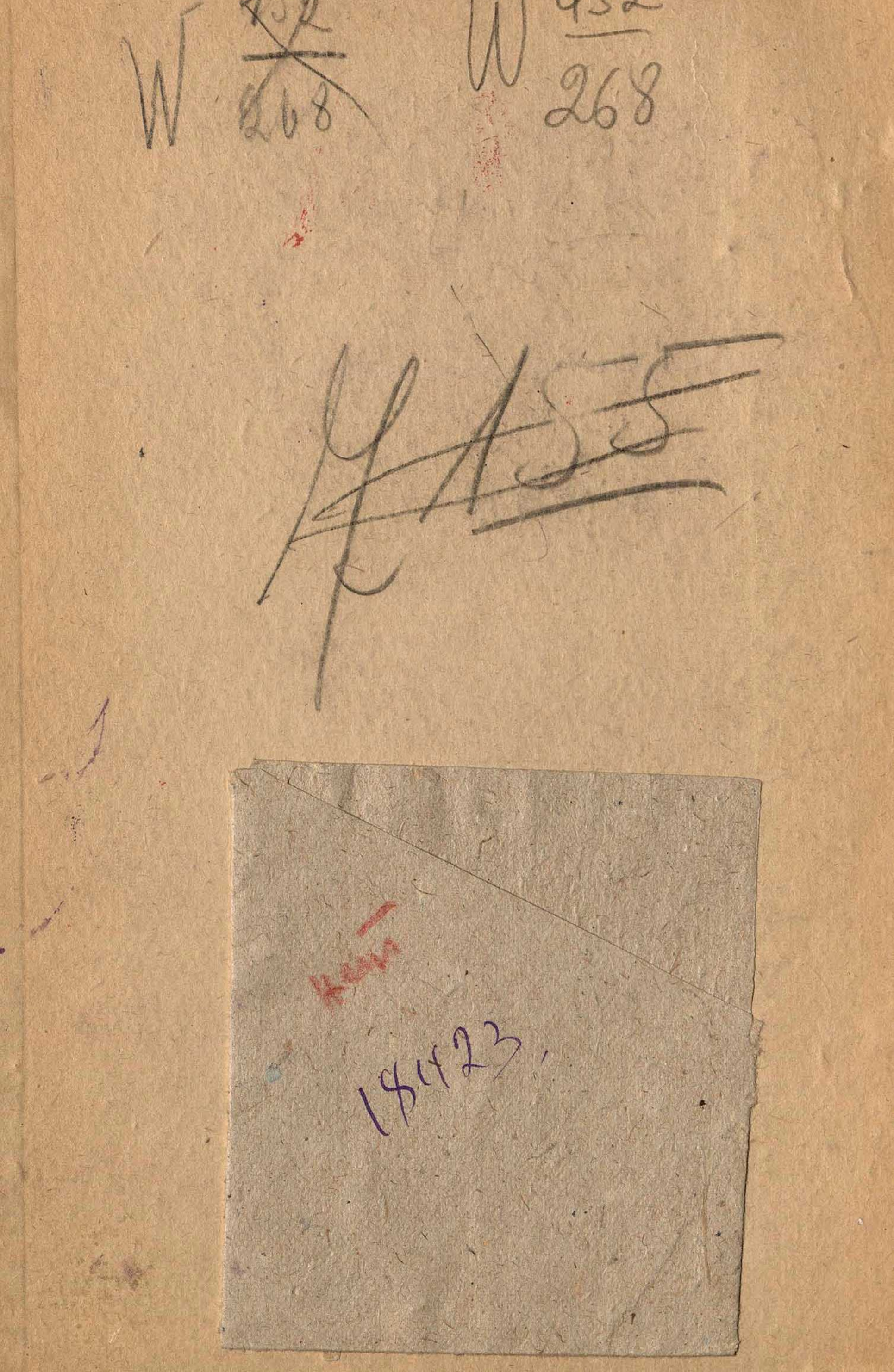
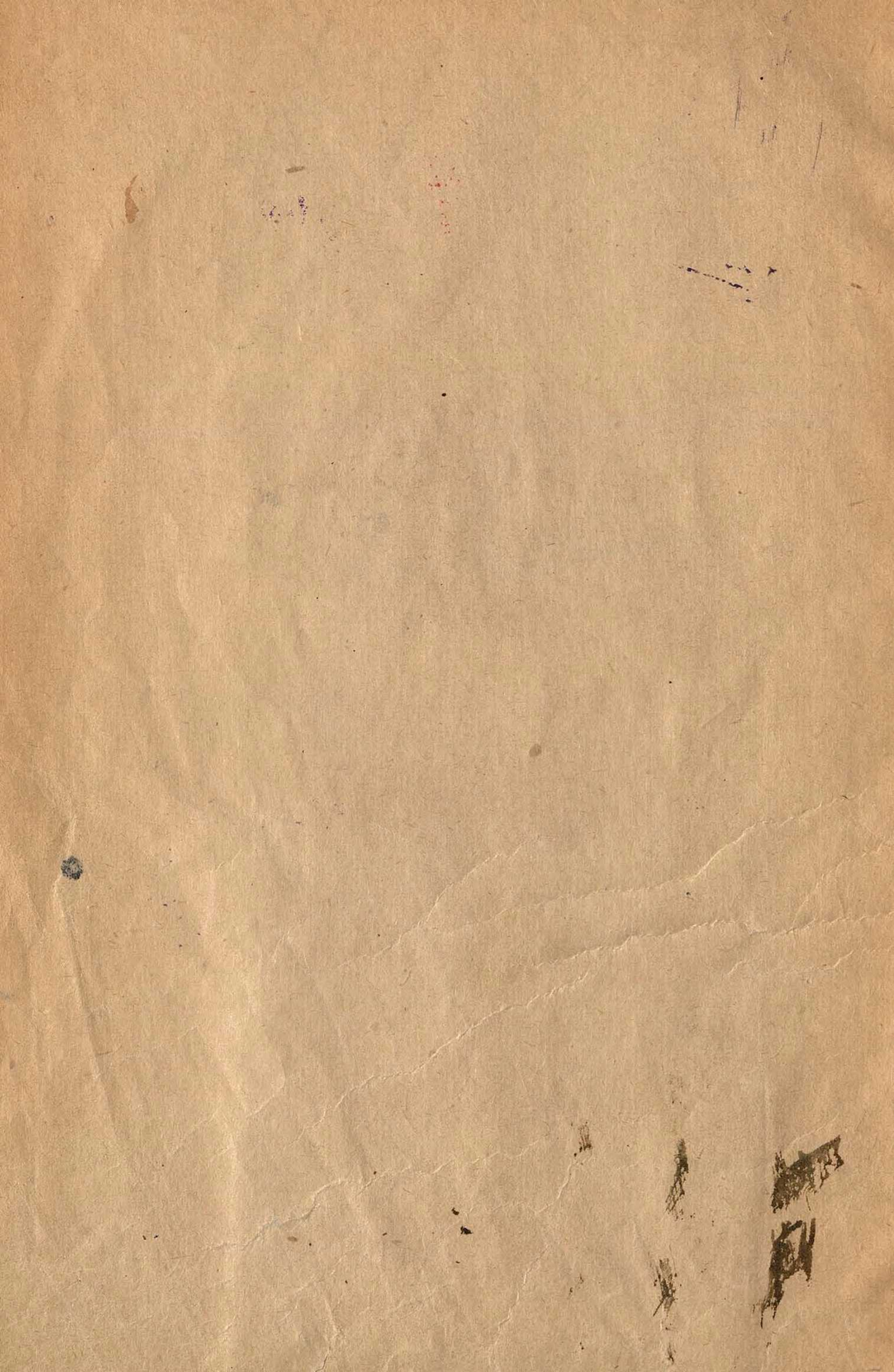

W 452/268
W 452/268
181423

В. А. Богородицкій,
Заслуж. ордин. профессоръ Казанскаго Университета.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА.

Пособіе для педагогическихъ классовъ

и

при самообразованіи.

Цѣна 5 рублей.

КАЗАНЬ.
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ УНИВЕРСИТЕТА
1918.

В. А. Богородицкій,

Заслуж. ордин. профессоръ Казанскаго Университета.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА.

Пособіе для педагогическихъ классовъ

и

при самообразованіи.

Цѣна 5 рублей.

КАЗАНЬ
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ УНИВЕРСИТЕТА
1918.

Россійскому юношеству

съ любовью

трудъ свой посвящаетъ

авторъ.

Предисловіе.

Въ 1904 году вышелъ первымъ изданіемъ мой *Общій курсъ русской грамматики* (Изъ университетскихъ чтеній), въ которомъ я имѣлъ въ виду приблизить къ школѣ результаты научно-грамматическаго изученія родного языка и соотвѣтственно этой цѣли стремился придать изложенію возможную доступность при сохраненіи научности. Какъ мнѣ кажется, цѣль моя была достигнута и уже въ 1913 году грамматика вышла четвертымъ изданіемъ. Однако съ каждымъ новымъ изданіемъ книга моя расширялась, такъ что въ послѣднемъ изданіи содержала значительно болѣе 500 страницъ, а такое расширеніе происходило отчасти на счетъ доступности и слѣдов. въ ущербъ первоначальной цѣли изданія. Это обстоятельство, равно какъ и то, что послѣднее изданіе уже почти разошлось, а между тѣмъ новое предполагается еще болѣе расширить въ сторону научныхъ деталей, побудили меня предварительно выпустить настоящее сокращенное изданіе, въ которомъ я стараюсь вернуть книгу къ первоначальному типу, т. е. соединить доступность и научность изложенія съ сравнительно небольшимъ объемомъ; въ дальнѣйшемъ мой курсъ грамматики будетъ уже разрабатываться особо въ полномъ и краткомъ видѣ. Сокращенія въ настоящемъ изданіи коснулись главнымъ образомъ сравнительно-грамматическихъ данныхъ, діалектологическихъ деталей и библіографіи; кромѣ того выпущена глава о заимствованныхъ словахъ и экспериментально-фонетическое прибавленіе. Съ другой стороны, въ синтаксисѣ я позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя дополненія и удержалъ въ немъ часть нотныхъ изображеній (въ надеждѣ, что эти послѣднія найдутъ откликъ въ музы-

кально-образованномъ юношествѣ и среди его найдутся лица, которыя подвергнутъ тоническую сторону рѣчи спеціальному изученію, важность котораго трудно переоцѣнить); кромѣ того, я сохранилъ общія главы по физіологіи и психологіи рѣчи, обычно излагаемыя въ курсахъ общаго языковѣдѣнія, а также всѣ методологическія и педагогическія замѣчанія, въ значительномъ количествѣ содержащіяся въ книгѣ, и—наконецъ—присоединилъ въ видѣ особаго дополненія изложеніе своихъ чтеній на учительскомъ съѣздѣ въ Казани, посвященныхъ основнымъ вопросамъ грамматики. Предлагаемая мною книга стоитъ внѣ какой-либо оффиціальной программы и, какъ думается мнѣ, можетъ возбудить интересъ у лицъ, ищущихъ расширенія своего кругозора, и въ этомъ смыслѣ не лишена педагогическаго значенія. То обстоятельство, что съ писаніемъ этой книги, предназначаемой для учащейся молодежи и самообразованія, у автора соединено воспоминаніе о лучшихъ минутахъ научныхъ исканій и творчества, и дало ему смѣлость посвятить ее россійскому юношеству въ надеждѣ, что такое посвященіе не будетъ сочтено излишне самонадѣяннымъ.

Авторъ.

Оглавленіе.

Введеніе.

Исходнымъ пунктомъ при нашихъ занятіяхъ грамматикою русскаго языка будетъ служить современный *литературный языкъ*, какъ онъ является въ живомъ произношеніи, а также въ письменности, особенно въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей. При этомъ необходимо замѣтить, что живое произношеніе и общепринятая письменная его передача отнюдь не одно и то же; послѣдняя не отмѣчаетъ многихъ звуковыхъ нюансовъ произносимой рѣчи (срв. пишется *годовой*, а произносится то же слово приблизительно г ы д а в ó й), равно какъ и разнообразныхъ видоизмѣненій интонаціи.

Не одинъ литературный языкъ въ его устномъ и письменномъ употребленіи составляетъ предметъ изслѣдованія научной грамматики, но также и *народные говоры*, такъ какъ иначе изученіе живого языка не могло бы считаться полнымъ. Въ современномъ народномъ русскомъ языкѣ различаются слѣдующія главныя подраздѣленія на діалекты: говоры *великорусскіе* и *малорусскіе*; великорусскіе говоры раздѣляются на *сѣверные* или окающіе и *южные* или акающіе; южно-великорусскіе говоры дѣлятся далѣе на *собственно южно-великорусскіе* (восточные) и *бѣлорусскіе* (западные). Въ основу произношенія современной русской *литературной* рѣчи, которая повсюду имѣетъ болѣе однообразный характеръ, чѣмъ народные говоры, [1]) легло московское нарѣчіе (принадлежащее къ

[1]) Впрочемъ и живой литературный языкъ въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества не является вполнѣ одинаковымъ, но представляетъ нѣ-

великорусской группѣ), благодаря политическому преобладанію Москвы въ теченіе ряда столѣтій. Но съ переходомъ столицы въ Петербургъ, куда былъ перенесенъ и московскій говоръ, послѣдній не могъ не видоизмѣняться вслѣдствіе значительнаго наплыва туда другихъ элементовъ, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ. Такимъ образомъ московскій говоръ утрачивалъ здѣсь свою чистоту и оригинальность; кромѣ того, благодаря развитію литературы, въ которой участвовали представители разныхъ діалектовъ, онъ сближался съ другими русскими нарѣчіями, превращаясь въ *общерусскій* языкъ. Что касается разговорнаго языка самой Москвы, то онъ также подвергся измѣненіямъ вслѣдствіе тѣхъ же причинъ и въ настоящее время представляетъ значительную пестроту; прежнее же болѣе чистое московское нарѣчіе, сохраняясь тамъ и сямъ въ городскомъ говорѣ, развивало дальше свои особенности, но въ этомъ позднѣйшемъ своемъ видѣ оно уже не можетъ считаться образцовымъ (срв. напр. произношеніе „*ч*и*с*ок" и т. п.), относясь къ діалектическимъ варіаціямъ общерусскаго произношенія.

Далѣе надо замѣтить, что наша рѣчь, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ измѣняется во времени. Поэтому научная грамматика изучаетъ явленія языка не только въ ихъ *современномъ* состояніи (или иначе говоря—статически), но и въ *историческомъ* развитіи (динамически), пользуясь дошедшими до насъ отъ прежнихъ временъ письменными памятниками. Здѣсь умѣстно вспомнить изъ исторіи, что русскій народъ находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ по сравненію съ народами Западной Европы въ томъ отноше-

---

которыя различія, отражающія въ ослабленномъ видѣ особенности мѣстныхъ народныхъ говоровъ. Такъ, интеллигентный вятичъ нерѣдко произноситъ моајо́ј вм. ма̊јѐј, казанецъ—з'ьмл'*а*н'ікӑ вм. москов. з'ьмл'гн'ікӑ, а малороссъ долгое время сохраняетъ произношеніе γ вм. г, напр. јэwγэнij т. е. «Евгеній», и т. д.

нiи, что никогда не былъ принужденъ признавать чуждый языкъ орудiемъ богослуженiя, законодательства и литературы. Принимая христiанство, русскiй народъ получилъ книги, необходимыя для богослуженiя и для поученiя въ вѣрѣ, написанныя на нарѣчiи, отличавшемся сравнительно немногимъ отъ его нарѣчiя. Книги эти, написанныя на старо-славянскомъ языкѣ и затѣмъ переписывавшiяся, легли въ основанiе древне-русской письменности и, соотвѣтственно своему важному значенiю, влiяли на дальнѣйшiй ея ходъ, а также—что вполнѣ естественно—и на устную рѣчь древне-русскихъ книжныхъ людей. Слѣды церковно-славянскаго влiянiя мы въ изобилiи встрѣчаемъ и въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ, отчасти и въ народныхъ говорахъ.

Многiя явленiя русскаго языка ведутъ свое происхожденiе отъ временъ, предшествовавшихъ появленiю у насъ письменности, восходя къ эпохѣ праславянской (основно-славянской). Это обстоятельство заставляетъ расширить область изслѣдованiя сравненiемъ явленiй русскаго языка съ родственными явленiями *другихъ славянскихъ языковъ* и прежде всего *старо-славянскаго*, письменность котораго отражаетъ наиболѣе древнее языковое состоянiе въ сравненiи съ другими славянскими письменностями. [1])

Нѣкоторыя явленiя современнаго намъ русскаго языка еще болѣе древняго происхожденiя и возникли на почвѣ *арiоевропейскаго праязыка*, поэтому въ научное изслѣдованiе при-

---

[1]) Славянскiе языки, съ точки зрѣнiя географическаго расположенiя, представляютъ три обширныя области: *восточную* или область русскаго языка, *западную* или область языковъ польскаго, кашубскаго, исчезнувшаго полабскаго, обоихъ лужицкихъ и чешскаго съ словацкимъ, и *южную* или область языковъ болгарскаго, сербо-хорватскаго и словинскаго съ резьянскимъ. Южные славяне населяютъ области къ югу отъ нижняго Дуная и его притока Дравы, а западные занимаютъ области къ сѣверо-востоку отъ линiи верхняго Дуная; обширная область русскаго языка служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между западнымъ и южнымъ отдѣломъ славянства.

входитъ сравненіе явленій русскаго языка съ явленіями другихъ аріо-европейскихъ языковъ. [1])

Обозначивъ предметъ изученій научной грамматики русскаго языка, скажемъ теперь нѣсколько словъ о подраздѣленіи послѣдней.

Грамматику обыкновенно раздѣляютъ на *этимологію* и *синтаксисъ*. Этимологія занимается изученіемъ словъ въ отдѣльности, не въ предложеніи; въ синтаксисѣ же изслѣдуются сочетанія словъ въ предложеніи и соединеніе предложеній. Первая часть распадается на два отдѣла—*фонетику* или ученіе о звукахъ въ словахъ и *морфологію* или ученіе о формахъ словъ, объ образованіи словъ изъ знаменательныхъ [2]) частей, о производствѣ словъ однихъ отъ другихъ; при этомъ въ морфологіи обращается вниманіе на двѣ стороны—внѣшнюю или *собственно морфологическую* и внутреннюю или *семазіологическую* (смысловую). Вторая часть грамматики или синтаксисъ раздѣляется на синтаксисъ простого и сложнаго предложенія. Нужно впрочемъ оговориться: въ настоящее время терминъ „этимологія“ въ указанномъ выше смыслѣ оставленъ и теперь подъ нею разумѣютъ изученіе словъ даннаго языка на почвѣ сравненія съ соотвѣтствующими словами родственныхъ языковъ. Такимъ образомъ, теперь грамматику подраздѣляютъ прямо на три части—фонетику, морфо-

---

[1]) Всѣ языки земного шара учеными подраздѣляются на большее или меньшее число семействъ (пока еще не установившееся), напр. аріо-европейское, турецко-татарское, угро-финское, китайское и т. д., при чемъ доказать родство между этими отдѣльными семействами языковъ современная наука не въ состояніи. Къ аріо-европейскому семейству относятся въ Азіи вѣтви индійская, иранская и армянская, а въ Европѣ—греческая, албанская, италійско-романская, кельтская, германская, балтійская или литовская и славянская. Языки этого семейства называются также индо-европейскими, а у нѣмецкихъ ученыхъ индо-германскими.

[2]) т. е. имѣющихъ значеніе, каковы—корень, суффиксъ и пр. (см. гл. VI, начало).

логію и синтаксисъ. Не трудно замѣтить, что названные отдѣлы грамматики слѣдуютъ одинъ за другимъ въ порядкѣ увеличивающейся сложности предмета изученія. Нельзя при этомъ забывать, что всѣ эти отдѣлы тѣсно связаны между собою, такъ какъ каждое слово нашей рѣчи представляетъ собою одновременно фактъ фонетическій, морфологическій и синтаксическій. Собственно во всѣхъ отдѣлахъ грамматики объектъ изученія—одинъ и тотъ же (именно языкъ), но по причинѣ его сложной природы разныя его стороны въ наукѣ излагаются особо.

Все вышесказанное о раздѣленіи грамматики можно дополнить слѣдующимъ табеллярнымъ представленіемъ:

А. область чистаго языковѣдѣнія.	а) Грамматика (какъ литературнаго, такъ и народнаго языка въ ихъ современномъ состояніи и въ историческомъ развитіи).	1) Фонетика. 2) Морфологія (со стороны семазіологической и формальной). 3) Синтаксисъ.
	б) Лексикологія или словарь (слова и ихъ значеніе какъ литературнаго, такъ и народнаго языка, въ современномъ употребленіи и въ письменныхъ памятникахъ прошлаго).	
Б. Область приложеній языковѣдѣнія.	а) къ вопросамъ культурно-исторической жизни, б) къ вопросамъ учебно-педагогическимъ.	

Глава I.

Физіологія звуковъ русскаго языка.

Первою частью грамматики является *фонетика* или ученіе о звукахъ. Для болѣе глубокаго пониманія фонетики необходимо предварительно ознакомиться съ *физіологіей звуковъ рѣчи*, изучающею устройство аппарата рѣчи и дѣятельность его частей при произношеніи, равно какъ и акустическую природу звуковъ рѣчи.

Знакомство съ физіологіей звуковъ рѣчи имѣетъ важное значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Оно приноситъ пользу при изученіи произношенія иностранныхъ языковъ, гдѣ встрѣчаются звуки, не существующіе въ нашемъ родномъ языкѣ или же нѣсколько отличные. Физіологія звуковъ можетъ оказывать также услугу при исправленіи недостатковъ произношенія; напр. нѣкоторые не произносятъ *с*, замѣняя его черезъ *ш*, а *з* черезъ *ж*, другіе не могутъ выговаривать твердаго *л*; зная же уложеніе языка при этихъ звукахъ, можно постепенно пріучить послѣдній къ требующимся укладамъ; равнымъ образомъ физіологія звуковъ представляетъ рядъ цѣлесообразныхъ упражненій для устраненія недостатка заиканія. Физіологія звуковъ уже нѣсколько столѣтій приноситъ неоцѣненную пользу при обученіи произношенію глухонѣмыхъ, которые пріучаются понимать рѣчь другихъ черезъ наблюденіе того, какъ укладываются органы произношенія у говорящихъ, затѣмъ сами привыкаютъ къ соотвѣтствующимъ укладамъ своего аппарата рѣчи и, благодаря упражненію, начинаютъ говорить. Знакомство съ физіологіею произношенія не должно считаться лишнимъ и для начальнаго учителя, нерѣдко сталкивающагося въ своей практикѣ съ тѣми или другими недостатками рѣчи учащихся; кромѣ того, и при простомъ обученіи чтенію по звуковой методѣ знакомство съ физіологіей рѣчи будетъ полезно для него: оно укажетъ ему основанія для опредѣленія порядка звуковъ при первоначальномъ ихъ прохожденіи, разъяснитъ

законы сочетанія и сліянія звуковъ, можетъ пригодиться и въ разныхъ другихъ случаяхъ.[1])

Каждый звукъ нашей рѣчи является результатомъ совокупности работъ отдѣльныхъ частей говорильнаго аппарата; эти части слѣдующія: 1) дыхательный аппаратъ; 2) гортань; 3) мягкое небо; 4) аппаратъ нижней челюсти и 5) органы произношенія—языкъ и губы.[2]) Къ частному разсмотрѣнію этихъ частей и ихъ работъ мы и перейдемъ.

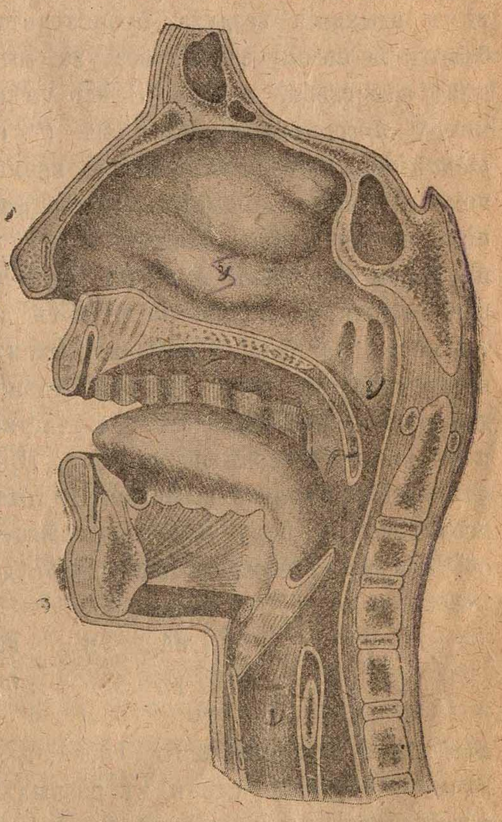

Рис. 1. Видъ говорильнаго аппарата въ сагиттальномъ разрѣзѣ (по Testut). 1. Правая голосовая связка; 2. Полость глотки; 3. Мягкое небо опущено; 4. Мягкое небо поднято и касается задней стѣнки глотки; 5. Полость носа.

1. **Дыхательный аппаратъ**, дающій необходимый для произношенія токъ воздуха, образуется грудною клѣткою съ находящимися въ ней легкими. Наше дыханіе представляетъ собою двѣ фазы—*вдыха-*

[1]) Напр. допустимъ, что ученикъ не можетъ припомнить произношенія буквы *р*,—тогда учитель можетъ намекнуть, что при выговариваніи этой буквы дрожитъ конецъ языка; и т. п. Само собой понятно, что при этомъ онъ долженъ избѣгать излишняго увлеченія, пользуясь своимъ знаніемъ физіологіи звуковъ рѣчи только въ случаѣ нужды.

[2]) Когда мы не говоримъ, указанныя части говорильнаго аппарата находятся въ покойномъ или «индифферентномъ» (безразличномъ) состоя-

ніе и выдыханіе; когда мы произносимъ какую-нибудь фразу, то при этомъ выдыхаемъ воздухъ; во время слѣдующаго затѣмъ вдыханія воздуха происходитъ пауза, послѣ которой, благодаря новому запасу воздуха, мы можемъ произнести новый рядъ словъ, и т. д. Здѣсь умѣстно указать на разницу между *простымъ* выдыханіемъ (т. е. не во время рѣчи) и *фонаціоннымъ* выдыханіемъ (во время рѣчи): при обыкновенномъ покойномъ дыханіи обѣ его фазы—вдыханіе и выдыханіе—приблизительно одинаковы по своей продолжительности, и каждая изъ фазъ является непрерывною; между тѣмъ во время рѣчи фазы дыханія имѣютъ неодинаковую продолжительность: за сравнительно короткимъ и энергичнымъ вдыханіемъ слѣдуетъ болѣе продолжительное выдыханіе, служащее для рѣчи и разбивающееся на участки по отдѣльнымъ словамъ и въ каждомъ словѣ по слогамъ. При этомъ слоговые участки или слоговые толчки выдыхаемаго тока воздуха представляютъ неодинаковую силу [1]) и продолжительность въ зависимости отъ положенія слога относительно ударенія въ словѣ, напр.

па́ | пă		и		па | па́,
f *p*				*mf* *f*

а также и отъ положенія словъ въ фразѣ. Благодаря различному строенію словъ въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, соотвѣтственно разнообразится въ нихъ и регулированіе вы-

---

ніи, а во время рѣчи исполняютъ требующіяся движенія или, какъ говорятъ, «артикулируютъ». Такимъ образомъ слово *артикуляція* въ физіологіи звуковъ обозначаетъ «укладъ» или «уложеніе», свойственное частямъ аппарата рѣчи при произведеніи того или другого звука, за исключеніемъ впрочемъ дыхательнаго аппарата, къ которому обыкновенно этотъ терминъ не примѣняется.

[1]) Съ этимъ различіемъ силы выдыхательныхъ толчковъ воздуха связано, какъ увидимъ далѣе, соотвѣтствующее различіе въ напряженіи работающихъ органовъ произношенія.

дыхательнаго тока воздуха при произнесеніи какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и фразъ. [1])

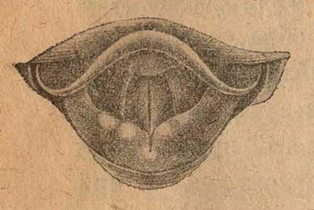
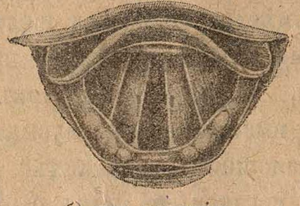
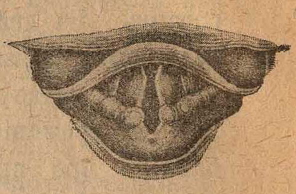
2. Слѣдующую часть нашего аппарата рѣчи составляетъ **гортань**. Въ ней имѣется голосовая щель, образуемая двумя голосовыми связками. Если послѣднія приближены одна къ другой и натянуты, то выдыхаемый токъ воздуха приводитъ ихъ въ дрожаніе, вызывая тѣмъ музыкальный звукъ, какъ бываетъ при произношеніи „звонкихъ" звуковъ, т. е. при гласныхъ и такихъ согласныхъ, какъ *б*, *д*, *з* и пр. При дыханіи, а также при выговариваніи „глухихъ" согласныхъ (*п*, *т*, *с* и пр.) голосовая щель бываетъ расширена, и воздухъ безшумно проходитъ черезъ нее, шумъ же при согласныхъ получается отъ дѣйствія органовъ произношенія. При звонкихъ согласныхъ музыкальный звукъ гортани соединяется съ шумомъ, происходящимъ отъ дѣйствія органовъ произношенія, между тѣмъ какъ при глухихъ согласныхъ имѣется одинъ только шумъ. Общность шума у глухихъ и соотвѣтствующихъ звонкихъ согласныхъ обусловливаетъ *парность* согласныхъ по звонкости и глухости, напр. звонкому *з* соотвѣтствуетъ глухой *с*, звонкому *г*—глухой *к* и т. п.; есть впрочемъ и звуки *непарные* въ отношеніи звонкости-глухости: такъ, звуки *ч* и *ц* произносятся только глухо и не имѣютъ соотвѣтствующихъ звонкихъ; гласные же звуки и согласный *j* (й), а также согласные *р*, *л*, *м*, *н* произносятся вообще только звонко. [2]) Прибавимъ, что при шепотѣ глухіе звуки

---

[1]) Такъ, въ русскомъ языкѣ главный выдыхательный толчокъ (т. е. для слога съ удареніемъ) встрѣчается въ различныхъ мѣстахъ слова (напр. па́тока, потака́ть, пока́тость и т. п.), во французскомъ языкѣ на конечномъ слогѣ, въ польскомъ на предпослѣднемъ и проч. Слѣдов., въ разныхъ языкахъ требуются не одни и тѣ же навыки при распредѣленіи по слогамъ выдыхательнаго тока воздуха.

[2]) Упомянемъ здѣсь о слѣдующихъ звуковыхъ явленіяхъ русскаго языка: 1) вмѣсто звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ произносятся парные имъ глухіе, напр. *лоп* вм. *лоб*, *рас* вм. *раз* и т. д.; 2) передъ глухими

остаются безъ измѣненія, а звонкіе замѣняются *шепотными*, при которыхъ голосовая щель представляетъ среднее положеніе между описанными двумя.

а) при звучаніи — б) при дыханіи и глухихъ звукахъ — в) при шепотѣ

Рис. 2. Ларингоскопическій видъ голосовой щели (по Чермаку).

Распредѣленіе согласныхъ русскаго языка въ пары по звонкости и глухости можно видѣть изъ слѣдующей таблицы: [1])

Звонкіе согласные	б	м	в	д	н	з	ж	р	л	—	—	j	г	γ
Соотвѣтствующіе глухіе	п	—	ф	т	—	с	ш	—	—	ц	ч	—	к	х

3. Теперь скажемъ объ участіи **мягкаго неба или небной занавѣски** при произношеніи. Если бы надъ гортанью не лежали полости, которыя, видоизмѣняя свою величину и форму, производятъ видоизмѣненія и въ голосѣ гортани, превращая его въ тѣ или другіе звуки, тогда не было бы и соотвѣтствующаго разнообразія звуковъ нашей рѣчи, но просто гортань издавала бы музыкальные звуки подобно звукамъ какого-

---

звонкіе нерѣдко замѣняются въ произношеніи глухими и, наоборотъ, глухіе передъ звонкими нерѣдко переходятъ въ звонкіе, напр. *ф*ходить вм. *в*ходить, *з*дѣлать вм. *с*дѣлать и т. п. Съ большею подробностью объ этихъ явленіяхъ будетъ говориться въ фонетикѣ.

[1]) Въ приведенной таблицѣ черточки показываютъ, что нѣтъ соотвѣтствующихъ звонкихъ или же глухихъ согласныхъ; начертаніе γ обозначаетъ тотъ звукъ г, который слышится напр. въ словѣ «благо»

нибудь музыкальнаго инструмента. Но надъ гортанью простирается мѣшковидная полость глотки, имѣющая вверху отверстіе въ *полость рта* и еще выше—въ *полость носа*. Полость носа, лежащая надъ полостью рта, отдѣляется отъ послѣдней твердымъ и мягкимъ небомъ. Когда небная занавѣска (мягкое небо) опущена, то токъ воздуха проходитъ въ полость рта и въ полость носа, и такимъ образомъ звучащая воздушная струя, при томъ или другомъ уложеніи органовъ произношенія, пріобрѣтаетъ носовой резонансъ; въ этомъ случаѣ звуки получаются *рто-носовые*, называемые по характеру акустическаго впечатлѣнія и просто *носовыми*—*м* и *н*. Если же при произношеніи небная занавѣска, вслѣдствіе своего поднятія, бываетъ приближена или прижата къ задней стѣнкѣ глотки, то выдыхаемый воздухъ отражается въ полость рта, такъ что получаются звуки *ртовые* (или—съ точки зрѣнія слуховой—*не-носовые*, *чистые*), куда относятся всѣ прочіе звуки русской рѣчи: *а*, *о*...; *п*, *б*, *с*, *з*... Значитъ, въ русскомъ языкѣ при произношеніи значительно преобладаетъ поднятое положеніе мягкаго неба, могущее соединяться съ одновременнымъ какъ звонкимъ уложеніемъ гортани (*а*, *о*...; *б*, *з*...), такъ и глухимъ (*п*, *с*...); что же касается опущеннаго положенія мягкаго неба (при носовыхъ согласныхъ), то оно соединяется обычно только съ звонкимъ уложеніемъ гортани, причина чего—не физіологическая, но а к у с т и ч е с к а я: если мы будемъ произносить звуки *м* и *н* простымъ выдыханіемъ, то получится почти не замѣтный для слушателя акустическій эффектъ, а потому такое выговариваніе *м* и *н*, какъ непригодное, отсутствуетъ въ рѣчи, встрѣчаясь случайно въ исключительныхъ условіяхъ, какъ напр. послѣ глухихъ согласныхъ въ концѣ словъ (срв. конечное *м* въ словѣ „драх*м*", могущее и не имѣть звонкости, при чемъ однако трудно различить, произносится ли оно простымъ выдыханіемъ или же шепотомъ).

Примѣчаніе. И такъ, въ зависимости отъ того или другого положенія мягкаго неба всѣ звуки рѣчи распадаются на *двѣ* группы—«чистые» || «не-

совые»; между тѣмъ во многихъ элементарныхъ грамматикахъ русскаго языка группа «носовыхъ» согласныхъ помѣщается рядомъ съ группами по дѣйствующему органу произношенія—«губными» и проч., т. е. относящимися уже къ другому основанію классификаціи, что представляетъ очевидную нелѣпость.

4. Наблюдая произношеніе звуковъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что они производятся при разной ширинѣ раствора рта или, другими словами, при разной степени *опущенія* или же *поднятія нижней челюсти* (напр. звукъ *а* произносится при широкомъ растворѣ рта, звуки *о* и *э*—при среднемъ растворѣ, остальные же звуки *у*, *і*, *ы* и всѣ согласные—при узкомъ). Здѣсь необходимо указать одно существенное различіе между гласными и согласными звуками. При усиленіи произношенія согласныхъ звуковъ усиливается приближеніе нижней челюсти къ верхней, тогда какъ при усиленіи произношенія гласныхъ увеличивается открытость; такимъ образомъ, хотя согласные и узкіе гласные по-видимому одинаково произносятся при узкомъ растворѣ рта, но нужно думать, что характеръ мышечной дѣятельности при этомъ не одинъ и тотъ же. Дѣло въ томъ, что работы осажденія и подниманія нижней челюсти совершаются особыми группами мышцъ, при чемъ въ *гласныхъ* перевѣсъ въ дѣйствіи принадлежитъ группѣ мышцъ, опускающихъ нижнюю челюсть, а въ *согласныхъ*—группѣ поднимающихъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія чисто-физіологической (анатомо-физіологической) гласные могутъ быть опредѣлены какъ рто-раскрыватели, а согласные какъ рто-смыкатели. Нужно прибавить однако, что въ неударяемыхъ слогахъ, слабо произносимыхъ, указанная противоположность между гласными и согласными вслѣдствіе слабости артикуляцій уменьшается.

5. Собственно органами произношенія являются *губы* и *языкъ*. Это—активные органы, совершающіе разныя движенія, въ отличіе отъ пассивныхъ, т. е. зубовъ и твердаго неба; эти послѣдніе могутъ служить лишь пунктами, относи-

тельно которыхъ дѣйствуютъ органы подвижные или активные. При разсмотрѣніи работы (участія) органовъ произношенія нужно обращать вниманіе на двѣ стороны—*мѣсто* и *способъ* артикуляцій.

Относительно **мѣста артикуляцій** замѣтимъ слѣдующее. При участіи губъ дѣйствіе происходитъ или между обѣими губами (*п*, *б*, *м*; *о*, *у*), при чемъ при согласныхъ *п*, *б* и *м* губы по всей своей длинѣ сжимаются между собою, а при гласныхъ *о* и *у* выдвигаются впередъ, у угловъ касаясь одна другой, по серединѣ же образуя отверстіе, и это своеобразное уложеніе губъ, называемое „лябіализаціей" (отъ лат. labium „губа"), соединяется съ одновременнымъ глубокимъ приближеніемъ задней части языка къ небу,—или же нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ (*ф*, *в*); отсюда *губные* звуки распадаются на *губно-губные* и *губно-зубные*. Языкъ можетъ артикулировать относительно неба [1]): переднею частью (звуки *передне-язычные*, напр. *т*), среднею (звуки *средне-язычные*, напр. гласный *і* и согласный *й*, обозначаемый въ научной транскрипціи также буквою j) и заднею (*задне-язычные*, напр. *к*); [2]) при этомъ въ дѣйствіи передней части языка различа-

---

[1]) Для опредѣленія тѣхъ мѣстъ на *небѣ*, относительно которыхъ артикулируетъ языкъ, прекраснымъ пособіемъ можетъ служить методъ окрашиванія. Языкъ на́-сухо вытираютъ, покрываютъ густымъ слоемъ туши и артикулируютъ для произнесенія извѣстнаго звука. Затѣмъ ротъ раскрываютъ и разсматриваютъ передъ зеркаломъ. Часть неба, прилегающую къ верхнимъ рѣзцамъ, можно видѣть, введя въ ротъ край тонкаго зеркала, обращеннаго къ небу, и въ то же время имѣя передъ собою другое зеркало, на которое должно отразиться изображеніе съ перваго зеркала,—это при самонаблюденіи; при наблюденіяхъ же надъ другими можно непосредственно обозрѣвать все небо. Но это лишь одна сторона изученія; необходимо изслѣдовать также тѣ мѣста *языка*, которыми онъ касается неба при произношеніи разныхъ звуковъ, а для этого покрывается тушью небо, и тогда, послѣ произношенія, окажутся зачерненными соотвѣтствующія артикуляціонныя области языка.

[2]) Кромѣ указаннаго подраздѣленія язычныхъ согласныхъ по **дѣйствующему органу** произношенія, т. е. извѣстнымъ частямъ языка,

ется дѣйствіе относительно верхнихъ зубовъ (*т*, *д*, *с*, *з*, *н* и *л*) [1]) и относительно твердаго неба нѣсколько выше зубовъ или, другими словами, относительно альвеолъ верхнихъ зубовъ, т. е. челюстныхъ луночекъ верхнихъ зубовъ, одѣтыхъ десною и образующихъ небольшую выпуклость надъ верхними зубами при переходѣ къ своду твердаго неба (*ш*, *ж*, *р*), дѣйствіе же задней части языка различается болѣе глубокое (при *о* и *у*) и менѣе глубокое (при гласномъ *ы* и согласныхъ *к*, *г*, *х*, *γ*; такимъ образомъ передне-язычные звуки подраздѣляются на *зубные* и *альвеолярные*, а задне-язычные—на *глубокіе* и *неглубокіе*.) Дѣйствіе средней части языка можетъ соединяться съ прочими артикуляціями, чѣмъ производится мягкое произношеніе звуковъ (напр. *к'*, *т'* и пр.); отсюда получается *парность* согласныхъ по *твердости* и *мягкости*, т. е. „безъ участія“ и „съ участіемъ *средней части* языка“: губные—п || п', б || б', м || м', ф || ф', в || в'; передне-язычные—т || т', д || д', н || н', с || с', з || з', р || р', л || л'; задне-язычные—к || к', г || г', х || х', *γ* || *γ'*. Благодаря участію *средней* части языка, мягкіе передне-язычные согласные могутъ быть опредѣлены точнѣе какъ язычные *средне-передніе*, а мягкіе задне-язычные—какъ *средне-задніе*. Нѣкоторые согласные являются *непарными* по твердости и мягкости, произносясь или только твердо (ш, ж, ц), или же только мягко (ч' и j).

Примѣчаніе 1. «Задне-язычные» согласные въ школьныхъ руководствахъ обычно называются *гортанными*, т. е. какъ въ грамматикѣ Ломоносова; ошибочность примѣненія здѣсь этого послѣдняго термина вполнѣ очевидна послѣ того, что было изложено выше относительно участія гортани при произношеніи.

употребляются также наименованія по частямъ неба, относительно которыхъ совершается дѣйствіе языка; самое правильное было бы параллельное обозначеніе съ той и другой точки зрѣнія, но здѣсь изслѣдованія пока не закончены и еще нѣтъ однообразія въ терминологіи.

[1]) При выговариваніи *л* происходитъ кромѣ прижатія передней части языка къ верхнимъ зубамъ еще опущеніе боковъ языка; такое уложеніе языка можетъ быть опредѣлено какъ «передне-боковое».

Примѣчаніе 2. Дѣленіе согласныхъ на твердые и мягкіе (*п* ‖ *п'* и проч.), къ сожалѣнію, обыкновенно отсутствуетъ въ школьныхъ учебникахъ; вмѣсто этого дѣленія обычно говорится о твердыхъ и мягкихъ гласныхъ, при чемъ грубо смѣшиваются разныя понятія—произносимые звуки и ихъ буквенныя обозначенія въ общепринятомъ письмѣ; такъ напр. слогъ *пя* считается состоящимъ изъ звуковъ—согласнаго *п* и гласнаго *я* (или «йотированнаго *а*), тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ слогъ образованъ изъ соединенія мягкаго согласнаго *п* и гласнаго *а*, т. е. *п'*+*а*. Если же мягкій согласный заканчиваетъ слово, то подъ вліяніемъ обозначенія мягкости такого согласнаго на письмѣ посредствомъ буквы *ь*, этой послѣдней ошибочно приписывается значеніе особаго звука («мягкаго полугласнаго»), тогда какъ на самомъ дѣлѣ она выражаетъ лишь мягкость согласнаго.

Что касается способа артикуляцій, то таковой, какъ мы указывали, находится въ связи съ раскрываніемъ и закрываніемъ рта, а потому мы его разсмотримъ соотвѣтственно различію звуковъ гласныхъ и согласныхъ. Обратимся сначала къ разсмотрѣнію способовъ артикуляцій при произношеніи гласныхъ звуковъ.

Изъ гласныхъ самый широкій—*а* произносится при простомъ раскрытіи рта безъ замѣтнаго участія органовъ произношенія (языка и губъ); если же приблизить среднюю часть языка къ небу при узкомъ растворѣ рта, то получается узкій гласный *i*; при произношеніи узкаго гласнаго *у* губы съуживаются и выдвигаются впередъ и въ то же время происходитъ поднятіе глубокой задней части языка, опять-таки при узкомъ растворѣ рта. Средину между широкимъ гласнымъ *а* и узкимъ *i* занимаетъ гласный звукъ *э*; въ русскомъ языкѣ онъ является въ двухъ различіяхъ—открытое (называемое также широкимъ) и закрытое (называемое также узкимъ) *э*: первое обозначается въ научно-фонетическихъ изслѣдованіяхъ посредствомъ начертанія æ или ä, а второе посредствомъ начертанія є; различіе же между тѣмъ и другимъ гласнымъ состоитъ въ томъ, что при æ имѣется большее удаленіе средней части языка отъ неба (при большемъ раскрытіи рта), нежели при є; широкое *э* слышится напр. въ словахъ—*ужè*, *мѣрка*, *мелко*, а узкое *э* въ словахъ—*мѣрить*, *мель*. Гласный звукъ *о* зани-

маетъ среднее положеніе между *а* и *у*: для произношенія *о* губы образуютъ съуженіе, но не столь значительное, какъ для произношенія *у*, а также происходитъ одновременно меньшее по сравненію съ *у* приближеніе глубокой задней части языка къ небу (при среднемъ растворѣ рта). Къ узкимъ гласнымъ кромѣ *і* и *у* принадлежитъ еще звукъ *ы*, образующійся приближеніемъ къ небу менѣе глубокой задней части языка. Разнообразіе гласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ гораздо большее, если имѣть въ виду кромѣ ударяемыхъ гласныхъ еще и неударяемые; эти послѣдніе будутъ разсмотрѣны въ фонетикѣ.

Что касается съуженныхъ или согласныхъ звуковъ, то они по способу произношенія подраздѣляются на *взрывные* (напр. *п*, *т*...) и *придувные* (напр. *ф*, *с*...). Чтобы уяснить себѣ разницу этихъ двухъ способовъ произношенія согласныхъ, сравнимъ произношеніе звуковъ *т* и *с*. Для произнесенія звука *т* передняя часть языка *прижимается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, образуя съ ними полную смычку, преграждающую выходъ выдыхательному току воздуха, а затѣмъ, съ разслабленіемъ ея, происходитъ мгновенный взрывъ воздуха, напиравшаго на сжатіе; отсюда такіе согласные, какъ *т*, называются *взрывными*.[1]) При произнесеніи же звука *с* передняя часть языка только *приближается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, образуя узкую щель или тѣснину для выхода воздуха; здѣсь, такимъ образомъ, во все время артикуляціи воздухъ выдувается чрезъ съуженіе, производя шумъ; поэтому такіе согласные, какъ *с*, называются *придувными* или *спирантами* (Spirantes — латинскій терминъ). Взрывные согласные, съ точки зрѣнія времени, называются *мгновенными*, а придувные — *длительными*. Взрывные согласные въ русскомъ языкѣ подраздѣляются на *простые*,

---

[1] Такъ какъ взрыву предшествуетъ смычка, то на основаніи этого момента взрывные согласные называются также *смычными*.

т, *б* и проч., и *слитные*—*ц* и *ч*; послѣдніе получаются изъ тѣснаго соединенія взрывного элемента съ придувнымъ—тс и т'ш, и такой звукъ слышится лишь въ моментъ взрыва, при продолженіи же слышится только одинъ второй компонентъ (т. е. цссс... или чшшш...); поэтому слитные согласные относятся къ категоріи взрывныхъ. Слѣдующая таблица представляетъ распредѣленіе согласныхъ литературнаго русскаго языка на взрывные и соотвѣтствующіе имъ придувные: [1])

Взрывные	п	б	т	д	ч	—	ц	—	к	г	—	—	м	н
Придувные	ф	в	с	з	ш	ж	с	j	х	γ	р	л	—	—

Примѣчаніе. Въ представленной въ настоящей главѣ классификаціи звуковъ мы ограничиваемся лишь звуками русскаго литературнаго языка, но количество ихъ значительно возрастаетъ, если имѣть въ виду разнообразіе звуковъ также по діалектамъ и говорамъ, при чемъ тѣ или иныя звуковыя варіаціи, занимая опредѣленную діалектическую площадь, способствуютъ не только систематизаціи современныхъ говоровъ, но и лучшему уясненію самаго генезиса послѣднихъ. Но всѣ эти вопросы удобнѣе отнести въ отдѣлъ діалектологіи русскаго языка.

Ознакомившись съ произношеніемъ отдѣльныхъ звуковъ, мы можемъ представить въ своемъ воображеніи каждый звукъ подъ видомъ группы артикуляціонныхъ работъ, производя-

---

[1]) Не всѣ однако согласные легко распредѣлить по этимъ двумъ категоріямъ, затрудненіе представляютъ плавные (*р*, *л*) и носовые (*м*, *н*), занимающіе какъ бы переходное положеніе въ разсматриваемомъ отношеніи; въ самомъ дѣлѣ, хотя при *л* и образуется смычка переднею частью языка, но за то бока его опущены для свободнаго прохода воздуха, при произнесеніи же *р* ритмически чередуются смычка и спирантное отверстіе, что и придаетъ ему типъ длительно-дрожащаго (ритмическаго взрывно-придувного) звука. Вторые же, т. е. *м* и *н*, съ точки зрѣнія ртоваго уклада принадлежатъ къ смычнымъ, но съ тою особенностью, что при этомъ открыта полость носа, благодаря чему произношеніе ихъ способно тянуться такъ же, какъ и спирантовъ.

щихъ его. Этимъ путемъ фонетическія явленія языка могутъ получать физіологическое разъясненіе, переставая казаться случайною смѣною буквъ. Но для этого нужно путемъ упражненія въ физіологическомъ разборѣ звуковъ достигнуть сначала умѣнья ясно представлять себѣ для каждаго звука сумму производящихъ его артикуляціонныхъ работъ. Возьмемъ напр. слово „*дыму*" и представимъ физіологическій разборъ составляющихъ его звуковъ:

1) *д*: выдыхательная работа грудной клѣтки совершается энергично, такъ какъ данный согласный принадлежитъ ударенному слогу, голосовыя связки натянуты и сближены для приведенія ихъ въ звучаніе выдыхательнымъ токомъ воздуха; мягкое небо приподнято, благодаря чему фонаціонный токъ воздуха направляется въ полость рта; нижняя челюсть притянута къ верхней съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; изъ органовъ произношенія работаетъ только языкъ такимъ образомъ, что его передняя часть упирается въ верхніе зубы и ихъ десны и опять-таки съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; звукъ производится посредствомъ взрыва;

2) *ы́*: сильная выдыхательная работа; уложеніе гортани для звучанія; мягкое небо приподнято; нижняя челюсть осаждена съ силою соотвѣтственно силѣ выдыханія; неглубокая артикуляція задней части языка;

3) *м*: слабая выдыхательная работа, такъ какъ согласный этотъ принадлежитъ слабому неударяемому слогу; съуженіе голосовой щели для звучанія, произведенное слабымъ напряженіемъ мышцъ; мягкое небо опущено для пропуска звучащаго тока воздуха въ носъ; нижняя челюсть слабо притянута къ верхней; губы слабо сжаты, и звукъ производится ихъ разнятіемъ при одновременномъ носовомъ резонансѣ;

4) *у*: слабая выдыхательная работа; слабая звучащая дѣятельность гортани; мягкое небо приподнято; слабое осажденіе нижней челюсти до степени узкаго раствора; узкое

губное отверстіе при слабомъ напряженіе губъ и одновременно слабая артикуляція глубокой задней части языка.

Изъ представленнаго нами физiологическаго разбора звуковъ не трудно замѣтить существованіе тѣсной взаимной связи артикуляціонныхъ работъ при произношеніи, при чемъ оказывается какъ бы родъ антагонизма (борьбы) между фонаціоннымъ выдыханіемъ и прочими артикуляціонными работами; напряженіе послѣднихъ пропорціонально напряженію выдыхательной дѣятельности; припомнимъ также объ упоминавшейся раньше связи между работою раствора рта и движеніями органовъ произношенія относительно степени открытости или же съуженности.

Примѣчаніе. Кромѣ *физіологическаго* или артикуляціоннаго момента, комбинированіе работъ обусловливается также *слуховымъ моментомъ*, ибо рѣчь, служа *посредникомъ между говорящимъ и слушающими*, очевидно должна содержать элементы достаточно слышные (и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно различимые слухомъ одинъ отъ другого). Что касается самаго качества *сонорности* (т. е. *звучности* и отсюда происходящей *слышности* звуковъ), то степень его зависитъ отъ присутствія голосового тона гортани и отъ полноты резонанса полостей, лежащихъ надъ гортанью, въ частности— полости рта, при чемъ наибольшая сонорность въ случаѣ участія гортани принадлежитъ наиболѣе открытымъ звукамъ, а наименьшая — наиболѣе сжатымъ; потому степень сонорности слѣдующимъ образомъ послѣдовательно убываетъ въ физіологическомъ ряду категорій звуковъ: 1) гласные; 2) плавные и носовые; 3) звонкіе придувные; 4) звонкіе взрывные; 5) глухіе придувные и 6) глухіе взрывные. Гласные обладаютъ наибольшею сонорностью, такъ какъ они, будучи открытыми звуками, соединяютъ звучаніе гортани съ наиболѣе полнымъ резонансомъ. Плавные и носовые согласные по своей сонорности близко стоятъ къ гласнымъ. Звонкіе взрывные менѣе сонорны по сравненію съ звонкими придувными, такъ какъ при взрывныхъ согласныхъ имѣетъ мѣсто полная замкнутость полости рта, такъ что столбъ звучащаго воздуха, напирая въ замкнутое пространство и уплотняясь, скоро долженъ прекращать свое звучаніе, срв. отдѣльное произнесеніе согласныхъ *б, д, г.* Звуки глухіе имѣютъ наименьшую сонорность, такъ какъ въ нихъ отсутствуетъ голосовой тонъ гортани, резонируется же лишь шумъ выдыхаемаго тока воздуха, происходящій отъ артикуляціонныхъ укладовъ полости рта; [1])

---

[1]) Согласно господствующей терминологіи, «сонорными» звуками считаются лишь звуки ... выхъ двухъ изъ указанныхъ категорій (гласные

однако глухіе согласные становятся болѣе слышными, когда за ними слѣдуютъ наиболѣе сонорные звуки, срв. *п* въ отдѣльности и въ сочетаніяхъ *па* или *пра*.

Отъ физіологіи звуковъ въ отдѣльности обратимся къ изученію физіологіи соединенія звуковъ въ слоги, составляющіе слова. Произношеніе каждаго отдѣльнаго звука, какъ гласнаго, такъ и согласнаго, представляетъ собою три момента: 1) соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата изъ своего индифферентнаго, т. е. спокойнаго, положенія двигаются къ положенію, нужному для произнесенія даннаго звука (*экскурсируютъ* или выходятъ на работу), 2) достигнувъ этого положенія, удерживаются въ немъ нѣкоторое время и 3) артикулирующія части снова переходятъ въ индифферентное положеніе (*рекурсируютъ* или возвращаются съ работы). Но если требуется произнести слогъ изъ согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ, то въ этомъ случаѣ рекурсія согласнаго совершается не къ индифферентному положенію, а сливается въ одинъ общій моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго. Извѣстный недостатокъ заиканія представляетъ собою разстройство именно въ такомъ слитіи согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ и состоитъ въ томъ, что заикающійся нерѣдко отдѣляетъ согласный отъ слѣдующаго гласнаго и тѣмъ нарушаетъ цѣлостность слога, стараясь же исправить происшедшую порчу слога, онъ заикается на данномъ согласномъ. При нормальныхъ условіяхъ указанное слитіе рекурсіи согласнаго въ одинъ моментъ съ экскурсіею слѣдующаго гласнаго является актомъ вполнѣ естественнымъ, хотя при начальномъ обученіи чтенію

звуки и согласные плавные и носовые), т. е. звонкіе звуки съ minimum'омъ шума; въ противоположность имъ остальные согласные, какъ звуки съ замѣтнымъ шумомъ, называются «шумными», при чемъ какъ бы безмолвно допускается, что послѣдніе лишены сонорности. Однако столь рѣзкое разграниченіе этихъ двухъ звуковыхъ отдѣловъ, какъ видно изъ нашего изложенія, не имѣетъ достаточнаго основанія, такъ какъ даже и глухіе звуки не вполнѣ лишены качества сонорности.

слитіе отдѣльно данныхъ согласнаго съ гласнымъ дѣтямъ дается не такъ легко. [1]) Послѣ всего сказаннаго ясно, что любой согласный будетъ неодинаковъ по своей рекурсіи въ сочетаніи съ разными гласными (напр. *т* въ сочетаніяхъ *та*, *то* и пр.), такъ какъ его рекурсія будетъ сливаться съ неодинаковою экскурсіей разныхъ гласныхъ. Въ свою очередь одинъ и тотъ же гласный послѣ разныхъ согласныхъ будетъ неодинаковъ по своей экскурсіи, напр. *а* въ сочетаніяхъ *та*, *ка* и проч.; также и послѣ согласныхъ твердыхъ и соотвѣтствующихъ мягкихъ одинъ и тотъ же гласный различается по своей экскурсіи. Въ общепринятомъ письмѣ различіе твердой и мягкой экскурсіи гласныхъ выражается посредствомъ примѣненія особыхъ буквъ для гласныхъ въ такихъ сочетаніяхъ; срв. напр. *та* и *тя*, гдѣ все различіе отнесено къ начертанію гласныхъ, тогда какъ послѣднимъ принадлежитъ лишь различіе твердой и мягкой экскурсіи, основное же различіе твердости и мягкости звука принадлежитъ предшествующимъ согласнымъ (въ научномъ письмѣ орѳографическимъ написаніямъ *та* и *тя* будутъ соотвѣтствовать начертанія *та* и *т'а* и т. д.). Согласные *ш*, *ж* и *ц* въ древнерусскомъ языкѣ были мягки, а съ теченіемъ времени въ большинствѣ говоровъ отвердѣли, соотвѣтственно чему въ сочетаніяхъ этихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ экскурсія послѣдняго изъ мягкой перешла въ твердую, напр. *ш'а→ша*; гласный же *і* послѣ *ш*, *ж* и *ц* съ отвердѣніемъ ихъ измѣнился въ гласный *ы*, который однакожъ послѣ *ш* и *ж* имѣетъ и теперь въ общерусской рѣчи легкій нюансъ *і*, т. е. не вполнѣ твердъ.

Въ примѣрахъ, которые мы брали, за гласнымъ не слѣ-

---

[1]) Намъ кажется, что для облегченія усвоенія дѣтьми этого процесса не слѣдуетъ заставлять ихъ произносить очень громко подлежащіе слитію звуки, такъ какъ въ этомъ случаѣ разница между согласными, какъ ртосмыкателями, и гласными, какъ рто-раскрывателями, становится слишкомъ велика, что̀ и препятствуетъ незамѣтному переходу отъ одного звука къ другому.

довало никакого звука, такъ что работающія части говорильнаго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго должны возвращаться въ свое спокойное положеніе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда за гласнымъ слѣдуютъ разные согласные того же слога, то рекурсія гласнаго сливается тогда съ экскурсіей слѣдующаго согласнаго, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же гласный при различіи слѣдующаго согласнаго является неодинаковымъ по своему концу. Срв. для примѣра произношеніе мат (=*орѳ.* матъ): мат' (=*орѳ.* мать), кон : кон', дул : дул'; можно слышать, какъ разное окончаніе гласнаго передъ твердымъ и соотвѣтствующимъ мягкимъ согласнымъ отражается на воспринимаемомъ звукѣ гласнаго: послѣдній при послѣдующемъ мягкомъ согласномъ пріобрѣтаетъ въ своемъ концѣ легкій палятальный оттѣнокъ (окраску гласнаго *і*)—ма́ⁱт', ко́ⁱн' и пр. Всего рѣзче слышится палятальный оттѣнокъ гласнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда мягкій согласный не только слѣдуетъ за гласнымъ, но и предшествуетъ ему, отчего мягкостью затрогивается и конецъ, и начало гласнаго, напр. м'ат' (=*орѳ.* мять), с'ат' (=*орѳ.* сядь), пл'ун' (*орѳ.* плюнь). Но не слѣдуетъ думать, что при этомъ средняя часть гласнаго остается безъ измѣненія, на самомъ дѣлѣ и она болѣе или менѣе затронута, въ особенности же въ случаѣ положенія гласнаго между двумя мягкими согласными [1]). Слоги, оканчивающіеся согласнымъ, называются *закрытыми* въ отличіе отъ слоговъ, оканчиваю-

[1]) Говоря о сочетаніяхъ гласныхъ съ согласными, мы должны коснуться одного спорнаго вопроса—о природѣ конечнаго звука въ сочетаніи *ай*, который одни считаютъ полугласнымъ i̯ (а все сочетаніе дифтонгомъ), другіе же согласнымъ j. Мы склоняемся къ послѣднему возарѣнію, находя разницу въ произношеніи русскаго сочетанія *ай* и дѣйствительнаго дифтонга *аі*, встрѣчающагося напр. въ нѣмецкомъ, срв. русск. *май* || нѣм. *Маі*: въ первомъ случаѣ гласный *а* и конечный звукъ являются рѣзче обособленными, чѣмъ во второмъ случаѣ, гдѣ имѣется болѣе постепенный переходъ отъ *а* къ *і*. Отрицая существованіе настоящихъ дифтонговъ въ русской литературной рѣчи, мы признаемъ однако дифтонгическія сочетанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединенія гласныхъ, напр. а͡ут'ьб'а́ (*а у* тебя).

щихся гласнымъ, которые называются *открытыми*, напр. *то*—слогъ открытый, а *тот*—слогъ закрытый.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ физіологію звуковъ и ихъ сочетаній, покажемъ на какомъ-либо примѣрѣ способъ физіологическаго толкованія фонетическихъ явленій. Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ произносится „схонно“ вм. „сходно“, и т. п.; посмотримъ, въ чемъ состоитъ измѣненіе сочетанія *дн* въ *нн* съ точки зрѣнія физіологической. Если мы будемъ сравнивать въ отношеніи артикуляціонныхъ работъ звуки *д* и *н*, то увидимъ, что они большею частью сходны по работамъ и лишь немного различны. Обозначая знакомъ + одинаковыя работы, имѣемъ:

		д	*н*
Дыхат. аппар.		+	+
Гортань		+	+
Мягкое небо		поднято	опущено
Аппаратъ нижней челюсти		+	+
Органы произн.	мѣсто	+	+
	способъ	+	+

И такъ, лишь работа мягкаго неба не сходствуетъ, но и тутъ произошло распространеніе артикуляціи мягкаго неба со слѣдующаго звука на предшествующій, и въ результатѣ получилось измѣненіе группы *дн* въ *нн* или весьма обычное въ языкѣ явленіе ассимиляціи или уподобленія звуковъ. Между тѣмъ безъ физіологическаго анализа мы имѣли бы лишь мало понятную, какъ бы случайную смѣну звуковъ.

И такъ, знакомство съ физіологіей произношенія позволяетъ изслѣдователю представлять въ своемъ воображеніи перемѣны, происходящія въ говорильномъ аппаратѣ при из-

мѣненіи звуковъ. Но, чтобы представленіе звуковыхъ явленій было болѣе полнымъ, нельзя ограничиваться однимъ внѣшнимъ говорильнымъ аппаратомъ, необходимо имѣть въ виду также мозговую дѣятельность, дающую импульсъ артикуляціоннымъ работамъ. Какъ мы знаемъ, при произнесеніи любого звука происходитъ одновременное участіе разныхъ частей говорильнаго аппарата, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ посредствомъ цѣлой группы составляющихъ ее мышцъ, эти же послѣднія возбуждаются къ дѣятельности импульсами, идущими по нервамъ изъ соотвѣтствующихъ центровъ головного мозга. Такимъ образомъ, для произнесенія даже одного звука требуется, такъ сказать, цѣлый аккордъ двигательныхъ импульсовъ изъ головного мозга, а кромѣ того самыя мышечныя работы сопровождаются мышечнымъ чувствомъ. Когда звукъ произнесенъ, слушающій (а также и самъ говорящій) воспринимаетъ слухомъ цѣлый аккордъ звуковыхъ волнъ, превращающійся въ сознаніи въ слуховое ощущеніе опредѣленнаго звука. Сочетаніе звуковъ представляетъ собою со стороны произношенія — послѣдовательность аккордовъ изъ двигательныхъ импульсовъ, сопровождающуюся послѣдовательнымъ выполненіемъ артикуляціонныхъ движеній, со стороны слуховой—сочетаніе звуковъ есть рядъ воспринимаемыхъ слухомъ звуковыхъ впечатлѣній.

Глава II.

Принципы русскаго правописанія.

Представивъ въ предъидущей главѣ физіологическое ученіе о звукахъ рѣчи, мы, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію фонетики, должны еще ознакомиться въ общихъ чертахъ съ основами русскаго правописанія, такъ какъ въ фонетикѣ мы будемъ пользоваться какъ научно-фонетическимъ письмомъ, такъ и обычнымъ правописаніемъ, взаимное отношеніе между которыми мы и постараемся выяснить въ настоящей главѣ, при чемъ покажемъ, въ какихъ случаяхъ орѳографическія написанія соотвѣтствуютъ произношенію и въ какихъ не соотвѣтствуютъ; мы увидимъ также, что нѣкоторыя изъ орѳографическихъ написаній послѣдняго рода или не-фонетическихъ могутъ давать для фонетики указанія на прежнее произношеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ на совершившіяся въ языкѣ звуковыя измѣненія.

Предварительно покажемъ необходимость строгаго *различенія между звуками и буквами*. Звуки мы произносимъ, а буквы пишемъ для обозначенія этихъ звуковъ. При этомъ не всегда произношеніе и правописаніе соотвѣтствуютъ между собою. Для примѣра остановимся на такомъ написаніи, какъ *нь*. Хотя оно содержитъ двѣ буквы, но ими обозначается только одинъ звукъ, именно—мягкій согласный *н*. Въ самомъ дѣлѣ, если мы протянемъ произношеніе даннаго орѳографиче-

скаго написанія, то убѣдимся въ томъ, что каково произношеніе въ началѣ, таково оно и въ концѣ, и что стало быть мы произнесли одинъ звукъ, а не болѣе. Съ другой стороны можно указать случай, когда *одна* буква общепринятаго письма обозначаетъ *два* звука, напр.: *я*=йа, *ю*=йу и пр. Чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь имѣется сочетаніе двухъ звуковъ, обратимся къ тому же пріему, т. е. протянемъ звукъ, обозначаемый данною буквою, напр. *я*: въ началѣ слышится звукъ *й* (j), а въ концѣ *а*, т. е. йа...а, слѣдовательно—два звука, а не одинъ (оставляю въ сторонѣ тотъ случай, когда разсматриваемая буква стоитъ послѣ буквы согласнаго звука, напр. *ня* и т. п.,—какъ мы уже знаемъ, въ этомъ случаѣ буквы и звуки не вполнѣ соотвѣтствуютъ порознь другъ другу). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, почему научная грамматика кромѣ общеупотребительныхъ орѳографическихъ написаній пользуется еще научно-фонетическими или такъ называемою фонетическою транскрипціею, заботясь о томъ, чтобы послѣдняя возможно совершеннѣе обозначала произносимые звуки живой рѣчи.

Примѣчаніе. Учебники не всегда проводятъ достаточно строго разницу между звуками и буквами и смѣшиваютъ часто эти два разныя понятія, что очевидно неправильно. Такъ, въ нихъ обыкновенно буквы, а не звуки (какъ бы слѣдовало) раздѣляются на гласныя и пр. Въ одномъ же весьма употребительномъ учебникѣ по русской грамматикѣ хотя и говорится совершенно резонно о дѣленіи звуковъ (а не буквъ) на гласные и согласные, а послѣднихъ на губные и пр., но тутъ же отмѣчаются случаи, когда согласный будто бы слышенъ не ясно, напр. рабъ, дворняжка. Въ дѣйствительности же въ этихъ случаяхъ согласный слышится совершенно ясно, именно *п* въ словѣ рабъ, *ш* въ словѣ дворняжка. Очевидно, авторъ учебника не могъ освободиться отъ традиціонной неточности, и привычка къ орѳографическому знаку помѣшала ему правильно опредѣлить звукъ.

Разъяснивъ различіе между звуками и буквами, обратимся къ обзору главныхъ принциповъ русскаго правописанія или (употребляя совершенно равнозначущее иностранное слово) русской орѳографіи. Эти принципы слѣдующіе: 1) фонетическій,

2) принципъ аналогіи, 3) историческій, 4) принципъ церковно-славянскихъ написаній, 5) принципъ передачи иностранныхъ словъ и 6) принципъ дифференціаціи написаній.

I. **Фонетическія написанія.** Категорія фонетическихъ написаній, т. е. соотвѣтствующихъ произношенію, примѣняется напр. при обозначеніи ударяемыхъ гласныхъ, а затѣмъ вообще слоговъ, состоящихъ изъ твердыхъ или же мягкихъ согласныхъ съ слѣдующимъ гласнымъ, при чемъ своеобразная особенность такихъ написаній сравнительно съ научною транскрипціей заключается въ томъ, что твердость или же мягкость согласнаго выражается не въ буквѣ согласнаго, но въ буквѣ слѣдующаго гласнаго, вслѣдствіе чего качество твердости и мягкости согласнаго обнаруживается лишь изъ обозначенія цѣлаго слога (срв. начертанія *на* и *ня* или *дю* и *ду*); отсюда такой принципъ фонетическаго письма называется *силлабическимъ*, т. е. слоговымъ. [1]) Въ ученой или научно-фонетической транскрипціи мягкость согласнаго обозначается значкомъ ’, напр. н’а=орѳ. *ня*, д’у=орѳ. *дю* и пр.

II. **Морфологическія написанія или написанія по аналогіи.** Морфологическій принципъ состоитъ въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ въ словахъ обозначаются звуки не тѣ, которые въ нихъ слышатся или произносятся, но тѣ, которые имѣются въ родственныхъ словахъ и которые съ тѣмъ вмѣстѣ являются вообще болѣе первичными. Сюда относятся обозначенія конечныхъ глухихъ согласныхъ, затѣмъ согласныхъ въ случаяхъ ассимиляціи и, наконецъ, неударяемыхъ глас-

---

[1]) Въ польскомъ письмѣ мягкость согласнаго въ сочетаніи съ гласнымъ обозначается буквою *i*, стоящею между буквами согласнаго и гласнаго, напр. *sia*, *nie* и пр. Если же мягкій согласный оканчиваетъ слогъ, такъ что за нимъ не слѣдуетъ гласнаго, то въ этомъ случаѣ мягкость согласнаго обозначается въ польск. посредствомъ значка ′ надъ буквою согласнаго, напр. ś, ń и т. п. (pień || рус. пень).

ныхъ. Напр. слово „*год*ъ“ произносится *гот*, а между тѣмъ пишется въ этомъ словѣ не *т*, а *д*: это по сходству или аналогіи съ родственными словами, въ которыхъ за такимъ согласнымъ слѣдуетъ гласный звукъ, напр. *го*да, *го*ду и т. д.; въ словѣ же „пло*т*ъ“ на концѣ пишется *т* по аналогіи къ формамъ—пло*т*а, пло*т*у и т. д. Указаннымъ правиломъ руководствуются также при написаніи согласныхъ въ случаѣ измѣненія ихъ, происходящихъ отъ ассимиляціи; такъ, напр., пишутъ: *с*дѣлать (а не *з*дѣлать) по аналогіи къ случаямъ, гдѣ за *с* въ томъ же префиксѣ имѣется гласный (срв. *с*орвать и т. п.), во*д*ка (а не во*т*ка) по аналогіи къ формамъ—во*д*а, во*д*ы и пр. Гласные звуки неударенные обзначаются такъ же, какъ соотвѣтствующіе имъ въ родственныхъ словахъ гласные съ удареніемъ; напр. въ словѣ „года́“ пишется послѣ *г* буква *о* (произносится же гласный *а* или близкій къ нему)—по аналогіи съ ударяемымъ гласнымъ: если мы измѣнимъ наше слово такъ, чтобы за *г* слѣдовалъ ударенный гласный, напр. *го́*ду и т. п., то увидимъ, что нужно писать не *гада́*, а *года́*; на томъ же основаніи въ словѣ „годовой“, хотя послѣ *г* слышится слабый краткій гласный похожій на *ы*, также должны написать букву *о*. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какое широкое примѣненіе въ русскомъ письмѣ имѣетъ принципъ аналогіи, что̀ и составляетъ весьма характерную особенность русской орѳографіи. [1])

III. **Историческія написанія.** Собственно говоря, принципъ такихъ написаній обнимаетъ собою всю орѳографію, по-

---

[1]) На принципъ аналогіи опираются правила о постановкѣ ь и ъ послѣ шипящихъ. Такъ, въ именахъ сущ. ж. р., въ повел. и неопр. накл. глаголовъ утвердилось ь потому, что послѣ другихъ согласныхъ въ этихъ категоріяхъ употребляется только ь (напр. *рожь*—по аналогіи съ *дверь* и т. д., *рѣжь*—по аналогіи съ *кинь* и т. п., *жечь*—по аналогіи съ *спать* и пр.), въ остальныхъ же случаяхъ именъ пишется ъ по аналогіи къ твердому склоненію соотвѣтствующаго рода, чему благопріятствовало отвердѣніе большинства шипящихъ (му*жъ*, тыся*чъ*—по аналогіи съ сто*лъ*, во*дъ* и пр.).

скольку она унаслѣдована отъ предшествующаго времени, такъ что и всѣ прочіе принципы въ этомъ смыслѣ являются историческими. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ историческими написаніями называются такія, которыя нѣкогда были фонетическими, но съ измѣненіемъ произношенія перестали быть таковыми, сохраняясь однако въ силу традиціи. Напр. звуки *ш* и *ж* нынѣ произносятся твердо, однакожъ мы пишемъ послѣ буквъ *ш* и *ж* букву *и* (а не *ы*)—*ши*, *жи*, согласно традиціи, свидѣтельствующей о томъ, что нѣкогда эти согласные были мягкими. Впрочемъ, вопросъ объ историческихъ написаніяхъ въ нашей ороографіи усложненъ вліяніемъ со стороны церковно-славянскаго письма, такъ что иногда трудно трактовать о собственно историческихъ написаніяхъ отдѣльно отъ церковно-славянскаго элемента. Къ историческимъ написаніямъ нужно отнести также тѣ ошибочныя написанія, которыя однакожъ укрѣпились въ нашей письменности, какъ бы освященныя силой обычая; напр. пишутъ *е* въ словахъ—*песокъ*, *мелкій* и нѣк. др., хотя бы слѣдовало писать эти слова черезъ *ѣ*, какъ убѣдимся въ этомъ изъ фонетики.

Къ вліянію исторической традиціи относится сохраненіе нѣкоторыхъ буквъ, не обозначающихъ особыхъ звуковъ и представляющихся отдѣльнымъ ученымъ прежняго и новаго времени въ той или другой мѣрѣ излишними; сюда относятся буквы: *ъ* для передачи твердости конечнаго согласнаго, *ѳ* при *ф*, *і* рядомъ съ *и*, *ѣ* рядомъ съ *е*. Однако ссылка на трудности обученія ороографіи, происходящія будто бы отъ существованія этихъ буквъ въ русскомъ алфавитѣ, нашими наблюденіями не подтверждается; все дѣло сводится къ улучшенію способовъ обученія ороографіи и къ переоцѣнкѣ важности нѣкоторыхъ ороографическихъ ошибокъ. Въ настоящее время, когда бюрократическій режимъ уступилъ мѣсто свободному строю, мы уже вправѣ ждать гуманнаго отношенія къ ученическимъ ошибкамъ, и такимъ образомъ *вопросъ о* **реформѣ русскаго правописанія** утрачиваетъ прежнюю свою

остроту и даже является анахронизмомъ. Другое дѣло ранѣе, когда преподаватели, связанные циркулярами, обязаны были даже случайныя орѳографическія ошибки разсматривать какъ бы своего рода уголовное преступленіе, караемое со всею строгостью непереводомъ въ слѣдующій классъ и даже лишеніемъ аттестата; именно тогда представители школы и стали домогаться при такихъ ненормальныхъ условіяхъ въ качествѣ послѣдняго средства—упрощенія правописанія. Теперь же мы считаемъ единственно правильнымъ путемъ реформировать нашу орѳографію, если это нужно, не насильственный, а естественный путь, т. е. предоставить возможность отдѣльнымъ лицамъ, ищущимъ преобразованій нашей орѳографіи, примѣнять таковыя при печатаніи собственныхъ своихъ трудовъ, и можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что если эти преобразованія будутъ дѣйствительно цѣлесообразны и жизненны, они постепенно проникнутъ и въ общеупотребительную орѳографію. Въ этомъ случаѣ мы пошли бы тѣмъ же путемъ, какимъ идутъ такія передовыя націи, какъ французы и англичане, которые при всѣхъ трудностяхъ своей орѳографіи сохраняютъ однако традиціонный ея характеръ, справедливо полагая, что орѳографія, устанавливавшаяся трудомъ цѣлаго ряда поколѣній, является такимъ же цѣннымъ памятникомъ культуры, какъ напр. классическія произведенія искусствъ, и что переизданіе классиковъ художественной литературы, составляющихъ національную гордость, въ измѣненномъ орѳографическомъ видѣ ради сомнительныхъ нуждъ начальной школы явилось бы неуваженіемъ къ нимъ, да и невозможно всю богатую литературу съ прежней орѳографіей изъять изъ пользованія учащихся, чтобы предохранить ихъ отъ старыхъ образцовъ. У насъ это возможно было бы напр. въ эпоху Петра В., а не теперь, когда литература наша блещетъ міровыми именами.

IV. **Церковно-славянскія написанія.** Мы знаемъ, что русское письмо произошло изъ письма церковно-славянскихъ

книгъ, почему можно сказать, что почти все оно опирается на церковно-славянскую основу; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ церковно-славянскимъ элементомъ должно считать такія написанія въ русской орѳографіи, которыя не соотвѣтствуютъ русскому произношенію и вошли въ правописаніе подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка и письма. Напр. изъ написаній житіе || житье, Марія || Марья и т. под. написанія съ *і*—церковно-славянскія, а съ *ь*—чисто русскія [1]).

V. **Иностранныя написанія.** Когда иностранныя слова переходятъ въ языкъ литературный, то нерѣдко они удерживаютъ особенности обозначенія того языка, изъ котораго заимствованы. Примѣромъ такихъ написаній можетъ служить въ русской орѳографіи написаніе *и*, а не *ы*, послѣ *ц* въ словахъ иностранныхъ, напр. принц*и*пъ, Песталоцц*и*, ц*и*фра и т. д. Укажемъ еще примѣненіе начертаній *ф* и *ѳ* въ словахъ греческаго происхожденія соотвѣтственно обозначенію даннаго согласнаго въ греческой письменности, напр. *ф*илосо*ф*ія || Аѳины (греч. *φιλοσοφία* || *᾽Αϑῆναι*). [2])

VI. Принципъ **дифференціаціи** или различенія написаній состоитъ въ томъ, что слова, одинаковыя по звукамъ, но различающіяся по значенію, получаютъ нѣкоторыя отличія и на

---

[1]) Послѣднія оказываются преобладающими уже въ нашей начальной лѣтописи, напр. плясанье, оружье и т. д.

[2]) Въ латинской письменности спеціально для передачи данныхъ звуковъ въ греческихъ словахъ введены были начертанія *ph* и *th*, напр. *ph*ilosо*ph*ia, A*th*enae, а изъ латинскаго такія слова съ тѣмъ же обозначеніемъ перешли въ нѣкоторые западно-европейскіе языки, сохраняя въ нихъ до сихъ поръ такое обозначеніе, срв.: франц. *ph*ilosо*ph*ie, A*th*ènes, англ. *ph*ilosо*ph*y, A*th*ens, нѣм. *Ph*ilosо*ph*ie, A*th*en, хотя и могли бы писаться согласно произношенію при помощи начертаній *f* и *t* (срв. итал. *f*ilosо*f*ia, A*t*ene, польск. *f*ilosо*f*ia, A*t*eny). Мы остановились на орѳографіи греческихъ словъ въ западно-европейскихъ языкахъ съ цѣлью уясненія такихъ словъ въ русскомъ языкѣ, какъ «*т*еатръ» при стар. «*ѳ*еатръ»: очевидно, греческое слово (*ϑέατρον*) въ первомъ изъ этихъ написаній вошло въ русскій языкъ чрезъ посредство западно-европейской письменности.

письмѣ, напр. „миръ“ и „міръ“ (въ древней письменности одинаково въ обоихъ случаяхъ миръ), или *что* (союзъ) и *что̀* (мѣстоим.); также формы словъ, различающіяся удареніемъ, для устраненія недоразумѣній снабжаются знакомъ ударенія, напр. бо̀льшимъ || большѝмъ и т. п.

Въ заключеніе настоящей главы приведемъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ исторіи русскаго письма. Въ древнее время на Руси пользовались церковно-славянскимъ письмомъ, правда нѣсколько видоизмѣнявшимся соотвѣтственно звуковымъ особенностямъ русскаго языка (изученіе этихъ видоизмѣненій входитъ въ предметъ особой дисциплины, называемой палеографіей). Церковный шрифтъ держался у насъ до эпохи Петра Великаго, который въ своихъ преобразованіяхъ коснулся и этой стороны и ввелъ новый шрифтъ, т. наз. „гражданскій“, оставивъ церковный исключительно для церковныхъ книгъ. Нововведенный шрифтъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій современному, представляетъ собою измѣненіе формы церковно-славянскихъ буквъ въ сторону сближенія съ латинскими, но съ удержаніемъ прежняго произношенія; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ прежняго алфавита были исключены нѣкоторыя буквы, напр. ѡ, ѿ, ѱ и нѣк. др., и прибавлена буква э. Этимъ однако не закончились преобразованія въ алфавитѣ, такъ какъ еще и при Петрѣ происходили въ немъ частичныя перемѣны; затѣмъ, послѣ Петра, прибавлена была въ 1735 г. буква *й*, а въ 1758 г. введенъ новый знакъ іо̂ для звука, для котораго впослѣдствіи Карамзинымъ былъ придуманъ знакъ *ё*.

ФОНЕТИКА.

Глава III.

Введеніе въ фонетику: отношеніе между физіологіею звуковъ и фонетикою; понятіе о звуковыхъ законахъ и главныхъ принципахъ фонетики.

Звуки языка изучаются, какъ мы указывали, не только въ *фонетикѣ*, но также и въ *физіологіи рѣчи*. Разница между фонетикою и физіологіею звуковъ заключается въ слѣдующемъ Физіологія звуковъ изслѣдуетъ, возможно точнымъ образомъ, какъ произносятся въ данномъ языкѣ звуки и ихъ сочетанія какъ въ отдѣльности, такъ и въ словахъ, не разсматривая однако, въ какихъ морфологическихъ категоріяхъ (въ какой части рѣчи, въ какой части слова—корнѣ, суффиксѣ и пр.) встрѣчаются онѣ, между тѣмъ какъ фонетика изслѣдуетъ звуковыя явленія всегда *морфологически*—въ связи съ морфологическими группами, въ которыхъ они находятся, не игнорируя и *синтаксическій* моментъ. Физіологія звуковъ служитъ лишь подготовкою къ болѣе глубокому пониманію фонетики.

Такъ какъ въ фонетическихъ изслѣдованіяхъ нерѣдко говорится о „фонетическихъ“ или „звуковыхъ законахъ“, то намъ слѣдуетъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Для избѣжанія неясности мы разсмотримъ вопросъ о звуковыхъ

законахъ не только въ примѣненіи къ фонетикѣ, но и къ физіологіи звуковъ, такъ какъ законы въ той и другой области имѣютъ свои особенности; при этомъ мы будемъ различать законы даннаго единовременнаго состоянія и законы измѣненія во времени (другими словами—будемъ разсматривать вопросъ для той и другой области съ точки зрѣнія статической и динамико-исторической). [1]) Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть слѣдующіе частные случаи:

А.	Область физіологіи звуковъ.	1. Система звуковъ языка; 2. Измѣненія звуковъ.
Б.	Область фонетики.	3. Грамматическія чередованія звуковъ; 4. Измѣненія звуковыхъ чередованій.

1. **Звуковая система языка.** Говоря о звуковой системѣ языка, мы должны разумѣть подъ таковою не голую схему звуковъ даннаго языка, но живое произношеніе звуковъ и ихъ сочетаній въ томъ или иномъ положеніи въ словѣ. Имѣя же въ виду дѣйствительное, живое произношеніе, мы должны оговориться, что въ дѣйствительности не существуетъ, какъ чего-либо особаго и живого, звуковой системы *какого-нибудь языка вообще*, въ дѣйствительности мы наблюдаемъ разнообразіе рѣчи, распредѣляющееся по *говорамъ* языка, а эти послѣдніе образуются изъ произношенія отдѣльныхъ индивиду-

[1]) Замѣтимъ, что терминъ «законъ» въ фонетикѣ, какъ вообще въ грамматикѣ, не можетъ имѣть того смысла, какой этотъ терминъ имѣетъ въ физикѣ. Въ послѣдней понятіе закона состоитъ въ томъ, что при однихъ и тѣтъ же условіяхъ явленіе вездѣ и всегда наступаетъ въ томъ же видѣ (срв. напр. законы вибрирующихъ струнъ), а между тѣмъ въ области языка можно говорить лишь о законахъ, касающихся постоянства явленія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, но непремѣнно въ томъ же самомъ языкѣ и говорѣ и въ одну и ту же эпоху. Эта особенность лингвистическихъ законовъ объясняется тѣмъ, что явленія языка, въ отличіе отъ явленій физическихъ, не остаются въ неизмѣнномъ видѣ, но развиваются во времени. Какъ мы увидимъ далѣе, сила звуковыхъ законовъ, какъ и вообще законовъ языка, основывается на силѣ памяти и привычки.

мовъ. Остановившись на произношеніи какого-нибудь индивидуума (добавимъ—взрослаго, какъ вполнѣ владѣющаго родною рѣчью), не трудно убѣдиться, что оно представляетъ нѣкоторое постоянное однообразіе или одинаковость, т. е. что одинъ и тотъ же индивидуумъ произноситъ вообще одинаково, иначе говоря—его произношеніе кажется какъ бы равнымъ себѣ. Такъ, напр., если индивидуумъ относительно своего произношенія принадлежитъ къ умѣренно-акающему говору русскаго языка, т. е. произноситъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію вмѣсто гласнаго *о*, свойственнаго окающимъ говорамъ, гласный å, положимъ—въ словѣ „гåда̀", то онъ будетъ произносить тотъ же гласный (å) и во всѣхъ другихъ однородныхъ случаяхъ, напр. дåма̀, плåда̀, стåлба̀, тåгда̀ и пр. И такъ, *произношеніе индивидуума однообразно*, другими словами—*одни и тѣ же звуки въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ индивидуумъ произноситъ одинаково, независимо отъ морфологической категоріи*. Къ этому и сводится сущность разсматриваемаго случая звуковыхъ законовъ.

Наблюденіе надъ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ рѣчи показываетъ, что указанное однообразіе произношенія индивидуума основывается на *привычкѣ*, постепенно слагающейся съ-дѣтства при перениманіи произношенія окружающихъ. Значитъ, если южно-великоруссъ умѣренно-акающаго говора произноситъ гåда́, дåма́ и т. п., то это потому, что онъ съ дѣтства научился и привыкъ именно къ такому произношенію, въ устахъ же сѣверно-великорусса тѣ же слова звучатъ иначе—года́, дома́ и т. п., и опять-таки потому, что онъ съ дѣтства перенялъ и усвоилъ это произношеніе. Эта привычка къ родной рѣчи становится у каждаго на столько сильною, что, когда мы говоримъ, нашъ говорильный аппаратъ совершаетъ необходимыя артикуляціонныя работы совершенно безсознательно, какъ бы механически, привычка къ говорильнымъ движеніямъ пріобрѣтаетъ прочность инстинкта, а самые

уклады органовъ рѣчи у индивидуумовъ, принадлежащихъ къ разнымъ говорамъ, образуютъ разныя системы.

Примѣчаніе. Мы должны сдѣлать нѣкоторыя оговорки относительно случаевъ *заимствованія словъ* изъ другого языка. Ежели индивидуумъ заимствуетъ слово изъ другого языка, то онъ заимствуетъ его согласно съ звуковой системой своего родного говора, но это—въ томъ лишь случаѣ, если у него нѣтъ привычки къ иностраннымъ языкамъ, въ частности къ данному, и, кромѣ того, если онъ не стремится сознательно къ возможно точному воспроизведенію услышаннаго произношенія. Конечно, при наблюденіи надъ заимствованіемъ словъ мы встрѣтимся и съ индивидуальнымъ разнообразіемъ, такъ какъ одни лица обладаютъ болѣе тонкимъ слухомъ, болѣе тонко развитыми органами произношенія и болѣе способны къ перениманію, другія же менѣе. Что касается лицъ знакомыхъ съ даннымъ иностраннымъ языкомъ, т. е. имѣющихъ навыкъ еще и въ этой чужой звуковой системѣ, то они могутъ позаимствовать слово съ возможно точнымъ выговоромъ иностраннаго языка, напр. слово «поэзія» произнесутъ съ гласнымъ *о*, хотя бы этотъ гласный въ ихъ родномъ говорѣ и не встрѣчался въ данномъ неударяемомъ положеніи. [1])

Говоря о привычкѣ къ звуковой системѣ, нужно имѣть въ виду не одну привычку къ артикуляціоннымъ укладамъ, но и къ производимымъ ими *слышимымъ* звукамъ даннаго говора, такъ какъ тѣ и другіе тѣсно связаны между собою, благодаря тому, что лицо, произносящее звуки, вмѣстѣ съ тѣмъ и слышитъ ихъ; не нужно забывать и о томъ, что звуки и произносимые и слышимые предполагаютъ соучастіе *психическаго* момента, какъ о томъ мы имѣли случай говорить при изложеніи физіологіи звуковъ (стр. 24).

---

[1]) Приведу еще нѣсколько примѣровъ особенностей произношенія иностранныхъ словъ въ устахъ образованныхъ русскихъ. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ носовыхъ гласныхъ, но въ рѣчи образованнаго общества можно встрѣтить носовые гласные въ словахъ французскаго происхожденія, напр. преферансъ (préférance), пансіонъ (pension). Также нѣтъ въ русскомъ языкѣ гласныхъ ö и ü, но въ рѣчи образованныхъ русскихъ можно слышать эти гласные въ иностранныхъ словахъ, напр. бюро, Бёрне, при чемъ даже и предшествующіе согласные не смягчены; а конечное *о* французскаго слова «бюро» (bureau) получаетъ несвойственное русскому языку закрытое произношеніе. Очевидно, въ такихъ словахъ имѣетъ мѣсто прямо подстановка иностраннаго произношенія, какъ болѣе привычнаго для этихъ словъ.

2. **Измѣненія звуковъ.** Изучая теперешнее состояніе нашей рѣчи и сравнивая его съ прошлымъ, засвидѣтельствованнымъ письменными памятниками, а также съ звуковымъ состояніемъ родственныхъ языковъ, мы приходимъ къ заключенію, что звуковая сторона рѣчи измѣняется во времени. Отсюда возникаетъ вопросъ о законахъ, которымъ слѣдуютъ звуковыя измѣненія.

Прежде всего нужно различать измѣненія звуковъ, совершающіяся въ области *говорильнаго аппарата* отъ звуковыхъ перемѣнъ, обязанныхъ *органу слуха*, такъ какъ между тѣми и другими оказываются нѣкоторыя существенныя различія. Въ качествѣ примѣра звуковыхъ измѣненій въ области говорильнаго аппарата или артикуляціонныхъ можно указать на упоминавшееся измѣненіе *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ въ å умѣренно акающихъ говоровъ (въ говорахъ же вполнѣ акающихъ въ *а*), напр. „гåдá“, а примѣромъ измѣненій второго типа могутъ служить такіе случаи простонароднаго произношенія, какъ напр. „Микита“ (м' вм. н'). Разъяснимъ на этихъ примѣрахъ главныя различія того и другого рода звуковыхъ перемѣнъ.

Что касается произношенія å (или а) вмѣсто неударяемаго *о*, то—какъ мы уже указывали—оно имѣетъ мѣсто не въ одномъ данномъ словѣ, но во всѣхъ словахъ этого рода, напр. дåмá, рåгá, тåгдá и пр. На основаніи такого современнаго однообразія мы заключаемъ, что и самый процессъ постепеннаго измѣненія *о* въ *а* въ разсматриваемомъ положеніи (въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному) совершался во времени не спорадически, не въ отношеніи того или другого слова въ отдѣльности, но по отношенію ко *всѣмъ* словамъ, представлявшимъ тѣ же самыя условія. Иное дѣло— такіе случаи, какъ „Микита“: замѣна слога *ни* черезъ *ми* произошла не въ отношеніи всѣхъ словъ, представлявшихъ подобное звуковое сочетаніе, но *спорадически*, напр. именно въ данномъ словѣ вмѣсто начальнаго сочетанія *ни* слухомъ

подставлено сходное сочетаніе *ми*, и такое произношеніе затѣмъ вошло въ общее употребленіе (впрочемъ, явленія этого рода не всегда обязаны слуховому моменту, но могутъ происходить и отъ неточности памяти при воспроизведеніи слова). Замѣтимъ кстати что акустическимъ или слуховымъ замѣнамъ звуковъ особенно благопріятствуютъ ускоренный темпъ рѣчи, а также то вліяніе логическаго ударенія, благодаря которому слова второстепенныя имѣютъ болѣе или менѣе ослабленное произношеніе.

Дальнѣйшее различіе между разсматриваемыми случаями: измѣненіе неударяемаго *о* въ å (а) совершалось *медленно, постепенно* (о......о^{а}........å......а), въ теченіе быть можетъ даже не одного столѣтія, между тѣмъ какъ замѣна *н'* черезъ *м'* есть родъ ослышки (или же—неточности припоминанія), т. е. результатъ *одновременнаго акта*: вмѣсто одного звукового сочетанія (*ни*) подставлено сходное другое (*ми*).

Третье различіе: измѣненія въ сферѣ говорильнаго аппарата, т. е. артикуляціонныя, совершаются во всякаго рода словахъ, представляющихъ одинаковыя условія произношенія даннаго звука, между тѣмъ какъ акустическія замѣны звуковъ совершаются чаще всего въ словахъ *одинокихъ* и вообще *бѣдныхъ родствомъ*, напр. *Ми*кита, *не*бель и т. п., при чемъ нерѣдко къ слуховому фактору присоединяется еще участіе фактора *народной этимологіи.* [1])

Примѣчаніе. Замѣтимъ, что акустическія замѣны или разнаго рода ослышки весьма нерѣдки въ нашихъ повседневныхъ разговорахъ, но обыкновенно неточно или неясно послышавшееся слово исправляется слушающимъ примѣнительно къ полученному слуховому впечатлѣнію и общему смыслу рѣчи. Но если будетъ воспринято съ ослышкой незнакомое слово, то оно можетъ утвердиться и распространиться, особенно въ народномъ говорѣ,

[1]) Примѣромъ послѣдняго можетъ служить простонародное произношеніе «небель», гдѣ на замѣну начальнаго слога *ме* посредствомъ *не* могло вліять подведеніе этого иностраннаго слова подъ типъ природныхъ съ отрицательнымъ префиксомъ *не*-.

уже въ этомъ измѣненномъ видѣ. Здѣсь для насъ становится понятнымъ нерѣдкое явленія двоякаго произношенія заимствованныхъ словъ—болѣе точнаго (въ литературной рѣчи) и болѣе или менѣе измѣненнаго (въ народныхъ говорахъ).

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ вопросу, какъ примирить противорѣчіе между закономъ постоянства произношенія индивидуума и закономъ звуковой измѣнчивости языка? Постараемся выяснить, что противорѣчіе это только кажущееся и легко устраняется, если уяснить себѣ значеніе смѣны генерацій въ развитіи языка. Слѣдуетъ думать, что измѣненія звуковъ, какъ физіологическія, такъ и акустическія, совершаются у индивидуумовъ новой генераціи преимущественно въ то время, когда усваиваемое произношеніе еще не успѣло обратиться въ прочную привычку. Когда подрастающіе индивидуумы усваиваютъ родную рѣчь отъ окружающихъ, то при этомъ чувство слуха указываетъ имъ ту норму произношенія, къ которой они должны стремиться и которой постепенно достигаютъ, *благодаря упражненію*. Вполнѣ естественно, что при этомъ индивидуумы будутъ иногда переходить эту норму и тогда въ звукѣ появится новый слабый нюансъ. Замѣтивъ его и облюбовавъ, они могутъ стараться, чтобы этотъ слабый нюансъ рельефнѣе выступалъ въ произношеніи (у дѣтей можно наблюдать такія преувеличенія, когда имъ удается овладѣть какимъ-нибудь труднымъ звукомъ родной рѣчи, напр. *р*), и такимъ образомъ зародившееся звуковое явленіе путемъ подражанія можетъ распространиться и утвердиться въ этомъ поколѣніи. Точно такъ же въ сферѣ акустической нѣкоторые звуки могутъ недослышиваться въ устахъ старшей генераціи лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ (напр. при скоромъ темпѣ рѣчи и въ наиболѣе слабыхъ положеніяхъ въ фразѣ), а слѣдующая генерація можетъ обобщить эти случайныя недослышиванія и уже при всякихъ условіяхъ не произносить этихъ звуковъ въ данныхъ словахъ.

3. **Чередованія звуковъ.** Чередованія звуковъ происходятъ тогда, когда *одна и та же морфологическая часть слова* (напр. корень, суффиксъ и пр.), находясь въ разныхъ фонетическихъ условіяхъ (напр. въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія), получаетъ *звуковыя варіаціи*; эти послѣднія, подчиненныя опредѣленнымъ законамъ и связанныя съ морфологическими системами, называются звуковымъ чередованіемъ; срв.

гóда̊ || га̊дá || гъда̊вój. [1])

Приведенныя слова родственны между собою по корневой части *-год-*, которая, находясь въ разныхъ положеніяхъ по отношенію къ ударенію, видоизмѣнилась неодинаково, благодаря чему мы теперь произносимъ въ ней въ приведенныхъ родственныхъ словахъ между звуками *г* и *д* разные гласные: *ó*, а̊, *ъ*, смѣна которыхъ и представляетъ собою одно изъ чередованій. Разные гласные и согласные въ морфологическихъ категоріяхъ языка представляютъ свои опредѣленныя чередованія, подчиняющіяся извѣстнымъ законамъ, которые разсмотримъ при изложеніи фонетики.

Но не всегда звуковыя чередованія такъ постоянны, иногда слова, первоначально относившіяся къ одному чередованію, переходятъ въ другое, благодаря дѣйствію фактора *аналогіи*, напр. вм. „платятъ" нерѣдко произносится „плотятъ" по аналогіи къ типу „ходятъ". Этотъ переходъ по аналогіи мы можемъ выразить слѣдующею пропорціею:

хажу́ (орѳ. хожу́) : *хóдятъ*=*плачу́* : *x*

x = *плóтятъ*.

---

[1]) Начертаніе *ъ* въ послѣднемъ словѣ обозначаетъ слабое, краткое *ы*, откуда видимъ, что въ научно-фонетическомъ письмѣ эта буква имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ общеупотребительной орѳографіи. Также и начертаніе *ъ* имѣетъ въ научной транскрипціи другое значеніе, чѣмъ въ орѳографіи, обозначая неударенный слабый гласный близкій къ *i*.

Къ сказанному мы должны прибавить, что съ точки зрѣнія психологической грамматическія чередованія звуковъ представляютъ собою особый родъ ассоціаціи идей, именно *ассоціаціи отношеній* между звуками, которая съ дѣтства устанавливается въ умѣ говорящихъ и опирается на силу привычки.

4. **Измѣненія чередованій звуковъ.** Мы уже указывали, что въ рядѣ родственныхъ словъ

го́дӑ || га̊да́ || гъда̊во́ј

между корневыми звуками *г* и *д* чередуются гласные: о́ || а̊ || ъ. Восходя къ болѣе древнему времени, мы должны предположить, что различіе гласнаго было все меньше и меньше, такъ что въ началѣ развитія гласный былъ болѣе или менѣе однородный. Такимъ образомъ законъ измѣненія чередованій состоитъ въ томъ, что *звуковое чередованіе измѣняется во времени въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ звуковъ, которые входятъ въ составъ даннаго чередованія.* Такъ какъ звуковыя измѣненія могутъ представлять особенности по говорамъ, то это будетъ соотвѣтственно отражаться и на составѣ чередованій. О перемѣнахъ въ чередованіяхъ подъ вліяніемъ *аналогіи* мы уже упоминали.

Укажемъ еще тѣ сокращенія и знаки, которыми будемъ пользоваться при изложеніи фонетики и вообще грамматики:

К. т. е. корень (отмѣчается также знакомъ $\sqrt{}$).
Сф. „ суффиксъ.
Ок. „ окончаніе.
Ос. „ основа.
V „ vocalis (гласный звукъ).
C „ consonans (согласный звукъ).
L „ liquida (плавный согласный).
N „ nasalis (носовой согласный).

ае. т. е. аріо-европейскій (праязыкъ).

* „ значекъ, который ставится передъ звукомъ или формою, предположенными для праязыка; напр., ае. *ĕ надо читать: аріо-европейское *е* краткое.

| „ знакъ, служащій для дѣленія слова на слоги.

\- „ знакъ, служащій для дѣленія слова на морфологическія части.

|| „ знакъ чередованія въ сферѣ одной и той же морфологической части въ томъ или другомъ языкѣ; иногда примѣняется и просто при сопоставленіяхъ.

ǂ „ знакъ соотвѣтствія между словами родственныхъ языковъ.

→ „ знакъ звукового измѣненія; направленіе стрѣлки указываетъ, что̀ во что̀ измѣняется; поэтому дн→нн можно изобразить и иначе: нн←дн. [1])

$\underline{\rightarrow}$ „ знакъ заимствованія, напр. *греч.* *φανάριον*$\underline{\rightarrow}$*рус.* фонарь (т. е. заимствованіе тутъ изъ греческаго языка въ русскій).

↑ „ знакъ аналогіи; напр. произношеніе „вид*ютъ*“ ↑ „кол*ютъ*“, т. е. окончаніе -ютъ утвердилось въ формѣ „видятъ“ по аналогіи къ такимъ формамъ, какъ „колютъ“ и т. п.

○ „ нуль звука.

ʌ „ знакъ для того мѣста въ словѣ, гдѣ произошло исчезновеніе звука, напр. мʌру (срв. ст.-сл. мьрж).

< „ знакъ для производства; напр. возъ < возить, т. е. отъ существ. „возъ“ образуется глаголъ „возить“.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ знакомъ звукового измѣненія служитъ >, напр. дн>нн.

Глава IV.

Вокализмъ: неударяемые гласные; измѣненіе орѳографическаго *е* въ *ё*; бѣглые гласные; полногласіе; подъемъ.

Какъ мы знаемъ, звуки рѣчи подраздѣляются на гласные и согласные: гласные съ точки зрѣнія физіологической характеризуются раскрытіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой наибольшею сонорностью, согласные же характеризуются съ точки зрѣнія физіологической смыканіемъ рта, а съ точки зрѣнія слуховой меньшею сонорностью съ преобладаніемъ того или другого характернаго шума. Соотвѣтственно указанному дѣленію звуковъ, фонетика распадается на отдѣлъ явленій въ области гласныхъ (вокализмъ) и отдѣлъ явленій въ области согласныхъ (консонантизмъ). Въ области вокализма особую группу явленій представляютъ видоизмѣненія *неударяемыхъ гласныхъ*, а такъ какъ они по времени своего возникновенія принадлежатъ къ сравнительно позднѣйшему слою звуковыхъ явленій и, слѣдовательно, представляютъ наименьшую сложность,—то съ нихъ и начнемъ изложеніе русскаго вокализма, послѣдовательно переходя къ явленіямъ болѣе ранняго происхожденія, представляющимъ уже бо̀льшую запутанность.

I. **Неударяемые гласные.** Всякое слово при произношеніи представляетъ части или слоги, изъ которыхъ одинъ выдѣляется наибольшею силою, высотою и длительностью, прочіе же

слоги уступаютъ ему въ этомъ отношенiи; первый называютъ *ударяемымъ*, послѣднiе же—*неударяемыми*. Въ свою очередь и неударяемые слоги различаются другъ отъ друга по силѣ, высотѣ и длительности, при чемъ это различiе зависитъ отъ положенiя ихъ относительно ударяемаго слога. Въ этомъ отношенiи мы замѣчаемъ существенную разницу по силѣ между слогами предъударенной и послѣударенной части слова, именно: слогъ, непосредственно предшествующiй ударенiю, имѣетъ наибольшую силу среди прочихъ неударенныхъ слоговъ, второй передъ ударенiемъ является весьма слабымъ (срв. г*одо*вóй); что касается послѣударенной части слова, то здѣсь, напротивъ, ближайшiй къ ударенному слогъ оказывается слабѣйшимъ, а конечный заканчивающiйся гласнымъ слогъ можетъ нѣсколько превосходить его (срв. кáр*тами*). Если мы теперь возьмемъ такiя слова, въ которыхъ ударенiю предшествуютъ или слѣдуютъ за нимъ не два, а три слога, то третiй слогъ передъ ударенiемъ будетъ нѣсколько сильнѣе второго (напр. *колоколá*), между тѣмъ какъ въ послѣударенной части слова оба внутреннiе останутся слабѣйшими (напр. фó*кусники*). Необходимо замѣтить, что ослабленiя въ неударяемыхъ слогахъ, происходящiя въ тѣхъ или иныхъ положенiяхъ относительно ударенiя, касаются не однихъ гласныхъ звуковъ, но также и согласныхъ тѣхъ же слоговъ, хотя въ общемъ ослабленiе согласныхъ въ разныхъ неударяемыхъ слогахъ не сопровождается особенно замѣтными качественными различiями. Нужно еще отмѣтить, что усиленiе ударяемаго слога влечетъ за собою ослабленiе неударяемыхъ слоговъ того же слова (очень наглядный примѣръ этого представляютъ разные случаи громкихъ выкрикиванiй въ родѣ возгласа „извощикъ!", въ которомъ неударяемые слоги на столько стушевываются, что нерѣдко слышится только одинъ ударенный слогъ). При этомъ ослабленiе неударямыхъ гласныхъ выражается не только въ уменьшенiи силы, но также и длительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пониженiемъ тона. Но различiя гласныхъ звуковъ въ ударяе-

мыхъ и разныхъ неударяемыхъ слогахъ слова не ограничиваются силою, высотою и длительностью, а представляютъ еще и качественныя особенности, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

Неударяемые гласные въ общепринятомъ правописаніи обозначаются тѣми же самыми начертаніями, какъ соотвѣтствующіе имъ ударенные, и такое ихъ обозначеніе объясняется тѣмъ, что правописаніе наше восходитъ ко временамъ, когда еще не произошло замѣтныхъ видоизмѣненій въ неударяемомъ вокализмѣ. Этимъ свойствомъ правописанія мы и воспользуемся при изученіи неударяемаго вокализма, а именно— мы будемъ разсматривать оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ, беря за основаніе орѳографическое обозначеніе. Такимъ образомъ, мы послѣдовательно разсмотримъ видоизмѣненія неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ современномъ правописаніи начертаніями *А* (*Я*), *О*, *Е*, *Ѣ*; что касается неударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ посредствомъ *Ы*, *И*, *У*, то эти гласные, произносясь только при узкомъ раскрытіи рта, не представляютъ того разнообразія оттѣнковъ, какое имѣется при первыхъ вслѣдствіе ихъ способности къ измѣненію ширины раствора рта. Въ своихъ видоизмѣненіяхъ неударяемые гласные слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ, состоящимъ въ томъ, что та или другая разновидность неударяемаго гласнаго свойственна лишь опредѣленнымъ положеніямъ въ словѣ. Слѣдя за такими видоизмѣненіями неударяемыхъ гласныхъ, можно установить въ словахъ живой литературной русской рѣчи слѣдующія четыре главныхъ положенія, изъ которыхъ два имѣютъ мѣсто передъ удареніемъ, а другія два послѣ ударенія: 1) положеніе гласнаго въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному (CV | ′)[1]), 2) положеніе во второмъ

[1]) Въ приводимыхъ здѣсь формулахъ C=Consonans (т. е. согласный звукъ), V=Vocalis (т. е. гласный звукъ), вертикальная черта обозначаетъ дѣленіе на слоги, черточка (-) обозначаетъ слогъ, остающійся внѣ разсмотрѣнія, а знакъ ′ служитъ для обозначенія ударенпаго слога въ словѣ.

слогѣ передъ удареніемъ (CV | - | ′), 3) положеніе послѣ ударенія внутри слова (′ | CVC) и 4) положеніе неудареннаго гласнаго въ концѣ слова (′ | CV); при этомъ—какъ мы указывали—только въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ гласный произносится довольно сильно, въ прочихъ же неударяемыхъ положеніяхъ—болѣе или менѣе слабо. [1])

А (*Я*).

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, гласный *а* сохраняется, отражаясь какъ довольно сильное и не очень краткое *а*, напр. *сады́*, *кажу́*, *чудака́*, *забо́р* и т. п. Послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ произношеніи многихъ въ разсматриваемомъ положеніи вмѣсто *а* слышится звукъ близкій къ *э*, напр. п’ætóк (пятокъ), чæсы́ (часы), шел’іт’ (шалить) и т. п. При этомъ замѣтимъ, что шипящіе *ш* и *ж*, теперь твердые, нѣкогда произносились мягко, чѣмъ и объясняется то, что послѣ нихъ неударяемый гласный представляетъ такое же измѣненіе, какъ послѣ мягкихъ согласныхъ (впрочемъ, экскурсія гласнаго послѣ твердыхъ шипящихъ неодинакова съ экскурсіей того же гласнаго послѣ мягкихъ согласныхъ, такъ какъ съ отвердѣніемъ шипящихъ *ш* и *ж* экскурсія слѣдующаго гласнаго изъ мягкой перешла въ твердую).

---

[1]) Изслѣдуя оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ въ живой литературной рѣчи, нужно считаться съ возможностью *книжнаго вліянія на произношеніе*, происходящаго отъ привычки, выносимой изъ школы, произносить слова согласно съ правописаніемъ и не согласно съ естественнымъ выговоромъ. Въ школахъ, чтобы облегчить учащемуся изученіе правописанія, нерѣдко произносятъ слова такъ, какъ они написаны, вслѣдствіе чего у учащихся можетъ образовываться искусственное произношеніе. Это искусственное произношеніе можетъ существовать у индивидуума рядомъ съ обычнымъ; такъ, разговаривая обычнымъ (естественнымъ) произношеніемъ, онъ иногда будетъ выговаривать вопреки обычному произношенію, согласно съ ороографическимъ обозначеніемъ. Книжное вліяніе на произношеніе представляетъ разнообразіе, у однихъ лицъ сказываясь сильнѣе, а у другихъ—слабѣе.

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ произносится гласный ъ (близкій къ слабому краткому ы), напр. зъд’əржа́т’ (задержать), а послѣ мягкихъ согласныхъ—ь (гласный, близкій къ слабому краткому і), напр. р’ьда̊во́ј (рядовой). [1]) Послѣ твердыхъ шипящихъ (*ш* и *ж*) слышится ъ, напр. шъра̊во́ј (шаровой), а послѣ мягкаго шипящаго (*ч*) слышится ь, напр. чьста̊ко́л (частоколъ).

Послѣ ударенія внутри слова гласный отражается такъ же, какъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, т. е. въ видѣ ъ послѣ твердыхъ согласныхъ, напр. ма̊л’і́твъм’ї (молит*в*ами), лы́жъм (лыж*а*мъ), и въ видѣ ь послѣ согласныхъ мягкихъ, напр. пр’і́н’ьл (принялъ), ту́чьм (туч*а*мъ). Во второмъ спряженіи въ 3 л. мн. ч. настоящаго времени, въ случаѣ неударяемости окончаній вм. *-атъ* и *-ятъ* обыкновенно слышится *-утъ* и *-ютъ* (напр. въ формахъ слыш*атъ*, пуст*ятъ*), но это—не фонетическое измѣненіе, а подстановка другого окончанія по аналогіи къ первому спряженію.

Послѣ ударенія въ концѣ слова разсматриваемый гласный сохраняется, отражаясь въ видѣ довольно слабаго *а*, который послѣ мягкихъ согласныхъ склоняется нѣсколько къ оттѣнку *ä*; примѣры: ры́б*а*, сло́в*а* (Род. ед.), учё́нь*я* (Род. ед.), зна́*я*, ви́д*я*. Въ И. В. мн. именъ средняго рода, въ случаѣ неударяемости окончанія, въ живой рѣчи обыкновеннно слышится на концѣ *-ы* или *-и* вм. *-а* или *-я*, напр. въ формахъ—пи́сьм*а*, ру́жь*я*;

---

[1]) Сродство твердыхъ согласныхъ съ гласнымъ *ы* и мягкихъ съ *і* подтверждается наблюденіями при первоначальномъ обученіи чтенію по звуковому способу: повторяя произнесенный учителемъ твердый согласный звукъ въ отдѣльности ученики нерѣдко выговариваютъ его въ сопровожденіи гласнаго *ы*, напр. *пы* вм. *п* и т. д., подобно тому какъ при мягкомъ согласномъ является у нихъ нерѣдко призвукъ *і*. Такимъ образомъ, указываемое измѣненіе въ ъ и ь является результатомъ аккоммодаціи неударяемаго гласнаго къ предшествующему согласному, т. е. произошло въ направленіи удобства произношенія.

но это по аналогіи къ соотвѣтствующимъ падежнымъ формамъ другихъ родовъ.

О.

Отраженія или рефлексы гласнаго *о* въ слогахъ неударяемыхъ (какъ передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія) совпадаютъ съ рефлексами гласнаго *а* въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ въ соотвѣтствующихъ слогахъ (впрочемъ съ нѣкоторою особенностью для слога непосредственно предшествующаго ударенному).

Въ слогѣ первомъ *передъ удареніемъ* орѳографическому *о* соотвѣтствуетъ въ общерусскомъ произношеніи *а* (если говоръ вполнѣ акающій) и а̊ (если говоръ умѣренно-акающій), напр. са̊л'іт' (с*о*лить), ва̊з'іт' (в*о*зить), са̊ва́т' (с*о*вать) и т. п.

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ слышится ъ: гъла̊ба́ (г*о*лова), търга̊ва́т' (т*о*рговать) и т. п., также и *послѣ ударенія* внутри слова: спо́ръф (спор*о*въ), хо́лъдă (хол*о*да), до́бръвă добр*а*го) [1]... Въ этихъ неударяемыхъ положеніяхъ смѣшивается произношеніе не только орѳографическихъ *О* и *А* (напр. въ словахъ „ка́п*а*ть“ и „ла́п*о*ть“ одинаково въ неударяемомъ слогѣ слышится ъ), но еще и *Ы* (срв. выб*ы*ть).

Въ неударяемомъ концѣ слова слышится ă: ма́лă (мал*о*), д'ǽлă (дѣл*о*), сло́вă (слов*о*)... Мы видимъ, что окончаніе И. ед. въ существительныхъ средняго рода въ случаѣ неударенности совпадаетъ въ произношеніи съ окончаніемъ женскаго рода, срв. сла́вă (сла́в*а*).

Е.

Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, орѳографическое *е* произносится какъ открытое или ши-

---

[1]) Въ этомъ примѣрѣ имѣемъ случай, гдѣ орѳографія не указываетъ на основной звукъ, такъ какъ тутъ имѣется церковно-славянское написаніе о[к]ончанія (-аго); въ русскомъ же языкѣ—нѣсколько другое окончаніе, какъ

рокое *е* (æ) передъ твердыми согласными и какъ закрытое или узкое *е* (ɛ) передъ мягкими, напр. чæвó (чего), н'æсў (несу) || н'ɛд'éл'ǎ (недѣля), п'ɛчáл' (печаль). Не трудно замѣтить, что въ данномъ неударяемомъ положеніи произношеніе орѳографическаго *е* совпадаетъ съ произношеніемъ орѳографическаго *А* (*Я*), когда послѣднее выговаривается какъ *е* послѣ шипящихъ и мягкихъ согласныхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи (срв. чæсы́, п'ɛт'í).

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, а также послѣ ударенія внутри слова, обычнымъ отраженіемъ орѳографическаго *Е* служитъ слабый гласный, близкій къ *і* и обозначаемый нами черезъ ъ, напр. н'ъс'æнá (несена), вы́н'ъсў (вынесу); послѣ же твердыхъ шипящихъ (*ж*, *ш*) видимъ ɜ, напр. жъс'т'анóј (жестяной). Такимъ образомъ, въ данныхъ положеніяхъ произношеніе орѳографич. *Е* совпадаетъ съ произношеніемъ *А* (*Я*) въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ (срв. п'ътачóк, чъстåкóл, шɜрåвóј). Кромѣ того сходнымъ образомъ звучитъ въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ и гласный *И*, такъ что напр. словà „будетъ“ и „будитъ“ слышатся одинаково въ видѣ—бýд'ът.

Въ концѣ слова *е* сохраняется въ видѣ открытаго *е*, произносимаго кратко и слабо, напр. пóл'ǣ (поле) и т. п. Если же въ произношеніи многихъ можно слышать пóл'ǎ и т. п., то остается неяснымъ, имѣется ли въ послѣднемъ случаѣ чисто фонетическое измѣненіе, или же вліяніе аналогіи со стороны соотвѣтствующаго твердаго склоненія, напр. д'ǣлǎ (дѣло).

Ѣ

Орѳографическое *Ѣ* отражается въ неударяемыхъ положеніяхъ одинаково съ орѳ. *Е*, напр. цæнá (цѣна), цɛн'íт' (цѣнить); д'ълåвóј (дѣловой), цълåвáт' (цѣловать); вы́б'ъл'ът'

можно видѣть изъ случаевъ, когда оно сопровождается удареніемъ, какъ напр. с'л'æпóвǎ (слѣпаго), откуда заключаемъ, что въ основаніи разсматриваемаго неударяемаго гласнаго лежитъ гласный *о*.

(выб*ѣ*лить), вы̍цъд'іт' (выц*ѣ*дить); ры̍б'ǽ (рыб*ѣ*). Нужно замѣтить только о положеніи въ концѣ слова, что тутъ подстановки по аналогіи въ области окончанія *Ѣ* могутъ быть иныя, чѣмъ у *Е*.

Разсмотрѣвъ неударяемые гласные въ различныхъ положеніяхъ, мы должны теперь коснуться еще нѣкоторыхъ особенностей, наблюдаемыхъ въ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Эти особенности сводятся къ случаямъ *приглушенія* и *исчезновенія* слабыхъ гласныхъ и рѣже—*зарожденія* новыхъ слабыхъ гласныхъ, а также къ возникновенію *слогообразующихъ согласныхъ*, при чемъ всѣ эти явленія, какъ увидимъ дальше, тѣсно связаны между собою.

1) *Приглушеніе* гласныхъ зависитъ отъ того, что иногда въ томъ или другомъ слабомъ неударенномъ положеніи гласный становится на-столько слабымъ, что, находясь между глухими согласными, можетъ въ разговорной рѣчи утрачивать и свою звучность, становясь шепотнымъ или же глухимъ; срв. въ конечномъ закрытомъ неударенномъ слогѣ— шæсна̍тц^ът' (шестнадц*а*ть), ту̍тх^ът' (тутъ-х*о*ть), во второмъ слогѣ передъ удареніемъ—къс'т'æно̍ј (костяной), пъта̍му̍ (потому) и даже изрѣдка въ конечномъ открытомъ слогѣ, напр. д'єр'о̍тцă (дерет*ся*), вго̍с'т'ь (въ-гост*и*). На этихъ же примѣрахъ мы можемъ наблюдать, на-сколько можетъ стушевываться при ослабленіи неударенныхъ слоговъ граница между гласными (рто-раскрывателями) и согласными (рто-смыкателями), такъ какъ тѣ и другіе въ этихъ случаяхъ произносятся уже почти при одинаково-индифферентномъ раскрытіи рта.

2) *Исчезновеніе* слабыхъ неударяемыхъ гласныхъ наблюдается главнымъ образомъ во внутреннихъ открытыхъ послѣударенныхъ слогахъ, когда слѣдующій слогъ начинается плавнымъ или придувнымъ согласнымъ; при этомъ условіи слабые гласные не только доходятъ до своего minimum'а, но иногда даже совсѣмъ пропадаютъ, такъ что раздѣлявшіеся ими согласные оказываются теперь въ непосредственномъ сосѣдствѣ

другъ съ другомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ уменьшеніе числа слоговъ въ словѣ и перемѣщеніе слоговой границы. Примѣры: jіс | пъ | дъ | вьл' (исподоволь)→jіс | пъд | вьл'; жа́ | въ | ръ | нък (жаворонокъ)→жа́в | ръ | нък;[1]) ва́ | въ | лъч | къ̆ (наволочка)→на́в | лъч | къ̆; здрассть (здравствуйте).

Примѣчаніе. Обратный процессъ, т. е. *зарожденіе* новыхъ слабыхъ гласныхъ между двумя согласными наблюдается гораздо рѣже и носитъ преимущественно индивидуальный характеръ. Это явленіе обычно встрѣчается во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и зависитъ отъ того, что нѣкоторыя лица недостаточно тѣсно сливаютъ соприкасающіеся согласные, благодаря чему между послѣдними слышится минимальный гласный, т. е. ъ или ь, напр. гър'ечу́шнъј, съма́ро́д'ьнъ̆, къвар'т'і́ръ̆ и т. п.

3) Ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ во внутреннихъ послѣударенныхъ слогахъ слѣдуетъ нѣсколько другому пути, когда данный слогъ начинается плавнымъ или носовымъ согласнымъ, а слабый неударяемый гласный, слѣдуя за плавнымъ или носовымъ согласнымъ, сопровождается или тѣмъ же согласнымъ, или же согласнымъ близко родственнымъ по артикуляціи съ первымъ согласнымъ. Въ этомъ случаѣ гласный уже не произносится, а предшествующій согласный, соотвѣтственно удлиняясь, принимаетъ на себя функцію цѣлаго слога или—какъ иначе выражаются—становится *слогообразующимъ*, напримѣръ с'т'æпа́ннъ̆ (Степановна), хо́лдъ̆ (холода), т'а́н'т (тянетъ). Однако если согласный, слѣдующій за редуцированнымъ гласнымъ, не достаточно близокъ по своей артикуляціи къ плавному или носовому, то такого явленія можетъ не произойти и между согласными будетъ слышаться минимальный гласный, срв. жо́лъбъ̆, т'а́н'ьш. Слогообразующими могутъ становиться и другіе согласные, но лишь въ томъ случаѣ, когда слабый гласный сопровождается тѣмъ же самымъ согласнымъ, напр. новвъ̆ (новаго), высс ъла (высосала), æтта (это-то). Такіе же случаи могутъ встрѣчаться въ слабомъ слогѣ также и предъ удареніемъ, напр. ххата́л.

[2]) Въ стихахъ и басняхъ можно встрѣтить и написаніе «жавронокъ».

Результаты нашего разсмотрѣнія неударяемаго вокализма можно резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

<table>
<tr><th rowspan="2">Ударяемые гласные и ихъ ореографическое обозначеніе.</th><th colspan="4">Неударяемыя положенія гласныхъ и примѣры.</th></tr>
<tr><th>CV | ′</th><th>CV | - | ′</th><th>′ | CVC</th><th>′ | CV</th></tr>
<tr><td>á

А (Я)</td><td>а (э)

сады́ (сады)

р'або́ј и р'æбо́ј (рябой)

шал'іт' и шєліт' (шалить)</td><td>ъ, ь

стър'ікў (старику)

п'ьтачо́к (пятачекъ)</td><td>ъ, ь

пла́кът' (плакать)

с'ę́јьт' (сѣять)</td><td>ă

ла́пă (лапа)

во́л'ă (воля)</td></tr>
<tr><td>ó

(O)</td><td>å (а)

вåда́ (вода)</td><td>ъ

бърåна́ (борона)</td><td>ъ

р'а́дъм (рядомъ)</td><td>ă

с'л'ǽпă (слѣпо)</td></tr>
<tr><td>'ó или є́

(E)</td><td>æ, є

м'æтý (мету)
м'єт'о́ш (метешь)

шєс'т'і (шести)</td><td>ь, ъ

м'ьт'æна́ (метена)

жъс'т'ано́ј (жестяной)</td><td>ь, ъ

по́л'ьм (полемъ)

ло́жъм (ложемъ)</td><td>æ̆ (ă)

по́л'æ̆ (поле)

ло́жæ̆ (ложе)</td></tr>
<tr><td>ǽ или є́

(Ѣ)</td><td>æ, є

с'æкý (сѣку)

с'єк'і (сѣки)</td><td>ъ, ь

б'ьгуна́ (бѣгуна)

цъла̊ва́т' (цѣловать)</td><td>ь, ъ

в'íд'ьл (видѣлъ)

вы́цъд'ьт' (выцѣдить)</td><td>æ̆

ла́п'æ̆ (лапа)

пт'íцæ̆ (птицѣ)</td></tr>
</table>

Разсматривая всѣ гласные, какіе встрѣчаются въ каждомъ положеніи относительно ударенія (т. е. читая предложенную таблицу сверху внизъ), мы легко замѣтимъ, что самое

большое разнообразіе гласныхъ наблюдается въ слогѣ ударенномъ, гдѣ могутъ встрѣчаться всѣ основные гласные, т. е. *а*, *о*, *æ*, *є*, *у*, *ы*, *і*; нѣсколько меньшее разнообразіе представляетъ слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, гдѣ встрѣчаются всѣ гласные за исключеніемъ *о*, вмѣсто котораго произносится å или *а*; затѣмъ слѣдуетъ положеніе неударяемыхъ гласныхъ въ концѣ слова, гдѣ также встрѣчаются всѣ гласные кромѣ *о*, но за то они въ этомъ положеніи выговариваются слабо и при индифферентномъ растворѣ рта, такъ что различія ихъ выступаютъ съ малою рельефностью; самое же малое разнообразіе гласныхъ видимъ въ слогѣ второмъ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова, это —слоги индифферентныхъ гласныхъ ъ и ь, въ которыхъ смѣшиваются (конвергируютъ) весьма разнообразные основные гласные. [1])

Если мы будемъ теперь слѣдить за отраженіями каждаго ороографическаго гласнаго въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ (т. е. читать приведенную таблицу слѣва на-право), то можемъ легко подобрать примѣры на „чередованія“ ударяемыхъ гласныхъ съ гласными неударяемыми (въ родственныхъ словахъ), напр.:

А (*Я*): с*á*т (садъ) || с*а*ды́ || съдåвóј || вы́съд’іт’;
р’*á*т (рядъ) || р’*а*ды́ или р’æды́ || р’ъдåвóј || пóд-р’ът (пóдъ-рядъ);

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что смѣшеніе неударяемыхъ ороографическихъ гласныхъ въ послѣударяемыхъ положеніяхъ имѣетъ значеніе и примѣненіе въ стихотворныхъ *риѳмахъ*.

Знакомство съ особенностями неударяемаго вокализма важно для школьнаго учителя, чтобы онъ могъ сознательнѣе относиться къ ученическимъ ошибкамъ при письмѣ. Естественно, что тамъ, гдѣ произношеніе согласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ, и учащійся напишетъ правильно; отступленія будутъ тамъ, гдѣ произношеніе и правописаніе расходятся, ср. напр. *малограмотныя* ученическія написанія: «за*и*цъ», «намасл*и*ницѣ», «клан*и*ца», «суставч*и*тыхъ», «послуш*ы*ла».

О: го́т (годъ) || га̊да́ || гъда̊во́ј || по́лгъдӑ;
Е: н'о́с (несъ) и н'є́с'т' (несть вм. нести) || н'æсу́ и н'єс'і́ ||
н'ъс'æна́ || вы́н'ъсу;
Ѣ: б'ǽлъј (бѣлый) и б'є́л' (бѣль) || б'æло́ и б'єл'і́т' ||
б'ъл'ізна́ || вы́б'ъл'ът.

Чтобы показать отраженіе неударяемыхъ гласныхъ въ связной рѣчи, далѣе приводится небольшой текстъ (басня „Двѣ бочки") въ научно-фонетической транскрипціи, при чемъ слова слитно произносимыя и написаны какъ одно слово:

д'в'æбо́чк'ъ

д'в'ǽ бо́чк'і јǽхъл'ъ а̊дна́ с'в'іно́м друга́јӑ пуста́јӑ вȍтп'ǽрвъјӑ с'єб'ǽ б'æшшу́мӯ шашко́мпл'єт'о́тцӑ друга́јa фска́чн'єс'о́тцӑ а̊тн'є́ј пъмъста̊во́ј јі̀сту́ка̊т'н'а́ јі̀гро́м јі̀пы́л' ста̊лбо́м пра̊хо́жъјкстъра̊н'ǽ ска̊р'є́ј а̊тстра́хужм'о́тцӑ јєјо́-заслы́шъфшъ јіздъл'æка́ нȍ ка́к табо́чка н'і̀гра̊мка́ апо́л'за вн'є́ј н'æта́к какф'п'ǽрвъј в'ъл'іка́.

II. **Измѣненіе орѳогр.** *е* **въ** *ё*. Переходя отъ неударяемыхъ гласныхъ къ ударяемымъ, мы прежде всего замѣтимъ, что послѣдніе въ общерусской рѣчи почти не измѣняются, всегда соотвѣтствуя своему орѳографическому обозначенію, за исключеніемъ ударяемыхъ гласныхъ, обозначаемыхъ въ правописаніи черезъ *Е*, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ. Эта буква въ орѳографіи въ положеніи передъ твердыми согласными, а также въ концѣ обозначаетъ гласный звукъ о́, которому всегда предшествуетъ мягкій согласный (за исключеніемъ отвердѣвшихъ согласныхъ *ш*, *ж* и *ц*), а въ положеніи передъ мягкими согласными произносится какъ узкое или закрытое *е*; напр.: пекъ=п'о́к, *е*лка=јо́лка, мыть*е*=мыт'јо́; [1])

---

[1]) Привычка къ орѳографическому обозначенію такого о́ посредствомъ буквы *е* (или *ё*) можетъ помѣшать иному слышать въ такихъ случаяхъ гласный о́, вмѣсто котораго ему будетъ казаться какой-то особый гласный,

п'е́н'=*пень*; jе́л'=*ель*. Гласный *о* въ такихъ случаяхъ, какъ п'*о́*к (пекъ), м'*о́л* (*мелъ*), не можетъ считаться первичнымъ и произошелъ изъ *е*, что̀ подтверждаютъ: 1) правописаніе, 2) родственныя слова, въ которыхъ произносится *е* (*печь*, *мести*) и 3) физіологическая особенность такого *о*, заключающаяся въ томъ, что ему предшествуетъ мягкій согласный, тогда какъ самъ по себѣ гласный *о* не можетъ смягчить предшествующаго согласнаго, ибо въ образованіе гласнаго *о* не приходитъ приближеніе *средней* части языка къ небу; это заставляетъ предположить, что *о* въ этомъ случаѣ не исконное, а развилось изъ палятальнаго, смягчающаго гласнаго, именно —*е*, начертаніе котораго и видимъ въ ороографіи.

Такія чередованія, какъ jе́л' (ель) || jо́лкă (елка) и т. п., съ наглядностью показываютъ, что здѣсь измѣненіе 'е→'о произошло подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго въ соединеніи съ ударенностью. [1]) Но въ такомъ случаѣ остается не разъясненнымъ, какъ получилось **конечное** о́ вмѣсто конечнаго *е́*, т. е. когда не было на лицо столь существеннаго для даннаго измѣненія фактора, какъ твердость слѣдующаго согласнаго. Какъ увидимъ, есть нѣкоторыя данныя, намекающія на участіе *аналогіи* въ возникновеніи этого явленія. Такъ, въ разговорномъ языкѣ мы встрѣчаемъ двоякое произношеніе частицы ужé || ужó (послѣднее съ измѣненнымъ значеніемъ): можно думать, что въ первомъ случаѣ (ужé) частица

а между тѣмъ при начальномъ обученіи грамотѣ, т. е. когда у учащихся еще не укрѣпилась привычка къ буквѣ, послѣдніе, если имъ произнести подобныя слова и спросить, какой гласный въ нихъ слышится, всегда называютъ *о*. Малограмотныя лица въ этихъ случаяхъ иногда и пишутъ *о*. ничѣмъ не отмѣчая мягкость предшествующаго согласнаго или же согласный j, напр.: пъотъ (т. е. «пьетъ»), недаотъ (о=jо), объомъ (=объ ёмъ, т. е. «объ немъ»). Такого рода написанія попадаются изрѣдка и въ древне-русскихъ памятникахъ, напр. рубловъ и т. п.

[1]) Въ окающихъ народныхъ говорахъ данное явленіе наблюдается также въ *достаточно сильныхъ неударяемыхъ положеніяхъ* передъ твердыми согласными, напр. н'осу́ || н'ес'і и т. п.

удержала первоначальное произношеніе, а во второмъ случаѣ (ужó) видоизмѣнилась по аналогіи къ нарѣчіямъ на -ó (напр. срв. давно);[1]) другое подтвержденіе даютъ нѣкоторые народные говоры Новгородской губерніи, въ которой мѣстами—по словамъ Даля—наблюдается произношеніе *кольцé*, *хорошé*; въ этой особенности можно видѣть отраженіе старины, удержавшейся благодаря тому, что не произошло распространеніе по аналогіи окончанія *-ó*. Впрочемъ, кромѣ аналогіи можно допустить участіе *фонетическаго* фактора въ случаѣ, когда къ слову примыкало энклитическое (безударное) словечко, начинавшееся твердымъ согласнымъ, какъ напр. частицы *бы* или *-бъ*, *-ко* или *-тко*, а при существительныхъ членъ *-то*, и такимъ образомъ гласный изъ положенія въ концѣ слова переходилъ въ положеніе внутри слова при слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Въ этомъ положеніи уже онъ могъ измѣняться въ *'ó*, а затѣмъ этотъ гласный *по аналогіи* сталъ употребляться въ тѣхъ же формахъ и независимо отъ указаннаго спеціальнаго условія. На возможность такого объясненія указываетъ то, что членъ уже издавна въ русскомъ языкѣ примыкаетъ энклитически къ существительному, въ пользу чего приведемъ доказательство въ другомъ мѣстѣ книги.

Окончивъ изложеніе вопроса о появленіи конечнаго *'ó* вмѣсто *'é*, мы обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ особенностей и частностей измѣненія *'é* въ *'ó* передъ согласнымъ в н у т р и слова. Эти особенности и частности сводятся къ разъясненію слѣдующихъ случаевъ: а) ударяемое орѳограф. *Е* не имѣетъ ожидаемаго произношенія *'ó*, хотя далѣе слѣдуетъ твердый согласный, и б) произносится какъ *'ó* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ.

---

[1]) Въ народномъ языкѣ форма «ужó» встрѣчается и въ первомъ значеніи; срв. въ бѣлор.: «ну, цяперь *ужо* идзи зы мяне!» (Романовъ, Бѣлор. Сбор. IѴ 87— с. Узкое, Велиж. у., Витеб. губ.).

а)

1) Произношеніе орѳ. *Е* **какъ** *'е́*, а не какъ *'о́* имѣетъ мѣсто передъ твердымъ согласнымъ *ц* (напр. а̊т'ǽц=отецъ, а̊в'ǽц=овецъ и т. п.). Эту кажущуюся странность не трудно понять, если обратимъ вниманіе на то, что въ русскомъ языкѣ *ц* прежде было мягкимъ, да и теперь еще сохраняется такимъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ. Необходимо принять, что *процессъ измѣненія 'е́→'о́ совершался въ то время, когда ц произносилось во всѣхъ русскихъ говорахъ мягко*, а потому *'е́* въ положеніи передъ *ц* не могло быть захвачено этимъ измѣненіемъ; хотя послѣ этого *ц* и отвердѣло, но уже процессъ измѣненія 'е́→'о́ миновалъ, такъ что отвердѣніе *ц* могло теперь вызвать только измѣненіе рекурсіи предшествующаго гласнаго изъ мягкой въ твердую, благодаря чему *е* получило передъ *ц* открытое или широкое произношеніе.[1]) Подобнымъ же образомъ объясняется произношеніе 'ǽ (=орѳ. *Е*) передъ нѣкоторыми группами согласныхъ, гдѣ первый согласный былъ сначала мягкимъ и сравнительно поздно отвердѣлъ, какъ напр. въ словахъ з'ǽмскъј (земскій), п'ǽрвъј (первый), в'ǽрбӑ (верба) и т. п.; въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ еще и теперь согласный, слѣдующій за *е* въ этихъ словахъ, произносится мягко.

2) Орѳографич. ударяемое *Е* произносится какъ 'ǽ передъ твердыми согласными въ *предлогахъ* и *префиксахъ*, напр. б'ǽзгъдў (безъ году), б'ǽстълъч (безтолочь), н'ǽбъл (не былъ), н'ǽнъв'ъс'т' (ненависть). Здѣсь могла вліять аналогія тѣхъ случаевъ, гдѣ за предлогомъ или префиксомъ слѣдовалъ мягкій согласный (напр. невидаль) и слѣдовательно не могло развиваться *'о*, а также отчасти можно предполагать сравнительно позднее пе-

---

[1]) Едва ли не единственный случай гласнаго *'о́* передъ *ц* имѣется въ словѣ кл'о́цка (клецка), но это слово не природное русское, а заимствованное изъ нѣмецкаго Kloss, откуда уменьшительное Klöschen.

редвиженіе ударенія на предлогъ или префиксъ, т. е. въ то время, когда въ языкѣ уже миновала эпоха измѣненія 'é въ 'ó.

3) Теперь мы укажемъ еще группу словъ, гдѣ орѳографическое ударяемое *Е* передъ твердымъ согласнымъ также имѣетъ произношеніе 'ǽ, напр.: п'ǽрст (перстъ), кр'ǽст (крестъ), в'ǽтхъј (ветхій), ч'уд'ǽс (чудесъ), суд'ǽп (судебъ). Особенность произношенія этихъ словъ объясняется тѣмъ, что они заимствованы въ русскій языкъ изъ *церковно-славянскаго*, въ которомъ—какъ извѣстно—буква *е* никогда не выговаривается какъ *ё*, а только какъ *е*. Въ самыхъ словахъ мы можемъ открыть нѣкоторые признаки церковно-славянскаго вліянія. Это прежде всего—оттѣнокъ значенія церковный или книжный (срв. выраженія—„ветхій завѣтъ“, „перстъ Божій“, „книга судебъ“ и т. п.), а затѣмъ—рядомъ съ этими словами обычно имѣются и природныя русскія съ гласнымъ 'ó и съ обыденнымъ значеніемъ, напр. нап'óрстък (наперстокъ), кр'óснъј (крестный), в'óтъш (ветошь) || в'ǽтъш.

4) Въ словахъ *иностранныхъ* тоже ударяемое орѳограф. *Е* передъ твердыми согласными имѣетъ произношеніе 'ǽ, напр. план'ǽта (планета), кървал'ǽр (кавалеръ) и мн. др. Въ этомъ случаѣ заимствованныя слова произносятся съ тѣмъ ударяемымъ гласнымъ, какой имѣется въ иностранномъ языкѣ. Произношеніе *е* какъ ё въ такихъ словахъ, какъ *гувернеръ*, *актеръ* и т. д., не является исключеніемъ отсюда, такъ какъ это—слова французскаго происхожденія, а во французскомъ въ нихъ произносится гласный ö, изображаемый въ орѳографіи начертаніемъ *еи*.

5) Наконецъ, мы должны указать еще рядъ словъ, гдѣ ударяемое орѳ. *Е* не произносится какъ 'ó передъ твердыми согласными потому, что это начертаніе ошибочно утвердилось въ орѳографіи вмѣсто *Ѣ*, которому не свойственно произношеніе 'ó, напр. блескъ, вредъ, запретъ, мелкій, треба, членъ, брегъ и т. п. (сюда же относится неударяемое *е* въ словѣ „песокъ“); въ старо-славянскихъ памятникахъ соотвѣтствую-

щія слова дѣйствительно пишутся черезъ ѣ, напр. блѣскъ, врѣдъ, пѣсъкъ и т. п. (срв. стр. 29).

Примѣчаніе. Въ новомъ церковно-славянскомъ языкѣ приведенныя слова пишутся уже черезъ є, т. е. одинаково съ русскимъ правописаніемъ, напр.: блеск, вред, запретити, требую, брег, песок и т. д. Подобное совпаденіе ороографіи ново-церковно-славянской съ русскою объясняется продолжительностью взаимодѣйствія и естественно приводитъ къ тому педагогическому выводу, что въ средней школѣ долженъ изучаться именно современный церковно-славянскій языкъ, а не старо-славянскій, изученіе котораго должно быть отнесено къ спеціальному высшему образованію, хотя элементарное знакомство съ нимъ можетъ быть даваемо въ старшихъ классахъ средней школы при прохожденіи высшаго курса русской грамматики.

б)

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ ударяемое ороо. *Е* имѣетъ произношеніе *'ó* не смотря на то, что слѣдующій согласный мягокъ. Всѣ эти случаи объясняются *аналогіей*. Такъ, напр. отъ слова „береза" въ Д. Пр. ед. ожидалось бы произношеніе б'ер'éз'ǣ (березѣ), такъ какъ тутъ за ударенным *е* слѣдуетъ мягкій согласный (з') и стало быть *'é* не должно было измѣниться въ *'ó*, однакожъ приведенная форма выговаривается съ гласнымъ *'ó*. Эта странность объясняется слѣдующимъ образомъ. Всматриваясь въ склоненіе слова „береза", не трудно замѣтить, что во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ лишь приведенныхъ, согласный *з* остается твердымъ, а потому передъ нимъ и ударяемый гласный *'е* измѣнился въ *'о*, а затѣмъ по *аналогіи* и въ Д. и Пр. ед. явилось тоже *'о*, т. е. б'ер'óз'ǣ вм. б'ер'éз'ǣ.

Другой случай произношенія *'ó* вм. *'é* мы имѣемъ въ окончаніи Тв. ед. именъ ж. р. на *-я*, напр. з'ємл'ōјў (землею), по аналогіи къ окончанію того же падежа въ твердомъ склоненіи (напр. женою). Въ области спряженія аналогіей объясняется произношеніе *'ó* передъ *те* во 2 мн., напр. н'єс'óт'ǣ (несете) ↑ къ н'єс'óм (несемъ), н'єс'óт (несетъ).

Нужно еще указать на появленіе гласнаго *'о́* вм. 'е́ передъ мягкими согласными въ словахъ производныхъ, по аналогіи къ производящимъ, напр. въ *существ.*—кул'о́чьк (кулечекъ) ↑ кул'о́к (кулекъ), рубл'о́в'ьк (рублевикъ) ↑ къ рубл'о́въј (рублевый); въ *прилагат.*—зелёненькій ↑ къ зелёный, весёленькій ↑ къ весёлый.

Намъ осталось теперь упомянуть, что и ударяемое ороографич. *Ѣ*, обычно звучащее въ положеніи передъ твердыми согласными и также въ концѣ словъ какъ æ, т. е. какъ широкое или открытое э, а въ положеніи передъ мягкими согласными какъ узкое или закрытое э (напр. п*ѣ*лъ=п'æл, *ѣ*л==јæл, рук*ѣ*=рук'æ; п*ѣ*ли=п'е́л'ї, *ѣ*ли=ј'е́л'ї), въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ произносится какъ *о́*, при чемъ почти всѣ они объясняются аналогіей. Такъ, аналогіей объясняется произношеніе з'в'о́здӹ (множ. отъ „звѣзда“):

с'л'æза́ (слеза) : с'л'о́зӹ (слезы)=з'в'æзда́ (зв*ѣ*зда) : *x*
x=з'в'о́здӹ.

Аналогіей же объясняется произношеніе *'о́* на мѣстѣ *ѣ* въ словахъ: гн*ѣ*зда (↑ къ рёбра), над*ѣ*ванъ (↑ къ воёванъ), прош. вр. пріобр*ѣ*лъ (↑ къ мёлъ), област. б*ѣ*гъ (↑ къ тёкъ). Произношеніе же цв'о́л (цв*ѣ*лъ) и с'о́длӑ (с*ѣ*дла) объясняется иначе, а именно тѣмъ, что въ этихъ словахъ начертаніе *Ѣ* утвердилось въ ороографіи ошибочно вм. *Е*, какъ это видно изъ написаній тѣхъ же словъ въ старо-славянской письменности: цвьлъ, седьло; въ русскомъ языкѣ въ этихъ словахъ стало писаться *Ѣ* по аналогіи къ написаніямъ „цвѣтъ“ и „сѣсть“, такъ что здѣсь имѣется графическая аналогія, т. е. аналогія въ области письма. Вообще же ороограф. *Ѣ*, въ отличіе отъ ороогр. *Е*, не измѣнялось фонетически въ *'о*, откуда получается тотъ хронологическій выводъ, что *процессъ измѣненія 'е* въ *'о начался въ то время, когда звуки ороографическихъ Е* и *Ѣ различались въ произношеніи.*

Скажемъ въ заключеніе, что выясненіе особенностей произношенія ударяемыхъ орѳогр. *Е* и *Ѣ* весьма важно не только для фонетики, но также и для пониманія русской орѳографіи; поэтому мы и сочли нужнымъ остановиться съ бо́льшими подробностями на данномъ вопросѣ. [1])

III. **Бѣглые гласные.** Нѣкоторые гласные русскаго языка имѣютъ свойство въ извѣстныхъ положеніяхъ исчезать. Такіе гласные называются бѣглыми въ отличіе отъ постоянныхъ. Постоянными гласными могутъ быть всѣ орѳографическіе гласные, бѣглыми же только орѳографическіе *Е* и *О* въ опредѣленныхъ словахъ. Заслуживаетъ вниманія, что постоянные орѳографическіе *О* и *Е* въ старо-славянской письменности обозначаются начертаніями **о** и **є**, напр. пророкъ—пророку || ст.-сл. **пророкъ—пророкоу**, вечеръ—вечеру || ст.-сл. **вєчєръ—вєчєроу**; что же касается бѣглыхъ гласныхъ, то въ старо-славянской письменности вмѣсто нихъ видимъ начертанія **ъ** и **ь**, напр. сонъ—сну || ст.-сл. **сънъ—съноу**, день—дни || ст.-сл. **дьнь—дьни**, ленъ—льну || **льнъ—льноу**.

Какъ можно догадываться изъ приведенныхъ старо-славянскихъ начертаній, явленіе бѣглыхъ гласныхъ русскаго языка объясняется тѣмъ, что нѣкогда вмѣсто нихъ произносились узкіе краткіе гласные—ў на мѣстѣ бѣглаго *о* и ĭ на мѣстѣ бѣглаго *е* [2]), затѣмъ при однихъ условіяхъ усилившіеся въ соотвѣтствующіе болѣе широкіе гласные, а при другихъ усло-

---

[1]) Я не раздѣляю того мнѣнія, что буква *ѣ*, какъ излишняя, должна быть исключена изъ русской орѳографіи; въ отвѣтъ же на замѣчаніе, что будто изученіе употребленія этой буквы сильно затрудняетъ учащихся, я долженъ указать на особый пріемъ обученія правописанію буквы *ѣ* въ корняхъ словъ, который я съ успѣхомъ примѣнялъ въ Казанской Татарской Учительской Школѣ и который изложенъ въ моихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], стр. 144—146.

[2]) Это доказывается сравненіемъ съ родственными языками, напр. сонъ ≠ греч. ὕπνος, день ≠ скт. dĭnam, ленъ ≠ лат. lĭnum.

віяхъ ослабѣвшіе до исчезновенія. Расширеніе краткихъ гласныхъ ъ (ў) и ь (ĭ) происходило въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ, которымъ оканчивалось слово, содержалъ тоже краткій ъ (ў) или ь (ĭ), срв. сонъ=ст.-сл. сънъ, день=ст.-сл. дьнь, ленъ=льнъ; исчезновеніе же данныхъ краткихъ гласныхъ видимъ въ концѣ слова, а внутри слова въ томъ случаѣ, когда слѣдующій слогъ содержалъ полный гласный (т. е. не ъ или ь), напр. сну, дни, льну. [1]) Надо впрочемъ замѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при полномъ гласномъ въ слѣдующемъ слогѣ, краткіе ъ (ў) и ь (ĭ) иногда оказываются расширившимися, если имъ предшествовала или слѣдовала за ними группа *согласныхъ*, срв. хитреца (ст.-сл. хытрьца), блоха (блъха), со (съ) мною и т. п. Нужно замѣтить при этомъ о неодинаковомъ вліяніи разныхъ согласныхъ группъ; такъ, въ группахъ съ плавнымъ оказывается разница въ зависимости отъ того, предшествуетъ плавному или же слѣдуетъ за нимъ согласный не-плавный, напр. съ крѣпкими || со лбомъ; аналогичное различіе наблюдается также при группѣ *св* || *вс*, напр. съ свѣтлой улыбкой || совсѣмъ.

Кромѣ случаевъ фонетическаго происхожденія, бѣглые гласные могутъ получаться по *аналогіи*, и притомъ неодинаковымъ путемъ:

1) Къ первой категоріи относимъ случаи, гдѣ бѣглый гласный появился *между двумя согласными, искони соприкасавшимися между собою*, напр. въ словахъ огонь, вѣтеръ и т. д. Приведенныя слова должны были бы звучать „огнь“ и „вѣтръ“, какъ указываютъ на это соотвѣтствующія старославянскія слова огнь и вѣтръ, которыя не имѣютъ внутри

---

[1]) Исчезновеніе ь (ĭ) представляетъ ту особенность по сравненію съ исчезновеніемъ ъ (ў), что послѣ исчезновенія перваго предшествовавшій ему согласный оказывается смягченнымъ, срв. д'ен', л'ну. Изъ этого слѣдуетъ, что *эпоха смягченія согласныхъ древнѣе эпохи бѣглыхъ гласныхъ*.

краткихъ гласныхъ ъ и ь. [1]) Очевидно, что сходство этихъ словъ въ косвенныхъ падежахъ со словами, имѣющими бѣглые гласные (вѣтру : отцу, огню : локтю), вызывало въ нихъ по аналогіи къ послѣднимъ гласные *о* или *е* въ Им. ед. Что касается выбора бѣглаго гласнаго (*е* или же *о*), являющагося по аналогіи, то таковой выборъ опредѣляется *фонетическимъ* моментомъ, а именно: послѣ задне-язычныхъ согласныхъ—*о*, послѣ же согласныхъ другихъ разрядовъ—*е*; срв. еще о к *о* н ъ (Р. мн. отъ „окно", окно), с т е к *о* л ъ (Р. мн. отъ „стекло", стькло), р е б *е* р ъ (Р. мн. отъ „ребро", ребро), т е п *е* л ъ (теплъ), ч и с *е* л ъ (Р. мн. отъ „число", число), в ё с *е* л ъ (Р. мн. отъ „весло", весло), з е м *е* л ь (Р. мн. отъ „земля", земля), з а м ы с *е* л ъ || з а м ы с л ъ и др. Если на такое вторичное *е* приходится удареніе при слѣдующемъ твердомъ согласномъ, то будетъ произноситься 'о, напр. о с т ё р ъ (остръ), х и т ё р ъ (хытръ).

2) Сюда относятся тѣ случаи, гдѣ бѣглый гласный явился *вмѣсто ожидаемаго нуля между двумя согласными, нѣкогда раздѣленными слабыми ъ или ь*; причина появленія такого бѣглаго гласнаго здѣсь лежитъ опять-таки въ аналогіи, но уже не къ другимъ словамъ, а къ другимъ формамъ того же или родственнаго слова. Этимъ путемъ объясняется возникновеніе такихъ параллельныхъ формъ, какъ—с *о* ж е ч ь, с *о* ж и г а т ь при обычныхъ—*сжечь*, *сжигать*. Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ вниманіе на спряженіе глагола „сжечь", то замѣтимъ, что нашъ префиксъ встрѣчается въ обоихъ видахъ—*со* и *с* (срв. *сжегъ* || *сожгу*). По аналогіи къ такимъ формамъ, какъ *со*жгу, *со*жжешь и пр., и образовались—*со*жечь, *со*жигать. Подобнымъ образомъ *с о* б и р а т ь при *с*бирать возникло подъ вліяніемъ такихъ образованій, какъ—*со*брать. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ и случаи, въ которыхъ утвердился по аналогіи *постоянный гласный* (*о* или

---

[1]) Если же тѣмъ не менѣе и въ русскомъ языкѣ, особенно въ поэзіи, встрѣчаемъ эти слова также въ видѣ «огнь» и «вѣтръ», то послѣднія слѣдуетъ отнести на счетъ церковно-славянскаго вліянія.

е) вм. бѣглаго, напр. вз*д**о*ха Р. ед.—по аналогіи къ „вз*д**о*хъ“ (*въздъхъ), *ч**е*сти Р. ед.—по аналогіи къ „честь“ (чьсть).

3) Укажемъ наконецъ такіе случаи бѣглыхъ гласныхъ, которые возникли *вмѣсто постоянныхъ* по аналогіи къ другимъ словамъ съ фонетическими бѣглыми гласными; такъ напр., слово „урокъ“, имѣя постоянный гласный *о*, сохраняетъ этотъ гласный во всѣхъ падежахъ, однако въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ (напр. въ Каз. губ.) это слово, послѣдовавъ аналогіи такихъ словъ съ фонетическимъ бѣглымъ гласнымъ, какъ „курокъ“ (Р. ед. кур‸ка) и т. п., стало склоняться подобно послѣднимъ, т. е. уже съ бѣглымъ гласнымъ, напр. Р. ед. урка́ и т. д. Къ случаямъ перехода, путемъ аналогіи, постояннаго гласнаго *е* въ категорію бѣглаго относятся: камень—камня || ст.-сл. камы—камене, корень—корня || ст.-сл. корѧ—корене; встрѣчающееся въ Арх. губ. произношеніе каменя, кореня, подобно соотвѣтствующимъ словамъ въ млр. и блр., представляетъ сохраненіе первичнаго *е* и доказываетъ, что формы съ бѣглымъ *е* въ этихъ словахъ явились подъ вліяніямъ аналогіи уже по діалектическомъ распаденіи основно-русскаго языка.

Исчезновеніе слабыхъ ъ (*ў*) и ь (*ĭ*) имѣло своимъ послѣдствіемъ рядъ фонетическихъ перемѣнъ въ русскомъ языкѣ и прежде всего *уменьшеніе въ словахъ числа слоговъ и измѣненіе ихъ типа.* Число слоговъ соотвѣтственно убавлялось на одинъ слогъ, такъ что слова въ родѣ льнъ, дьнь, пьсъ изъ двусложныхъ превратились въ односложныя. При этомъ исчезновеніе конечныхъ *ъ* и *ь* сопровождалось превращеніемъ прежнихъ открытыхъ слоговъ въ закрытые, исчезновеніе тѣхъ же гласныхъ внутри слова приводило въ соприкосновеніе согласные, раньше раздѣленные этими гласными. Въ дальнѣйшемъ исчезновеніе конечныхъ *ъ* и *ь* сопровождается переходомъ звонкихъ согласныхъ, теперь оказавшихся конечными, въ глухіе; съ исчезновеніемъ тѣхъ же гласныхъ внутри слова

соприкасающіеся теперь согласные могли подвергаться процессу ассимиляціи, напр. овца (овьца) произносится уже офца, т. е. вмѣсто звонкаго согласнаго *в* передъ слѣдующемъ глухимъ произносится соотвѣтствующій глухой (*ф*).

Обратимъ еще вниманіе на то, что бѣглое *е*, подобно постоянному, при извѣстныхъ условіяхъ также измѣнилось въ *'о*, напр. л'ôн (орѳ. *ленъ*=ст.-сл. льнъ). Не трудно видѣть, что для того, чтобы *'е*, произшедшее изъ первоначальнаго ь (=ĭ), могло измѣниться въ *'о*, нужно, чтобы къ этому времени этотъ первоначальный гласный ь (=ĭ) расширился при извѣстныхъ условіяхъ въ *е* и совпалъ съ постояннымъ *е*. Отсюда слѣетъ, что *процессъ развитія бѣглыхъ гласныхъ предшествовалъ измѣненію 'е→'о*. Въ эпоху *Остромирова Евангелія* (полов. XI вѣка) въ русскомъ языкѣ явленіе бѣглыхъ гласныхъ уже болѣе или менѣе сложилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ отчасти, совершилось и измѣненіе *'е→'о*.

IV. **Полногласіе.** Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію звукового явленія, называемаго въ русской грамматикѣ полногласіемъ, которое—какъ увидимъ—имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, нежели бѣглые гласные, и заключается въ томъ, что въ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ, первоначально состоявшихъ изъ гласнаго съ плавнымъ согласнымъ и находившихся въ положеніи между согласными, развивался послѣ плавнаго новый гласный, одинаковый съ гласнымъ, предшествовавшимъ плавному. Это явленіе, наблюдаемое во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ русскомъ языкѣ, началомъ своимъ восходитъ въ общеславянскую эпоху, откуда первоначальное звуковое сочетаніе развивается въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ двоякимъ образомъ: въ русскомъ языкѣ развивается полногласіе, въ другихъ же славянскихъ языкахъ происходитъ перестановка звуковъ съ удлиненіемъ гласнаго или безъ удлиненія его. Такъ, напр., общеслав. *bordā развилось въ

русское борода и ст.-сл. брада, гдѣ а послѣ р произошло изъ удлиненнаго *о* (срв. далѣе рус. берегъ и ст.-сл. брѣгъ, рус. голова и ст.-сл. глава, рус. молоко и ст.-слав. млѣко).

Въ русскомъ языкѣ рядомъ съ полногласными формами нерѣдко встрѣчаются похожія на старо-славянскія, напр. *середа* || *среда*, *голова* || *глава*, *волость* || *власть* и т. п., при чемъ параллельныя формы естественно объяснить вліяніемъ церковно-славянскаго языка. [1]) Въ этомъ убѣждаетъ не одинъ внѣшній видъ этихъ формъ, но и значеніе: полногласныя формы имѣютъ значеніе болѣе обыденное или болѣе конкретное, формы же, вошедшія въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго,—болѣе абстрактное или книжное и даже прямо церковное. Нѣкоторыя церковно-славянскія формы получили исключительное господство въ русскомъ литературномъ языкѣ, напр. врагъ вм. полногласной формы ворогъ, сладкій вм. солодкій, владѣть вм. володѣть и т. д., хотя еще въ XIV в. встрѣчаемъ въ письменности *ворога* и нѣк. др. слова, сохраняющіяся въ народныхъ говорахъ и доселѣ. Стихотворная поэзія XVIII в. оказала особенно радушный пріемъ формамъ неполногласнымъ или церковно-славянскимъ, но въ слѣдующемъ вѣкѣ со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться формы полногласныя или чисто русскія.

До сихъ поръ передъ нами были тѣ случаи полногласія или перестановки, гдѣ въ основной (первоначальной) группѣ плавному предшествовали гласные *е* или *о*; теперь мы должны обратиться къ тѣмъ основнымъ группамъ, гдѣ плавному

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ словахъ церковно-славянскаго происхожденія съ *ре*, напр. среда, вредъ и т. д., пишется *е*, какъ и въ новомъ церковно-славянскомъ, тогда какъ въ старо-славянскомъ писалось ѣ. Замѣна этого послѣдняго начертанія посредствомъ *е* можетъ быть объяснена аналогіей къ написаніямъ черезъ *е* соотвѣтствующихъ русскихъ полногласныхъ формъ (т. е. середа. вередъ и т. д.).

предшествовали ъ (ў) или ь (ĭ). Такъ какъ отраженія послѣднихъ группъ представляютъ нѣкоторую особенность по сравненію съ раньше разсмотрѣнными, то эта категорія отличается особымъ наименованіемъ „*второго* полногласія", въ отличіе отъ „перваго", разсмотрѣннаго выше. Эта особенность заключается въ томъ, что вновь развившіеся въ русскомъ языкѣ послѣ плавнаго слабые ъ или ь затѣмъ исчезли, вызвавъ расширеніе первичныхъ ъ и ь, стоявшихъ передъ плавнымъ, въ *о* и *е* (т. е. какъ это мы видѣли при бѣглыхъ гласныхъ), такъ что въ этомъ случаѣ полногласіе какъ бы утеривалось; въ старо-славянскомъ языкѣ случаямъ второго полногласія соотвѣтствуютъ „перестановочныя" написанія, но безъ удлиненія гласнаго. Такъ, напр., общеслав. *ръгvъ отражается въ древне-русской письменности (XI — XII в.) въ видѣ първъ, современ. первый (ст.-слав. прьвъ). На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что *сначала въ русскомъ языкѣ развилось полногласіе, а затѣмъ уже явленіе бѣглыхъ гласныхъ.* Съ появленіемъ послѣднихъ стали возможны новообразованія въ нѣкоторыхъ словахъ со вторымъ полногласіемъ по аналогіи къ словамъ съ первичными бѣглыми гласными; такъ возникло народное „столо́бъ" (вм. столбъ) || столба́ по аналогіи къ лобъ || лба, или „верёхъ" (т. е. верхъ—Новгор. губ.) || верха́ по аналогіи къ такимъ словамъ, какъ хорёкъ || хорька. Этимъ путемъ данныя слова стали напоминать внѣшнимъ образомъ слова съ первымъ полногласіемъ.

Разсматривая явленія полногласія и перестановки, не трудно замѣтить, что, благодаря имъ, первоначальные закрытые слоги, замыкавшіеся плавнымъ, превратились въ открытые (*bor | dā→рус. боро | да, ст.-сл. бра | да, пол. bro | da; *ръг | vъ→др.-рус. пър | въ, ст.-сл. пръ | въ).

Далѣе, нужно еще замѣтить, что полногласіе въ словахъ бываетъ или *постояннымъ*, или же *перемѣннымъ* (т. е. чередующимся съ неполногласными образованіями). Постояннымъ оно

бываетъ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ согласный, первоначально слѣдовавшій за плавнымъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ принадлежалъ корню, напр. въ случаѣ перваго полногласія срв. „бород-а“ (К. *bord-), въ случаѣ второго полногласія срв. „вер*т*-ѣть“ или др.-рус. вьрьт-ѣти (К. *vьrt-). Перемѣннымъ оно является въ тѣхъ словахъ, гдѣ корень кончался плавнымъ согласнымъ, а суффиксы, присоединявшіеся къ корню, начинались частію съ согласнаго звука, частію же съ гласнаго. Если за такимъ корнемъ слѣдовалъ суффиксъ, начинавшійся съ согласнаго, то развивалось полногласіе, напр. отъ К. *sol*-, когда далѣе слѣдовалъ суффиксальный согласный (*н*), русскій языкъ развилъ полногласное образованіе с о *л о* н ъ (ст.-сл. сланъ), когда же къ корню *sol*- присоединялся суффиксальный гласный (ь=ĭ), то плавный согласный уже переставалъ замыкать слогъ, такъ какъ въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ (т. е. so | lь), а потому и не было повода къ развитію полногласія (ст.-сл. соль, рус. соль). Въ примѣръ перемѣннаго второго полногласія можемъ взять корень **mъr*-; если за нимъ слѣдовалъ согласный (*t*), то развилось полногласіе (срв. др.-рус. съм*ь*рьть, соврем. см*ер*ть), если же слѣдовалъ гласный, то полногласія не происходило (срв. др.-рус. мъ*р*у, соврем. м*р*у).[1])

---

[1]) Замѣтимъ, что *носовые гласные* тоже были постоянными и перемѣнными. Постоянными они были въ томъ случаѣ, когда согласный, первоначально слѣдовавшій за носовымъ согласнымъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ принадлежалъ корню, напр. пѧть (рус. пять), пѫть (рус. путь). Но если корень оканчивался носовымъ согласнымъ, а присоединявшіеся къ корню суффиксы начинались частію съ согласнаго, частію же съ гласнаго звука, то въ первомъ случаѣ развивался носовой гласный (напр. отъ корня *čьn* происходитъ неопр. накл. ст.-слав. начѧти, рус. нач*а*ть), во второмъ же случаѣ носовой согласный въ слоговомъ отношеніи соединялся съ слѣдующимъ гласнымъ и потому сохранялся (напр. отъ того же корня происходитъ наст. вр. начьнѫ, рус. нач*н*у). Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что отмѣчаемое нерѣдко мудренымъ названіемъ явленіе «разложеніе

Примѣчаніе. Мы указывали, что полногласіе развивалось въ положеніи передъ «согласными»; но здѣсь нужно сдѣлать одну оговорку, а именно, что согласный j не вызывалъ развитія полногласія, такъ какъ успѣлъ уже слиться съ предъидущими плавными согласными въ одинъ мягкій плавный согласный, который въ слоговомъ отношеніи произносился вмѣстѣ съ слѣдующимъ гласнымъ, напр. *борю*, где р' получилось изъ *rj.

V. **Подъемъ.** Подъемомъ въ фонетикѣ русскаго языка называется нѣкоторое чередованіе корневыхъ гласныхъ, встрѣчающееся при словопроизводствѣ, особенно въ глаголахъ, и соединенное съ измѣненіемъ оттѣнка значенія, напр. нести || носить || на́шивать. Терминъ „подъемъ", иначе—„усиленіе", теперь можетъ считаться уже устарѣвшимъ, благоларя освѣщенію даннаго вопроса съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, которая показала, что здѣсь имѣются обычныя чередованія гласныхъ безъ какого-либо особаго ихъ усиленія. Кромѣ того, она разъяснила, что эти чередованія сложились въ разныя эпохи, а потому ихъ и слѣдуетъ подраздѣлить соотвѣтственно ихъ возрасту; такъ, одни изъ нихъ восходятъ къ отдаленнымъ временамъ праязыка аріо-европейскаго, другія образовались въ эпоху славянскаго праязыка, а самый новый слой сложился на почвѣ русскаго языка. Подъемныя чередованія „аріо-европейскаго" происхожденія разсматриваются въ сравнительной грамматикѣ аріо-европейскихъ языковъ (сюда относятся случаи въ родѣ —нести || носить, *лѣзть* || *лазить*, и т. п.). Что же касается такъ называемаго „славянскаго" подъема, то онъ представляетъ чередованіе корневыхъ краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими въ связи съ „видовымъ" различіемъ значенія при производствѣ глаголовъ на *-а́ть*, *-а́ю* отъ простыхъ глаголовъ; это чередованіе, уже значительно стершееся въ русскомъ языкѣ, въ большей полнотѣ является въ языкѣ ста-

---

юсовъ» есть не болѣе, какъ ученая фикція, уже отошедшая въ область преданія; въ дѣйствительности тутъ не разложеніе, но разное развитіе одного и того же первоначальнаго сочетанія въ зависимости отъ того, слѣдовалъ ли далѣе согласный, или же гласный.

ро-славянскомъ, напр. мєсти < въмѣтати, могѫ < помагати, чьтѫ < читати, зъвати < възывати; здѣсь мы видимъ чередованіе краткихъ гласныхъ съ соотвѣтствующими долгими: є || ѣ, о || а, ь || и, ъ || ы; то, что первоначально є, о, ь, ъ были краткими гласными, а ѣ, а, и, ы—долгими, доказывается въ сравнительной грамматикѣ. Въ русскомъ языкѣ удержались главнымъ образомъ два послѣднія чередованія, т. е. такія, какъ ч‸ту < поч*и*таю, з‸вать < приз*ы*вать; что же касается первыхъ двухъ, то по отношенію къ нимъ мы уже встрѣчаемъ отступленія: такъ, напр., видимъ глаголъ „пом*о*гать" (съ гласнымъ *о*, а не *а*), а въ такихъ случаяхъ, какъ „заметать", пишется *е*, а не *ѣ*. Но если „славянскій" подъемъ значительно стушевался въ русскомъ языкѣ, то за то въ послѣднемъ широко развился новый „русскій" слой подъема при производствѣ глаголовъ на *-ывать* и *-ивать* съ удареніемъ на корневомъ слогѣ, напр.: носи́ть < прин*а́*шивать, мета́ть < перем*ё*тывать, ч*и*та́ть < переч*и́*тывать и пр. Такимъ образомъ, если „славянскій" подъемъ основывается на отношеніи долготы и краткости гласныхъ, то „русскій" подъемъ—на удареніи.

Глава V.

Консонантизмъ: физіологическія измѣненія согласныхъ въ положеніи передъ гласными и другими согласными; акустическія замѣны.

Явленія въ области согласныхъ мы можемъ прежде всего раздѣлить на *физіологическія* измѣненія и *акустическія* замѣны. Разсматривая первыя, необходимо имѣть въ виду, что они имѣютъ мѣсто не при всякомъ сочетаніи звуковъ: въ однихъ сочетаніяхъ согласные болѣе устойчивы, въ другихъ же менѣе устойчивы. Изучая физіологическія измѣненія согласныхъ въ разныхъ сочетаніяхъ, мы разсмотримъ сначала измѣненія согласныхъ въ сочетаніи съ гласными звуками, а затѣмъ измѣненія въ сочетаніи съ другими согласными.

I. Физіологическія измѣненія.

А. Сочетанія согласныхъ съ гласными. Согласные въ сочетаніи съ орѳографическими гласными *А*, *О*, *У*, *Ы* не измѣняются,[1]) а потому мы обратимся къ разсмотрѣнію

---

[1]) Впрочемъ въ сочетаніи съ гласными *О* и *У* они пріобрѣтаютъ нѣкоторую *лябіализацію*, т. е. характерное для этихъ гласныхъ округленіе и выпячиваніе губъ; это происходитъ вслѣдствіе того, что во время артикуляціи согласныхъ въ этомъ случаѣ происходитъ подготовленіе губъ для послѣдующаго лябіализованнаго гласнаго; такъ, напр., въ сочетаніи *ТО* согласный *т* нѣсколько лябіализованъ.

измѣненій согласныхъ въ сочетаніи съ гласными, обозначаемыми въ орѳографіи черезъ *Е*, *Ѣ*, *И* (*І*). Въ сочетаніи съ послѣдними согласные представляютъ измѣненія, называемыя *смягченіемъ* и происшедшія въ исторіи языка благодаря тому, что означенные гласные произносятся при приближеніи средней части языка къ небу;[1]) эта артикуляція, сообщаясь предшествующему согласному, постепенно вызвала мягкое его произношеніе.

Разсмотримъ измѣненія разныхъ согласныхъ въ сочетаніи со смягчающими гласными: согласные губные и переднеязычные смягчились въ соотвѣтствующіе мягкіе, срв. труба́ || труб’ӕ (трубѣ), ва̊да́ || ва̊д’ӕ (водѣ); согласные заднеязычные въ сочетаніи со смягчающими гласными измѣнились въ согласные шипящіе, ср. пра̊ро́к || пра̊ро́чьт’ (пророчить), мно́гъ || мно́жът’ (множить), стра́х || страшы́т’ (страшить). Измѣненіе к→ч, г→ж, х→ш произошло такимъ образомъ, что согласные *к*, *г* и *х* сначала смягчились въ *к*’, *г*’ и *х*’, а затѣмъ эти послѣдніе постепенно переродились въ мягкіе *ч*, *ж* и *ш*. Такимъ образомъ, согласные губные и переднеязычные въ своемъ смягченіи прошли только одну фазу (напр. п...п’, т....т’), согласные задне-язычные прошли двѣ фазы (напр. к....к’.....ч).[2]) Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ и потому развитіе этого смягченія можно отнести ко временамъ

[1]) Нёбо по-латыни palatum, почему эти гласные нерѣдко называютс палятальными или небными (въ отличіи отъ губныхъ), хотя правильнѣе называть по дѣйствующему органу—средне-язычными.

[2]) Аналогичная неравномѣрность процесса наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, напр. романскихъ; такъ, въ итал. и французскомъ губные и передне-язычные согласные почти еще не затронуты смягчающимъ вліяніемъ послѣдующихъ палятальныхъ гласныхъ, тогда какъ заднеязычные согласные успѣли уже переродиться въ другой звукъ подъ вліяніемъ смягченія; срв. лат. *t*e=итал. *t*e и фр. *t*e (гдѣ *t* сохраняетъ еще твердость) || лат. *g*enus *g*eneris=итал. *g*enere (гдѣ *g* произносится какъ дж) и франц. *g*enre (гдѣ начертаніемъ *g* передается звукъ ж).

славянскаго праязыка, смягченіе же согласныхъ губныхъ и передне-язычныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе подъ вліяніемъ слѣдующихъ палатальныхъ гласныхъ, наблюдаемое лишь въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ языковъ, слѣдуетъ считать развившимся уже по обособленіи послѣднихъ. И такъ, *смягченіе передъ палатальными гласными задне-язычныхъ согласныхъ въ шипящіе древнѣе смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ въ соотвѣтствующіе мягкіе.* Къ разсматриваемой группѣ относятся также случаи смягченія согласныхъ передъ ороограф. *Я* (послѣ шипящихъ—*А*)=ст.-сл. ѧ (напр. пять= ст.-сл. пѧть, на*чать*=ст.-сл. начѧти), такъ какъ сначала здѣсь былъ смягчающій гласный *е* съ носовымъ призвукомъ; сюда же принадлежатъ случаи смягченія согласныхъ передъ гласнымъ ь (ĭ) впослѣдствіи исчезнувшимъ (напр. т'ма=ороо. *тьма*, ло́ш=ороо. ло*жь*, гдѣ *ж* изъ *г*, срв. *лгать*).

Задне-язычные согласные кромѣ смягченія въ шипящіе знаютъ еще смягченіе въ свистящіе (к→ц, г→з, х→с). Это смягченіе обычно встрѣчается передъ *ѣ* позднѣйшаго происхожденія (т. е. передъ *ѣ* изъ дифтонговъ ае. *ŏi и *ăi), напр. въ словѣ *ц*ѣна (срв. литов. kaina, греч. *ποινή*); [1]) такое смягченіе наблюдается въ церковно-славянскомъ языкѣ въ Дат. и Предл. ед. основъ на задне-язычный согласный (напр. рѫцѣ, нозѣ, доусѣ и т. п.), а также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи, но въ великорусскомъ оно замѣнилось соотвѣтствующимъ согласнымъ задне-язычнымъ по аналогіи къ другимъ падежамъ (срв. рукѣ, ногѣ, духѣ). *Смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе* (*ц*ѣна и пр.) *принадлежитъ болѣе поздней* (хотя тоже праславянской) *эпохѣ по сравненію со смягченіемъ въ шипящіе*, въ зависимости отъ

---

[1]) Въ русскомъ языкѣ подобно юго-славянскимъ языкамъ разсматриваемое смягченіе наблюдается еще въ томъ случаѣ, когда задне-язычный согласный былъ отдѣленъ отъ *ѣ* согласнымъ *в*: *ц*вѣтъ, *з*вѣзда (срв. польск. *k*wiat, *g*wiazda).

того, что *ѣ* въ этомъ случаѣ образовалось изъ дифтонга сравнительно поздно, *но это смягченіе все-таки древнѣе разсмотрѣннаго выше смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ.* [1])

Наконецъ, нужно указать уже сравнительно *новый слой* современныхъ мягкихъ задне-язычныхъ согласныхъ въ слогахъ *ки, ги, хи,* изъ древнихъ слоговъ *кы, гы, хы,* напр. *гибель* (ст.-сл. гыбѣль), Род. ед. ру*ки* (ст.-сл. рѫкы) и т. п. Только съ появленіемъ этого слоя мягкихъ *к, г, х* стало возможнымъ распространеніе ихъ по аналогіи взамѣнъ смягченія въ шипящіе и свистящіе (рукѣ, народн. пекёш). Стало быть, указанные случаи аналогіи относятся къ еще болѣе поздней порѣ, что подтверждается тѣмъ фактомъ, что они свойственны только области великорусскаго нарѣчія. Этотъ новый слой мягкихъ *к'* и *г'* въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ уже подвергается въ отдѣльныхъ словахъ дальнѣйшему измѣненію, именно замѣнѣ черезъ *т'* и *д'* (напр. *т*исть вм. *к*исть, ан*д*елъ вм. ангелъ), см. ниже стр. 84.

Примѣчаніе. Говоря о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ средне-язычныхъ гласныхъ, я опускаю категорію смягченія согласныхъ посредствомъ j; этотъ вопросъ излагается въ слѣдующемъ отдѣлѣ на стр. 80—81.

Б. Сочетанія согласныхъ съ согласными. При сочетаніи согласныхъ съ согласными наблюдаются разнообразные случаи аккоммодаціи [2]), сводящіеся главнымъ образомъ къ *ассимиляціи* или *уподобленію* и частію къ *диссимиляціи* или *расподобленію.* Мы должны напомнить, что разныя

---

[1]) Кромѣ шипящихъ *ч* и *ж*, вынесенныхъ русскимъ языкомъ изъ эпохи праславянской, въ немъ есть еще слой позднѣйшихъ *ч* и *ж*, образовавшихся уже на русской почвѣ, напр. ночь, прячу, гложу, о чемъ говоримъ ниже (стр. 80—81); другіе славянскіе языки представляютъ здѣсь уже иные рефлексы.

[2]) Подъ *аккоммодаціею* звуковъ понимаются измѣненія звуковъ въ направленіи *удобства* произношенія; терминъ происходитъ отъ латинскаго слова *commodus* «удобный».

комбинаціи согласныхъ неодинаково удобосочетаемы, вслѣдствіе чего однѣ изъ нихъ, болѣе *удобосочетаемыя*, являются болѣе устойчивыми противъ измѣненій, другія же, будучи *неудобосочетаемы*, измѣняются въ направленіи удобства или облегченія, какъ бы согласно началу экономическому (срв. *к* въ сочетаніи съ *в* сохраняется глухимъ, напр. въ выраженіи „къ вамъ", тогда какъ передъ *д* измѣнилось уже въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *г*, напр. въ выраженіи „къ дому"). Въ аріо-европейскихъ языкахъ направленіе при ассимиляціи согласныхъ обычно бываетъ *регрессивное* (идущее назадъ), т. е. слѣдующій звукъ оказываетъ вліяніе тѣмъ или другимъ своимъ свойствомъ или свойствами на предшествующій звукъ, напр. *ф*том (=орѳ. въ томъ), ла*н*но вм. ладно (въ части сѣв.-великорусскихъ говоровъ), *ш*шапкъј (=орѳ. съ шапкой), *с'в'ѐт* (=орѳ. свѣтъ) и т. п. Кромѣ указанныхъ случаевъ, гдѣ дѣйствіе ассимиляціи происходитъ между непосредственно соприкасающимися звуками, есть еще случаи ассимилирующаго дѣйствія одного согласнаго на другой на разстояніи, т. е. когда согласные принадлежатъ двумъ разнымъ слогамъ и раздѣлены гласнымъ, напр. срв. вульгарное произношеніе „*ш*ашинька" (гдѣ *ш* вм. с) и т. п.

Разнообразныя явленія аккомодаціи согласныхъ мы разсмотримъ въ той послѣдовательности, въ которой мы обозрѣвали, при изложеніи физіологіи рѣчи, отдѣльныя части говорильнаго аппарата.

1) **Дыхательный аппаратъ.** Наблюденій надъ аккомодаціею согласныхъ по дѣятельности дыхательнаго аппарата почти еще нѣтъ; можно только сказать, что различія силы выдыханія при ударенности и неударенности свойственны не только гласнымъ звукамъ, но также и согласнымъ, при чемъ— какъ уже упоминалось—въ связи съ измѣненіемъ силы выдыханія измѣняется и напряженность дѣйствія органовъ произношенія.

2) Гортань. Какъ мы знаемъ, въ зависимости отъ разнаго дѣйствія гортани согласные распадаются на звонкіе и глухіе. Вполнѣ естественно, что сочетанія глухихъ согласныхъ съ глухими (напр. о*тт*уда) и звонкихъ съ звонкими (напр. о*бд*ѣлать), какъ вполнѣ удобосочетаемыя, измѣненію по дѣйствію гортани не подлежатъ. Если же приходитъ въ соприкосновеніе глухой согласный съ слѣдующимъ звонкимъ (что̀ отчасти происходило послѣ исчезновенія раздѣлявшаго ихъ *ъ или *ь), но не плавнымъ, не носовымъ, также не *в* и не *j*, то происходитъ уподобленіе, напр. въ выраженіи „*съ д*омъ" глухой звукъ *с* передъ звонкимъ *д* измѣнился въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *з*; въ случаяхъ же „*св*ой", „съёмка" (=*сj*ǒмкǎ), „*сл*абый", „*съ н*ами", „*хв*алить", т. е. въ положеніяхъ передъ *в*, *j*, плавнымъ или носовымъ согласнымъ, глухой согласный не измѣнялся въ звонкій, такъ какъ такія сочетанія глухого согласнаго съ звонкимъ удобопроизносимы и безъ ассимиляціи. Что касается обратнаго случая, когда звонкій согласный приходитъ въ соприкосновеніе съ слѣдующимъ глухимъ, то всѣ звонкіе согласные, для которыхъ имѣются парные глухіе, измѣняются въ глухіе, напр. ба*б*ка, ла*в*ка и т. п. произносятся бá*п*кǎ, лá*ф*кǎ; непарные согласные, т. е. плавные, носовые и *j*, передъ слѣдующими глухими согласными естественно сохраняются звонкими (напр. ка*рт*а, ле*нт*а, по*йт*и, ла*йк*а), хотя иногда болѣе или менѣе заглушаются въ особенно благопріятствующихъ для того условіяхъ (напр. надсмот*р*щикъ). Здѣсь же упомянемъ о замѣнѣ звонкихъ согласныхъ (опять за исключеніемъ плавныхъ, носовыхъ и j) глухими въ концѣ слова, что̀ могло произойти лишь послѣ исчезновенія конечныхъ *ъ и *ь; такъ, слова—ду*б*ъ, да*в*ъ, са*д*ъ и пр. произносятся дý*п*, дá*ф*, сá*т* и т. д.;[1]) въ словахъ же—

---

[1]) Аналогичное чередованіе звонкихъ согласныхъ съ глухими развилось почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ, срв. напр. въ сосѣднемъ польскомъ языкѣ—dę*b*u (передъ гласнымъ произносится *b*) || dą*b* (на концѣ произ-

да*р*ъ, да*л*ъ, да*м*ъ, да*н*ъ, да*й* конечные согласные сохраняютъ свою звонкость; впрочемъ конечные плавные и носовые, предшествуемые глухимъ согласнымъ и особенно двумя глухими (срв. драх*мъ*, магист*ръ*), могутъ быть болѣе или менѣе заглушены. Этимъ объясняютъ дальнѣйшее исчезновеніе конечнаго приглушеннаго *-л* въ прош. времени глаголовъ въ положеніи послѣ орѳографическихъ *б*, *к*, *г*, *х*, *с*, *з* и *р* (гре*бъ* вм. греблъ, срв. ж. р. гребла; те*къ*, мо*гъ*, опу*хъ*, не*съ*, ве*зъ*, те*ръ*) и въ сущ. руб*лъ*, нерѣдко произносимомъ какъ руп'.

3) **Мягкое небо.** Въ отношеніи мягкаго неба русскій языкъ почти не представляетъ явленій аккомодаціи согласныхъ, такъ какъ чистые (не-носовые) согласные сохраняются передъ слѣдующими носовыми (напр. надо*бн*о, стра*шн*о) и наоборотъ (напр. ле*нт*а), хотя нѣкоторые случаи аккомодаціи наблюдаются въ народныхъ говорахъ (напр. ла*нн*о). Своеобразный случай аккомодаціи представляетъ развитіе вторичнаго *д* между носовымъ согласнымъ *н* и дрожащимъ *р* въ народн. произношеніи н*д*равъ вм. нравъ. Постараемся разъяснить физіологически этотъ случай. При переходѣ отъ *н* къ слѣдующему *р* сходная работа гортани (оба они звонкіе) сохраняется, смѣниться же должны артикуляція мягкаго неба (такъ какъ при *н* мягкое небо опущено, а при *р* поднято) и еще передней части языка (хотя оба звука требуютъ дѣйствія передней части языка, но при произношеніи *н* оно совершается относительно верхнихъ зубовъ и по способу имѣетъ характеръ замкнуто-взрывной, тогда какъ *р* согласный по мѣсту артикуляціи альвеолярный, а по способу произношенія дрожащій). Не трудно видѣть, что смѣна уложенія мягкаго неба болѣе проста и легка, нежели смѣна въ уложеніи языка, вслѣдствіе чего перемѣна въ уложеніи мягкаго неба легко

носится *р*); сохраненіе же звонкости конечныхъ согласныхъ наблюдается только въ сербскомъ и нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ.

можетъ наступать раньше, нежели начнется перемѣна положенія языка и въ этотъ моментъ звукъ утратитъ свой носовой характеръ, вслѣдствіе чего должно послышаться *д*; отъ этого послѣдняго согласнаго, при которомъ, какъ не-носовомъ, прижатіе органа произношенія болѣе сильно, переходъ къ произношенію *р* уже легокъ, такъ какъ теперь движеніе исходитъ какъ бы отъ болѣе твердой точки опоры; здѣсь мы видимъ, что и зарожденіе новаго звука вызывается условіями удобства произношенія, при чемъ самая аккоммодація является сложною, такъ какъ касается взаимнаго приспособленія работъ *мягкаго неба+органа произношенія*.

4) **Органы произношенія:**

а) *мѣсто артикуляціи*. Въ общемъ, согласные звуки въ русскомъ языкѣ являются устойчивыми относительно мѣста артикуляціи, вслѣдствіе чего ассимиляція въ разсматриваемомъ отношеніи встрѣчается лишь въ узкихъ предѣлахъ. Здѣсь отмѣтимъ прежде всего случаи ассимиляціи при соприкосновеніи передне-язычныхъ согласныхъ зубныхъ и альвеолярныхъ (напр. вм. „*съ шапкой*" говорится шшáпкъј) и затѣмъ при соприкосновеніи согласныхъ твердыхъ, т. е. произносимыхъ безъ участія средней части языка, съ мягкими, произносимыми съ участіемъ средней части языка (напр. „свѣтъ" произносится с'в'æт). Если въ словѣ „послѣ" *с* произносится мягко передъ мягкимъ *л́*, а въ выраженіи „несъ-ли" при тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ произносится твердо, то эта разница объясняется тѣмъ, что во второмъ случаѣ твердое произношеніе *с* обязано вліянію аналогіи отдѣльнаго произношенія того же слова („несъ"), т. е. безъ частички -ли. Въ такихъ случаяхъ, какъ т'ᶺм'æ (тьмѣ, ст.-сл. тьмѣ), какъ уже упоминалось, мягкость согласнаго *т* вызвана не слѣдующимъ мягкимъ *м*, но гласнымъ ъ (ĭ), слѣдовавшимъ нѣкогда за *т*; если же смягчающій гласный ь (ĭ) исчезалъ передъ твердымъ согласнымъ, то вызванная имъ мягкость предшествующаго со-

гласнаго въ однихъ условіяхъ удерживается (особенно передъ губными и задне-язычными, напр. *тъма*, *усадьба*, *рѣдька*, *серъга*, *горько*), [1]) при другихъ же условіяхъ наступило отвердѣніе предшествующаго мягкаго согласнаго (особенно передъ передне-язычными, срв. *славно*=славьно, *брать*=бьрати и даже передъ отвердѣвшимъ *ц*, напр. *вѣнца*, *купца*). [2]) Говоря о вліяніи мягкости согласныхъ на предшествующіе твердые согласные въ случаяхъ первичнаго ихъ соприкосновенія или же послѣ исчезновенія промежуточнаго не смягчающаго гласнаго *ъ, мы должны указать, что не всѣ согласные въ одинаковой мѣрѣ поддаются этому вліянію. Изъ всѣхъ согласныхъ наибольшую смягчаемость обнаруживаютъ согласные передне-язычные, изъ которыхъ придувные *с* и *з* особенно легко подвергаются такому смягченію, между тѣмъ какъ взрывные въ меньшей степени; изъ плавныхъ *р* обладаетъ обычно значительною смягчаемостью въ противоположность другому плавному *л*, который (за однимъ исключеніемъ, указываемымъ ниже) совсѣмъ не поддается вліянію мягкости; носовой *н* принадлежитъ къ согласнымъ значительной смягчаемости. Дальнѣйшую ступень по способности смягчаться представляютъ согласные губные и задне-язычные, при чемъ придувные легче смягчаются, чѣмъ взрывные. Нужно замѣтить, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ смягчаемость зависитъ не только отъ категоріи предшествующаго согласнаго, но также и отъ характера послѣдующаго мягкаго согласнаго; такъ, напримѣръ, согласный *р*, обладая большой смягчаемостью, тѣмъ не менѣе остается обыкновенно твердымъ, напримѣръ въ положеніи передъ *к'*, срв. а́рк'і, м'ǽрк'і. Кромѣ того на смяг-

---

[1]) Особенность представляетъ только мягкое *р*, которое иногда встрѣчается и отвердѣвшимъ, напр. *первый*=п'е́р'въј, чаще п'ǽрвъј, *верхъ*=в'е́р'х, иногда в'ǽрх.

[2]) Исключеніе представляетъ мягкое *л*, которое при всякихъ условіяхъ сохраняетъ свою мягкость, срв. *лъна*=л'на́ и пр.

чаемость предшествующаго согласнаго оказываетъ вліяніе и то, стоитъ ли онъ послѣ не-палятальнаго гласнаго, или же палятальнаго, срв. С'єр'г'єj || тaрг'і. Наконецъ, если сочетаніе состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ, то предшествующій всегда уподобляется по мягкости слѣдующему, къ какой бы категоріи онъ ни принадлежалъ, напр. мул'л'æ, аг'г'єj. Говоря о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ, нужно имѣть въ виду, что при этомъ въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ можетъ получаться не-полная или средняя мягкость, что зависитъ нерѣдко отъ особенностей индивидуальнаго произношенія.

Теперь мы перейдемъ къ древнѣйшимъ случаямъ смягченія согласныхъ—посредствомъ j. Особенно удобно изучать это смягченіе въ формахъ настоящаго времени такихъ глаголовъ, въ которыхъ это время образуется съ j, какъ напр. писать || пи*ш*у (*ш* изъ сj); разсмотрѣніе этихъ глаголовъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) *губные* согл. +j измѣнились въ губн. согл. +л', напр. тре*пл*ю (срв. тре*п*ать), колеб*л*ю, дре*мл*ю, б) согласные передне-язычные *т*, *д*, *с*, *з*+j измѣнились въ шипящіе, напр. пря*ч*у, гло*ж*у, пи*ш*у, ма*ж*у; в) согласные передне-язычные плавные *л*, *р* и носовой *н*+j измѣнились въ соотвѣтствующіе мягкіе, т. е. *л'*, *р'*, *н'*, напр. сте*л*ю, о*р*ю, сте*н*ю; наконецъ, г) согласные *задне-язычные* +j измѣнились въ шипящіе, напр. пла*ч*у, дви*ж*у, па*ш*у, и*щ*у. Смягченіе посредствомъ j наблюдается еще въ сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій, оканчивающейся на *-е* (*-jе), напр. деше*в*ле изъ *дешевjе (срв. деше*в*ый), ху*ж*е изъ *худjе (срв. ху*д*ой), а также въ нѣкоторыхъ существительныхъ и прилагательныхъ, въ образованіе которыхъ привзошло j, напр. ме*ж*а (срв. лат. media), чу*ж*ой (К. чуд-). Въ глаголахъ второго спряженія въ 1 ед. наст. j развилось изъ гласнаго *і* передъ другимъ гласнымъ, напр. кра*ш*у (ш←сj←си) || кра*с*ишь, моро*ж*у || моро*з*ишь, ло*вл*ю || ло*в*ишь, гру*щ*у || гру*ст*ишь и пр.; иностранные глаголы, вошедшіе въ этотъ типъ спряженія,

слѣдуютъ тѣмъ же законамъ чередованія согласныхъ, какъ и природные глаголы, напр. гра*ф*лю || гра*ф*ишь, конфу*ж*у || конфу*з*ишь и т. п. Въ церковно-славянскомъ языкѣ законы смягченія согласныхъ посредствомъ j тѣ же, что и въ русскомъ языкѣ, за исключеніемъ согласныхъ *т* и *д*, изъ которыхъ первый смягчается въ шт (щ), а второй въ жд, напр. свѣшта=рус. свѣ*ч*а, межда=рус. ме*ж*а; отсюда, такія слова въ русскомъ языкѣ, какъ освѣ*щ*еніе, ме*жд*у при чисто-русскихъ свѣ*ч*а и ме*ж*ъ, гра*жд*анинъ при чисто-русскомъ горо*ж*анинъ, и проч.—должны объясняться заимствованіемъ изъ церковно-славянскаго языка. Всматриваясь въ явленіе смягченія согласныхъ посредствомъ j, не трудно замѣтить, что этотъ процессъ привелъ въ русскомъ языкѣ къ частному *совпаденію* согласныхъ передне- и задне-язычныхъ въ шипящихъ звукахъ; такъ, *ч* можетъ происходить изъ *тj* и *кj* (также изъ смягченія *к* передъ слѣдующими палятальными гласными и изъ группъ *гт* и *кт* при слѣдующемъ палятальномъ гласномъ, напр. въ неопред. накл. „мо*ч*ь", „те*ч*ь" изъ *мог-ти, *тек-ти, и въ словахъ „но*ч*ь и до*ч*ь", какъ это видно изъ соотвѣтствующихъ литовскихъ словъ naktìs, duktẽ); *ж* можетъ происходить изъ *дj*, *зj*, *гj* (а также изъ *г* передъ смягчающими гласными) и, наконецъ, *ш* можетъ происходить изъ *сj* и *хj* (также изъ *х* передъ смягчающими гласными): [1])

[1]) Замѣтимъ, что *ч* изъ кj, *ж* (←дж) изъ гj, *ш* изъ сj и хj, проходящіе по всѣмъ славянскимъ языкамъ, должны быть отнесены къ праславянской эпохѣ, тогда какъ *ч* изъ тj и кт, а также *ж* изъ дj представляютъ уже особенность русскаго языка.

б) *способъ артикуляціи.* Здѣсь нужно указать на переходъ взрывного произношенія согласныхъ въ придувное, напр. *хто́*=орѳ. *кто*, *што́*=орѳ. *что*, ка̊н'ӕшнӑ=орѳ. конечно; *д*, *т*+*т*=*ст*, напр. упа*сть*, ме*сти*, [1]) а затѣмъ и на полное исчезновеніе согласныхъ въ извѣстныхъ группахъ, напр. гру́с‸нъj=орѳ. грустный. Здѣсь же укажемъ случаи зарожденія новаго согласнаго (передне-язычнаго взрывного) для удобства произношенія между передне-язычными придувными (*с*, *з*, *ш*, *ж*) и слѣдующимъ *р*, напр. въ словахъ одного и того же корня „*стр*уя" и „о*стр*овъ" (срв. литов. sravà), народ. „*стр*убъ" вм. срубъ и т. д.

5) Объ аккоммодаціи въ отношеніи работы нижней челюсти трудно говорить, въ виду болѣе или менѣе сходнаго раствора при согласныхъ, какъ съуженныхъ звукахъ.

II. Акустическія замѣны согласныхъ.

Акустическія замѣны звуковъ имѣютъ—какъ мы знаемъ—спорадическій характеръ и наблюдаются преимущественно въ простонародномъ языкѣ въ словахъ одинокихъ и заимствованныхъ, при чемъ особенно легко подвергаются замѣнамъ начальные согласные, какъ имѣющіе менѣе всего морфологической поддержки. [2]) Замѣны эти основываются на томъ или другомъ акустическомъ (слуховомъ) сходствѣ звуковъ, которое естественно находится въ соотношеніи съ анатомо-физiологической природою тѣхъ же звуковъ. [3]) Представимъ теперь

[1]) Въ приведенныхъ случаяхъ изъ двухъ соприкасающихся взрывныхъ первый переходитъ въ придувной (к—>х, ч—>ш, т—>с), почему явленіе на основаніи этого внѣшняго признака называютъ *расподобленіемъ*: передъ взрывнымъ *к* согласный *ч* оказывается устойчивымъ и не измѣняется въ *ш*, напр. птичка, ручка и т. п.

[2]) Нужно имѣть въ виду, что акустическія замѣны звуковъ нерѣдко усложняются вліяніемъ народной этимологіи.

[3]) Иногда звуковая *замѣна* можетъ зависѣть преимущественно отъ физіологическаго момента, какъ напр. въ случаѣ расподобляющей смѣны *л* и *р* (см. ниже пунктъ 4).

главнѣйшія категоріи акустическихъ замѣнъ, придерживаясь въ общемъ того же порядка, какъ и при разсмотрѣніи физіологическихъ измѣненій.

1) Смѣшеніе звонкихъ и соотвѣтствующихъ глухихъ согласныхъ; напр.: э*т*акъ || э*д*акъ; *п*р*ы*с*к*ать || *б*р*ы*з*г*ать (здѣсь гармонируютъ между собою по звонкости и глухости начальный согласный корня и согласные суффикса); случаевъ смѣшенія не много, что можетъ объясняться отчетливымъ различіемъ въ русскомъ языкѣ звуковъ той и другой категоріи.

2) Смѣшеніе носового съ соотвѣтствующимъ неносовымъ: діалектическое хо*б*якъ вм. хо*м*якъ, *б*аклакъ (псков.) вм. *м*аклакъ.

3) Смѣшеніе одного носового съ другимъ носовымъ же, особенно мягкихъ [1]): *М*икита вм. *Н*икита (такое произношеніе извѣстно еще отъ XIV в.—грам. Рязан. кн. послѣ 1356 г.), уменьшит. *М*иколя вм. *Н*иколя (уже въ 1282 г.—*м*икула), *н*ебель; примѣромъ смѣшенія тѣхъ же согласныхъ въ случаѣ твердаго произношенія можетъ служить народное произношеніе *м*ырять вм. *н*ырять (казан., нижегор., тамб.); нерѣдко встрѣчается въ просторѣчіи замѣна сочетанія *мб* посредствомъ *нб* (напр. Си*нб*ирскъ, ту*нб*ычка), быть можетъ—подъ вліяніемъ большей звучности сочетанія *нб*.

4) Смѣшеніе плавныхъ между собою (чаще мягкихъ). Звуки *л* и *р* очень сходны между собою, почему легко замѣняются одинъ другимъ, особенно въ неударяемыхъ слогахъ, часто для избѣжанія повторенія *р* въ двухъ слогахъ одного и того же слова; напр. ко*л*идоръ, ку*ль*еръ, Порфи*ль*евна (замѣнѣ второго *р* посредствомъ *л* благопріятствовала бо́льшая

---

[1]) Причина, почему мягкіе согласные легче смѣшиваются между собою, нежели соотвѣтствующіе имъ твердые, заключается въ томъ, что при мягкихъ согласныхъ, вслѣдствіе приближенія къ небу средней части языка, артикуляціонныя полости уменьшены и сближены и потому зависящіе отъ нихъ мягкіе звуки оказываются болѣе сходными между собою, чѣмъ твердые.

6*

обычность *л* въ отчествахъ, срв. Васи*л*ьевна, Саве*л*ьевна), сек*л*етарь, циру*л*ьникъ (польск. cyrulik, отъ лат. chirurgus); примѣромъ замѣны твердаго *р* можетъ служить слово „про*л*убь" (каз.); примѣръ замѣны *л'* посредствомъ *р'*: перемень (п'ьр'ем'ен') вм. пельмень (↑ къ *пере-*, причемъ и вторая часть какъ будто получаетъ смыслъ—„мѣнять"); перестановка *л'* и *р'*: пе*р*е*л*инка (п'ър'ел'інкă) вм. переливка (каз.; слово происходитъ отъ франц. la pèlerine) по аналогіи къ знаменательному сочетанію *пере-*.

5) Смѣшеніе плавныхъ съ передне-язычнымъ носовымъ, особенно мягкихъ: су*мл*ѣніе вм. со*мн*ѣніе (въ связи съ большею обычностью сочетанія мл' сравнительно съ мн'); въ примѣрѣ ма*н*енькій, ма*н*енько (каз.) сказывается вліяніе *н* смежнаго слога (въ словѣ же „ма*л*о" нѣтъ этой замѣны, такъ какъ не было дальнѣйшаго слога съ *н*, послѣдовать же аналогіи производныхъ отъ него словъ оно не могло, такъ какъ имѣло твердое *л*), ярма*н*ка (jáрмънкă) вм. ярмарка и фонта*лъ* вм. фонта*нъ* (на замѣну плавныхъ въ этихъ примѣрахъ посредствомъ *н* могла вліять обычность окончаній *-нка* и *-áлъ*).

6) Смѣшеніе твердыхъ взрывныхъ разнаго органа произношенія сравнительно рѣдко: „маль*к*остъ" (индивид. произн.) вм. „мальпостъ"; смѣшеніе же мягкихъ взрывныхъ передне-язычнаго и задне-язычнаго согласнаго, какъ особенно близкихъ между собою по артикуляціи, наблюдается въ простонародномъ языкѣ весьма нерѣдко, напр. *к*іятеръ, *т*ипѣть, *т*ипарисъ, ан*д*елъ; довольно обычна замѣна сочетаній *тл'* и *дл'* посредствомъ *кл'* и *гл'*, напр. ко*к*леты, *г*ля (вм. *д*ля).

7) Смѣшеніе придувныхъ *х* и *ф*: *ф*омякъ вм. *х*омякъ (вят.; срв. выше иную замѣну въ томъ же словѣ—хобякъ, изъ чего видимъ, что акустическія замѣны звуковъ могутъ представлять варіаціи по говорамъ), ку*ф*арка; смѣшеніе твердаго задне-язычнаго взрывного съ соотвѣтствующимъ придувнымъ, напр. *к*уторъ вм. *х*уторъ, *к*ороводъ вм. хороводъ.

Случаи *перестановки* согласныхъ чаще наблюдаются при плавныхъ, напр. *калбукъ* вм. *каблукъ*, *жевлакъ* вм. *желвакъ*. Объ *исчезновеніи* согласныхъ въ группахъ мы уже имѣли случай упомянуть выше; замѣтимъ еще, что *неударенность* при сравнительной маловажности даннаго звука также благопріятствуетъ исчезновенію, срв. произношеніе здрáсст'ъ вм. здравствуйте.

Морфологія.

Глава VI.

Введеніе въ морфологію: отношеніе между фонетикою и морфологіею; морфологическія категоріи, морфологическіе процессы и факторы, съ психологическимъ ихъ освѣщеніемъ.

Въ *фонетикѣ* мы изучали звуковыя явленія, происходящія въ словахъ и ихъ знаменательныхъ частяхъ, и такимъ образомъ имѣли дѣло съ простѣйшими элементами слова — звуками. *Морфологія* изучаетъ въ словахъ не отдѣльные звуки, но знаменательныя (морфологическія) части словъ, каковы: корень, префиксъ, суффиксъ, окончаніе и основа; при этомъ она показываетъ, какъ языкъ пользуется ими для измѣненія словъ по склоненіямъ и спряженіямъ, а также для словопроизводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ морфологія группируетъ самыя слова по характеру ихъ значенія и формы въ тѣ наиболѣе крупные разряды, которые извѣстны подъ названіемъ частей рѣчи. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію морфологіи русскаго языка, мы дадимъ предварительно общія понятія о морфологическихъ категоріяхъ и ихъ измѣненіяхъ во времени, стараясь освѣтить всѣ эти вопросы съ точки зрѣнія психологической.

Морфологическія части словъ, флексія и словопроизводство. Слова нашей рѣчи, имѣя опредѣленное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаются на части, тоже имѣющія значеніе—на части знаменательныя или морфологическія (называемыя также морфемами), каковыми являются: *корень*, *префиксъ*, *суффиксъ*, *окончаніе* и *основа*. Такъ, напр., въ словѣ „набрасывалъ" часть *брас*—главная, корень, выражаетъ идею извѣстнаго дѣйствія; къ этой части, сосредоточивающей въ себѣ главное значеніе слова, присоединяются придаточныя морфологическія части, дополняющія главное значеніе; напр. въ томъ же словѣ—морфологическая часть *на*, предшествующая корню и указывающая направленіе дѣйствія (именно—выражаетъ, что дѣйствіе, обозначенное корнемъ, направляется на поверхность чего-нибудь), называется префиксомъ, морфологическая часть *ыв*, стоящая между корнемъ и окончаніемъ и указывающая на характеръ или способъ дѣйствія (на многократный и также несовершенный видъ дѣйствія), называется суффиксомъ и, наконецъ, послѣдняя морфологическая часть *ал*, показывающая, что общее значеніе всѣхъ предшествующихъ частей слова нужно понимать въ смыслѣ одного изъ трехъ лицъ ед. ч. (смотря по подлежащему) прошедшаго вр. муж. р., называется окончаніемъ; совокупность морфологическихъ частей, предшествующихъ окончанію (въ нашемъ примѣрѣ *на*+*брас*+*ыв*), называется основою (темою) слова. Въ томъ случаѣ, когда корень слова не распространенъ ни префиксомъ, ни суффиксомъ, основа въ словѣ совпадаетъ съ корнемъ, напр. *вед*-у, *сад*-омъ. Не трудно видѣть, что морфологическія части слова не имѣютъ въ языкѣ независимаго существованія, всегда являясь соединенными между собою для образованія словъ. [1])

---

[1]) Не слѣдуетъ думать, что морфологическія части словъ остаются неподвижными въ жизни языка; напротивъ того, какъ мы убѣдимся ниже, онѣ подвергаются разнообразнымъ измѣненіямъ. Соотвѣтственно этому ихъ можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія — статической и историко-этимологической.

При морфологическомъ дѣленіи слова самымъ крупнымъ является дѣленіе на *основу* и *окончаніе*. Здѣсь нужно отмѣтить рѣзкую разницу между этими частями по характеру значенія: основа, значеніе которой образуется изъ корневого значенія, дополняемаго значеніемъ префикса и суффикса, является носителемъ *собственнаго значенія слова*, присоединяющіяся же къ основѣ окончанія служатъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Такимъ образомъ, окончанія имѣютъ *синтаксическое* значеніе, такъ какъ при помощи ихъ слова соединяются въ предложенія.

Примѣчаніе. Говоря объ основѣ, необходимо указать на неточность, которая содержится въ томъ опредѣленіи, какое она обыкновенно имѣетъ въ учебникахъ, т. е. что «основою называется *неизмѣняемая* часть слова при склоненіи или спряженіи». Такое опредѣленіе, очевидно, опирается на общепринятое правописаніе словъ; но какъ скоро мы обратимся къ живому произношенію, то встрѣчаемся съ варіаціями (разновидностями) основы, срв. напр. го́д-у ‖ га̊д-а́. Вообще, каждая морфологическая часть можетъ представлять варіаціи звуковъ соотвѣтственно существующимъ въ языкѣ звуковымъ чередованіямъ, изученіе которыхъ относится къ фонетикѣ. Въ такихъ случаяхъ, какъ пеку ‖ печ-ёшь, даже и ороографія указываетъ на звуковое чередованіе въ основѣ. Ученіе объ основѣ, какъ о неизмѣняемой части, можетъ быть приложимо развѣ къ исходному состоянію въ аріоевропейскомъ праязыкѣ, предшествовавшему возникавшимъ въ разныя эпохи фонетическимъ видоизмѣненіямъ основы.

Въ области окончаній нужно разъяснить своеобразный ихъ характеръ, который они имѣютъ *въ разныхъ частяхъ рѣчи*. Спачала отмѣтимъ разницу между глагольными и падежными окончаніями, состоящую въ томъ, что личныя окончанія глагола представляютъ синтаксически большую независимость по сравненію съ падежными окончаніями существительныхъ. Такъ, если я употреблю въ рѣчи просто личную форму глагола (особенно первыхъ двухъ лицъ), напр. „иду“, то эта форма будетъ вполнѣ понятна слушающему, тогда какъ если скажу какую-нибудь падежную форму, напр. „столу“, то на основаніи этой формы, отдѣльно сказанной, слушателю остается неяснымъ, что именно я хо-

тѣлъ выразить. Причина этой разницы заключается въ томъ, что при личной формѣ глагола подразумѣвается личное мѣстоименіе соотвѣтствующаго лица какъ подлежащее, вслѣдствіе чего личная форма глагола имѣетъ смыслъ предложенія, тогда какъ отдѣльная падежная форма существительнаго (за исключеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Именит., когда онъ употребленъ для названія указываемаго предмета, и Зват. падежа, а въ отвѣтахъ и другихъ падежей) не можетъ принимать смысла предложенія. Падежныя окончанія прилагательныхъ, употребляющихся не въ смыслѣ существительныхъ, служатъ не столько для указанія падежнаго оттѣнка значенія, сколько для согласованія съ существительнымъ, т. е. для обозначенія того, къ какому существительному прилагательное относится. Чрезъ присоединеніе къ основѣ мѣняющихся окончаній получается въ языкѣ *словоизмѣненіе* или *флексія* т. е. грамматическія системы склоненій и спряженій. [1])

Мы говорили, что основа можетъ совпадать съ корнемъ слова, но чаще она представляетъ собою распространеніе корня *префиксами* и *суффиксами*; напр. въ словѣ „*вод*-а" основа и корень совпадаютъ, но отъ того же корня имѣются и распространенныя основы, напр. *водиц*-а, *водичк*-а, *водян*-ой, *водянк*-а, *водн*-ый, *безводн*-ый, *обезвод*-ить и т. п. Въ томъ случаѣ, когда основа совпадаетъ съ корнемъ, соотвѣтствующія слова называются *корневыми*, напр. „*вод*-а"—корневое существительное, „*лѣв*-ый"—корневое прилагательное, *пек*-у—корневой глаголъ и т. п.; если же основа получается путемъ прибавленія суффиксовъ или префиксовъ, то соотвѣтствующія слова называются *производными*, напр. отъ корневого существительнаго „вода" происходитъ производное сущ. „*водиц*-а", а отъ послѣдняго новое производное сущ. „*водичк*-а" и т. п.;

---

[1]) Иногда въ грамматическихъ сочиненіяхъ и самыя окончанія, присоединяющіяся къ основѣ, называются флексіями, но это не совсѣмъ точное примѣненіе термина.

при этомъ слово, отъ котораго непосредственно производится другое, по отношенію къ послѣднему называется его *производящимъ*. Префиксы и суффиксы, служа для образованія основъ, рѣзко отличаются по значенію отъ флексіи: они служатъ для полученія новаго *собственнаго* значенія слова, тогда какъ флексія служитъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Теперь разъяснимъ разницу по характеру значенія между префиксами и суффиксами: основное значеніе первыхъ заключается въ указаніи направленія дѣйствій (напр. *пере*возить), а также въ указаніи пространственныхъ отношеній (напр. *под*свѣчникъ), основное же значеніе вторыхъ—классифицирующее, т. е. заключается въ указаніи класса представленій, въ который зачислено данное представленіе. Отсюда становится понятнымъ, почему именно *существительныя* представляютъ наибольшее богатство и разнообразіе суффиксовъ, а именно—соотвѣтственно обилію и разнообразію предметовъ, подлежащихъ группировкѣ; глаголы же, будучи бѣдны суффиксами, широко пользуются префиксами. Что касается въ частности суффиксовъ, то ихъ значеніе двояко: а) основное значеніе слова остается то же, измѣняется только оттѣнокъ, какъ напр. въ уменьшительныхъ существительныхъ (срв. столъ<стол*икъ*), б) получается новое представленіе, хотя и стоящее въ нѣкоторомъ соотношеніи къ тому представленію, которое принадлежитъ производящему слову, напр. печь<печ-*никъ* (послѣднее существительное обозначаетъ уже совсѣмъ другой предметъ—человѣка, дѣлающаго печи), при чемъ самое отношеніе по смыслу между производящимъ и производнымъ остается невыраженнымъ, подразумѣвается; нужно еще прибавить, что во второмъ случаѣ, т. е. при производствѣ словъ съ новымъ собственнымъ значеніемъ, можетъ мѣняться и часть рѣчи, напр. домъ<домовой<домовникъ<домовничать. Мы видимъ здѣсь, что производство словъ съ новымъ собственнымъ значеніемъ при посредствѣ суффиксовъ указываетъ на замѣчательную *экономію* силъ, какая об-

наруживается въ языкѣ при нахожденіи словесныхъ символовъ для обозначенія новыхъ идей, такъ какъ прибавка соотвѣтствующаго суффикса избавляетъ отъ труда создаванія совсѣмъ новыхъ словъ. Имѣя ограниченный рядъ корней и придаточныхъ элементовъ, говорящій получаетъ возможность путемъ сочетанія ихъ выражать всю массу представленій.

Особый случай словопроизводства представляютъ *сложенія* (сложныя слова), напр. водолазъ, черноглазый, боготворить и т. п. Словосложеніе тоже касается собственнаго значенія словъ и служитъ восполненіемъ обыкновеннаго (суффиксальнаго) производства. Второй членъ сложеній, въ случаѣ своей большой употребительности, иногда понижается въ своей знаменательности до роли суффикса, напр. въ такихъ сложныхъ прилагательныхъ, какъ „стекловидный“ и т. п., гдѣ вторая часть *-видный* стала уже если не вполнѣ, то почти суффиксомъ. Какъ при обыкновенномъ словопроизводствѣ, такъ и въ сложеніяхъ содержится элементъ *подразумѣваемости*: подразумѣвается (остается невыраженнымъ, предоставляется догадливости слушателя, угадывается) отношеніе между представленіями, обозначаемыми обоими членами сложенія (срв. водолазъ || водовозъ). Благодаря возможности подразумѣванія въ сложеніяхъ, послѣднія нерѣдко составляются изъ цѣлыхъ выраженій (напр. немогузнайка и т. п.). Въ русскомъ языкѣ кромѣ природныхъ сложеній встрѣчаемъ не мало переводныхъ, которыя частію вошли въ языкъ въ древнее время при переводѣ съ греческаго (богатаго сложеніями) книгъ церковныхъ и сочиненій для назидательнаго чтенія (срв. благоуханіе=εὐωδία, благодушіе=εὐψυχία, малодушіе=μικροψυχία, первообразный=ἀρχέτυπος, сребролюбіе=φιλαργυρία и др.), частію же въ новое время при переводѣ Одиссеи Жуковскимъ, который ввелъ цѣлый рядъ новыхъ сложныхъ прилагательныхъ, образованныхъ въ подражаніе греческимъ, напр. „*широкошумящее море*“, „*широковершинныхъ* деревъ“, „къ облакамъ *темносвѣтлымъ*“, „*мягкодутлой* рукою“ и т. п.; изъ послѣдующихъ

писателей вліяніе Жуковскаго въ этомъ отношеніи сильнѣе сказалось на Гоголѣ и затѣмъ Тургеневѣ.

Бросимъ теперь взглядъ на *морфологическій составъ словъ съ точки зрѣнія психологической*. Мы знаемъ, что каждый звукъ въ словѣ съ точки зрѣнія произношенія представляетъ сумму двигательныхъ импульсовъ, вызывающихъ мышечныя работы говорильнаго аппарата, которыя въ свою очередь сопровождаются соотвѣтствующимъ мышечнымъ чувствомъ; съ точки зрѣнія слышанія звукъ представляетъ тоже сумму простѣйшихъ слуховыхъ ощущеній, изъ которыхъ слагается данный слышимый звукъ. Когда произносимъ слово, то послѣднее представляетъ рядъ такихъ произносимыхъ и вмѣстѣ слышимыхъ звуковъ; слѣдовательно, съ точки зрѣнія психологической, каждое слово представляетъ собою ассоціацію по смежности соотвѣтствующихъ звуковыхъ идей. Однако слова нашей рѣчи являются не просто рядами звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, но эти ряды связаны съ тѣмъ или другимъ *значеніемъ*. Нужно замѣтить, что сами по себѣ звуковыя идеи словъ не связаны съ объективнымъ міромъ, но только какъ символы служатъ для обозначенія другихъ представленій. Когда происходитъ обмѣнъ мыслями между говорящимъ и слушающимъ, то у перваго мысль предшествуетъ и вызываетъ собою произношеніе слова (символа), а у второго предшествующимъ является слышимое слово (символъ), которое и вызываетъ собою мысль. Въ обоихъ случаяхъ легкость процесса вызыванія зависитъ отъ упражненія или повторенія, благодаря которымъ связь слова и значенія болѣе и болѣе закрѣпляется. Кромѣ ассоціаціи въ силу *полнаго сходства* (иначе—по тожеству), происходящей при повтореніи одного и того же слова, можетъ происходить ассоціація по *частичному сходству*, именно—когда произносятся слова родственныя по какой-либо морфологической части; такъ, слова „*вы*вожу“ и „*вы*ходить“, различаясь по корню и окончанію, представляютъ примѣръ ассоціаціи по частичному сходству—по

сходству префикса, и т. п. Благодаря такимъ частичнымъ ассоціаціямъ, въ нашемъ умѣ образуются морфологическія части словъ, а самыя слова комбинируются по сходству значенія и словоизмѣненія въ грамматическія системы, т. е. получаются сложныя ассоціаціи типовъ склоненія, спряженія и пр.; само собою разумѣется, что предложеніе представляетъ собою еще болѣе сложный комплексъ ассоціацій.[1]) Сложный ассоціативный аггрегатъ словъ постепенно пріобрѣтается съ дѣтства при усвоеніи родной рѣчи; вслѣдствіе упражненія, ассоціаціи становятся настолько сильными, что какъ бы вырабатывается механизмъ рѣчи, благодаря которому достаточно появиться въ нашемъ умѣ какой-нибудь мысли, и мы выражаемъ ее почти безсознательно въ словахъ, а слушающіе такъ же легко воспринимаютъ и понимаютъ ее.

Морфологическіе процессы. Не только звуки нашей рѣчи, но и морфологическія категоріи въ теченіе времени подвергаются измѣненіямъ. Такъ какъ слова и вообще морфологическія категоріи представляютъ двѣ стороны—*внутреннюю*

---

[1]) Такимъ образомъ, грамматическія категоріи являются категоріями нашего ума; но, чтобы не приписать уму фиктивныхъ категорій, необходимо приводить доказательства въ пользу дѣйствительнаго существованія тѣхъ или другихъ грамматическихъ категорій въ умѣ говорящихъ. Такъ, въ фактахъ рѣчи можно найти рядъ подтвержденій того, что морфологическія части, на которыя разлагаются слова, дѣйствительно существуютъ въ нашемъ умѣ; ограничусь двумя доказательствами: 1) если заимствуется слово изъ другого языка, то оно обычно принимаетъ префиксы, суффиксы и окончанія, свойственныя языку заимствующему (напр. срв. образованія отъ заимствованнаго слова «лимонъ»—лимон*у*, лимон*щикъ*, слимон*итъ* и т. п.) и которыхъ раньше заимствуемое слово не имѣло; 2) явленія аналогіи представляютъ подстановку однѣхъ морфологическихъ частей вмѣсто другихъ (напр. срв. произношеніе «держ*утъ*» вм. «держ*атъ*»), чѣмъ доказывается дѣйствительное существованіе въ языкѣ этихъ частей. Итакъ, слово, съ точки зрѣнія психологической, есть рядъ идей звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, связанный со значеніемъ и могущій разлагаться на знаменательныя или морфологическія части.

или сторону значенія и *внѣшнюю* или звуковую, то мы прослѣдимъ измѣненія въ морфологическихъ категоріяхъ сначала съ внутренней или семазіологической, а затѣмъ съ внѣшней стороны. [1])

Обращаясь къ семазіологической сторонѣ словъ, мы прежде всего замѣтимъ, что представленія и понятія, обозначаемыя тѣми или другими словами, у каждаго человѣка, начиная съ дѣтства, развиваются и измѣняются, такъ какъ получаются новыя ощущенія, возникаютъ новыя ассоціаціи между представленіями и пр. Отсюда слѣдуетъ, что представленія и понятія, обозначаемыя въ языкѣ опредѣленными словами, у разныхъ лицъ не тожественны, такъ какъ у каждаго имѣютъ свою особую исторію образованія. Такъ напр. представленіе звука, грозы и т. п. у простолюдина и у ученаго физика весьма различно. Съ другой стороны, одинаковость условій жизни и обстановки благопріятствуетъ сходству представленій; напр. тѣ же представленія звука и грозы у разныхъ физиковъ будутъ весьма сходны.

Что касается *развитія значенія словъ въ языкѣ*, то одна изъ причинъ его заключается въ томъ, что названіе какого-нибудь предмета, дѣйствія и пр. можетъ по *ассоціаціи смежности* переноситься на сопутствующую обстановку, и такимъ образомъ слово пріобрѣтаетъ новое значеніе. Такъ, слово „питье“ означаетъ собственно извѣстное дѣйствіе, но это же названіе со временемъ распространилось и на то, что̀ пьется; подобнымъ же образомъ слово „ѣда“ означаетъ не только дѣйствіе ѣды, но и то, что̀ ѣдятъ; слово „жалоба“ можетъ означать и соотвѣтствующее дѣйствіе, а затѣмъ—по смежности—и бумагу съ жалобой; слово „судъ“ можетъ означать судебный разборъ, судящихъ—какъ лицъ производящихъ дѣйствіе, наконецъ зданіе суда какъ мѣсто дѣйствія, и т. п.

---

[1]) Вопросы развитія значенія словъ нерѣдко выдѣляются въ лингвистикѣ въ особый отдѣлъ, носящій названіе *семазіологіи* или *семантики* (отъ греческаго слова σημαίνω=означаю).

Другимъ источникомъ развитія значенія словъ служатъ *ассоціаціи по сходству*, когда названіе съ одного предмета, дѣйствія и пр. переносится на другіе въ силу частичнаго между ними сходства. Такое употребленіе словъ встрѣчается почти на каждомъ шагу въ нашей рѣчи (напр. *опора* старости, *туча* стрѣлъ; *горячая* любовь, *ясная* мысль; солнце *сѣло*, *взошло*, вода *бѣжитъ* и т. д.), особенно же въ поэтическомъ языкѣ, всегда болѣе богатомъ уподобленіями. Отмѣтимъ такіе переносы значенія въ извѣстномъ стих. Кольцова „Нива“: „наливать“—собственно говорится о сосудѣ, который наполняется жидкостью, но по сходству слово перенесено на колосья, которые спѣютъ; „ходитъ“—это слово съ человѣка или животнаго, подвигающихся шагъ за шагомъ, перенесено и на движеніе волнъ; „виться“—собственно говорится о веревкѣ, но по сходству витья веревки съ полетомъ жаворонка слово „виться“ перенесено и на полетъ послѣдняго.

И такъ, развитіе значенія словъ обусловливается уже извѣстными намъ факторами ассоціацій смежности и сходства; но неправильно говорятъ въ этомъ случаѣ объ „измѣненіи“ значенія словъ, такъ какъ тутъ въ дѣйствительности происходитъ *примѣненіе слова къ новому значенію* подъ вліяніемъ ассоціація смежности или сходства. Такимъ путемъ слово получаетъ разныя значенія, но нужно помнить, что при каждомъ отдѣльномъ актѣ мысли слово берется только въ одномъ опредѣленномъ значеніи. Возникающія явленія культуры и цивилизаціи нуждаются въ обозначеніи, и для этого изъ запаса словъ примѣняются по ассоціаціи смежности или сходства тѣ или другія слова, которыя покажутся наиболѣе подходящими, при чемъ нерѣдко для новыхъ обозначеній примѣняется не вполнѣ то же слово, но распространенное другими существующими въ языкѣ придаточными морфемами соотвѣтственно оттѣнку значенія (срв. *подсвѣчникъ*, *нагрудникъ* и т. д.). Во всемъ этомъ мы видимъ проявленіе уже извѣстна-

го намъ принципа *экономіи*, господство котораго въ жизни языка такъ распространено.

Что касается измѣненія *морфологическаго состава* словъ, то таковое можетъ касаться какъ *внутренней*, такъ и *внѣшней* стороны; процессы, производящіе эти измѣненія, слѣдующіе: а) *опрóщеніе*, б) *переразложеніе*, в) *аналогія* и г) *дифференціація* (послѣдніе два тѣсно связаны между собою),— къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

а) **Опрóщеніе.** Опрóщеніемъ называется морфологическій процессъ, посредствомъ котораго слово съ сложнымъ морфологическимъ составомъ утрачиваетъ значеніе отдѣльныхъ своихъ морфологическихъ частей и становится простымъ символомъ даннаго представленія. Такъ, напр. слова „вкусъ" (срв. *кус*-ать, *кус*-окъ), „забыть" и т. п. имѣютъ только цѣлостное значеніе и морфологическій составъ этихъ словъ (в-кусъ, за-быть и т. п.) уже не чувствуется. Такимъ образомъ при опрóщеніи связь слова съ родственными ему словами утрачивается, вслѣдствіе чего оно обособляется отъ нихъ. Во многихъ словахъ опрóщеніе еще не произошло и они, имѣя цѣлостное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ связь съ другими родственными по морфологическимъ частямъ словами; такъ, напр. слово „столикъ" связывается съ цѣлою группою словъ, родственныхъ по корню (напр. *стол*овый, *столь*никъ и т. д.) и суффиксу (напр. руб*ликъ*, што*фикъ* и т. п.). Здѣсь мы видимъ явленіе антагонизма или борьбы между ассоціаціею по смежности (=связь слова съ его цѣлостнымъ значеніемъ) и ассоціаціею по сходству (=связь морфологическихъ частей того же слова съ другими родственными образованіями). А такъ какъ въ живой рѣчи играетъ преимущественную роль цѣлостное (реальное) значеніе, то въ этомъ направленіи и совершается измѣненіе, т. е. морфологическій составъ многихъ словъ, благодаря употребленію ихъ, перестаетъ чувствоваться, при чемъ слова становятся простыми символами представленій, и

такимъ образомъ на мѣсто *генетическаго* значенія въ нихъ выступаетъ значеніе *реальное.* Нѣкоторыя обстоятельства особенно благопріятствуютъ утвержденію опрóщенія словъ; такъ, въ словѣ могутъ произойти звуковыя измѣненія, вслѣдствіе которыхъ оно можетъ такъ разойтись съ родственными словами, что уже не можетъ ассоціироваться съ ними (срв. *оскомина* || *щемить*; *конецъ* || *начало* и т. п.); далѣе, могутъ выйти изъ употребленія родственныя слова, вслѣдствіе чего данное слово становится одинокимъ и уже не разлагается (срв. *кольцо*, первоначально уменьшительное для слова *коло*, которое вышло изъ употребленія). Такимъ образомъ слова, *въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени* разлагавшіяся на морфологическія части, *въ умахъ индивидуумовъ послѣдующаго времени* (при нѣкоторыхъ условіяхъ) уже не разлагаются, становятся простыми. Воспріятіе словъ съ сложнымъ морфологическимъ составомъ въ качествѣ простыхъ въ особенности падаетъ на періодъ *дѣтства* (т. е. на долю каждой новой генераціи), благодаря преимущественной роли въ этомъ возрастѣ *ассоціаціи по смежности*, посредствомъ которой устанавливается тѣсная связь образа или представленія съ его названіемъ какъ простымъ символомъ. Такимъ путемъ слова, новообразованныя предшествовавшею генераціею, у которой они чувствовались въ своемъ морфологическомъ составѣ, могутъ стать простыми для чутья слѣдующей генераціи. Морфологическое опрóщеніе ведетъ къ возникновенію въ языкѣ *новыхъ корней* на почвѣ прежнихъ префикса и корня (напр. по-долъ, по-суда, по-ясъ, в-кусъ, за-дача, су-пругъ, за-быть и т. п.), или же корня и суффикса (кольц-о, палк-а, песк-омъ и т. п.); вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ соотвѣтствующая перемѣна въ чутьѣ морфологическаго состава словъ. Слова, въ которыхъ произошло опрóщеніе, могутъ распространяться новыми префиксами и суффиксами, напр. забыть<перезабыть, вкусъ<вкусный и т. п. То, что генетическое значеніе уступаетъ свое мѣсто реальному значенію сло-

ва, представляетъ *огромную экономію и важность для мысли*; если бы рядомъ съ реальнымъ значеніемъ слова въ нашемъ умѣ всякій разъ являлось и генетическое, то это служило бы невообразимымъ тормазомъ мышленія.

б) **Переразложеніе**. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію явленія, называемаго переразложеніемъ и состоящаго въ томъ, что слова въ умахъ индивидуумовъ извѣстнаго времени ассоціируются не тѣми сходными частями, которыми они ассоціировались въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени.

Начнемъ съ переразложенія между *основою* и *окончаніемъ*. Примѣромъ переразложенія такого рода могутъ служить формы *женамъ*, *женами*, *женахъ*, которыя первоначально разлагались на основу и окончаніе не такъ, какъ теперь, а именно въ нихъ *а* принадлежало къ основѣ: жена-мъ, жена-ми, жена-хъ. [1]) Но такъ какъ этотъ гласный повторялся передъ окончаніями и всѣхъ другихъ словъ того же склоненія (ры*ба*-мъ, рук*а*-мъ и т. п.), то онъ сталъ чувствоваться принадлежностью флексіи, и потому первоначальныя основы, кончавшіяся гласными, стали уже оканчиваться согласнымъ звукомъ, т. е. напр. жен-амъ, жен-ами, жен-ахъ. Закрѣпленію такого морфологическаго дѣленія могло способствовать то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ первоначальный тематическій гласный, сливаясь съ окончаніемъ, измѣнился до неузнаваемости (срв. жен*у*, гдѣ *у*=ст.-сл. ѫ и восходитъ къ ае. *-ām), а потому его какъ бы не стало въ основѣ. Что дѣйствительно такое переразложеніе наступило, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя окончанія *-амъ*, *-ами* и *-ахъ* въ русскомъ языкѣ распространились по аналогіи и на всѣ прочія склоненія (срв. въ муж. р. раб*ахъ* || ст.-сл. раб-ѣхъ.

---

[1]) Такіе гласные, первоначально оканчивавшіе собою основу или *тему*, называются въ сравнительной грамматикѣ *тематическими*; въ склоненіи муж. рода (напр., срв. Твор. ед. «рабомъ») такимъ тематическимъ гласнымъ былъ *о*, и т. п.

въ ср. р. дѣ*лахъ* || ст.-слав. дѣл-ѣхъ и пр.). Подобное же *сокращеніе основъ въ пользу окончаній* произошло и въ наст. времени глаголовъ; напр. *несетъ*, *несемъ* первоначально морфологически разлагались на несе-тъ, несе-мъ, а впослѣдствіи тематическій гласный отошелъ къ окончанію, т. е. нес-етъ, нес-емъ; также въ прош. вр. и неопр. накл. гласный основы перешелъ къ окончанію, напр. въ формахъ на *-алъ*, *-атъ*, *-ѣлъ* и т. д.

Процессъ переразложенія наблюдается также въ области *суффиксовъ* при производствѣ словъ, при чемъ звуки, которые въ производящемъ словѣ заканчивали основу, отходятъ къ вновь прибавляемому суффиксу; напр. когда отъ прилагательныхъ на *-ный* образуются существительныя на *-икъ*, то всѣ эти производныя слова, имѣя передъ своимъ суффиксомъ согласный *н*, ассоціируются между собою уже по сходству новаго суффикса *-никъ* (напр. озор-н-ой<озор-никъ, охот-н-ый<охот-никъ); подобнымъ же путемъ развились новые суффиксы *-щикъ*, *-ильникъ*, *-альщикъ*, *-овщикъ* и т. п., могущіе затѣмъ получать особые оттѣнки значенія и употребляться независимо отъ первоначальныхъ условій возникновенія. Болѣе разросшіеся суффиксы, естественно, образовались въ языкѣ позже по сравненію съ болѣе простыми.

Переразложеніе между *предлогами* (или *префиксами*) и *корнемъ* встрѣчается сравнительно рѣдко. Сюда надо отнести возникновеніе *н* въ формахъ мѣстоименія 3-го лица: его || *н*его, ему || *н*ему и пр.; начальное *н* вторыхъ формъ первоначально принадлежало тремъ предлогамъ — *съ*, *въ*, *къ*, которые оканчивались имъ; но такъ какъ это *н* удерживалось только въ положеніи передъ начальными гласными или j слѣдующаго слова, передъ согласными же не сохранялось, то постоянною частью нашихъ предлоговъ стали комплексы безъ *н*, т. е. *въ*, *съ*, *къ*, съ которыми и ассоціировалось значеніе, свойственное этимъ предлогамъ, конечное же *н* въ тѣхъ случаяхъ, когда удерживалось, стало чувствоваться принадлежащимъ

слѣдующей мѣстоименной формѣ; путемъ же аналогіи формы съ начальнымъ *н* стали употребляться и послѣ всѣхъ прочихъ предлоговъ, напр. *о немъ* и т. п. Отдѣленіе *н* отъ предлога произошло также при существительныхъ—*н*утрь, *н*утро (срв. утроба), с*н*ѣдь (срв. ѣда). Аналогичнаго происхожденія *н* въ глаголахъ в*н*ушить, в*н*имать (а путемъ аналогіи—по*н*имать и пр.), с*н*ѣдать (срв. съѣдать). Такимъ образомъ старое объясненіе разсматриваемаго *н* благозвучіемъ оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ это *н* имѣетъ этимологическое основаніе. Къ примѣрамъ переразложенія между корнемъ и предлогомъ нужно отнести также простонародное произношеніе „овторникъ", „Аршава" и т. п., объясняющееся слѣдующимъ образомъ. Въ русскомъ языкѣ предлоги, оканчивающіеся на согласный, кромѣ этой краткой своей формы, являются еще въ полной формѣ съ бѣглымъ *о*, напр. въ ‖ во, надъ ‖ надо и пр.; въ своей краткой формѣ эти предлоги являются передъ формами, начинающимися съ гласнаго звука или простого согласнаго (напр. въ *о*гонь, въ *А*рхангельскъ, въ *В*аршаву), а при формахъ, начинающихся двумя согласными, являются въ полномъ видѣ (напр. во *вт*орникъ). Отсюда возникли случайныя совпаденія выраженій по начальнымъ звукамъ: *во* вторникъ и *въ* огонь, *въ* Архангельскъ и *въ* Варшаву (гдѣ вмѣсто *вв* можетъ слышаться простое *в*) и т. п.; а эти совпаденія повели къ неправильному разложенію путемъ пропорціональной аналогіи:

*во*гонь : *о*гонь = *во*вторникъ : *x*

x = овторникъ;

*в*архангельскъ : *а*рхангельскъ = *ва*ршаву : *x*

x = *а*ршаву.

в) **Аналогія.** Такъ какъ въ предъидущемъ намъ уже не разъ приходилось объяснять языковыя явленія посредствомъ аналогіи, то здѣсь будетъ достаточно коснуться лишь сущно-

сти этого процесса. Нерѣдко случается, что значеніе, свойственное какой-либо морфологической части, выражается не однимъ, а двумя и болѣе символами (звуковыми комплексами), напр. 3 л. мн. ч. въ настоящемъ времени имѣетъ два окончанія -утъ (-ютъ) и -атъ (-ятъ). Можетъ случиться, что идея значенія не одинаково тѣсно связана съ каждымъ изъ этихъ символовъ, вслѣдствіе неодинаковой частоты ихъ употребленія или неодинаковой выразительности; тогда одинъ изъ символовъ будетъ прочнѣе связываться съ данной идеей значенія, вслѣдствіе чего будетъ вызываться и тамъ, гдѣ прежде употреблялся другой, напр. окончаніе *-утъ* (*-ютъ*), въ случаѣ неударенности, вытѣснило собою въ живой рѣчи окончаніе *-атъ* (*-ятъ*), срв. произношеніе „держ*утъ*", ход*ютъ*". Про такіе случаи и выражаются, что въ нихъ одна морфема замѣнена другою „по аналогіи". Въ народныхъ говорахъ явленія аналогіи возникаютъ съ большею легкостью по сравненію съ литературнымъ языкомъ, благодаря отсутствію сдерживающаго вліянія со стороны письменной традиціи. Если обратимся къ дѣтской рѣчи, то увидимъ, что ребенокъ выучивается склонять и спрягать не каждое слово отдѣльно, но и самъ создаетъ формы по аналогіи съ тѣмъ, что уже знаетъ, при чемъ естественно у него могутъ быть и ошибки. [1]) Нѣкоторыя изъ такихъ ошибочныхъ образованій, приспособленныя къ строю языка, путемъ подражанія могутъ получить болѣе широкое распространеніе и утвердиться въ языкѣ; такимъ образомъ они представляютъ собою задатокъ будущихъ перемѣнъ въ языкѣ.

г) **Дифференціація** (различеніе). Въ умѣ говорящихъ могутъ вырабатываться новые оттѣнки значенія, еще не имѣющіе въ языкѣ особаго выраженія; а такъ какъ языку прису-

---

[1]) Болѣе слабая память является весьма благопріятствующимъ обстоятельствомъ для послѣднихъ; такъ, мнѣ приходилось наблюдать надъ мальчикомъ съ слабой памятью, какъ часто въ его рѣчи случались индивидуальныя ошибочныя образованія по аналогіи, напр. къ *елю* и т. п.

ще стремленіе къ выразительности, т. е. чтобы особые оттѣнки имѣли по возможности особое обозначеніе, то можетъ случиться, что одна разновидность морфемы закрѣпится за однимъ оттѣнкомъ значенія, другая за другимъ и т. д., и такимъ образомъ призойдетъ „дифференціація“ морфемъ. Типичные примѣры дифференціаціи встрѣчаемъ въ склоненіи существительныхъ муж. рода, напр. дифференціація по оттѣнку значенія окончаній Р. ед. -*а* и -*у*, срв. выраженія: „цвѣтъ снѣга“ || „много снѣгу“,—во второмъ случаѣ Род. пад. съ окончаніемъ -*у*, т. е. какъ въ названіи вещественномъ, зависящемъ отъ слова, обозначающаго количество. Дѣйствіе фактора дифференціаціи такъ же широко распространено въ языкѣ, какъ и фактора аналогіи; мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ явленіемъ разнообразія окончаній для одной и той же формы; хотя бы эти окончанія и не были дифференцированы между собою по смыслу, но они дифференцированы внѣшнимъ образомъ—по типамъ склоненія или спряженія, и чѣмъ съ большимъ удобствомъ для памяти имѣется такая внѣшняя дифференціація, тѣмъ устойчивѣе разновидности морфемъ противъ дѣйствія аналогіи.

Части рѣчи. Мы уже упоминали, что слова группируются въ тѣ наиболѣе крупные морфологическіе разряды, которые извѣстны подъ названіемъ *частей рѣчи.* При классификаціи частей рѣчи нужно имѣть въ виду какъ сторону значенія ихъ, такъ и сторону словоизмѣненія, а кромѣ того необходимо обратить вниманіе на соподчиненіе однѣхъ частей рѣчи другимъ, что въ школьныхъ грамматикахъ обыкновенно игнорируется, при чемъ всѣ части рѣчи ставятся на одну линію. Говоря о значеніи, должно замѣтить, что одни слова имѣютъ полное собственное значеніе, носителемъ котораго, какъ мы знаемъ, служитъ основа, соединяющаяся съ соотвѣтствующими окончаніями (напр. дуб-омъ, бѣл-ый, ст-о, мн-ою, дѣл-аю, умн-о), другія же слова не имѣютъ собственнаго значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ основы, и служатъ въ сво-

емъ цѣломъ лишь для показанія разнаго рода отношеній въ предложеніи между словами съ собственнымъ значеніемъ или также между предложеніями (напр. *при*, *но*). Слова перваго отдѣла мы можемъ назвать *полнозначными* или *словами съ собственнымъ значеніемъ*, а слова второго отдѣла *словечками отношеній* или *частицами*; съ точки же зрѣнія словоизмѣненія первыя можно назвать *измѣняемыми* частями рѣчи, а вторыя—*неизмѣняемыми*.

Въ отдѣлѣ словъ съ полнымъ собственнымъ значеніемъ одни слова болѣе самостоятельны, другія же подчиняются имъ, такъ какъ служатъ опредѣленіемъ ихъ. Слова съ самостоятельнымъ собственнымъ значеніемъ дѣлятся на 1) слова, служащія для обозначенія предметовъ (или точнѣе бытій) и ихъ представленій въ нашемъ умѣ, и 2) слова, служащія для обозначенія дѣйствій и ихъ представленій въ нашемъ умѣ. Къ этимъ двумъ обширнымъ категоріямъ словъ нужно присоединить 3) отдѣльныя слова, служащія для личныхъ указаній 1-го и 2-го лица, противополагающихся остальному міру предметовъ, обозначаемому 3-мъ лицомъ. Этимъ тремъ категоріямъ словъ отвѣчаютъ грамматическіе термины: 1) *имя существительное*, 2) *глаголъ* и 3) *личное мѣстоименіе*. По характеру словоизмѣненія имена существительныя, какъ названія предметовъ, и мѣстоименія, какъ личныя указанія предметовъ, рѣзко отличаются отъ глагола: первыя измѣняются для показанія отношеній предметовъ къ дѣйствіямъ и между собою, и такое измѣненіе называется склоненіемъ; глаголъ же измѣняется для показанія способа и времени дѣйствія, а также для показанія отношенія дѣйствія къ подлежащему извѣстнаго лица и числа, и такое измѣненіе называется спряженіемъ. Семазіологическому различію между существительными и личными мѣстоименіями соотвѣтствуютъ нѣкоторыя различія въ области ихъ словоизмѣненія, какъ напр. отсутствіе категоріи рода въ личныхъ мѣстоименіяхъ 1-го и 2-го лица и нѣкоторыя особыя падежныя окончанія.

Переходя къ словамъ съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющимъ полной самостоятельности, прежде всего замѣтимъ, что они распадаются на двѣ группы: относящіяся къ существительному и относящіяся къ глаголу. Части рѣчи, являющіяся придаточными къ существительному, служатъ для опредѣленія послѣдняго 1) относительно качества, 2) относительно числа и 3) относительно указанія; соотвѣтственно этому они распадаются на *имена прилагательныя*, *имена числительныя* и *мѣстоименія опредѣлительно-указательныя*. Входящія въ составъ этой группы части рѣчи придаются къ существительному, что выражается внѣшнимъ образомъ въ *согласованіи* ихъ съ существительнымъ. Аналогичныя опредѣленія могутъ быть и къ глаголу (напр. хорошо, дважды, тамъ), и они имѣютъ общее названіе—*нарѣчія*. Къ придаточнымъ частямъ рѣчи, имѣющимъ собственное значеніе, слѣдуетъ еще отнести *причастія*, представляющія собою образованія прилагательныхъ отъ глагола съ удержаніемъ нѣкоторыхъ глагольныхъ свойствъ и занимающія какъ бы посредствующее положеніе между глаголомъ и именемъ прилагательнымъ, и *дѣепричастія*, представляющія собою родъ нарѣчій къ причастіямъ.

Перечисленныя нами знаменательныя части рѣчи не представляютъ собою совершенно обособленныхъ категорій, но часто отъ одной части рѣчи или—точнѣе—отъ ея основы образуется другая часть рѣчи путемъ распространенія соотвѣтствующимъ суффиксальнымъ элементомъ, какъ на это уже указывалось выше при разсмотрѣніи словопроизводства (напр. бѣлый < бѣлякъ, бѣлить, бѣло, бѣлѣющій, бѣлая; богатый < богатство, богатѣть, богато, разбогатѣвшій, разбогатѣвъ; свой < своякъ, свойственный, усвоить, по-свойски и т. д.).

Говоря о частяхъ рѣчи знаменательныхъ или имѣющихъ собственное значеніе, носителемъ котораго является основа, нужно еще замѣтить, что полное свое значеніе, представляемое не только основою, но вмѣстѣ и окончаніемъ, онѣ получаютъ лишь въ предложеніи, становясь членами предложенія.

Что касается словъ или словечекъ, не имѣющихъ полнаго собственнаго значенія и не составляющихъ въ предложеніи особыхъ членовъ, то сюда относятся *предлоги* и *союзы*. Нѣкоторыя словечки съ пониженною знаменательностью не подходятъ ни подъ ту, ни подъ другую изъ указанныхъ группъ, а потому могутъ быть просто называемы *частицами* или *частичками*, напр. *ли*, *же*, *бы* и т. п.

Кромѣ указанныхъ словъ и словечекъ, мы должны еще назвать *междометія*, которыя служатъ выраженіемъ нашихъ эмоціальныхъ состояній.

Все вышеизложенное о частяхъ рѣчи мы можемъ резюмировать въ слѣдующей таблицѣ:

Слова, относящіяся къ области умствен. представленій:			Восклицанія, относящіяся къ области эмоціональной:
Слова съ собств. знач.:		Слова безъ собств. значен:	
Самостоят.:	Подчиненныя:		
1) *Существ.*	*а) Прилагательныя (также—прич.).* *б) числительныя.* *в) опред.-указат. мѣстоименія.*	1) *Предлоги.* 2) *Союзы.* 3) *Частички*, не подходящія подъ предъидущіе два разряда.	*Междометія.*
2) *Лич. мѣст.*			
3) *Глаголъ.*	*Нарѣчія (также—дѣепричастія).*		

То разнообразіе частей рѣчи, какое мы теперь видимъ въ русскомъ языкѣ, конечно, развилось не сразу; однако изслѣдованіе возникновенія и перваго развитія ихъ лежитъ далеко за предѣлами русской грамматики, ибо, какъ показываетъ сравнительная грамматика, уже въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали въ главномъ тѣ части рѣчи, какія находимъ теперь; въ теченіе же обособленной жизни языковъ нашего семейства произошелъ рядъ дальнѣйшихъ измѣненій

въ сферѣ этихъ частей рѣчи, представляющій особенности въ разныхъ вѣтвяхъ этого семейства; такъ, напр., въ прилагательныхъ еще въ славянскомъ праязыкѣ развилась рядомъ съ простою формою сложная, служащая въ современномъ русскомъ для отличія прилагательныхъ въ роли опредѣленія и сказуемаго, въ русскомъ глаголѣ наблюдаемъ потерю многихъ временныхъ формъ, но за то видимъ богатое развитіе видовыхъ оттѣнковъ, возникновеніе дѣепричастій, многія флексійныя формы, обособившись отъ своихъ системъ склоненія или спряженія, перешли постепенно въ нарѣчія, союзы, и т. д.

Примѣчаніе. По причинѣ трудности дать точное опредѣленіе каждой части рѣчи, при начальномъ прохожденіи грамматики слѣдуетъ избѣгать такихъ опредѣленій, вдобавокъ не соотвѣтствующихъ и умственному развитію дѣтей. На первыхъ порахъ всего проще—знакомить учениковъ съ частями рѣчи по ихъ основному смыслу, оставляя пока въ сторонѣ формальную сторону; такъ, существительное будетъ характеризоваться какъ названіе предмета, прилагательное—какъ названіе качества и пр. При этомъ можно даже устранить обычные грамматическіе термины, какъ это и дѣлается въ начальной школѣ. Но при дальнѣйшемъ прохожденіи грамматики вводятся уже настоящіе грамматическіе термины и присоединяются къ смысловымъ также формальные признаки частей рѣчи, т. е. указываются различія словоизмѣненія, связанныя съ опредѣленными частями рѣчи; напр., по ознакомленіи со склоненіемъ такихъ словъ, какъ «столъ» и т. п., переходятъ къ склоненію такихъ словъ, какъ «черный», и ученики замѣтятъ особенность склоненія, какъ и то, что эти послѣднія слова склоняются совмѣстно съ существительными. Когда будетъ проходиться такое словоизмѣненіе, какъ «несу», «несешь» и пр., ученики легко ознакомятся съ внѣшнимъ признакомъ глагола—способностью къ спряженію. Такимъ образомъ понятія о частяхъ рѣчи станутъ у нихъ болѣе полными, содержа кромѣ смысловыхъ различій и формальныя. Теперь ученикамъ будутъ доступны уже и болѣе полныя грамматическія опредѣленія частей рѣчи, т. е. съ указаніемъ признаковъ какъ смысловыхъ, такъ и формальныхъ.

Глава VII.

Имя существительное съ семазіологической стороны. Классификація склоненій именъ существительныхъ; типы ударенія.

Обычное школьное опредѣленіе имени существительнаго, что оно есть названіе всякаго предмета, вполнѣ понятно, пока рѣчь идетъ о такихъ названіяхъ, какъ: *столъ*, *стулъ*, *лошадь*, *гусь* и т. п. Но къ категоріи именъ существительныхъ относятся также слова въ родѣ: *краснота*, *ходьба* и т. п. Едва ли мы будемъ говорить о нихъ, какъ о названіяхъ предметовъ, скорѣе скажемъ, что словомъ „краснота" обозначается нѣкоторое качество, а словомъ „ходьба"—нѣкоторое дѣйствіе. Послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ, какая же разница между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, между существительнымъ и глаголомъ.

Остановимся сначала на самомъ простомъ случаѣ, на названіяхъ въ родѣ—„столъ". Не достаточно сказать, что это названіе служитъ для обозначенія извѣстнаго предмета. Кромѣ этой объективной стороны есть еще субъективная. Слово „столъ" служитъ обозначеніемъ соотвѣтствующаго умственнаго акта—нашего представленія даннаго предмета: мы можемъ говорить и думать о столѣ, не видя его, а лишь имѣя въ умѣ представленіе или идею этого предмета. Идея стола—сложная и образовалась въ нашемъ умѣ изъ массы ощущеній, полученныхъ нами въ теченіе жизни и относящихся къ дан-

ному классу предметовъ. Въ сложную идею стола привходятъ въ качествѣ частныхъ, идеи величины, формы, цвѣта, твердости и т. п. Возможно, что изъ массы частныхъ идей стола мы обратимъ особенное вниманіе на одну какую-либо, положимъ, на признакъ красноты. Въ этомъ случаѣ мы назовемъ сложное или цѣлое представленіе и его частное. Названіе послѣдняго будетъ имя прилагательное. Вполнѣ понятна связь частнаго представленія со своимъ сложнымъ. Въ сферѣ языка эта связь выражается согласованіемъ прилагательнаго съ существительнымъ: красный столъ, красная доска и т. п. [1]) Одно и то же частное представленіе можетъ входить въ составъ многихъ различныхъ сложныхъ представленій и потому простое или частное представленіе можетъ мыслиться и какъ самостоятельное или независимое. Въ такомъ случаѣ его названіе, получивши нѣкоторое отличіе посредствомъ соотвѣтствующаго суффикса, становится существительнымъ, причемъ это послѣднее обозначаетъ собою уже не сложную идею, но простую, напр.: красн-*ота* и т. п. Впрочемъ иногда прилагательныя, становятся существительными безъ присоединенія особаго суффикса; напр., слова *мастеровой*, *полицейскій*, *столовая* и т. д., хотя по формѣ и прилагательныя, но, употребляясь безъ существительнаго, они въ силу значенія становятся существительными. Разъяснимъ нѣсколько подробнѣе эти примѣры. Существительное „мастеровой“ получилось изъ выраженія „мастеровой человѣкъ“. Выраженіе это обозначаетъ собственно одно цѣльное субстантивное представленіе, и когда слово *человѣкъ* въ данномъ выраженіи опускается, то представленіе остается все то же, т. е. субстантивное. Подобнымъ же образомъ слово „столовая“ (собственно прилагат. женск. р.) чаще

[1]) Англійскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи особенность: въ немъ прилагательное безъ всякой перемѣны присоединяется къ своему существительному. Такъ же дѣло обстоитъ въ турецко-татарскихъ языкахъ, съ тою однако существенною разницею, что въ нихъ такое состояніе первично, тогда какъ въ англійскомъ вторично.

всего употребляется въ соединенiи съ существительнымъ *комната*, такъ что наконецъ это послѣднее опускается, при чемъ слово „столовая", хотя по формѣ и остается по прежнему прилагательнымъ, но по своему значенiю становится существительнымъ, такъ какъ означаетъ то, что прежде выражалось посредствомъ прилагательнаго + существит. [1]) Отсюда слѣдуетъ, что идея такихъ существительныхъ, какъ *мастеровой*, *столовая* и проч., въ противоположность такимъ, какъ *краснота*, будетъ уже болѣе сложной вслѣдствiе подразумѣваемаго существительнаго.

Многiя существительныя, подобно глаголамъ, обозначаютъ дѣйствiе, напр. *ходьба*, *чтенiе* и т. п. Разница между такими существительными и соотвѣтствующими глаголами (срв. *хожу* || *ходьба*, *читаетъ* || *чтенiе* и т. п.) заключается въ томъ, что глаголы обозначаютъ дѣйствiе въ его совершенiи, т. е. съ оттѣнкомъ времени, лица и числа, между тѣмъ какъ въ существительныхъ (ходьба, чтенiе и пр.) уже не встрѣчаемъ указанныхъ оттѣнковъ: такiя существительныя обозначаютъ простое представленiе дѣйствiя, благодаря имъ дѣйствiе какъ бы опредмечивается и мы мыслимъ его какъ нѣчто самостоятельное, какъ бы бытiе.

Такiя существительныя, какъ *столъ*, *лошадь*, которымъ въ объективномъ мiрѣ соотвѣтствуютъ воспринимаемые помощiю нашихъ чувствъ предметы, называются конкретными, а такiя, какъ *краснота*, *ходьба*—умственными или отвлеченными (абстрактными). Однако было бы точнѣе назвать первые *конкретно-умственными*, такъ какъ и предметамъ конкретнымъ

---

[1]) Что касается самаго пропуска существительнаго, то подобное явленiе наблюдается очень нерѣдко въ повседневной рѣчи, когда существительное не договаривается, напр. «вы пьете крѣпкiй или слабый (т. е. чай?» и т. п. Мы видимъ здѣсь пропускъ существительнаго, легко подразумѣваемаго по обстоятельствамъ разговора, тогда какъ прилагательное необходимо для различенiй. Разница съ ранѣе разсмотрѣнными случаями та, что здѣсь явленiе временное,—а тамъ оно стало уже постояннымъ.

соотвѣтствуютъ въ нашемъ умѣ представленія (умственные акты); въ соотвѣтствіи съ этимъ терминомъ послѣднія можно назвать *абстрактно-* или *чисто-умственными*. Впрочемъ конкретность и абстрактность не являются въ языкѣ чѣмъ-либо постояннымъ; такъ, весьма часто одно и то же слово въ одномъ своемъ значеніи бываетъ абстрактнымъ, а въ другомъ—конкретнымъ, что получается въ языкѣ или вслѣдствіе того, что нерѣдко слова съ абстрактнымъ значеніемъ получили еще и конкретное подъ вліяніемъ ассоціацій смежности (напр. питьё=*абстр.*—именное названіе дѣйствія, *конкрет.*—то, что пьется), или же—наоборотъ—слова съ конкретнымъ значеніемъ могутъ стать еще и отвлеченными, переносясь въ силу ассоціацій сходства съ конкретныхъ предметовъ на явленія міра умственнаго и духовнаго (напр. плодъ, корень, пылъ и т. п.). Кромѣ того, каждое конкретное существительное можетъ стать абстрактнымъ, если обозначаетъ не какой-либо опредѣленный предметъ міра реальнаго, но цѣлый родъ такихъ предметовъ, т. е. понятіе даннаго предмета, срв напр. выраженіе „человѣкъ смертенъ", гдѣ слово „человѣкъ" является уже знакомъ родового и потому абстрактнаго понятія.

Имена существительныя **конкретныя**, какъ обозначающія настоящіе предметы, подраздѣляются на *нарицательныя* и *собственныя*: первыя служатъ для обозначенія отдѣльныхъ предметовъ одного и того же класса (человѣкъ, волкъ, дерево, домъ и пр.), вторыя—для обозначенія единичныхъ предметовъ такого класса (Викторъ, Петербургъ). Обыкновенно существительныя *собственныя* происходятъ изъ нарицательныхъ [1]) такимъ путемъ, что послѣднія принимаютъ (иногда съ прибавленіемъ особаго суффикса) новое индивидуальное значеніе, подъ вліяніемъ представляющейся въ

[1]) Они происходитъ иногда также и изъ отвлеченныхъ, которыя тогда становятся конкретными, срв. такія личныя имена, какъ Вѣра и проч.

томъ необходимости, какъ напр. при названіи лицъ и мѣстностей (срв. Владиміръ, Торжокъ и т. п.). [1])

Какъ нарицательныя, такъ и собственныя имена существительныя распадаются на *одиночныя* и *собирательныя*, при чемъ одиночныя примѣняются къ отдѣльнымъ предметамъ (человѣкъ, Викторъ и проч.), а собирательныя обозначаютъ цѣлое собраніе однородныхъ предметовъ, представляющихся уму какъ одно цѣлое (лѣсъ, стадо, Мордва, Чудь и т. п.). Существительныя *собирательныя* по происхожденію своему или представляютъ самостоятельныя слова для выраженія сообщества существъ и предметовъ, напр. *толпа*, *стадо*, *стая*, *лѣсъ*, *куча*, а также собранія вещества и матеріала, какъ— *градъ*, *снѣгъ*, *песокъ*, *дробь*, [2]) или же происходятъ отъ одиночныхъ путемъ распространенія названія на всю совокупность такихъ предметовъ (напр. слово *боръ* первоначально означало сосну, а затѣмъ хвойный лѣсъ), иногда съ присоединеніемъ соотвѣтствующаго суффикса, напр. сосна<сосн*я́къ* (обл. также сосн*я́гъ*), береза<бере́з*никъ*.

Далѣе, существительныя конкретныя служатъ для обозначенія или *одушевленныхъ* предметовъ или же *неодушевленныхъ*. Предметы одушевленные представляютъ собою два естественныя различія рода *мужескій родъ* и *женскій*, названія же этихъ предметовъ принимаютъ различныя окончанія соотвѣтственно роду, напр. братъ, волкъ || сестр*а*, волчиц*а*. Названія неодушевленныхъ предметовъ, хотя и представляютъ также различія мужескаго и женскаго рода (напр. садъ || вод*а*), но

---

[1]) Кромѣ того, въ повседневномъ разговорѣ многія нарицательныя имена становятся какъ бы собственными, когда одного нарицательнаго имени въ связи съ обстоятельствами рѣчи достаточно для того, чтобы слушающій догадался, о которомъ именно предметѣ идетъ рѣчь. Особенно много примѣровъ можетъ представить понимаемый съ полуслова семейный разговоръ.

[2]) Въ послѣднемъ случаѣ отъ такихъ словъ можетъ производиться и названіе мелкихъ единицъ, образующихъ массу, напр. снѣж*инка* и т. д.

это различіе—чисто внѣшнее, грамматическое, опирающееся лишь на различіе окончаній. [1]) Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, при всемъ кажущемся сходствѣ по окончанію между названіями предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ одного и того же рода, русскій языкъ выработалъ одно грамматическое различіе, указывающее на принадлежность имени одушевленному или же неодушевленному предмету, особенно въ словахъ мужескаго рода: въ нихъ Вин. падежъ ед. ч. сходенъ съ Род. падежомъ того же числа, когда они обозначаютъ предметы одушевленные (напр. Вин. и Род.—человѣ*ка*), и съ Имен.—когда обозначаютъ предметы неодушевленные (напр. садъ); во множественномъ же числѣ это различіе, т. е. одинаковость Вин. съ Род. (въ названіяхъ предметовъ одушевленныхъ) или же съ Имен. (въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ), проводится во всѣхъ родахъ. Каковъ бы ни былъ путь образованія въ русскомъ языкѣ этого формальнаго различія, но важенъ фактъ его существованія.

Теперь возникаетъ интересный вопросъ, чтó нѣкогда побудило говорившихъ отнести названія однихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. столъ, садъ) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ мужескаго пола, а названія другихъ неодушевленныхъ предметовъ (напр. нога, вода) къ одной категоріи съ названіями предметовъ одушевленныхъ женскаго пола? При выясненіи этого вопроса мы не выйдемъ за предѣлы фактовъ, если скажемъ, что подобное зачисленіе въ категорію мужескаго или женскаго рода происходило частію въ силу усматривавшихся въ неодушевленномъ предметѣ характерныхъ чертъ того или другого пола, частію

---

[1]) Замѣтимъ, что въ послѣднемъ случаѣ грамматическій родъ существительнаго какъ бы закрѣпленъ за названіемъ извѣстнаго неодушевленнаго предмета, тогда какъ въ первомъ случаѣ наблюдается нерѣдко производство именъ женскаго рода отъ именъ мужскаго рода для соотвѣтствующаго пола одушевленныхъ предметовъ (купецъ < куп*чиха*, аптекарь < апте*карша*, шалунъ < шалу*нья*, медвѣдь < медвѣ*дица* и проч.).

же въ силу того, что между самими неодушевленными предметами замѣчалось какое-либо сходство, которое могло заставить отнести названіе новаго предмета къ одному роду съ прежде зачисленными. Но какіе именно моменты заставляли причислить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неодушевленные предметы къ тому или другому роду,—вопросъ этотъ для удовлетворительнаго рѣшенія потребовалъ бы весьма сложнаго сравнительно-историческаго изслѣдованія по всѣмъ языкамъ аріо-европейскаго семейства.

Однако названія не всѣхъ неодушевленныхъ предметовъ были подведены подъ категоріи муж. и женск. рода, нѣкоторыя остались не подведенными, составивъ особую группу, называемую безъ всякаго основанія среднимъ родомъ, хотя точнѣе было бы назвать *неродовою*.[1]) Любопытно, что къ данной категоріи относятся также названія нѣкоторыхъ одушевленныхъ предметовъ, какъ напр. *дитя*, или въ старо-славянскомъ названія молодыхъ животныхъ (напр. жрѣбѧ, телѧ, прасѧ); названія этихъ предметовъ легко могли попасть въ неродовую категорію, такъ какъ въ этомъ случаѣ не представлялось существеннымъ отмѣтить различіе по естественному полу. Однако можно указать такія существительныя, какъ—*ребенокъ*, *теленокъ*, и т. п., которыя по своей формѣ принадлежатъ къ категоріи муж. рода, хотя бы соотвѣтствующіе предметы по своему естественному полу и не подходили къ этой категоріи; а съ другой стороны есть существительныя по формѣ жен. рода (напр. *бѣдняга*, *убійца* и пр.), обозначающія одушевленный предметъ по качеству, которыя, смотря по естественному полу обозначаемаго предмета, могутъ быть муж. и жен. рода, какъ это можно видѣть изъ присоединяемыхъ

[1]) Нѣкоторые языки, какъ напр. романскіе и семитическіе, не знаютъ такой категоріи именъ и различаютъ только два рода въ существительныхъ —мужескій и женскій, а другіе языки, напр. англійскій и турецко-татарскіе, совсѣмъ не имѣютъ въ существительныхъ родовыхъ различій.

опредѣлительныхъ словъ, напр. „*этотъ* бѣдняга“ (муж. пола) || „*эта* бѣдняга“ (жен. пола).

Существительныя **абстрактныя**, подобно названіямъ предметовъ неодушевленныхъ, имѣютъ грамматическій родъ, напр. *раздѣлъ*—муж., *ходьба*—жен., *чтеніе*—средн.

Затѣмъ, имена существительныя представляютъ еще различія **количественныя**; это—такъ называемыя *единственное* и *множественное число.* [1]) Не всѣ однако существительныя имѣютъ оба числа, есть такія существительныя, которыя являются въ формѣ одного только числа—единственнаго или же множественнаго. Къ категоріи существительныхъ, имѣющихъ лишь единственное число, естественно относятся имена *собственныя* (Петербургъ), далѣе—нѣкоторыя конкретныя имена съ *собирательнымъ значеніемъ* (листва, хворостъ, добыча, навозъ, сажа, копоть), а также обозначающія *вещество* (золото, молоко), наконецъ—*абстрактныя* существительныя, представляющія собою субстантивныя названія качествъ и дѣйствій (краснота, ходьба); [2]) къ категоріи же существительныхъ съ однимъ множественнымъ числомъ принадлежатъ названія такихъ предметовъ, которые хотя и мыслятся нами какъ одинъ предметъ, но въ представленіе которыхъ приходитъ идея парности или же множественности. Сюда относятся названія нѣкоторыхъ предметовъ *одежды* (брюки, помочи), предметовъ служащихъ для *ѣзды* (сани, дрожки, салазки), а также нѣкоторыхъ другихъ предметовъ *парнаго* симметричнаго строе-

---

[1]) Въ старо-славянскомъ языкѣ, равно какъ и въ древне-русскомъ, было еще *двойственное* число, сохраняющееся доселѣ въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ нарѣчій.

[2]) Абстрактныя имена съ видоизмѣненіемъ своего значенія въ сторону конкретности способны принимать форму мн. ч. (изученіе, изслѣдованіе и т. п.). Въ обыденномъ разговорѣ существительныя, употребляющіяся въ одномъ ед. ч., въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ принимать и мн. ч., какъ напр. въ выраженіяхъ угрозы (срв. фразы типа: «я тебѣ покажу Петербурги» и т. п.).

нія, напр. щипцы, ножницы, очки и т. п. Подъ идею множественности такъ или иначе можно подвести названія нѣкоторыхъ *пищевыхъ веществъ*, напр. сливки, дрожжи, отруби и т. д., а затѣмъ отглагольныя названія нѣкоторыхъ совмѣстныхъ *игръ*, напр. горѣлки, прятки, жмурки и т. п.; въ такихъ случаяхъ, какъ—похороны, крестины, поминки, роды и т. п.—имѣется въ виду множественность моментовъ, изъ которыхъ слагается дѣйствіе церемоніи или процесса.

Категорія множественнаго числа имѣетъ кажущееся сходство съ категоріей существительныхъ собирательныхъ: и тутъ и тамъ обозначается множественность однородныхъ предметовъ. Разница между этими категоріями заключается въ слѣдующемъ. Существительныя собирательныя (collectiva) обозначаютъ сумму однородныхъ предметовъ какъ одно цѣлое и соотвѣтственно этому имѣютъ форму единственнаго числа (стадо, тряпье, воронье), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ подобно обыкновеннымъ существительнымъ принимать и форму множественнаго числа, какъ напр. стадо—стада̀, лѣсъ—лѣса̀; категорія множественнаго числа не содержитъ въ себѣ такой идеи цѣлаго, но обозначаетъ простую множественность предметовъ. Кажущееся сходство существительныхъ собирательныхъ съ категоріей множественнаго числа могло быть поводомъ къ употребленію при существительномъ собирательномъ ед. ч., какъ подлежащемъ, сказуемаго во множ. числѣ, напр. въ древне-русскомъ языкѣ: „дружина моя сему смѣятися начнуть“ (Лавр. лѣтоп. подъ 965 г.); „Чюдь даша плеща“ [1]) (Новгор. лѣтоп. подъ 1242 г.).

Кромѣ измѣненій по числамъ, имена существительныя представляютъ еще измѣненія по падежамъ. Въ учебныхъ грамматикахъ обыкновенно насчитывается семь падежей (Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Звательный, Творительный и Предложный), тогда какъ въ дѣйстви-

[1]) даша плеща=побѣжали.

тельномъ языкѣ можно различить еще другіе падежи. Къ послѣднимъ нужно отнести падежъ *Исходный*, напр. и́зъ лѣсу; затѣмъ въ области такъ называемаго Предложнаго падежа [1]) нужно различать: *Мѣстный*—принимающій часто въ существительныхъ муж. р. окончаніе -у̍, напр. на дому̍; *Изъяснительный*—въ тѣхъ же существительныхъ съ окончаніемъ -ѣ, напр. о домѣ; для Винит. падежа срв. во множ. числѣ различіе смысла такихъ выраженій, какъ—въ солдаты || въ солдатъ, въ гости || въ гостей (въ первомъ случаѣ формы получили общее безлично-собирательное значеніе, а во второмъ—личное или партитивное); и др. Такъ какъ значеніе падежныхъ оттѣнковъ выступаетъ полностью въ связной рѣчи, то детальное разсмотрѣніе ихъ относится къ синтаксису.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о существованіи члена въ русскомъ языкѣ. Это многимъ можетъ показаться страннымъ, тѣмъ болѣе что школьная грамматика даже и не упоминаетъ о немъ, на самомъ же дѣлѣ въ русскомъ языкѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ языкамъ, существуетъ членъ, развившійся изъ указательнаго мѣстоименія *тъ* (т. е. тотъ), *та*, *то*. Развитіе члена въ русскомъ языкѣ, какъ и въ иностранныхъ, произошло путемъ *пониженія знаменательности* указательнаго мѣстоименія, которое лишилось прежней самостоятельности и стало лишь придаткомъ существительнаго, сообщая ему бо̀льшую опредѣленность. Членъ въ русскомъ языкѣ ставится не передъ существительнымъ (какъ во франц., нѣм. и англ.), а послѣ него (какъ въ болгар., румынскомъ и

---

[1]) Наименованіе этого падежа Предложнымъ не точно въ томъ отношеніи, что съ предлогами могутъ соединяться въ русскомъ языкѣ всѣ падежныя формы, кромѣ Имен. и Зват.; особенность же даннаго падежа, послужившая поводомъ къ наименованію его Предложнымъ, заключается въ томъ, что въ современномъ русскомъ языкѣ онъ не употребляется безъ предлога, хотя въ болѣе древнемъ языкѣ встрѣчался и въ безпредложномъ употребленіи, при чемъ онъ имѣлъ мѣстное значеніе, напр. «заложи Володимеръ стую Софью *Новѣгородѣ*» (Лавр. лѣтоп. подъ 1045 г.).

шведскомъ). Однако употребленіе члена въ русскомъ языкѣ не столь обычно и часто, какъ въ другихъ языкахъ, а въ литературной рѣчи онъ встрѣчается лишь въ разговорахъ и притомъ въ однообразной формѣ *-то*; если же въ народныхъ говорахъ членъ слышится довольно часто, то и здѣсь употребленіе его болѣе свойственно разговору, нежели повѣствованію. Такое употребленіе члена находится въ связи съ его значеніемъ: посредствомъ члена дѣлается какъ бы указаніе на тотъ или другой предметъ въ рѣчи. Этотъ оттѣнокъ можно усмотрѣть напр. въ слѣдующихъ фразахъ, взятыхъ изъ народнаго языка:

„Продаешь часы-ти?" (т. е. вотъ эти именно часы, которые у тебя).

„Только бы мнѣ увидать тетю-ту" (т. е. мою, твою и т. п.—смотря по смыслу).

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что въ народномъ языкѣ, въ отличіе отъ литературнаго, членъ подвергается опредѣленнымъ перемѣнамъ въ своемъ видѣ, смотря по формѣ существительнаго, къ которому относится. Нужно еще указать на то, что древне-русскій языкъ зналъ употребленіе члена и передъ существительными, какъ это мы можемъ видѣть въ былинной поэзіи, напр.: „Какъ из славнова города из Мурома ис *тово* села Корочаева.... аи выехалъ Илья со двора своего во *те* ворота широкія.... и заслышалъ Соловеи разбоиникъ *тово* ли топу кониноьа и *тое* ли онъ поески богатырския.... (Сборникъ Кирши Данилова изд. подъ редакціею П. Н. Шеффера, 1901 г., стр. 150—151). [1])

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ употребленія *опредѣленнаго* члена, въ русской литературной и простонародной рѣчи можно усмотрѣть зачатки употребленія и *неопредѣлен-*

---

[1]) Въ древнемъ языкѣ встрѣчаемъ иногда прибавку -съ въ качествѣ члена, срв. «сдѣлаша градокосъ», т. е. городокъ-отъ (Лавр. подъ 862 г.).

наго члена. Послѣдній, какъ и въ другихъ языкахъ, развивается изъ числительнаго „одинъ“ и, уже не обозначая числа, придаетъ существительному нѣкоторую неопредѣленность, приближаясь по значенію къ мѣстоименію „нѣкоторый“; срв. въ извѣстномъ стихотвореніи Полонскаго „Затворница“:

Въ *одной* знакомой улицѣ
Я помню старый домъ...

Разсмотрѣвъ имя существительное съ семазіологической стороны, мы перейдемъ къ его формальной сторонѣ—къ словоизмѣненію по *склоненіямъ* и постараемся представить *классификацію* этихъ послѣднихъ. Здѣсь нужно обратить вниманіе на различіе окончаній и на различіе ударенія.

Что касается распредѣленія склоненій по различію *окончаній*, то самыя крупныя группы соотвѣтствуютъ различію *родовъ*—мужескаго, женскаго и средняго. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ основное склоненіе (столъ, царь; рыба, земля; окно, поле) и побочное (муж.—путь, женск.—дверь, ср.—имя и т. п.), отличающееся отъ основного склоненія извѣстными особенностями въ окончаніяхъ. Въ каждой группѣ основного склоненія въ свою очередь различаются разновидности—*твердая* и *мягкая*; напр. слова „столъ“, „рыба“, „окно“ принадлежатъ къ твердымъ типамъ склоненія, а слова „царь“, „земля“, „поле“—къ мягкимъ. Въ учебникахъ русской грамматики различіе твердаго и мягкаго склоненія обыкновенно относится на счетъ окончаній (напр. Р. ед. стол-*а* || кул-*я*, Д. ед. стол-*у* || кул-*ю*), но это потому, что авторы ихъ разсматриваютъ склоненіе исключительно съ точки зрѣнія *орѳографіи*. Но если мы станемъ на точку зрѣнія *произношенія*, то убѣдимся, что въ большинствѣ случаевъ, не смотря на разное орѳографическое обозначеніе, окончанія въ твердомъ и соот-

вѣтствующемъ мягкомъ склоненіи вообще одинаковы, [1]) разница же сводится къ твердости и мягкости предшествующаго согласнаго, т. е. того согласнаго, которымъ заканчивается основа (срв. тѣ же формы въ научно-фонетической транскрипціи: ста̊л-а́ || кул'-а́, ста̊л-у́ || кул'-у́. [2])

И въ твердомъ и въ мягкомъ склоненіи слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя частныя группы; такъ, въ твердомъ склоненіи муж. р. выдѣляются въ особую группу слова, основа которыхъ кончается однимъ изъ отвердѣвшихъ шипящихъ согласныхъ (*ш*, *ж*) напр. отъ слова „мужъ" въ Р. мн. вмѣсто ожидаемаго окончанія *-овъ* имѣется *-ей*, какъ остатокъ прежней мягкой флексіи [3]) (однако въ словахъ на *-цъ* Р. мн. получилъ уже окончаніе *-овъ*, т. е. по аналогіи къ твердому склоненію). Что касается прочихъ основъ твердаго склоненія, т. е. кончающихся первично-твердыми согласными, то нужно различать основы, кончающіяся согласными губными и передне-язычными отъ основъ на задне-язычные согласные: первыя могутъ сочетаться съ падежнымъ окончаніемъ *-ы*, а при вторыхъ вмѣсто этого окончанія является *-и* (напр. срв. стол*ы* || волк*и*; жен*ы* || рук*и*). Въ мягкомъ склоненіи муж. р. нужно различать склоненіе основъ на j отъ основъ на мягкіе согласные: въ послѣднихъ Р. мн. имѣетъ окончаніе *-ей* (напр. царей), а въ первыхъ *-евъ* (чаевъ). Объ особенностяхъ Вин. падежа въ склоненіи предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ (В.

---

[1]) Правда, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыя окончанія по-видимому различны въ твердомъ и мягкомъ склоненіи, какъ напр. слов-*омъ* || пол-*емъ*, рыб-*ы* || бур-*и*, однако сравнительная грамматика доказываетъ, что эти различія окончаній не первичны, представляя позднѣйшія развѣтвленія одного соотвѣтствующаго окончанія.

[2]) Однако необходимо прибавить, что гласный, начинающій собою окончанія, не будетъ тожественъ по своей экскурсіи послѣ твердыхъ и соотвѣтствующихъ мягкихъ согласныхъ, см. выше стр. 21.

[3]) Однако и въ этой послѣдней окончаніе *-ей* не первично (срв. въ ст.-сл. языкѣ формы Р. мн. мѫжь, конь и пр.), но перешло путемъ аналогіи изъ склоненія типа «путь».

ед. столъ || волка и т. д.) говорилось выше. Въ именахъ *средняго* рода Р. мн. въ твердомъ склоненіи заканчивается послѣднимъ согласнымъ основы, а въ мягкомъ склоненіи принимаетъ окончаніе *-ей.*

При изученіи *ударенія* въ склоненіи нужно различать случаи *постояннаго* ударенія, когда послѣднее во всемъ склоненіи остается на одномъ и томъ же мѣстѣ (напр. споръ) и случаи *переходнаго* ударенія, когда послѣднее мѣняетъ свое мѣсто (напр. во́лка || волка́мъ). Постоянное удареніе можетъ находиться не только на основѣ (напр. „споръ"), но и на окончаніи, напр. срв. стола́, столу́, стола́ми и т. д. [1]) Что касается переходнаго ударенія, то законы его представляютъ особенности въ склоненіяхъ мужескаго, женскаго и средняго рода, при чемъ однако типы ударенія въ твердой и мягкой разновидности каждаго изъ этихъ склоненій одни и тѣ же. [2]) Такимъ образомъ, мы принимаемъ за главное основаніе классификаціи склоненій существительныхъ различіе рода, а затѣмъ въ каждомъ склоненіи разсматриваемъ законы ударенія параллельно въ твердой и мягкой разновидностяхъ, различая при этомъ слова природныя и заимствованныя.

Примѣчаніе. Какъ увидимъ далѣе, иностранныя слова въ русскомъ языкѣ принадлежатъ большею частію къ твердой разновидности склоненій

---

[1]) Правда, въ приведенномъ примѣрѣ И. ед. уже не имѣетъ ударенія на окончаніи, но необходимо допустить на основаніи сравненія съ родственными языками, что нѣкогда и здѣсь на мѣстѣ нуля имѣлось ударяемое окончаніе (ъ=ў), впослѣдствіи утраченное; съ утратою же окончанія удареніе естественно приходится въ этомъ падежѣ на основѣ.

[2]) Что касается распредѣленія почти безграничнаго числа существительныхъ по этимъ типамъ, то прежде всего слѣдуетъ выдѣлить простыя существительныя, которыхъ не такъ много и потому усвоеніе типа ихъ склоненія не представляетъ большихъ трудностей; существительныя же, образованныя съ помощью суффиксовъ, слѣдуютъ въ своемъ склоненіи тѣмъ же типамъ ударенія, какъ и простыя слова, но только въ зависимости отъ суффикса и свойственнаго ему типа ударенія, срв. па́х-арь, зна́харь и пр. (Р. ед. ́-аря) || звон-а́рь, ключ-а́рь и пр. (Р. ед. -аря́).

Это станетъ намъ понятнымъ, если обратимъ вниманіе на скудное число въ европейскихъ языкахъ мягкихъ согласныхъ, весь запасъ которыхъ обычно ограничивается немногими звуками, напр. во франц.—*л'* (полумягкое *л*), *н'* и *j* (срв. ro*l*e, campa*gn*e, boute*ill*e), тогда какъ прочіе согласные, вобще, имѣютъ въ немъ только одно твердое произношеніе (срв. sor*t*e, sala*d*e и т. д.).

Прежде чѣмъ перейти къ самому обзору типовъ ударенія въ склоненіи, мы предварительно выяснимъ вопросъ о *фонетическихъ варіаціяхъ формъ склоненія въ зависимости отъ ударенія*. Если мы остановимся на прежнемъ примѣрѣ [1]) го́д-ў || га̊д-а́ (орѳ. году || года́), то здѣсь варіаціи основы сводятся не къ одному различію гласнаго ударенпаго и неударенпаго (о́ || а̊), но и къ соотвѣтственному видоизмѣненію согласныхъ основы по силѣ произношенія: [2])

го́ | **д**—ў
га̊ | **д—а́**

Въ формѣ „годъ" послѣдній согласный основы становится конечнымъ согласнымъ слова, смѣняясь—какъ мы знаемъ—на глухой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, за отсутствіемъ иного окончанія, служитъ отличительнымъ признакомъ Имен. падежа даннаго склоненія:

го́т.

Здѣсь уже всѣ три звука основы произносятся сильно въ одинъ слогъ, тогда какъ въ двухъ предъидущихъ формахъ послѣдній согласный основы въ слоговомъ отношеніи отходитъ къ гласному окончанія, вслѣдствіе чего отличается по силѣ произношенія отъ предшествующихъ звуковъ основы. Звуковыя

---

[1]) См. стр. 88, примѣчаніе.

[2]) Для большей наглядности сильное произношеніе звуковъ (т. е. въ ударенномъ слогѣ) мы будемъ передавать жирнымъ шрифтомъ, пользуясь обыкновеннымъ шрифтомъ для неударяемыхъ слоговъ; кромѣ того вертикальная черта будетъ служить для слогового разложенія слова, а тире—для отдѣленія окончаній.

варіаціи наблюдаются и въ окончаніяхъ въ зависимости отъ ударенности и неударенности ихъ, напр.

пла̊ | д—о́м (плодомъ)
го́ | д—ъм (годомъ).

Мы видимъ, что всѣ разсмотрѣнныя нами звуковыя варіаціи въ общеупотребительной орѳографіи остаются неотмѣченными, а между тѣмъ въ исторіи языка онѣ играютъ видную роль. Съ цѣлью придать еще бо̀льшую наглядность изложенному я позволю себѣ привести склоненіе слова „сторона" въ фонетической транскрипціи съ присоединеніемъ въ скобкахъ соотвѣтствующихъ орѳографическихъ написаній:

	Единств. число:	Множеств. число:
И.	стъ | ра̊ | **н—а́** (сторона)	**сто́** | ръ | **н**—ы (стороны)
Р.	стъ | ра̊ | **н—ы́** (стороны̀)	ста̊ | **ро́н** (сторонъ)
Д.	стъ | ра̊ | **н'**—ǽ (сторонѣ)	стъ | ра̊ | н—**а́м** (сторонамъ)
В.	**сто́** | ръ | н—ў (сторону)	В.=И.
Тв.	стъ | ра̊ | **н—о́j** (стороной)	стъ | ра̊ | **н—а́** | м'ĭ (сторонами)
Пр.=Д.		стъ | ра̊ | **н—а́х** (сторонахъ).

Мы видимъ, какъ звуковая физіономія слова въ разныхъ формахъ видоизмѣняется согласно законамъ звуковыхъ чередованій и въ зависимости отъ перемѣщенія ударенія. Нужно напомнить, что самый механизмъ варіацій, т. е. надлежащая подстановка тѣхъ или другихъ разновидностей основы и окончаній, въ живой рѣчи совершается безсознательно, благодаря привычкѣ къ звуковымъ чередованіямъ, устанавливающейся съ-дѣтства, какъ это уже разъяснялось нами въ своемъ мѣстѣ.

А. Мужескій родъ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ мужескаго рода можно установить четыре главныхъ типа по ударенію:

1) *споръ, родитель.* Въ склоненіи этихъ словъ, изъ которыхъ первое принадлежитъ твердой разновидности, а второе—мягкой, удареніемъ во всѣхъ падежахъ ед. и множ. числа сопровождается основа. Другіе примѣры—твердаго склоненія: стонъ, звонъ, звукъ, трупъ, шумъ, хрипъ, ликъ, станъ, бракъ, гадъ, храмъ (цк.-сл.), горóхъ (съ полногласіемъ и удареніемъ на вторичномъ *о*), братъ (И. мн. -ья), брусъ (И. мн. -ья); мягкаго склоненія: житель, пахарь и т. д.; слова иностр.: бакъ, букъ, банкъ, блокъ, шарфъ, рыцарь и др. Слова, сложныя съ префиксомъ, какъ односложныя, такъ и неодносложныя, имѣютъ большею частію постоянное удареніе на основѣ, напр. с-поръ, вз-глядъ, в-кусъ, зá-пахъ, пó-двигъ, во-прóсъ, на-рóдъ, о-горóдъ, пере-вóзъ, по-жáръ, на-рядъ, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ простомъ видѣ (т. е. безъ префикса) принадлежатъ къ другимъ типамъ ударенія (напр. родъ, гóродъ, возъ), частію же не употребляются. Однако нѣкоторыя слова, будучи сложны съ ударяемымъ префиксомъ, имѣютъ переходное удареніе, напр. ó-стровъ, ó-кругъ, пó-гребъ; они отличаются отъ предшествующихъ тѣмъ, что принимаютъ въ И. мн. вмѣсто окончанія *-ы* ударяемое *-á* (это послѣднее окончаніе въ словахъ муж. рода, какъ видно изъ памятниковъ появляется сравнительно поздно взамѣнъ окончанія *-ы*). Къ односложнымъ словамъ въ разсматриваемомъ типѣ принадлежатъ нѣсколько церковно-славянскихъ, напр. храмъ, гласъ, при чемъ соотвѣтствующія полногласныя русскія существительныя частію тоже имѣютъ постоянное удареніе (срв. хоромы), частію же переходное (срв. голосъ съ И. мн. на *-á*).

2) *зубъ, звѣрь.* Въ этомъ типѣ удареніе имѣется на основѣ во всемъ единственномъ числѣ и И. мн. (въ названіяхъ же неодушевленныхъ предметовъ также и въ В. мн.), начиная же съ Р. мн.—на окончаніи. Другіе примѣры: богъ, воръ, волкъ, кругъ, видъ, [1]) бѣсъ; гость, гóлубь, кóзырь, нóготь,

[1]) Это слово встрѣчается также съ постояннымъ удареніемъ на корнѣ и тогда принадлежитъ къ первому разряду.

гусь, груздь, ла́поть; сюда же относятся слова—ка́мень и ко́рень, принадлежавшіе раньше къ согласному склоненію. Эта категорія оказывается сравнительно бѣдною по количеству словъ, такъ какъ нѣкоторыя имена стали принимать въ И. мн. ударенное окончаніе *-а́* (*-я́*), о чемъ см. въ слѣдующей группѣ.

3) *полъ, чай.* Въ словахъ этого типа удареніе въ ед. ч. на основѣ, а во мн. ч. на окончаніи. Другіе примѣры: носъ, возъ, сотъ, долгъ, торгъ, верхъ, пудъ, валъ, даръ, паръ, жаръ, садъ, задъ, квасъ, часъ, шагъ, рядъ, жиръ, миръ; бой, рой; иностр.: басъ, балъ, зонтъ, грошъ.

Нужно имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается смѣшеніе второго и третьяго типа, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что нѣкоторыя существительныя могутъ принимать въ И. мн. какъ окончаніе *-ы*, такъ и окончаніе *-а́* (напр. хлѣ́бы || хлѣба́, го́ды || года́, вѣ́тры || вѣтра́), при чемъ первое окончаніе обычно является неудареннымъ, а второе—съ удареніемъ (какъ отступленіе можно указать: цвѣты́ || цвѣта́); чаще же видимъ утвержденіе одного окончанія—*а́*, напр. въ словахъ: бокъ, рогъ, домъ, лугъ, бѣгъ, лѣсъ, снѣгъ, бе́регъ, по́гребъ, о́стровъ, по́ѣздъ (послѣднія три принадлежатъ къ сложнымъ съ ударяемымъ префиксомъ); край. Слово „зять“ первоначально принадлежавшее къ склоненію типа „путь“, въ И. мн. принимаетъ окончаніе *-ья́*, а слово „сынъ“, первоначально относившееся къ склоненію основъ на -ў- (-й), имѣетъ передъ окончаніемъ *-ья* еще слогъ *-ов-*.

4) *столъ, царь.* Здѣсь удареніе на основѣ только въ И. ед. (въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ также въ В. ед.), въ остальныхъ же падежахъ ед. ч. и во множ. числѣ—на окончаніи. Такъ какъ въ И. ед. удареніе перешло на основу по необходимости, вслѣдствіе исчезновенія конечныхъ краткихъ гласныхъ, то удареніе въ этомъ типѣ можетъ разсматриваться какъ постоянное на окончаніи. Другіе примѣры: волъ, дворъ, бобъ, снопъ, слонъ, клопъ, плодъ, плотъ, котъ, скотъ,

(очень много словъ съ постояннымъ гласнымъ *о* въ корнѣ), ротъ, сонъ, ленъ, полкъ, холмъ, столбъ, серпъ, крестъ, шестъ, кустъ, быкъ, клыкъ, языкъ, стыдъ, прудъ, трудъ, грибъ, блинъ, щитъ, цѣпъ, рабъ; пень, день, огонь, кремéнь, ключъ, лучъ, соловей; иностр.: попъ, винтъ, тузъ, шнуръ, царь. Нѣкоторыя существительныя, будучи первообразными, являются двусложными въ Им. ед., получивъ вторичные бѣглые гласные *о* или же *е* съ удареніемъ на нихъ, напр. багóръ, вихóръ, бобёръ, шатёръ.

Изъ всѣхъ указанныхъ типовъ первый и четвертый — самые частые, потому что къ нимъ принадлежатъ кромѣ словъ первообразныхъ также производныя, напр. стóликъ—стóлика, голи́къ—голикá; пáлецъ—пáльца, дѣлéцъ—дѣльцá и т. п.

Слово *путь*, составляющее по своимъ окончаніямъ особое склоненіе [1]), по ударенію относится къ четвертому типу.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ окончаніяхъ склоненія словъ мужескаго рода.

Родит. ед. имѣетъ два окончанія *-а* и *-у*, различающіяся по смысловому оттѣнку (срв. „цвѣтъ снѣг*а*“ || „много снѣг*у*“). Первоначально окончанія *-а* и *-у* принадлежали разнымъ типамъ склоненія: окончаніе *-а* принадлежало обычнымъ словамъ муж. р. (напр. рабъ), окончаніе же *-у* немногочисленнымъ основамъ муж. р. на -ŭ-, какъ это встрѣчаемъ приблизительно въ старо-славянскомъ (напр. въ словахъ сынъ, врьхъ, которымъ соотвѣтствуютъ въ литовскомъ sūnùs, viršùs). Но очень рано эти склоненія начали смѣшиваться

[1]) Первоначально къ этому склоненію, какъ видно изъ старо-славянскаго и древне-русскаго языка, принадлежали еще нѣкоторыя другія существительныя, напр. гость, ꙁѧть, тьсть, голѫбь, чрьвь, огнь, и нѣк. др.; въ современномъ русскомъ языкѣ они принадлежатъ уже къ мягкому мужескому склоненію, въ которое перешли путемъ аналогіи, напр. гость—гостя (Р. ед.) и т. д.

(начало этого смѣшенія, наблюдаемаго и въ другихъ славянскихъ языкахъ, вѣроятно восходитъ еще въ общеславянскую эпоху). Все-таки въ Род. ед. удержались окончанія обоихъ склоненій, дифференцировавшись въ русскомъ языкѣ между собою по смысловому оттѣнку; но такъ какъ послѣдній зависитъ отъ характера цѣлаго выраженія, то мы разсмотримъ этотъ вопросъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ синтаксиса.

Предлож. ед. представляетъ два окончанія: *-ѣ* (неударяемое или ударяемое) и *-ý* (только ударяемое), напр. „говорить о снѣгѣ“ || „стоять на снѣгý“. Какъ можно видѣть изъ этихъ примѣровъ, форма съ окончаніемъ *-ѣ* имѣетъ значеніе дополнительное или объяснительное, а форма съ окончаніемъ *-ý*—мѣстное (соотвѣтственно съ этимъ второе окончаніе употребляется въ литературной рѣчи лишь при предлогахъ *въ* и *на*). Такъ какъ окончаніе *-у* (*-ю*) встрѣчается не только въ Предл. ед., но и въ Род. ед., то въ языкѣ проявляется стремленіе къ различенію этихъ падежей посредствомъ ударенія, или же путемъ замѣны одного изъ парныхъ окончаній другимъ. Различеніе посредствомъ ударенія наблюдается въ словахъ первыхъ трехъ типовъ ударенія (напр. съ вéрху || на верхý); что касается различенія посредствомъ замѣны окончаній, то оно наблюдается въ словахъ, принадлежащихъ къ четвертому типу ударенія, и обусловливается тѣмъ, что языкъ избѣгаетъ одного и того же ударяемаго окончанія (*-ý*) въ двухъ падежахъ. Поэтому, если слово, по ударенію принадлежащее къ 4-му типу, въ Род. ед. имѣетъ окончаніе *-ý* (напр. пескý), то Предл. ед. будетъ уже имѣть другое окончаніе, т. е. *-ѣ* (напр. на пескѣ, въ табакѣ); если же слово, принадлежащее по ударенію къ 4-му типу, въ Предл. ед. имѣетъ уже ударенное окончаніе *-ý*, то окончаніемъ Род. ед. будетъ *-á* (наприм. въ углý || углá, въ полкý || полкá). [1])

---

[1]) Впрочемъ имѣется и форма Р. ед. «полкý» при особомъ оттѣнкѣ значенія, напр. «нашего *полку* прибыло» (оттѣнокъ количества).

Окончанiе Дат. ед. *-у* (*-ю*), не имѣя парнаго окончанiя, не связано дифференцiацiей ни съ Род. ед., ни съ Предл. ед.

Что касается происхожденiя окончанiя -ў въ Предл. ед., то оно, подобно такому же окончанiю въ Р. и Д. ед., происходитъ отъ древняго склоненiя основъ на -ў-.

Имен. множ. въ твердомъ склоненiи кромѣ окончанiя *-ы*, которое бываетъ ударяемое и неударяемое, нерѣдко принимаетъ окончанiе *-а́*, всегда сопровождающееся ударенiемъ. Что касается перваго окончанiя, то оно въ этомъ падежѣ не исконное и раньше вмѣсто него было окончанiе одинаковое съ старо-славянскимъ языкомъ, т. е. *-и*; окончанiе же *-ы* въ И. мн. явилось въ русскомъ языкѣ по аналогiи къ В. мн. того же склоненiя подъ влiянiемъ другихъ склоненiй, гдѣ эти падежи были сходны, особенно же подъ влiянiемъ существительныхъ женскаго рода на *-а*, въ которыхъ И. и Вин. мн. имѣли окончанiе *-ы*; впервые въ древне-русскихъ памятникахъ окончанiе *-ы* въ И. мн. муж. встрѣчается въ XIII в., напр. чин*ы* въ Житiи Нифонта 1219 г. (съ этого же вѣка видимъ распространенiе и другихъ окончанiй множ. числа женскаго рода на мужеское склоненiе, именно окончанiй Д., Тв. и Предл. множ. *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*). Что касается второго окончанiя *-а́* то для уясненiя его происхожденiя важно обратить вниманiе на то обстоятельство, что это окончанiе способны принимать только существительныя, принадлежащiя по ударенiю къ первымъ тремъ типамъ, въ которыхъ подобное же окончанiе Род. ед. не имѣетъ на себѣ ударенiя (таковы—бокъ, глазъ, домъ, лѣсъ, островъ и т. п.). Можно думать, что окончанiе *-а́* въ И. мн. муж. явилось по аналогiи къ среднему роду; тамъ тоже И. мн. оканчивается на *-а́* съ ударенiемъ, когда въ Род. такое же окончанiе не имѣетъ ударенiя (напр. дѣло, сло́во); это распространенiе окончанiя средняго рода на мужескiй могло совершиться тѣмъ легче, что склоненiе словъ средняго рода почти одинаково съ склоненiемъ мужескаго рода, разница

лишь въ Им. Вин. обоихъ чиселъ. Время перенесенія окончанія *-а* въ И. мн. муж. рода довольно позднее: XV—XVI вв.

Окончаніе *Род.* множ. *-овъ* перешло изъ прежняго склоненія основъ на -ў- очень рано, вытѣснивъ первоначальное -ъ, уцѣлѣвшее однако въ нѣкоторыхъ пережиткахъ (срв. пять *аршинъ*—Род. количества).

Творит. множ. разсматриваемаго склоненія въ древнемъ языкѣ имѣлъ тѣ же окончанія, какъ и старо-слав. языкъ, т. е. *-ы* || *-и*, окончанія же *-ами* || *-'ами* были свойственны лишь именамъ ж. р. на *-а* || *-'а*, откуда позже перешли и въ склоненіе именъ муж. р.; срв. напр. въ Лавр. лѣтоп. (въ предисловіи): „предъ отьц*и* и предъ снох*ами*".

Окончаніе *Предл.* множ. *-ахъ* || *-'ахъ*, какъ уже упоминалось, перешло также путемъ аналогіи изъ женскаго склоненія.

Б. Женскій родъ.

Слова, принадлежащія къ женскому склоненію, относительно ударенія классифицируются на слѣдующіе типы:

1) *рѣпа, ду́ля.* Удареніе постоянное на основѣ. Другіе примѣры: ба́ба, я́зва, ли́па, гри́ва, ни́ва, жи́ла, си́ла, му́ха; доро́га, коро́ва, воро́на, соро́ка, берёза; [1]) пти́ца, кры́ша; да́ча, ту́ча, встрѣ́ча; бу́ря, ба́шня, па́шня, вя́ня, ба́ня, пу́ля, ка́пля, сбру́я и пр.; иностр.: блу́за, ле́нта, бо́мба, би́ржа, ба́рка, и др. Къ этому типу принадлежитъ много производныхъ существительныхъ, напр. ло́дка, у́лица и пр.; иностр.— кварти́ра, плане́та и т. д.

2) *рука́, земля́.* Удареніе въ большей части падежей, какъ и въ Им. ед., падаетъ на окончаніе; на основу удареніе

---

[1]) Какъ видимъ изъ приведенныхъ примѣровъ, тѣ *полногласныя* существительныя ж. р., въ которыхъ удареніемъ сопровождается второе (т. е. вновь получившееся) *о* или *е*, имѣютъ постоянное удареніе на основѣ. Срв. слѣд. группу.

переходитъ въ Вин. ед. и въ Им. мн., а также въ Р. мн. Переходъ ударенія на основу въ В. ед. не поддается объясненію по крайней мѣрѣ на почвѣ одного русскаго языка; что касается перехода ударенія на основу въ И. мн., то онъ, вѣроятно, вызванъ дифференціацiей къ однозвучной формѣ Р. ед.; переходъ же ударенія на основу въ Род. мн. вызванъ фонетическою причиною, именно—утратою произношенія конечныхъ -ъ, -ь, какъ это ясно видно на принадлежащихъ къ данному типу полногласныхъ существительныхъ: сторона́—сто́рону || сторо́нъ, также—борона́, голова́, борода́, борозда́, сковорода́, по́хороны. Другіе примѣры: вода́, гора́, доска́, нога́, спина́, зима́, стѣна́, щека́, душа́.

3) *дуга́, свѣча́.* Этотъ разрядъ отличается отъ предшествующаго только тѣмъ, что въ немъ В. ед. уже относится къ падежамъ съ удареніемъ на окончаніи, такъ что переходъ ударенія на основу ограничивается только Им. и Род. множ. Другіе примѣры: вдова́, ду́га́, верста́, глиста́, волна́, блоха́, косма́, рѣка́, звѣзда́, бѣда́, слеза́, страна́ и глава́ (оба слова—цк.-слав., соотвѣтствующія же чисто-русскія слова, т. е. сторона́ и голова́, переносятъ въ В. ед. удареніе на основу и слѣдов. принадлежатъ ко второму разряду); овца́; вожжа́, ноздря́, головня́ (Р. множ. на -е́й); и н о с т р.—тюрьма́. Впрочемъ, во многихъ словахъ даннаго типа удареніе, будучи постояннымъ на окончаніи во всемъ единств. числѣ, можетъ переходить на основу не только въ Им. и Род. множ., но и въ остальныхъ падежахъ множ. числа; срв.: жена́, вдова́, сестра́ (Р. мн.—сестёръ, гдѣ ё по аналогіи къ случаямъ бѣглаго гласнаго), серьга́, гроза́, скула́, ветла́, десна́, игра́, волна́, щека́; судья́ (м. р.) и свинья́ (Р. мн. на -е́й); сюда надо отнести также многосложныя существительныя на -ота́, напр. кислота́, высота́, острота́, красота́, нечистота́, въ которыхъ удареніе перемѣщается во мн. ч. не на начальный слогъ, а на непосредственно предшествующій окончанію (напр. кисло́ты и пр.). Так. образомъ, въ нѣкоторыхъ изъ примѣровъ

удареніе колеблется, т. е. при образованіи отъ такихъ словъ падежныхъ формъ удареніе можетъ быть двоякое, напр. се́рьгамъ || серьга́мъ (срв. далѣе—труба́, скала́, слуга́, роса́, сосна́, коза́, пила́, изба́, гряда́). Затруднительность опредѣленія ударенія въ этихъ случаяхъ обнаруживается изъ того, что спрашиваемый обыкновенно не сразу опредѣляетъ удареніе, но старается придумать фразу съ искомою формой и произнести эту фразу такъ, какъ она сама скажется, т. е. какъ бы невольно. Вполнѣ естественно, что при этомъ встрѣчаются и индивидуальныя колебанія.[1])

4) *княжна́, простыня́*. Сюда относится немногочисленная группа существительныхъ, въ которыхъ удареніе остается на окончаніи во всѣхъ падежахъ единств. и множ. числа (оставляемъ въ сторонѣ извѣстную особенность Р. мн.); другіе примѣры: мечта́, черта́, хвала́; госпожа́; статья́, бадья́; иностр.—бахча́.

Къ женскому склоненію принадлежатъ еще такія слова, какъ „кость", т. е. оканчивающіяся въ И. ед. мягкими (или также отвердѣвшими *ж* и *ш*) согласными. Въ этихъ существительныхъ два типа по ударенію:

1) удареніе постоянное на основѣ, напр. мысль, дань, брань, нить; крова́ть, болѣ́знь, пре́лесть, возвы́шенность;

2) удареніе остается на основѣ во всѣхъ падежахъ ед. ч., а во множ. ч. оно находится на основѣ только въ Имен. падежѣ, въ остальныхъ же падежахъ переходитъ на окончаніе, напр. дверь, смерть, степь, кость, ночь, печь, мышь, бровь, сѣть, тѣнь, соль; по́дать, во́лость, вѣ́домость, до́лжность, це́рковь и проч.[2]) Односложныя слова въ Предл. ед.

[1]) Указанною способностью нѣкоторыхъ словъ къ колебанію ударенія пользуются стихотворцы, распространяя ее ради размѣра даже на такія слова, которымъ свойственно въ обыкновенномъ языкѣ одно опредѣленное удареніе.

[2]) Къ этому типу принадлежатъ слова «мать» и «дочь», имѣющія въ прочихъ падежахъ передъ окончаніями звуки -ер-, принадлежавшіе древней основѣ, теперь кажущіеся какъ бы «наращеніемъ».

при мѣстныхъ предлогахъ *въ* и *на* переносятъ удареніе на окончаніе, особенно если получаютъ значеніе обстоятельственное, напр. на печи́. Этотъ переносъ ударенія представляетъ аналогію съ именами существительными муж. р., принимающими при тѣхъ же условіяхъ въ Предл. ед. окончаніе *-у́*.

В. Средній родъ.

Существительныя средняго рода относительно законовъ ударенія въ склоненіи представляютъ слѣдующіе четыре типа:

1) *бога́тство*, *гада́нье*: удареніе постоянное на основѣ въ обоихъ числахъ, подобно такому же типу въ склоненіяхъ муж. и женск. рода. Другіе примѣры: кре́сло, ши́ло (И. мн. на *-ья*), боло́то, пи́ршество, кня́жество, жили́ще, заня́тіе.

2) *сло́во*, *по́ле*: въ единств. числѣ удареніе на основѣ, во множ. числѣ на окончаніи, т. е. подобно третьему типу въ мужескомъ склоненіи. Другіе примѣры: ста́до, у́тро, мѣ́сто, лѣ́то, дѣ́ло, тѣ́ло, мы́ло, зе́ркало; по́ле, мо́ре.

3) *вино́*, *ружьё*: въ единств. числѣ удареніе на окончаніи, а во множ. числѣ на основѣ, т. е. обратно съ предъидущимъ типомъ и подобно нѣкоторымъ случаямъ третьяго типа въ женскомъ склоненіи. Другіе примѣры: бедро́, весло́, ребро́, вино́, гнѣздо́, долото́, колесо́, рѣшето́; [1] лицо́; копьё.

4) *вещество́*, *бытіе́*: удареніе во всѣхъ падежахъ единств. и множеств. числа на окончаніи. Другіе примѣры: торжество́, существо́, деревцо́, лезвеё. Подобный типъ ударенія мы встрѣчали и въ склоненіи другихъ родовъ.

---

[1]) Замѣтимъ, что въ словахъ трехсложныхъ удареніе переносится во мн. ч. на слогъ непосредственно предшествующій, а не начальный; этому правилу подчиняются и слова съ полногласіемъ (срв. долото́).

Изъ представленныхъ четырехъ типовъ склоненія средняго рода наиболѣе характерными являются второй и болѣе по сравненію съ нимъ многочисленный—третій. Такъ называемыя имена съ нараще́ніемъ (и́мя, сѣ́мя и др.) принадлежатъ ко второму типу (только слово „зна́мя“ можетъ имѣть и другое передвиженіе ударенія—„знаме́на“); изъ первоначальныхъ именъ съ суф. *-ес-*, только „не́бо“ и „чу́до“ сохранили въ склоненіи этотъ комплексъ и притомъ лишь во мн. ч., другія же имена, какъ напр. „слово“, перешли по аналогіи въ обыкновенное склоненіе на *-о* (т. е. безъ „наращенія“).

Мы прослѣдили цѣлый рядъ типовъ ударенія въ русскомъ склоненіи. Сравнительная грамматика позволяетъ показать связь этихъ типовъ съ типами ударенія другихъ аріо-европейскихъ языковъ, сохранившихъ болѣе или менѣе древнее удареніе— санскритскаго, греческаго и литовскаго.

Глава VIII.

Имя существительное со стороны словообразованія. Такъ называемыя корневыя существительныя; существительныя первообразныя и производныя.

Въ главѣ, служащей введеніемъ въ морфологію, мы указывали (стр. 89), что слова могутъ быть *корневыми* (напр. вод-а), въ которыхъ корень и основа совпадаютъ, и *производными* отъ другихъ словъ (напр. вод-янка). Мы считали возможнымъ допустить такое дѣленіе въ виду общаго характера названной главы; но теперь мы должны внести нѣкоторыя дополненія въ это подраздѣленіе, примѣнительно къ категоріи имени существительнаго.

Прежде всего замѣтимъ, что въ русскомъ языкѣ корневыхъ существительныхъ, строго говоря, не существуетъ, такъ какъ въ нихъ корень всегда распространенъ тематическимъ элементомъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ аріо-европейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ существительныя, состоящія изъ одного корня, безъ какого-либо тематическаго добавленія (напр. русскому слову „мыш-ь" соотвѣтствуетъ скт. mūš-, греч. *μῦς*, лат. mūs, нѣм. Maus). [1]) Такимъ образомъ, существительныя

---

[1]) Конечно, и такія корневыя существительныя не представляютъ собою чистыхъ корней, но являются уже опредѣленною частью рѣчи—именемъ существительнымъ извѣстнаго типа склоненія.

въ русскомъ языкѣ, обыкновенно называемыя *корневыми* (мыш-ь, вод-а), правильнѣе будетъ назвать *первообразными*, при чемъ въ эту категорію можно зачислить не только такія существительныя, гдѣ корень распространенъ тематическимъ гласнымъ, но и тѣ, въ которыхъ къ первоначальному корню прибавленъ суффиксъ. Существительныя же съ дальнѣйшимъ наращеніемъ суффиксовъ мы будемъ называть *производными*. Кромѣ того, необходимо помнить, что и многія первоначально производныя слова, благодаря процессу опрощенія, для непосредственнаго чутья уже представляются какъ простыя. Поэтому, при разсмотрѣніи именъ существительныхъ со стороны словообразованія, необходимо имѣть въ виду возможность двухъ точекъ зрѣнія — историко-этимологической и статической и строго ихъ разграничивать.

Что касается порядка разсмотрѣнія суффиксовъ, служащихъ для образованія существительныхъ, то обычно ихъ располагаютъ чисто внѣшнимъ образомъ въ порядкѣ алфавитномъ, или же соотвѣтственно физіологическимъ категоріямъ звуковъ. Само собою разумѣется, что при такомъ распредѣленіи совершенно нарушается семазіологическая связь суффиксальныхъ оттѣнковъ. Желая съ своей стороны выдвинуть въ морфологіи на первый планъ семазіологическую сторону, мы постараемся вопросъ о суффиксахъ именъ существительныхъ свести на вопросъ о суффиксальныхъ категоріяхъ, посредствомъ которыхъ классифицируется въ русскомъ языкѣ все разнообразіе предметовъ міра.

Разсмотримъ теперь съ семазіологической точки зрѣнія *производство существительныхъ отъ другихъ словъ посредствомъ суффиксовъ*. Очевидно, мы будемъ имѣть здѣсь дѣло уже съ образованіями позднѣйшихъ эпохъ сравнительно съ первообразными словами, при чемъ нужно помнить, что болѣе обширныя суффиксальныя наращенія относятся къ позднѣйшему времени по сравненію съ соотвѣтствующими менѣе обширными. Естественно думать, что при этомъ широкій ростъ

суффиксальнаго словообразованія шелъ рука объ руку съ прогрессомъ въ умственной жизни народа. Обращаясь теперь къ самому разсмотрѣнію суффиксовъ даннаго отдѣла, мы должны сдѣлать предварительную оговорку, что все многообразіе ихъ оттѣнковъ, развитіе которыхъ продолжается и теперь въ языкѣ, не можетъ быть заключено въ совершенно опредѣленныя и неподвижныя схемы.

Всѣ суффиксы производныхъ существительныхъ въ русскомъ языкѣ можно подраздѣлить на нѣсколько наиболѣе крупныхъ отдѣловъ, соотвѣтствующихъ основнымъ типамъ именныхъ представленій или бытій. Не всегда однако съ каждымъ отдѣльнымъ суффиксомъ соединяется одинъ опредѣленный оттѣнокъ значенія, но чаще одинъ и тотъ же суффиксъ имѣетъ по нѣскольку смысловыхъ оттѣнковъ, при чемъ нерѣдко одинъ и тотъ же оттѣнокъ значенія передается различными суффиксами. Подобно тому какъ въ первообразныхъ суффиксальныхъ существительныхъ, благодаря первичному присоединенію суффиксовъ, опредѣленнѣе выступали основныя категоріи бытій по сравненію съ первообразными безсуффиксальными именами, такъ теперь съ дальнѣйшимъ развитіемъ суффиксальнаго словообразованія дифференціація смысловыхъ оттѣнковъ становится болѣе детальною и еще болѣе опредѣленною. Разсмотримъ главнѣйшія категоріи суффиксовъ именъ существительныхъ совмѣстно съ ихъ значеніемъ такъ, какъ онѣ представляются намъ въ современномъ русскомъ языкѣ. При этомъ обзорѣ мы будемъ различать именныя представленія міра одушевленнаго и неодушевленнаго, а также конкретныя и абстрактныя и, наконецъ, съ оттѣнками увеличенія и уменьшенія.

I. Именныя представленія дѣятелей или дѣйствующихъ лицъ по роду ихъ дѣйствій или занятій. Къ этой категоріи относятся:

1) Существительныя, образованныя отъ глаголовъ съ помощью суффиксовъ *-ецъ*, *-чикъ*, *-щикъ*, *-тель*, *-арь*, *-тай* въ простомъ видѣ ихъ или же распространенномъ:

-ецъ: купи́ть<*купе́цъ*; **-овецъ**: торгова́ть (торгу́ю)<торг-*о́вецъ*; **-лецъ**, **-алецъ**, **-ялецъ**, **-ѣлецъ**, **-илецъ**: приш-*ле́цъ* (или пришелецъ), дав-*а́лецъ*, посто-*я́лецъ*, влад-*ѣ́лецъ*, сид-*ѣ́лецъ*, корм-*и́лецъ*. [1])

-чикъ: вози́ть<во́з-*чикъ*, переводи́ть<перево́д-*чикъ*.

-щикъ: спо́рить<спо́р-*щикъ*, откупа́ть<откуп-*щи́къ*; **-овщикъ**: бунтова́ть<бунт-*овщи́къ*; **-ировщикъ**: лакирова́ть<лак-*иро́вщикъ*; **-авщикъ**: продава́ть<прода́в-*щи́къ*; **-альщикъ** или **-яльщикъ**: купа́ть<куп-*а́льщикъ*, ма́зать<ма́з-*альщикъ*, мѣня́ть<мѣн-*я́льщикъ*; **-овальщикъ**: рисова́ть<рис-*ова́льщикъ*; **-ѣльщикъ** и **-ельщикъ**: говѣ́ть<гов-*ѣ́льщикъ*, плати́ть<плат-*е́льщикъ*; **-ильщикъ**: кури́ть<кур-*и́льщикъ*. [2])

-атель: чита́ть<чит-*а́тель*, дѣ́лать<дѣ́л-*атель*; **-ователь**: толкова́ть<толк-*ова́тель*; **-ѣтель**: владѣ́ть<влад-*ѣ́тель*; **-итель**: пра́вить<прав-*и́тель*.

-арь: печь<пе́к-*арь*, писа́ть<пи́с-*арь*.

-атай: (воз)глаша́ть<глаш-*ата́й*.

Примѣчаніе 1. Отъ словъ на *-ецъ*, *-чикъ* и *-щикъ* названія лицъ женскаго пола оканчиваются на *-ица* (кормил*ица*, переводч*ица*, плательщ*ица*), оканчивающіяся на *-тель* распространяются прибавленіемъ суффикса *-ница* (читатель*ница*), наконецъ—отъ словъ на *-арь* женскій родъ образуется на *-арка* и *-арша* (знахарка, знахарша).

Примѣчаніе 2. Заимствованныя слова латинскаго происхожденія, принадлежащія къ данной категоріи, оканчиваются на *-торъ*, *-аторъ*, *-иторъ*, напр. инспек*торъ*, администр*аторъ*, репет*иторъ* (женскій родъ образуется на *-ша*, или же сохраняетъ французское окончаніе *-триса*). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ муж. родъ также удерживаетъ французскій видъ: акт*ёръ*, визи*тёръ*, гувер*нёръ*.

---

[1]) Примѣры на *-л-ецъ* происходятъ отъ прежнихъ формъ причастія на *-лъ* (владѣлъ<владѣл-ецъ), которыя въ современномъ языкѣ имѣютъ уже значеніе прошедшаго времени вслѣдствіе опущенія при нихъ формъ глагола «быть»—есмь, еси и пр.

[2]) Относительно *-л-* передъ *-щикъ* см. предъидущую сноску.

2) Существительныя, образованныя отъ существительныхъ, обозначающихъ необходимый предметъ въ занятіяхъ,— съ помощью суффиксовъ *-акъ*, *-арь*, *-никъ*, *-щикъ*:

-акъ или **якъ**. ры́ба<рыб-*а́къ*, мо́ре<мор-*я́къ*.

-арь: ры́ба<ры́б-*арь*, ключъ<ключ-*а́рь*.

-никъ: хлѣ́бъ < хлѣ́б-*никъ*, ключъ < клю́ч-*никъ*, печь < печ-*ни́къ*. [1])

-чикъ: моне́та<монет-*чикъ*, газе́та<газе́т-*чикъ*.

-щикъ: стекло́ < стеко́ль-*щикъ*, ка́мень < ка́мень-*щикъ*, бараба́нъ < бараба́н-*щикъ*; **овщикъ**: ла́мпа < ла́мп-*овщикъ*, гуртъ<гурт-*овщи́къ*.

Примѣчаніе 1. Въ именахъ на *-акъ* женскій родъ имѣетъ въ окончаніи *-ачка*, напр. рыбачка; въ именахъ на *-никъ*, *-чикъ* и *-щикъ* женскій родъ образуется перемѣною *-икъ* на *-ица*, напр. ключница.

Примѣчаніе 2. Къ данной семазіологической категоріи принадлежатъ существительныя иностраннаго происхожденія на *-антъ*, напр. фа́брика<фабрика́нтъ (франц. le fabricant, нѣм. Fabrikant), квартира<квартира́нтъ.

II. Субстантивныя представленія **лицъ по ихъ свойствамъ**. Сюда относятся:

1) производныя отъ глаголовъ посредствомъ суффикса -унъ (ж. р. -у́нья), напр. болта́ть<болт-*у́нъ*; [2])

[1]) Здѣсь отъ производящаго имени кромѣ существительныхъ на *-никъ* одновременно образуются и прилагательныя на *-ный* или *-ной*, съ удареніемъ которыхъ—какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ—гармонируетъ и удареніе соотвѣтствующихъ существительныхъ на *-никъ*. Вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ прилагательныхъ возникъ и самый суф. *-никъ* (съ *н* передъ -икъ).

[2]) Срв. ниже суф. *-анъ* (категорія 3-ья), имѣющій общій съ даннымъ суффиксомъ характерный согласный *-н-* при предшествующемъ особомъ гласномъ. Не трудно видѣть и семазіологическое родство между этими суффиксами: въ одномъ случаѣ—преувеличенное занятіе дѣйствіемъ, въ другомъ—преувеличенный предметный признакъ; кромѣ того, въ упомянутой 3-ьей группѣ встрѣчается и суф. *-унъ*.

2) отъ прилагательныхъ посредствомъ суффиксовъ *-ецъ*, *-икъ*, *-якъ*, *-ачъ*, *-аръ*, *-ѣй*, *-ышъ*:

-ецъ (жен. р. -ица): стáрый<стáр-*ецъ*, слѣпóй<слѣп-*éцъ*;

-ивецъ: лѣни́вый<лѣн-*и́вецъ*.

-икъ: стáрый<стар-*и́къ* (ж. р. стар-ýха).

-якъ или **-акъ**: бѣ́дный<бѣдн-*я́къ*, чужóй<чуж-*áкъ*.

-ачъ: лóвкій<ловк-*áчъ*.

-арь: глухóй<глух-*áръ*, ди́кій<дик-*áръ*. [1]

-ѣй: богáтый<богат-*ѣ́й*.

-ышъ: гóлый<гол-*ы́шъ*, крѣ́пкій<крѣп-*ы́шъ*.

3) отъ существительныхъ, обозначающихъ часть тѣла, обращающую на себя вниманіе другихъ,—посредствомъ суффиксовъ *-унъ*, *-анъ*, *-ачъ*:

-унъ: горбъ<горб-*ýнъ*.

-анъ: гóрло<горл-*áнъ*.

-ачъ: горбъ<горб-*áчъ*. [2]

III. **Названія лицъ по ихъ происхожденію изъ извѣстныхъ страны, города и вообще мѣстности, или же по ихъ принадлежности къ какой-нибудь народности.** Они образуются распространеніемъ производящихъ существительныхъ суффиксами *-ецъ*, *-ичъ*, *-якъ*, *-инъ* (женскій родъ въ нихъ оканчивается на *-ка*):

-ецъ: Голлáндія<голлáнд-*ецъ*, Петербýргъ<петербýрж-*ецъ*;

-анецъ или **-янецъ**: Амéрика<америк-*áнецъ*, Итáлія<италь-*я́нецъ*.

---

[1] По-видимому удареніе падаетъ всегда на суффиксъ независимо отъ мѣста ударенія въ производящемъ прилагательномъ. Срв. выше, въ категоріи I-ой, особенности ударенія именъ на *-аръ*, образованныхъ отъ существительныхъ и отъ глаголовъ.

[2] Въ случаѣ сила<сил-*áчъ* производящее обозначаетъ извѣстное качество, а производное на *-áчъ*—лицо, обладающее въ большой степени этимъ качествомъ.

-ичъ: Кострома́<костром-*и́чъ*, Вя́тка<вя́т-*ичъ*.
-якъ: Сиби́рь<сибир-*я́къ*, Ту́ла<тул-*якъ*.
-инъ: англича́не<англича́н-*инъ*, литва́<литв-*и́нъ*. [1])

IV. Названія лицъ по ихъ родовому происхожденію образуются посредствомъ суффиксовъ **-ичъ** и **-овичъ** или **-евичъ**:

-ичъ: князь<кня́ж-*ичъ*.
-овичъ (ж. р. на *-овна*): попъ<поп-*о́вичъ*.
-евичъ (ж. р. на *-евна*): царь<цар-*е́вичъ*. [2])

Примѣчаніе. Къ этой категоріи относятся и собственныя имена существительныя, служащія для отчествъ и фамилій. Первоначально языкъ могъ довольствоваться одними личными именами, но очень рано явилась потребность различать лица со сходными именами, что и достигалось присоединеніемъ къ личному имени дополнительнаго по отцу; впослѣдствіи сверхъ этихъ двухъ именъ стало употребляться еще третье (фамильное), названіе котораго происходило частью отъ личныхъ свойствъ или занятій основателя фамиліи, или же отъ названія мѣстности, откуда онъ былъ родомъ, а частію и отъ личныхъ именъ. Что касается отчествъ, то въ русскомъ языкѣ, подобно, другимъ славянскимъ, суффиксомъ для такихъ именъ служитъ *-ичъ* или *-вичъ* (-овичъ, -евичъ)—для муж. рода; женскій родъ къ такимъ отчествамъ русскій языкъ образуетъ посредствомъ суффиксовъ *-овна, -евна, -ишна, -инична*. Для образованія фамилій языкъ пользуется суффиксами *-овъ* или *-евъ*, [3]) *-инъ* и *-скій*. [4]) Кромѣ того въ фамиліяхъ встрѣчаются еще такія суффиксальныя окончанія, какъ: *-ово́* (Хитрово́), *-а́го* (Мертва́го), [5])

---

[1]) Здѣсь производящее во множ. числѣ, или же собирательное; суффиксъ *-инъ* нѣкоторыми считается происшедшимъ отъ древняго слова инъ, означавшаго «одинъ» (а также—«иной, нѣкоторый, тотъ»).

[2]) Слогъ *-ов-* или *-ев-* указываетъ на ближайшее происхожденіе этихъ названій отъ прилагательныхъ (поп*овъ*, цар*евъ*).

[3]) Эти суффиксы между прочимъ всегда являются въ фамиліяхъ, происходящихъ отъ мужскихъ личныхъ именъ, напр. Петровъ, Васильевъ.

[4]) Среди донскихъ казаковъ вм. *-скій* употребляется *-сковъ*.

[5]) Второе окончаніе въ сущности одинаково съ первымъ, различаясь отъ него лишь удареніемъ и ореографіей.

-ыхъ или *-скихъ* (Черныхъ, Еловскихъ),[1] *-енко, -якъ* и *-юкъ* (Шевченко, Червякъ, Павлюкъ).[2]

V. Что касается названій животныхъ, растеній и минераловъ, то здѣсь мало вполнѣ опредѣленныхъ суффиксовъ, а потому мы ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторые. Въ названіяхъ животныхъ при производствѣ именъ женскаго рода русскій языкъ пользуется часто суффиксомъ *-ица* (напр. медвѣдь<медвѣд-*ица*), а для названій молодыхъ животныхъ суффиксомъ *-енокъ* (напр. медвѣдь<медвѣж-*енокъ*).[3]

При обозначеніи предметовъ міра растительнаго суф. *-овникъ* нерѣдко служитъ для указанія кустарниковыхъ растеній, напр. терно́вникъ, крыжо́вникъ и т. п., а суф. *-никъ* и *-някъ*—для отличія разныхъ породъ лѣса (берéзникъ, липня́къ), *-ина* и *-йка* для обозначенія ягодныхъ растеній (рябина, смородина, земляника), *-икъ, -овикъ, -окъ* и нѣк. др.—въ названіяхъ грибовъ, напр. рыжикъ, березовикъ, опено́къ.

Въ названіяхъ предметовъ минеральнаго царства суффиксы *-никъ* или *-някъ* служатъ, подобно тѣмъ же суффиксамъ въ названіяхъ міра растительнаго, для указанія той или другой минеральной породы или почвы, напр. песча́никъ, известня́къ; для той же цѣли иногда служитъ суф. *-окъ*, напр. сугли́нокъ; суф. *-икъ* встрѣчаемъ въ названіяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ минераловъ, напр. плави́къ, крови́къ.

VI. Что касается существительныхъ, служащихъ обозначеніемъ разнообразныхъ предметовъ культуры, т. е.

---

[1]) Въ такомъ видѣ суффиксы обычно употребляются въ Сибири и возникли какъ отвѣтъ на вопросъ *чьихъ ты, онъ* и пр., подобно тому какъ на вопросъ *чей* или *кого ты* и пр. возникли отвѣтные суффиксы *-ово* или *-аго*. Въ Сибири существуетъ для этихъ случаевъ даже особаго вида вопросительное мѣстоименіе—*чéевичъ? чéичъ? чéевъ?*

[2]) Три послѣдніе суффикса употребительны въ Малороссіи.

[3]) Для обозначенія мяса животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, прибавляется суффиксъ *-ина*, напр. бара́н-*ина*, осетр-*и́на* и пр.

предметовъ жилища, утвари, орудій, одежды, пищи и также комфорта, то значительное количество ихъ уже получило обозначеніе въ языкѣ въ эпохи развитія первообразныхъ существительныхъ. Послѣ того языкъ, по мѣрѣ появленія новыхъ культурныхъ предметовъ въ жизни, частію примѣняетъ прежнія наименованія, а частію образуетъ новыя имена существительныя прибавленіемъ префиксовъ и суффиксовъ къ ранѣе образованнымъ первообразнымъ именамъ, обозначающимъ близкія по смежности или сходству представленія, напр. свѣча< *под*свѣч*никъ*, рука<руч*ка* (для письма).

Наиболѣе распространенными суффиксами въ новообразуемыхъ существительныхъ разсматриваемой категоріи служатъ *-никъ* и *-ница*, присоединяющіеся къ производящимъ словамъ для приданія имъ весьма разнообразныхъ значеній, напр. нагрудникъ, игольникъ, чайникъ, сахарница, песочница. Въ этихъ примѣрахъ новый культурный предметъ названъ по другому предмету, къ которому онъ находится въ извѣстномъ пространственномъ отношеніи, или же такъ или иначе служитъ для него. Нѣкоторыя существительныя представляютъ названія по глагольному дѣйствію, напр. умывальникъ, подойникъ, мельница; въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ образованіе существительныхъ по глаголу съ помощью другихъ суффиксовъ, напр. *-ево* (кружить<круж-*ево*); суф. *-ня* служитъ для показанія мѣста для производства работы или вообще совершенія дѣйствія (пекарня, бѣлильня, купальня); суф. *-ало* или *-ило* для обозначенія орудій дѣйствій, напр. опах-*áло*, точ*ило*.

Наконецъ, необходимо помнить, что, благодаря позаимствованію многихъ культурныхъ предметовъ отъ другихъ народовъ, въ русскій языкъ вошли вмѣстѣ съ заимствованными предметами и соотвѣтствующія иностранныя названія ихъ.

VII. Переходя отъ конкретныхъ существительныхъ къ абстрактнымъ, мы прежде всего укажемъ на **субстантивныя названія дѣйствій**, которыя образуются отъ соот-

вѣтствующихъ глаголовъ при помощи слѣдующихъ суффиксовъ:

- **-ніе** (-еніе, -аніе, -ѣніе, -ываніе и т. п.) и **-тіе**: писáть<пис-*áніе*, склáдывать<склáд-*ываніе*, взя́ть<взя́-*тіе*. Суффиксъ *-ніе*—самый употребительный, а суф. *-тіе* встрѣчается только при глаголахъ извѣстнаго типа. [1])
- **-ба**: пали́ть<паль-*бá*, молоти́ть<молоть-*бá*. Особенно часты такія образованія отъ глаголовъ на *-и́ть*.
- **-ство**: ворова́ть<вор-*овствó*, колдова́ть<колд-*овствó*. Въ большомъ числѣ случаевъ такія существительныя происходятъ отъ глаголовъ на *-овать*.
- **-ствіе**: дѣй-*ствіе*, восшé-*ствіе*. Въ этой группѣ много словъ церковно-славянскаго происхожденія.
- **-ка**: обши́в-*ка*, клáд-*ка*.
- **-ня́**: стряп-*ня́*, рѣз-*ня́*; **-отня́**: бѣг-*отня́*; **-овня́**: болт-*овня́*. Выражается усиленность дѣйствія.

Примѣчаніе. Во многихъ случаяхъ разсматриваемыя существительныя обозначаютъ не только дѣйствіе, но и продуктъ дѣйствія, напр. писаніе, обшивка и т. д. Въ этомъ послѣднемъ значеніи многія изъ такихъ существительныхъ относятся къ предшествующему VI-му отдѣлу.

---

[1]) Суффиксы *-ніе* и *-тіе*, съ предшествующимъ гласнымъ, представляютъ собою дальнѣйшее образованіе отъ прич. прош. страд., при чемъ согласные *н* и *т* являются именно тѣми согласными, которые служатъ для образованія данной причастной формы. Однакожъ эти существительныя не имѣютъ страдательнаго значенія; въ этомъ могло сказаться дѣйствіе аналогіи глагольныхъ существительныхъ на *-тъ*. Связь же съ прич. прош. стр. обнаруживается (кромѣ параллелизма въ производствѣ) изъ конструкціи при этихъ существительныхъ: дѣйствующій предметъ ставится при нихъ въ Твор. пад., т. е. какъ въ страд. оборотѣ. Самое же значеніе ихъ, какъ упомянуто, соотвѣтствуетъ глаголу въ дѣйствительной формѣ, при чемъ удерживаются и «видовыя» различія, напр. несеніе || ношеніе и т. п.; далѣе, если производящій глаголъ сочетается съ неопред. накл., то и происходящее отъ него существительное можетъ сохранить такое словосочетаніе, напр. стремлюсь доказать || стремленіе доказать (удерживаются также Дат. падежъ и предложныя конструкціи, прямое же дополненіе по общему правилу переходитъ въ Род. падежъ).

VIII. Опредмеченныя представленія качествъ производятся въ языкѣ отъ соотвѣтствующихъ прилагательныхъ съ слѣдующими суффиксами:

-ба: злой<зло́*ба*, худо́й<худо*ба́*.

-ость и **-есть**: живо́й<жи́в-*ость*, жесто́кій<жесто́к-*ость*, свѣ́жій<свѣ́ж-*есть*; **-ность**: че́стный<че́ст-*ность*; **-ивость**: игри́вый<игр-*и́вость*; **-авость**: лука́вый<лук-*а́вость*.

-ота: пе́стрый<пестр-*ота́*, че́рный<черн-*ота́*, глухо́й<глух-*ота́*. Обыкновенно—отъ прилагательныхъ, обозначающихъ цвѣтъ, а также физическій недостатокъ.

-изна: криво́й<крив-*изна́*.

IX. До сихъ поръ мы разсматривали такія производныя существительныя, которыя, благодаря принятому ими суффиксу, получили новое значеніе по сравненію съ своимъ производящимъ; это значеніе находится въ нѣкоторомъ легко подразумѣваемомъ соотношеніи къ значенію производящаго слова, срв. ры́ба<рыб-*а́къ* (т. е. ловящій рыбу), печь<печ-*никъ* (дѣлающій печи), молоко́<моло́ч-*никъ* (продающій молоко, или же посуда для молока). Теперь передъ нами новый типъ производныхъ, въ которыхъ сохраняется основное значеніе производящаго, видоизмѣняется лишь оттѣнокъ представленія одного и того же предмета, который можетъ мыслиться большимъ или малымъ, а также съ оттѣнкомъ пренебрежительнымъ или же ласкательнымъ. Ясно, что эти производныя существительныя могутъ происходитъ только отъ существительныхъ. Суффиксы, съ помощью которыхъ могутъ образовываться такія производныя существительныя, суть слѣдующіе:

1) Увеличительныя имена пользуются суффиксами: **-ище** (-ища): домъ<дом-*и́ще*;[1]) рука́<руч-*и́ща*, си́ла<си́л-*ища*.

-ина: звѣрь<звѣр-*и́на*.

---

[1]) Имена на *-ище*, происходя отъ именъ муж. рода, сохраняютъ родъ своего производящаго, не смотря на окончаніе *-е*.

2) **Уменьшительныя** существительныя имѣютъ суффиксы:

-ецъ: урóдъ<урóд-*ецъ*.

-икъ: столъ<стóл-*икъ*; **-чикъ**: младéнецъ<младéн-*чикъ*.

-окъ, **-очекъ** (-ёкъ, -ёчекъ): гóлосъ<голос-*óкъ*<голос-*óчекъ*, огóнь<огон-*ёкъ*<огон-*ёчекъ*.

-ица: водá<вод-*ица*.

-ка: бля́ха<бля́ш-*ка*, канáва<канáв-*ка*;[1] **-очка**, **-ечка**: цѣпь <цѣп-*óчка*, метéлка<метéл-*очка*, доскá<дощ-*éчка*; **-ичка**: пти́ца<пт*и́чка*; **-ынка**: простыня́<прост-*ы́нка*, **-ушка**: дерéвня<дерев-*ýшка*, избá<изб-*ýшка*.

-ко: ýхо<уш-*кó*; **-ечко**: кольцó<кол-*éчко*; **-ико**: лицó—ли́ч-*ико*; **-ышко**: перó<пéр-*ышко*, крылó<кры́л-*ышко*.[2]

-цó, **-це**: óзеро<озер-*цó*, блю́до<блю́д-*це*; **-ецó**: письмо< письм-*ецó*.

Примѣчаніе 1. Уменьшительныя имена весьма часто получаютъ въ языкѣ значеніе обыкновенныхъ; въ такомъ случаѣ они принимаютъ обычно новый оттѣнокъ значенія и въ свою очередь могутъ образовывать новыя уменьшительныя путемъ дальнѣйшаго распространенія уменьшительными суффиксами, напр. клуб*óкъ* (собственно—уменьш. отъ «клубъ»)<клуб*óчекъ*, нос*óкъ* (напр. у чайника или сапога, собственно—уменьш. отъ «носъ»)<нос*óчекъ*. Иногда въ языкѣ рядомъ съ уменьшительными словами, уже утратившими свой оттѣнокъ уменьшительности, все еще продолжаютъ существовать и ихъ производящія, напр. дóждикъ || дождь.[3]

Примѣчаніе 2. Русскій языкъ очень широко пользуется уменьшительными существительными, какъ это нерѣдко встрѣчаемъ въ народной поэзіи, въ повседневномъ же разговорѣ уменьшительныя имена часто употребляются для оттѣнка почтительности или уваженія, а также для прида-

---

[1]) При этомъ суффиксѣ по большей части уже не сохраняется оттѣнокъ уменьшительности, при чемъ и самое значеніе слова отошло отъ первоначальнаго, напр. вил-*ка*, пѣ́н-*ка* и т. п.

[2]) Этотъ суффиксъ всегда неударенъ.

[3]) Что слово »дóждикъ» имѣетъ уже неуменьшительное значеніе, подтверждается тѣмъ, между прочимъ, что оно употребляется на ряду съ обыкновенными, напр. у Лермонтова: «вѣдь, напримѣръ, въ *дождикъ*, въ *холодъ*, цѣлый день на охотѣ» (Герой наш. вр., гл. I).

нія своей рѣчи особенной ласковости. [1]) Привычкѣ называть въ разговорѣ обыкновенные предметы уменьшительными именами много способствуетъ подчиненность и зависимость лица, говорящаго съ высшими: при частотѣ такого явленія уменьшительныя существительныя легко переходятъ въ категорію обыкновенныхъ; здѣсь, такимъ образомъ, развитіе языкового явленія зависитъ отъ *соціальныхъ условій*. Существительныя, обозначающія разнаго рода мѣру, которыя поэтому не должны бы имѣть уменьшительныхъ образованій, въ дѣйствительности имѣютъ таковыя; этими послѣдними обычно пользуются въ томъ случаѣ. когда хотятъ произвести впечатлѣніе малости просьбы, напр.: «отпусти на *недѣльку*»; «*гривенничекъ* всего стоитъ», и т. п. Кромѣ того, уменьшительныя имена въ разговорѣ нерѣдко употребляются для обозначенія представленій съ противоположнымъ оттѣнкомъ значенія, т. е. увеличительнымъ, при чемъ самая рѣчь получаетъ какъ бы характеръ *юмора* или *ироніи*; напр. «ну, и *морозецъ* сегодня!» Такого рода примѣры, встрѣчающіеся сплошь и рядомъ, достаточно убѣждаютъ въ томъ, что семасіологическая жизнь и развитіе суффиксовъ происходитъ не въ отдѣльныхъ словахъ, а *въ живой рѣчи.*

3) Уничижительныя или пренебрежительныя пользуются суффиксами увеличительныхъ или же уменьшительныхъ, напр. лáп-*ища*, звѣр-*юшка*. Кромѣ того, для оттѣнка пренебреженія часто служитъ суффиксъ -*ёнка*; срв. напр.: лошадка (уменьш.) || лошадёнка (уничижит.), избушка (уменьш.) || избёнка (уничиж.). [2]) Пренебрежительныя формы въ рѣчи нерѣдко служатъ для приданія предмету малой значительности въ глазахъ слушателя; такъ, напр. Хорь въ извѣстномъ разсказѣ Тургенева не безъ лукавства скромно замѣчаетъ о себѣ: „торгуемъ по-маленьку *маслишкомъ*, да *дегтишкомъ*"; срв. также у Писемскаго: „у меня (въ деревнѣ) мѣстополо-

---

[1]) Примѣръ перваго оттѣнка встрѣчаемъ у Тургенева въ разсказѣ «Малиновая вода» въ рѣчи бывшаго дворецкаго Тумана (обращаясь къ автору разсказа, онъ спрашиваетъ: «А что это у васъ *пёсикъ* аглицкій, или фурлянскій какой?» въ разговорѣ же съ мужикомъ Степой пользуется обыкновенными именами); весьма характернымъ примѣромъ второго оттѣнка могутъ служить письма Макара Алексѣевича Дѣвушкина въ «Бѣдныхъ людяхъ» Достоевскаго.

[2]) Уничижительный оттѣнокъ послѣдняго слова ясно проглядываетъ въ выраженіи: «въ дрянной, полуразвалившейся *избёнкѣ*» (Тургеневъ, Сочиненія, изд. 1883 г., т. II, стр. 21).

женіе порядочное, есть тоже *садишко*, кое-какая *рѣченка*“ (Тысяча душъ, ч. 2, гл. IV).

4) **Ласкательныя** имена могутъ образовываться какъ для обыкновенныхъ, такъ и для уменьшительныхъ существительныхъ. Такъ, напр., отъ обыкновеннаго существительнаго „голова“ происходитъ ласкательное „голов*ушка*“; что касается соотвѣтствующаго уменьшительнаго „голов*ка*“, то оно, какъ и вообще уменьшительныя, можетъ соединять въ себѣ и ласкательный оттѣнокъ; если же такое образованіе кажется недостаточнымъ для выраженія ласки, то отъ него можетъ быть произведено новое уменьшительно-ласкательное существительное, напр. на *-очка*, *-онька* и др. (головочка, головонька); срв. еще у Писемскаго въ разговорахъ: „Что сестр*ичушка*-то? я и не спросила о ней“ (Тюфякъ, гл. II). Русскій языкъ вообще весьма богатъ уменьшительно-ласкательными существительными, что̀ отчасти можетъ считаться показателемъ душевной мягкости русской народности. Здѣсь, такимъ образомъ, развитіе суффиксальное объясняется уже не соціальными условіями, а факторомъ *народной психологіи*. Замѣтимъ еще, что подобно тому какъ иронія можетъ переводить уменьшительныя имена въ увеличительныя, такъ здѣсь этимъ путемъ при соотвѣтственномъ измѣненіи интонаціи достигается переходъ ласкательнаго оттѣнка въ уничижительный, напр. умница, чадушко и др.

Примѣчаніе. Личныя имена въ русскомъ языкѣ проявляютъ особенную склонность къ ласкательнымъ и уничижительнымъ образованіямъ; обыкновенно суффиксами ласкательныхъ служатъ: *-я* или *-а* (Ва́н-я, Та́н-я, Миш-*а*, Груш-*а*), *-енька* (Ми́т-*енька*, Гру́ш-*енька*), *-ичка* (Ва́н-*ичка*, Ду́н-*ичка*), *-ушка* или *-юшка* (Ива́н-*ушка*, Андре́-*юшка*, Степани́д-*ушка*, Та̀н-*юшка*), а уничижительныхъ *-ка* (Ва́нь-*ка*, Гру́ш-*ка*) [1]

---

[1]) Эти послѣднія имена играютъ важную роль въ отпискахъ служилыхъ людей къ государямъ московской Руси, при чемъ употребленіемъ такихъ именъ (Ванька и т. п.) достигалось собственное уничиженіе. Такъ именуютъ себя при Иванѣ III наименѣе значительные люди или «людиш-

Всматриваясь во все многообразіе суффиксовъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ особенно способны къ дальнѣйшему суффиксальному разростанію путемъ постепеннаго поглощенія предшествующихъ суффиксальныхъ элементовъ (напр. *-тель*, *-атель*, *-ыватель* и т. п.). Ближайшее наблюденіе показываетъ, что такому росту подвергаются главнымъ образомъ тѣ суффиксы, которые служатъ къ образованію самыхъ основныхъ категорій именныхъ представленій, именно — дѣятелей, дѣйствій, объектовъ и орудій дѣйствій. Сверхъ того, какъ уже было указано, русскій языкъ представляетъ почти неисчерпаемое обиліе наращенныхъ ласкательныхъ образованій.

ки»; болѣе знатные пользуются уже уменьшительными, а не уничижительными суффиксами (напр. Иванецъ, Васюкъ) и лишь самые знатные пишутся полными именами. При Иванѣ IV Грозномъ даже и знатныя лица стали писаться не только уменьшительными, но обыкновенно и уничижительными.

Глава IX.

Имя прилагательное; степени сравненія. Нѣкоторыя замѣчанія объ имени числительномъ и мѣстоименіи.

Именемъ прилагательнымъ называется измѣняемая часть рѣчи, обыкновенно служащая для опредѣленія имени существительнаго (самый терминъ „прилагательное" именно и выражаетъ, что эта часть рѣчи употребляется въ приложеніи къ существительному), при чемъ прилагательнымъ обозначается какое-либо частное представленіе въ цѣломъ представленіи даннаго предмета. Связь же частнаго представленія со своимъ сложнымъ въ сферѣ языка выражается *согласованіемъ* прилагательнаго съ существительнымъ, напр. крас*ный* столъ, крас*ная* доска и т. п.[1]) Имя прилагательное, относясь къ существительному, можетъ являться въ предложеніи не только опредѣленіемъ (красный столъ и т. п.), но так-

---

[1]) По поводу даннаго нами опредѣленія прилагательнаго можно было бы возразить, что, напр., въ выраженіи: передай книгу въ переплетѣ — слово «въ переплетѣ», согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, нужно считать прилагательнымъ, такъ какъ оно обозначаетъ *одинъ изъ признаковъ другого представленія*. Это замѣчаніе было бы справедливо въ томъ случаѣ, если бы часть рѣчи опредѣлялась только по значенію, но въ опредѣленіе каждой части рѣчи должна входить также характеристика ея со стороны формальной, почему мы и указали, что прилагательное согласуется съ своимъ существительнымъ, т. е. что ему свойственна опредѣленная форма.

же входить въ составъ сказуемаго, напр. столъ—красенъ, доска—красна и т. п. Соотвѣтственно этому синтаксическому различію, прилагательное имѣетъ двѣ формы: *простую*—для сказуемаго (напр. красенъ, -а, -о) и *сложную*—для опредѣленія (красный, -ая, -ое).[1]) Сложная форма образовалась изъ простой чрезъ присоединеніе древняго мѣстоименія *и*, *я*, *е* (т. е. напр. добръ+*и*, добра+*я*, добро+*е*), представляющаго собою родъ члена. Раньше простая форма прилагательнаго употреблялась и какъ опредѣленіе, но теперь (за исключеніемъ притяжательныхъ на *-инъ* и *-овъ*) только какъ сказуемое. Отголоски употребленія прилагательнаго въ простой формѣ въ качествѣ опредѣленія нерѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ народной словесности, напр. въ былинахъ, особенно въ типичныхъ сочетаніяхъ, ставшихъ какъ бы формулами, напр. „у ласков*а* князя Владимера" и т. п. Такъ какъ въ современномъ литературномъ языкѣ прилагательное въ простой формѣ является, за указаннымъ исключеніемъ, только въ качествѣ сказуемаго, при чемъ согласуется съ своимъ подлежащимъ, подлежащее же всегда стоитъ въ Имен. падежѣ, то вполнѣ понятно, что въ литературномъ языкѣ простое прилагательное способно имѣть только форму Имен. падежа, напр. въ ед. ч.: умéнъ—умнá—умнó, во мн. ч.: умны́.[2]) Въ качествѣ же опредѣлительныхъ словъ прилагательныя имѣютъ полное склоненіе, согласуясь со своимъ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; поэтому склоняются всѣ сложныя при-

---

[1]) Изъ другихъ языковъ аріо-европейскихъ укажемъ на существованіе простой и сложной формъ прилагательнаго съ подобной же синтаксической дифференціаціею ихъ въ литовскомъ и нѣмецкомъ.

[2]) Что касается у д а р е н і я при этомъ, то оно частію слѣдуетъ данному примѣру (срв. еще: *жóлтъ*—желтá—желтó—желты́), или же на окончаніе переходитъ только въ женскомъ родѣ ед. ч., напр. *сухъ*—сухá—сýхи, *дóрогъ*—дорогá—дóрого—дóроги, *вéселъ*—веселá—вéсело—вéселы; наконецъ, удареніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. *здорóвъ*—здорóва—здорóво—здорóвы.

лагательныя (напр. добрый человѣкъ, добраго человѣка и пр.), а изъ прилагательныхъ съ простою формою только извѣстныя притяжательныя (напр. Ивановъ день, Иванова дня и пр.).

Что касается *системы ударенія въ склоненіи* прилагательныхъ, то эта система очень проста: удареніе здѣсь бываетъ только постоянное—или на основѣ, или на окончаніи, при чемъ прилагательныя твердаго склоненія могутъ имѣть то и другое удареніе (напр. до́брый, слѣпо́й), прилагательныя же мягкаго склоненія встрѣчаются только съ удареніемъ на основѣ (напр. ве́рхній).

И такъ, имена прилагательныя обычно являются въ *двухъ формахъ*—простой и сложной, соотвѣтственно синтаксическому различію въ употребленіи. Не всѣ однакожъ прилагательныя способны къ этимъ двумъ формамъ: нѣкоторыя прилагательныя являются *только въ одной* формѣ, или краткой (напр. Ивановъ и т. п.), или же полной (напр. деревянный и т. п.), независимо отъ того, служатъ ли они словами опредѣлительными, или же являются въ роли сказуемаго, напр.: Сашинъ карандашъ || карандашъ—Сашинъ; деревянный домъ || домъ—деревянный. Первую группу прилагательныхъ съ одною формою составляютъ извѣстнаго образованія притяжательныя, а вторую—относительныя прилагательныя.

Какъ извѣстно, имена прилагательныя могутъ измѣняться по *степенямъ сравненія* (напр. добрый—добрѣе—самый добрый). Однако многія прилагательныя не имѣютъ движенія по степенямъ сравненія, когда качество не можетъ мыслиться въ смыслѣ сравнительномъ и превосходномъ. Къ прилагательнымъ, не измѣняющимся по степенямъ сравненія принадлежатъ всѣ *притяжательныя* и *относительныя*; прочія прилагательныя измѣняются по степенямъ сравненія и въ грамматикахъ называются *качественными*. Первыя прилагательныя всегда производныя отъ другой части рѣчи, при чемъ притяжательныя происходятъ только отъ существ., напр. Иванъ < Иван*овъ*, Вася—Вас*инъ*, отецъ—отц*овъ*, братъ—брат*нинъ*, се-

ло—сель*скій*, относительныя же отъ разныхъ частей рѣчи, напр. отъ сущ.: дерево — деревя*нный*, шерсть—шерстя*ной*, часъ—час*овой*, годъ—год*овой*, пудъ—пуд*овой*, семья—семей*ный*, жена—жен*атый*, нога—безног*ій*; отъ числ.: двое—двой*ной*, трое—трой*ной*; отъ нарѣчія: здѣсь—здѣ*шній*, вчера—вче*рашній*. Къ прилагательнымъ качественнымъ относятся всѣ первообразныя прилагательныя (напр. твердый, гордый, хитрый, добрый, острый, синій, бѣлый и пр.), а также нѣкоторыя изъ производныхъ, какъ напр. умъ—ум*ный*, ласка—лас*ковый*, печаль—печаль*ный* и т. п.

Что касается частныхъ суффиксальныхъ оттѣнковъ въ имени прилагательномъ, то характеръ ихъ обусловливается основнымъ смысломъ данной части рѣчи—выражать одинъ изъ признаковъ субстантивнаго представленія. Само собою понятно, что признакъ не можетъ представлять того разнообразія категорій, какое свойственно самымъ субстантивнымъ представленіямъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ уже разсмотрѣнныя нами основныя различія прилагательныхъ качественныхъ, относительныхъ и притяжательныхъ, а также различія по степенямъ сравненія, то остальные болѣе частные суффиксальные оттѣнки прилагательныхъ служатъ для усиленія или ослабленія признака, а также для приданія прилагательнымъ увеличительнаго и уменьшительно-ласкательнаго характера, именно: 1) суффиксы, служащіе для показанія присутствія въ предметѣ признака въ обыкновенной или же преувеличенной степени, при чемъ самыя прилагательныя произведены отъ существительныхъ, обозначающихъ представленіе этого признака, срв. ку́дри—кудр-*я́вый*, лѣнь—лѣн-*и́вый*; гу́бы—губ-*а́стый*, имя—имен-*и́тый*, санъ—сан-*ови́тый*, голосъ—голос-*и́стый*[1]); 2) суффиксы, посредствомъ которыхъ качество прилагательнаго представляется ослабленнымъ, срв. че́рный—

---

[1]) Суффиксъ *-истый* можетъ имѣть еще и другое значеніе—«подобный чему-либо, сходный съ чѣмъ-либо», напр. серебр*и́стый*, шелк*ови́стый*.

черн-*ова́тый*, си́ній—син-*ева́тый*; 3) суффиксы прилагательныхъ увеличительныхъ, срв. то́лстый<толст-*у́щій*; 4) суффиксы прилагательныхъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ, срв. до́брый<до́бр-*енькій*, сухо́й<су́х-*онькій* или су́х-*енькій*, сѣдо́й<сѣд-*ёхонькій*, ма́лый<мал-*ёшенькій*. [1])

Намъ нужно теперь разсмотрѣть образованіе степеней сравненія именъ прилагательныхъ.

С р а в н и т е л ь н а я степень въ именахъ прилагательныхъ образуется посредствомъ суффиксовъ -*ѣе* или -*е*; но такъ бываетъ только въ томъ случаѣ, если прилагательное служитъ сказуемымъ; если же оно должно быть употреблено въ качествѣ опредѣленія, то сравнительная степень обычно не имѣетъ особой формы и выражается прибавленіемъ слова „болѣе“ къ прилагательному.

Изъ приведенныхъ суффиксовъ послѣдній (-*е*) имѣетъ ограниченное употребленіе, будучи закрѣпленъ за небольшимъ числомъ прилагательныхъ простѣйшаго образованія (напр. худой—хуже и т. п.), суффиксъ же -*ѣе* кромѣ другихъ прилагательныхъ простѣйшаго образованія (напр. новый—новѣе) имѣетъ широкое употребленіе въ прилагательныхъ производныхъ, образованныхъ чрезъ прибавленіе разныхъ суффиксовъ (напр. правд-ив-ый и т. д.). Въ виду различій, существующихъ между суффиксами сравнит. степени -*ѣе* и -*е*, мы дадимъ особо характеристику того и другого суффикса и остановимся сначала на болѣе употребительномъ -*ѣе*. Въ томъ случаѣ, когда этотъ суффиксъ служитъ для образованія сравни-

---

[1]) Уменьшительныя прилагательныя очень часто сочетаются съ уменьшительными существительными (родъ согласованія), между тѣмъ какъ въ увеличительныхъ выраженіяхъ такого рода согласованіе не обычно, срв.: маленькій домикъ || большущій домъ. Примѣры согласованія прилагательныхъ съ существительными по уменьшительности представляетъ въ изобиліи языкъ Г о г о л я и стоящій къ нему довольно близко языкъ Т у р г е н е в а (напр. у послѣдняго въ *Бѣжиномъ лугѣ*: «армячокъ чуть держался на его *узенькихъ плечикахъ*»).

тельной степени въ прилагательныхъ простѣйшаго образованія, онъ всегда сопровождается удареніемъ независимо отъ мѣста ударенія въ положительной степени, напр. живо́й—живѣ́е, новый—новѣ́е, а́лый—алѣ́е и т. д.; въ прилагательныхъ болѣе сложнаго образованія удареніе сравнительной степени слѣдуетъ ударенію положительной степени соотвѣтствующаго прилагательнаго, находясь на томъ или другомъ слогѣ основы, окончаніе же *-ѣе* въ этомъ случаѣ не имѣетъ на себѣ ударенія, напр. лука́вый—лука́вѣе, льсти́вый—льсти́вѣе, правди́вый—правди́вѣе.[1]) Что касается окончанія *-е* (*-je), то подъ вліяніемъ j, входившаго въ составъ этого окончанія, предшествующіе согласные смягчились такъ, какъ это было указано въ фонетикѣ, т. е. напр. дешёвый—дешёвле, круто́й—кру́че, худо́й—ху́же, при чемъ удареніе никогда не падаетъ на окончаніе *-е*, а только на основу. Если положительная степень прилагательнаго оканчивается на *-кій* или *-окій* (короткій, гладкій, гадкій, жидкій, рѣдкій, близкій, низкій, узкій, высокій, широкій), то при образованіи сравнительной степени на *-е* суффиксальный слогъ положительной степени отсутствуетъ, т. е. сравнительная степень образуется такъ, какъ будто бы въ положительной степени на концѣ имѣлось не *-кій* или *-окій*, а *-ый*; если же въ положительной степени указаннымъ окончаніямъ предшествуетъ плавный или носовой согласный, то сравнительная степень встрѣчается съ окончаніемъ *-ше*, напр. тонкій—тонь*ше*, далекій—даль*ше*, но слово „широкій“ съ такимъ образованіемъ сравн. степени (ширше) встрѣчается только въ говорахъ, въ литературномъ же языкѣ будетъ „шире“; два же прилагательныя, корень которыхъ кончается на звонкій взрывной *б* (глубокій—глуб*же*, слабкій или чаще слабый—слаб*же*), вмѣсто окончанія *-ше* подставили *-же*, вѣроятно

---

[1]) Суффиксъ *-ѣе* встрѣчается въ литературномъ языкѣ также и при предшествующихъ шипящихъ, напр. звонкій<звонч*ѣе*, срв. «еще з в о н ч ѣ е сталъ ея лай» (Л. Андреевъ, въ разсказѣ «Другъ»).

подъ вліяніемъ аналогіи такихъ прилагательныхъ, какъ „рѣдкій“ и „низкій“, въ сравн. степ. которыхъ *ж* получилось фонетически; въ связи съ этимъ корневое *б* удерживается и въ сравн. степени.

Превосходная степень именъ прилагательныхъ образуется посредствомъ окончанія *-ѣйшій* или, послѣ шипящихъ, *-айшій* (напр. краснѣйшій, легчайшій), при чемъ иногда усиливается прибавленіемъ приставки *наи-*. Болѣе употребительное образованіе превосх. степени—посредствомъ прибавленія къ положительной степени слова *самый*. Обѣ формы превосходной степени могутъ являться какъ въ качествѣ опредѣленія, такъ и сказуемаго.

Скажемъ въ заключеніе настоящей главы нѣсколько словъ о двухъ другихъ частяхъ рѣчи, обычно придающихся для опредѣленія къ имени существительному, т. е. именахъ числительныхъ и мѣстоименіяхъ опредѣлительно-указательныхъ.

Въ именахъ числительныхъ нужно обратить вниманіе на сущность семазіологическаго различія между *количественными* и *порядковыми* числительными: первыя означаютъ сумму единицъ (напр. пять тетрадей), а вторыя—ту единицу, на которой останавливается счетъ (напр. пятая тетрадь); [1]) этому семазіологическому различію соотвѣтствуетъ различіе формальное: количественныя числительныя, начиная съ числа „пять“, имѣютъ форму существительнаго того или другого типа (срв. пять, сорокъ, сто, тысяча), тогда какъ всѣ порядковыя по своей формѣ являются прилагательными; затѣмъ—та и другая категоріи представляютъ особенности въ согласованіи (срв. пять тетрадей, пятью тетрадями || пятая

[1]) Въ зависимости отъ того, что числительныя представляютъ послѣдовательный рядъ чиселъ, въ нихъ легко проявляется дѣйствіе аналогіи между названіями смежныхъ чиселъ: такъ, названіе «*девять*» имѣетъ *д* вм. первоначальнаго *н* (срв. лат. *novem*, нѣм. *neun* и проч.) по аналогіи къ смежному числительному «*десять*».

тетрадь, пятою тетрадью), при чемъ только порядковыя числительныя имѣютъ полное согласованіе со своимъ существительнымъ.

Говоря при классификаціи частей рѣчи о мѣстоименіяхъ, мы ихъ раздѣлили на личныя и опредѣлительно-указательныя: первыя занимаютъ самостоятельное положеніе рядомъ съ именемъ существительнымъ, вторыя же, подобно прилагательнымъ, служатъ для опредѣленія существительныхъ. Къ личнымъ мѣстоименіямъ нужно причислить возвратное. Близко къ личнымъ мѣстоименіямъ подходятъ вопросительныя „кто?" и „что?", которыя подобно личнымъ не различаютъ въ своей формѣ категоріи рода, при чемъ первое („кто?") спрашиваетъ объ одушевленномъ предметѣ, а второе („что?") о неодушевленномъ. Далѣе, какъ при личныхъ и возвратномъ мѣстоименіяхъ существуетъ прилагательная форма (мой, свой, вашъ и пр.), такъ и при неродовыхъ вопросительныхъ мѣстоименіяхъ, которыя въ отвѣтѣ требуютъ названія предмета, имѣютъ родовыя (какой? который? чей?), требующія въ отвѣтѣ опредѣлительнаго слова. Вопросительныя мѣстоименія могутъ требовать въ отвѣтѣ указательныхъ опредѣленій разнаго рода, и здѣсь лежитъ переходъ ко всѣмъ прочимъ мѣстоименіямъ (тотъ, этотъ, самый, весь, всякій, каждый). Наконецъ, связь между вопросительными въ прилагательной формѣ и относительными мѣстоименіями видна изъ того, что форма одного мѣстоименія нерѣдко примѣняется и для обозначенія другого, напр. въ русскомъ литературномъ вопросительныя мѣстоименія приняли значеніе и относительныхъ, въ бѣлор. и малор. встрѣчаемъ обратное явленіе, т. е. примѣненіе относительнаго мѣстоименія въ качествѣ вопросительнаго, именно „якій" (т. е. какой), которое употребляется тоже какъ вопросительное и относительное.

Глава X.

Глаголъ въ отношенiи семазiологическомъ: понятiе о залогѣ, видѣ и проч. Классификацiя спряженiй и ударенiе въ нихъ.

Выше, говоря о категорiи имени существительнаго, мы установили разницу между нею и категорiею глагола, а именно: существительными обозначаются наши предметныя или опредмеченныя представленiя, тогда какъ глаголы служатъ для выраженiя нашихъ представленiй или дѣйствiя въ его совершенiи субъектомъ, или же состоянiя послѣдняго, напр. *несу* || *спитъ*. Мы видѣли также, что соотвѣтственно съ этимъ основнымъ различiемъ существительное измѣняется по падежамъ, показывающимъ разныя отношенiя, въ какихъ можетъ находиться предметное представленiе въ предложенiи, между тѣмъ какъ глаголъ модифицируется оттѣнкомъ времени, а кромѣ того числа и лица соотвѣтственно субъекту предложенiя. Но изъ того же основного различiя проистекаетъ цѣлый рядъ другихъ особенностей въ той и другой части рѣчи, и мы обратимся теперь къ болѣе полному и послѣдовательному изученiю смысловыхъ моментовъ русскаго глагола, каковыми являются залогъ, видъ, наклоненiе, время, число и лицо.

I. **Залогъ.** Соотвѣтственно различной природѣ дѣйствiй и, слѣдов., своему реальному значенiю, глаголы классифицируются на роды или *залоги*. Школьная грамматика насчиты-

ваетъ шесть самостоятельныхъ залоговъ: дѣйствительный, страдательный, среднiй, возвратный, взаимный и общiй. Но это подраздѣленiе не можетъ считаться правильнымъ, такъ какъ не всѣ эти залоги равноправны между собою: два изъ нихъ, *дѣйствительный* и *среднiй*, какъ соотвѣтствующiе двумъ основнымъ родамъ дѣйствiй, должны быть признаны главными, остальные же могутъ разсматриваться какъ частные случаи этихъ главныхъ.

Обратимся теперь къ разъясненiю этихъ двухъ основныхъ залоговъ глагола. Одни дѣйствiя мы представляемъ себѣ какъ производимыя субъектомъ, напр. *несу*, *бѣгу*, другiя же какъ просто проявляемыя субъектомъ, какъ состоянiя послѣдняго, напр. *лежу* и пр. Мы можемъ назвать соотвѣтствующiе два рода глаголовъ глаголами *дѣйствiя* и глаголами *состоянiя*; въ свою очередь дѣйствiе можетъ быть *переходнымъ* и *непереходнымъ* или *среднимъ* (при чемъ это смысловое различiе выражается въ языкѣ присутствiемъ или же отсутствiемъ при глаголѣ Винит. падежа), состоянiе же—только *непереходнымъ* (среднимъ).

Попробуемъ вникнуть въ различiе природы дѣйствiй переходныхъ и непереходныхъ, для чего сначала остановимся на дѣйствiяхъ простѣйшаго класса—физическихъ и притомъ обозначаемыхъ глаголами *первичными* (непроизводными). Не трудно замѣтить, что наши физическiя дѣйствiя (какъ вообще одушевленныхъ существъ) распадаются на два класса: одними мы оперируемъ надъ мiромъ объективнымъ (сюда относятся такiе глаголы, какъ: бью, трясу, ѣмъ, сосу и пр.), другiя касаются состоянiя самого субъекта и его измѣненiя, а также перемѣщенiя его въ пространствѣ (сюда относятся глаголы: *лежу*, *стою*, *вяну*, *стыну*, *бѣгу*, *ѣду* и т. п.). Первыя дѣйствiя принадлежатъ къ разряду переходныхъ, а вторыя—непереходныхъ (путемъ метафоры тѣ и другiя переносятся и на неодушевленные предметы). Что касается дѣйствiй, относящихся къ нашей психической жизни, то одни изъ

нихъ принадлежатъ къ области *сенсорной*, т. е. къ области умственнаго воспріятія, другія же къ области *чувствованій* или эмоцій и вообще нашихъ внутреннихъ состояній. Глаголы, служащіе для обозначенія первыхъ принадлежатъ къ переходнымъ (вижу, слышу), а служащіе для обозначенія вторыхъ— къ непереходнымъ (скорблю). [1])

Все сказанное относится лишь къ коренным глаголамъ. Что касается *отъименныхъ* глаголовъ, то они принадлежатъ какъ къ переходнымъ, такъ и къ непереходнымъ, при чемъ залогъ ихъ опредѣляется отношеніемъ между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Напр. отъ прилагат. *черный* происходятъ глаголы: *чернить* и *чернѣть*. Разъяснимъ на приведенномъ примѣрѣ связь между значеніями производящаго имени и производимаго глагола. Въ первомъ случаѣ (чернить) глаголъ означаетъ: дѣлать что-либо такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго (напр. чернить бумагу=дѣлать ее черною); соотвѣтственно этому оттѣнку значенія глаголъ естественно принадлежитъ къ отдѣлу переходныхъ. Во второмъ случаѣ (чернѣтъ) глаголъ означаетъ, что самъ субъектъ испытываетъ измѣненіе, становясь такимъ, каково значеніе производящаго прилагательнаго, и, соотвѣтственно такому смыслу, глаголъ принадлежитъ къ отдѣлу непереходныхъ (напр. рука чернѣетъ = становится черною). [2]) Мы видимъ на тѣхъ же примѣрахъ, что смысло-

---

[1]) Различіе природы дѣйствій переходныхъ и непереходныхъ рельефно отразилось въ способѣ составленія сложныхъ глагольныхъ формъ въ новыхъ языкахъ аріо-европейскаго семейства; срв. напр. во франц.: j'ai lu le livre («я прочиталъ книгу») первоначально значило «я имѣю прочитанною книгу», но—je suis venu (я пришелъ») первоначально значило «я самъ есмь пришедшій или пришедши». Соотвѣтствующее различіе мы встрѣчаемъ также въ нѣмецкомъ, англійскомъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ.

[2]) Разсмотрѣнное различіе глаголовъ на *-итъ* и *-ѣтъ*, происходящихъ отъ прилагательнаго, ясно видно на выраженіи тѣхъ же представленій въ нѣмецкомъ языкѣ; тамъ они обыкновенно передаются описательно съ помощью глаголовъ «*machen*» (дѣлать) и «*werden*» (становиться), напр. чернить=*schwarz machen* (также schwärzen), чернѣть—*schwarz werden*.

вое различіе залога сопровождается и формальнымъ различіемъ, проходящимъ черезъ спряженіе этихъ глаголовъ (черн*ить* -ю, черн*ѣть* -ѣю). Но смысловыя соотношенія между отъименными глоголами и производящими именами весьма разнообразны, и не всегда удается подвести отдѣльные отъименные глаголы въ какой-либо опредѣленной категоріи, тѣмъ болѣе, что не вездѣ эти смысловыя соотношенія легко выяснить и не всегда они сопровождаются одними и тѣми же формальными отличіями. [1])

Кромѣ отъименныхъ глаголовъ въ языкѣ есть еще категорія *отглагольныхъ* глаголовъ, тоже производныхъ, но уже не отъ именъ, а отъ другихъ глаголовъ, корневыхъ или отъименныхъ (мету—подметаю, слѣплю—ослѣпляю). Значеніе залога въ глаголахъ отглагольныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію залога глагола производящаго.

Во всѣхъ трехъ указанныхъ классахъ глаголовъ (коренныхъ, отъименныхъ и отглагольныхъ) можно встрѣтить случаи, когда присоединеніе префикса къ непереходному глаголу превращаетъ послѣдній въ переходный, напр. *хожу* по площади || *прохожу* площадь. Въ этомъ случаѣ присоединеніе префикса, ограничивая область глагольнаго дѣйствія, заставляетъ представлять послѣднюю, какъ объектъ дѣйствія.

---

[1]) Разсмотримъ для примѣра еще нѣсколько типовъ отъименныхъ глаголовъ. Глаголы, происходящіе отъ *существительныхъ*, тоже могутъ быть какъ переходными (напр. золото<золотить), такъ и непереходными (напр. рыбакъ<рыбачить). Это различіе происходитъ отъ того, что въ первомъ случаѣ производный глаголъ выражаетъ—«*обработывать* (покрывать) *что-либо* тѣмъ матеріаломъ, какой обозначенъ производящимъ существительнымъ», а во второмъ случаѣ—«*быть кѣмъ-либо*, соотвѣтственно значенію производящаго существительнаго». Такимъ образомъ переходный или же непереходный смыслъ глагола опредѣляется значеніемъ производящаго существительнаго. Подобнымъ же образомъ глаголы на *-овать*, происходящіе отъ существительныхъ, являются частію переходными (напр. расходъ<расходовать), частію непереходными (напр. царь<царство<царствовать). Такимъ образомъ глаголы, происходящіе отъ существительныхъ и обозначающіе «быть кѣмъ-либо», оканчиваются неодинаково: на *-ить* или *-овать*.

Такъ какъ съ однимъ и тѣмъ же глаголомъ обыкновенно соединяется по нѣскольку значеній, то иногда бываетъ, что глаголъ въ одномъ своемъ значеніи является переходнымъ, а въ другомъ значеніи—непереходнымъ, напр. играть въ шашки || играть пьесу, говорить что-либо || говорить о чемъ.

Далѣе, нѣкоторые глаголы, имѣвшіе въ числѣ значеній переходное, могутъ со временемъ потерять послѣднее, напр. *воевать* (срв. воевати Болгарьску землю—Лавр. подъ 944 г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ произойти пропускъ имени (особенно однокоренного) въ Вин. падежѣ, послѣ чего глаголъ сталъ непереходнымъ, имѣя значеніе, раньше передававшееся двумя словами—переходнымъ глаголомъ и именемъ (срв. въ старомъ языкѣ такія выраженія, какъ пиръ пировать, думу думать). Въ виду столь разнообразныхъ усложненій детальныя указанія переходнаго и непереходнаго залога глаголовъ принадлежатъ словарю.

Такъ какъ дѣйствительный залогъ обозначаетъ дѣйствіе, которое производится субъектомъ надъ кѣмъ или чѣмъ-либо, то ясно, что то же самое дѣйствіе можетъ быть представлено также и со стороны испытывающаго его объекта (напр. отецъ наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ). Глагольныя выраженія такого обратнаго дѣйствія носятъ названіе *страдательнаго залога*. Что касается дѣйствій непереходныхъ (т. е. безъ объекта дѣйствія), то естественно, что выражающіе ихъ глаголы не способны къ обратной или страдательной формѣ, напр. онъ *ходитъ*. Такимъ образомъ одни дѣйствія мы можемъ представлять себѣ и выражать двояко—какъ производимыя субъектомъ и какъ испытываемыя, а другія дѣйствія мы представляемъ себѣ и выражаемъ только какъ производимыя субъектомъ. И такъ, страдательный залогъ можетъ разсматриваться какъ параллельный или дополнительный къ дѣйствительному.

Обратный или страдательный залогъ въ русскомъ языкѣ не имѣетъ особой самостоятельной формы, выражаясь трояко:

1) посредствомъ причастія съ краткимъ окончаніемъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, иногда опускаемымъ (я посылаемъ, я былъ посылаемъ), 2) безлично—посредствомъ глагола дѣйствительнаго въ 3 л. множ. ч. съ присоединеніемъ Вин. пад. (меня посылаютъ) и 3) глагольною формою, получаемою изъ дѣйствительнаго залога чрезъ прибавленіе *-ся* || *-сь* (посылаюсь). Первые два способа выраженія страдательнаго залога получаются путемъ сочетанія словъ—синтаксически; что касается третьяго способа, то хотя онъ и выражается посредствомъ одной формы (на *-ся*), но эта послѣдняя, какъ увидимъ далѣе, можетъ обозначать собою и нѣкоторые другіе залоги, такъ что значеніе страдательнаго залога обнаруживается изъ смысла цѣлаго предложенія, т. е. тоже синтаксически. Вотъ почему ученіе о страдательномъ залогѣ въ русскомъ языкѣ въ значительной мѣрѣ относится къ синтаксису.

Давъ общее понятіе о различіи глаголовъ переходныхъ и непереходныхъ, мы должны перейти къ указанію въ той и другой группѣ частныхъ подраздѣленій.

При глаголахъ дѣйствительныхъ объектомъ можетъ быть не только сторонній предметъ, но и самъ субъектъ дѣйствія, а нѣкоторыя дѣйствія представляютъ взаимность между двумя и болѣе предметами, при чемъ каждый изъ нихъ дѣйствуетъ на другіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ испытываетъ такое же дѣйствіе со стороны другихъ: я *бью* собаку || я *бью* себя || мы *бьемъ* себя (=бьемъ другъ друга). Соотвѣтственно этому дѣйствительные глаголы являются: 1) объективными, 2) возвратными и 3) взаимными. Относительно первой изъ этихъ категорій сказано нами уже достаточно; слѣдуетъ только прибавить, что при такихъ глаголахъ, смотря по обстоятельствамъ, объектъ можетъ называться и не называться. [1]) Вторая и третья ка-

---

[1]) Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ грамматикамъ дѣйствительный залогъ подраздѣлить на опредѣленный и неопредѣленный. Намъ это подраздѣленіе кажется лишнимъ, такъ какъ оно касается не различной природы дѣйствій, а только случайнаго объема нашей мысли, когда

тегоріи въ русскомъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ перешли въ отдѣлъ *непереходныхъ* глаголовъ. Благодаря этому, всѣ непереходные глаголы можно теперь раздѣлить на три категоріи: 1) собственно или первично-средніе (*иду*), 2) возвратно-средніе (*бьюсь* объ стѣну) и 3) взаимно-средніе (*бемся* на шпагахъ).

Оставляя въ сторонѣ средніе глаголы первой категоріи (первично-средніе), такъ какъ мы говорили объ нихъ въ началѣ отдѣла о залогахъ, обратимся теперь къ выясненію развитія глаголовъ второй категоріи—*возвратно-среднихъ*. Мы уже упомянули, что они нѣкогда принадлежали къ дѣйствительному залогу (напр. я мою себя), но со временемъ возвратное мѣстоименіе срослось съ глагольною формою и первоначальная прозрачность состава утратилась. Въ этомъ случаѣ произошло уже *опро́щеніе*, только при существованіи котораго прибавка *-ся* и могла испытать такое сильное измѣненіе, превратившись при извѣстномъ фонетическомъ условіи въ *-с'* и даже *-с* (напр. мо́jус' или мо́jус). Въ этомъ случаѣ возвратность значенія можетъ еще чувствоваться по соотношенію съ однородною дѣйствительною формою, отъ которой происходитъ возвратная (мою<моюсь). Бо́льшая степень обособленности получается, когда значеніе глагола на *-ся* разошлось съ соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ, напр. „онъ плачетъ и *убивается*“. Такъ какъ возвратные глаголы на *-ся* || *-сь* естественно уже не могутъ сочетаться съ Винительн. падежомъ, то и будутъ переходить по смыслу въ категорію непереходныхъ или среднихъ глаголовъ. [1])

для нея не требуется указаніе объекта; но разъ при такихъ глаголахъ потребуется назвать объектъ, то послѣдній будетъ выраженъ посредствомъ Вин. пад.

[1]) Многимъ средне-возвратнымъ глаголамъ русскаго языка соотвѣтствуютъ въ другихъ языкахъ простые средніе, напр. во франц.: уменьшаться—diminuer, возвращаться—retourner, оставаться—rester и пр. Здѣсь мы имѣемъ наглядное подтвержденіе того, что глаголы на *-ся* принадлежатъ по смыслу къ категоріи средняго залога.

Такъ какъ глаголы на *-ся* въ русскомъ языкѣ перешли въ категорію глаголовъ состоянія, то, благодаря этому обстоятельству, въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ типъ особыхъ безличныхъ оборотовъ, напр. *мнѣ думается*, рядомъ съ соотвѣтствующими личными, напр. *я думаю*; разница между приведенными выраженіями по значенію та, что личное выраженіе показываетъ, что самъ субъектъ проявляетъ данный умственный процессъ, тогда какъ безличное выраженіе констатируетъ лишь присутствіе даннаго психическаго состоянія у извѣстнаго лица; поэтому личное выраженіе имѣетъ болѣе рѣшительный характеръ, а безличное является болѣе смягченнымъ, болѣе слабымъ. Подобная же разница между выраженіями: *я хочу* || *мнѣ хочется*; срв. далѣе *я не пишу* || *мнѣ не пишется* и проч., даже въ среднихъ глаголахъ, напр. *я не сплю* || *мнѣ не спится*.

Но есть небольшое число такихъ средне-возвратныхъ глаголовъ на *-ся*, у которыхъ родственная дѣйствительная форма вышла изъ употребленія (напр. каяться, смѣяться), вслѣдствіе чего въ нихъ утратилось основаніе для поддержанія значенія возвратности. Это—уже вполнѣ обособившіеся или изолировавшіеся средне-возвратные глаголы. Для глагола „каяться“ дѣйствительная форма „каять“ извѣстна изъ памятниковъ древне-русскаго языка въ значеніи „бранить, порицать“ по XIII вѣкъ, въ болѣе спеціальномъ значеніи „исповѣдывать“ еще и въ памятникахъ XVI вѣка, а въ поговоркахъ и до сихъ поръ въ обоихъ значеніяхъ; напр.: „стараго не бьютъ, мертваго не каютъ“, „не наше дѣло попа каять: на то есть другой попъ“. Такіе глаголы, какъ „каяться“, въ грамматикахъ называются общимъ залогомъ — безъ всякаго основанія.

Переходимъ къ послѣдней группѣ непереходныхъ глаголовъ—*взаимно-среднихъ*. Они, какъ и возвратные, образуются отъ дѣйствительныхъ, но въ нихъ *-ся* имѣетъ значеніе „другъ друга“, напр. мы боремся=мы боремъ другъ друга.

Подобно возвратнымъ, и эти глаголы уже подверглись опрощенію, почему и могутъ быть названы взаимно-средними. Въ связи съ спеціальнымъ значеніемъ прибавки *-ся*, эти глаголы представляютъ нѣкоторое несоотвѣтствіе по значенію между единственнымъ и множественнымъ числомъ: если во множ. числѣ *-ся* легко понимается въ смыслѣ другъ друга, то нельзя того же сказать про един. число, напр. „я борюсь". Естественно предположить, что сначала формы взаимнаго залога возникли во множественномъ числѣ (мы боремся...), а послѣ образовалось и единственное число по аналогіи къ другимъ глаголамъ (напр. моемся : моюсь=боремся : x; x=борюсь).

Такъ какъ взаимный залогъ образуется совершенно сходно съ возвратнымъ, то и въ немъ мы встрѣчаемъ тѣ же градаціи, какъ и въ средне-возвратномъ; и здѣсь глаголы на *-ся* могутъ имѣть свою дѣйствительную форму (бью<бьюсь), могутъ разойтись по значенію съ послѣдней (деру || дерусь) и наконецъ соотвѣтствующая дѣйствительная форма можетъ быть утрачена (борюсь).

II. **Видъ.** Говоря о залогахъ, мы видѣли, что дѣленіе глаголовъ на переходные и непереходные первоначально опирается на различіе природы или характера самыхъ дѣйствій. Что касается видовъ, то они обозначаютъ различные оттѣнки отдѣльныхъ дѣйствій (какъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ), главнымъ образомъ ихъ совершаемость или исполненность. Школьная грамматика обыкновенно насчитываетъ четыре вида въ глаголахъ—*совершенный*, *несовершенный*, *однократный* и *многократный*; однако эти виды нельзя признать равноправными, такъ какъ два послѣдніе являются лишь частными случаями первыхъ. Основными видами глагола нужно признать несовершенный и совершенный соотвѣтственно тому, что мы можемъ каждое глагольное дѣйствіе представлять себѣ двояко: какъ совершающееся и какъ исполненное. Точнѣе было бы назвать и самые виды глагола совершающимся и

исполненнымъ, вмѣсто обычныхъ недостаточно точныхъ терминовъ „несовершенный" и „совершенный". Тотъ и другой видъ глаголовъ не одинаково богаты временами: совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ по отношенію ко всѣмъ тремъ временамъ (несу—несъ—буду нести) [1], а дѣйствіе исполненное только къ двумъ—прошедшему и будущему (принесъ—принесу). Такимъ образомъ, только совершающееся дѣйствіе обладаетъ настоящимъ временемъ, которое поэтому является его типичною принадлежностью, два же другихъ времени свойственны тому и другому виду; но если бы мы захотѣли представить себѣ оттѣнки совершаемости и исполненности дѣйствія независимо отъ категоріи времени, то должны обратиться къ повелительному и неопредѣленному наклоненіямъ, такъ какъ они не имѣютъ сами по себѣ различія временъ (срв. пиши || напиши, писать || написать).

Обратимся теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію глаголовъ того и другого вида.

А. Глаголы совершающагося дѣйствія.

Совершающееся дѣйствіе мы можемъ представлять себѣ или конкретно, какъ наличное или происходящее на глазахъ (*летѣть*, напр. „птица летитъ"), или же абстрактно, какъ обычное для субъекта или свойственное ему (*летать*, напр. „птица летаетъ"). Такимъ образомъ въ глаголахъ совершающагося дѣйствія мы будемъ различать два оттѣнка значенія— конкретный и абстрактный, назвавъ ихъ *значеніемъ первымъ* (напр. летѣть) и *вторымъ* (напр. летать). Эта разница двухъ оттѣнковъ значенія въ глаголахъ совершающагося дѣйствія имѣетъ мѣсто какъ въ простыхъ глаголахъ не сложенныхъ съ предлогомъ (безпредложныхъ), такъ и въ глаголахъ сло-

---

[1]) Будущее время глаголовъ несовершеннаго вида въ русскомъ языкѣ выражается съ помощью будущаго времени глагола *быть* и неопред. наклоненія даннаго глагола.

женныхъ съ предлогомъ (предложныхъ). Такъ какъ послѣднie при этомъ представляютъ нѣкоторыя особенности по сравненiю съ первыми, то мы разсмотримъ передачу того и другого значенiя (т. е. перваго и второго) сначала въ глаголахъ безпредложныхъ, а затѣмъ въ глаголахъ сложенныхъ съ предлогомъ.

1. **Глаголы безпредложные.** Сравнимъ выраженiя „птица *летитъ*" и „птица *летаетъ*"; оба выраженiя содержатъ глаголъ несовершеннаго вида, но въ первомъ случаѣ обозначается дѣйствiе какъ бы совершающееся передъ глазами, тогда какъ во второмъ случаѣ дѣйствiе можетъ мыслиться какъ обычное свойство субъекта и тогда оно даже не представляется совершающимся въ данный моментъ. Указанныя два смысловыя различiя мы и обозначаемъ какъ *значенiе первое* и *второе.* Только немногiе глаголы имѣютъ различную форму въ первомъ и второмъ значенiи; бóльшая часть глаголовъ имѣетъ одну и ту же форму для обоихъ значенiй, напр. „учу"=1) теперь учу, 2) вообще учу, т. е. ученiе составляетъ мое обыкновенное занятiе. Глаголы второго значенiя, имѣющiе особую форму, какъ напр. „летать", могутъ примѣняться не только для обозначенiя свойства субъекта, но также и для обозначенiя наличныхъ дѣйствiй; въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ особый оттѣнокъ значенiя, который легко уловить, если сравнимъ напр. выраженiя: „птица *летитъ* надъ садомъ" (=теперь летитъ по опредѣленному направленiю и со свойственною продолжительностью дѣйствiя) || „птица *летаетъ* надъ садомъ" (=теперь летаетъ по разнымъ направленiямъ, откуда происходитъ оттѣнокъ большей продолжительности). Возьмемъ еще примѣръ: въ выраженiи „кто вамъ несетъ (теперь на глазахъ) молоко?"—значенiе глагола конкретное простой длительности, въ выраженiи же „кто вамъ *носитъ* (обыкновенно) молоко?"—значенiе обычности, т. е. абстрактное; послѣдняя форма можетъ быть упо-

треблена и въ случаѣ наличности дѣйствія съ оттѣнкомъ неопредѣленности направленія и большей длительности, напр. въ выраженіи: „мать *носитъ* ребенка по комнатѣ". Въ извѣстной баснѣ Крылова выраженіе „по улицамъ Слона *водили*" принадлежитъ по смыслу къ послѣднему случаю. [1])

Что касается разныхъ способовъ, существующихъ въ русскомъ языкѣ для выраженія перваго и второго значенія въ простыхъ глаголахъ, то такихъ способовъ три: чаще всего оба значенія передаются одною и тою же глагольною формою, различаясь по контексту рѣчи (напр. *красить*, *учить*); въ нѣкоторыхъ сравнительно немногихъ случаяхъ эти значенія выражаются глаголами одного и того же корня, но разнаго суффиксальнаго образованія, иногда въ соединеніи съ различіемъ корневого гласнаго (нести || носить; летѣть || летать), и, наконецъ, очень рѣдко—глаголами разнаго корня (идти || ходить). Упомянутое чередованіе корневого гласнаго при производствѣ отъ глагола перваго значенія глагола со вторымъ значеніемъ называютъ подъемомъ [2]).

2. **Глаголы предложные** несовершеннаго вида, какъ было упомянуто, имѣютъ тоже два значенія, первое и второе, при чемъ разница съ значеніемъ соотвѣтствующихъ простыхъ глаголовъ только та, что предложный глаголъ выражаетъ вмѣстѣ съ дѣйствіемъ еще и направленіе указываемое предлогомъ

---

[1]) Въ области второго значенія нужно еще отмѣтить особый оттѣнокъ «умѣть или мочь что-либо дѣлать», напр. мальчикъ читаетъ (т. е. умѣетъ или можетъ читать, грамотенъ), при чемъ иногда присоединяется частица «уже». Не трудно видѣть, что этотъ оттѣнокъ значенія могутъ принимать тѣ глаголы, которые касаются дѣйствій, постепенно пріобрѣтаемыхъ индивидуумомъ, при чемъ область этихъ дѣйствій не ограничивается раннимъ возрастомъ, срв. «онъ уже лѣчитъ» (о начинающемъ врачѣ), и т. п.

[2]) Въ примѣрѣ *летѣть* || *летать* хотя и имѣется одинаковый гласный, но, судя по старо-славянск. летѣти || лѣтати, и тутъ былъ подъемъ. Въ нѣкот. случаяхъ подъемъ сохранился въ русскомъ языкѣ только при соединеніи съ префиксами (напр. тру || затираю и пр.).

(префиксомъ). Что касается внѣшней или формальной стороны предложныхъ глаголовъ несовершеннаго вида, которая служитъ для передачи значеній перваго и второго, то оказывается неодинаковость въ зависимости отъ того, какъ обозначаются эти значенія (1-ое и 2-ое) въ соотвѣтствующихъ безпредложныхъ глаголахъ: двумя ли глаголами (напр. несу—ношу), или же однимъ (напр. кращу). Въ томъ случаѣ, когда первое и второе значеніе передаются двумя формами простого глагола (нести—носить), предлогъ прибавляется къ глаголу второго значенія и полученная предложная форма несовершеннаго вида совмѣщаетъ въ себѣ уже два значенія—первое и второе, напр. носить—выносить (простой глаголъ „носить" служитъ только для второго значенія, а предложный глаголъ „выносить" употребляется и въ первомъ и во второмъ значеніи, какъ напр. въ выраженіи „кто *выноситъ* молоко?" въ смыслѣ — теперь, или же обычно); если же присоединить префиксъ къ простому глаголу перваго значенія, то, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, такой предложный глаголъ будетъ уже принадлежать къ совершенному виду (напр. нести<принести).

Если же въ простомъ глаголѣ несовершеннаго вида первое и второе значеніе выражены одною и тою же формою, то присоединеніе предлога къ такому глаголу переводитъ его въ категорію совершеннаго вида (напр. кращу<раскращу); чтобы получить въ этомъ случаѣ предложный глаголъ несовершеннаго вида (въ обоихъ значеніяхъ), то данный глаголъ распространяется новымъ суффиксомъ, такъ что оканчивается въ 1 ед. наст. на *-áю* при неопр. на *-áть* (напр. теку—вытеку< вытекаю, тру<растираю, лью<разливаю), или на *'-ываю* *'-иваю* (сосу<высасываю, курю<выкуриваю). При этомъ производствѣ новаго глагола мы встрѣчаемъ уже раньше упоминавшуюся перемѣну нѣкоторыхъ корневыхъ гласныхъ (сосу<высасываю, тру<растираю), извѣстную подъ именемъ подъема, хотя —надо замѣтить—въ русскомъ языкѣ случаи подъема при

этомъ рѣже по сравненію со старо-славянскимъ, срв. напр. рус. могу $<$помогаю$=$ст.-слав. могѫ$<$помагаѭ и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ безпредложный глаголъ вышелъ изъ употребленія, такъ что остались только предложныя обозначенія разсматриваемаго типа, напр. „*обуваю*" и „*разуваю*"; въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ предложные глаголы разошлись по значенію со своими простыми и чрезъ то обособились, напр. кажу—*сказываю*, пасу—*спасаю*.

Что касается значенія разсматриваемыхъ предложныхъ отглагольныхъ глаголовъ совершающагося дѣйствія на *-áю* и *'-ываю* ('-иваю), то въ нихъ можно установить нѣсколько различій по оттѣнку значенія:

а) случаи, гдѣ префиксъ придаетъ глаголу оттѣнокъ направленія, напр. *от*дирать, *пере*крашивать;

б) случаи, гдѣ префиксъ не выражаетъ направленія, при чемъ 1) значеніе глагола оказывается измѣненнымъ, напр. занашивать (въ смыслѣ—затаскивать) платье, 2) значеніе глагола не измѣнено, а префиксъ указываетъ, что дѣйствіе начинается или заканчивается, напр. *за*пѣвать, *про*читывать (начинательность обычно выражается префиксомъ *за*, а заканчиваемость не имѣетъ для своего выраженія одного постояннаго префикса), 3) префиксъ можетъ придавать отттѣнокъ уменьшительности или ласкательности, напр. *по*хаживать, *по*глядывать (для этого оттѣнка значенія префиксъ *по* является обычнымъ, показывая, что дѣйствіе совершается небольшими частями, по-немногу), и нѣкоторые другіе оттѣнки.

Нужно еще замѣтить, что разсматриваемые отглагольные глаголы на *-áть* и *'-ывать* (*'-ивать*) встрѣчаются иногда и безъ префиксовъ, но въ этомъ случаѣ они принимаютъ особый оттѣнокъ значенія, употребляясь въ разсказѣ о прошломъ въ смыслѣ прошедшаго обыкновенія (напр. *ѣдáлъ*=

случалось ѣсть, *нашивалъ*=бывало носилъ); [1]) въ связи съ этою особенностью значенія они уже не употребляются въ формѣ настоящ. времени. Примѣры изъ писателей: „не то на серебрѣ, на золотѣ *ѣдалъ*" (Грибоѣдовъ); „что бы ни понадобилось, обыкновенно *говаривали*: надо спросить у Натальи Савишны" (Гр. Л. Н. Толстой). Глаголы эти употребляются еще въ формѣ неопредѣл. наклон. въ безличныхъ отрицательныхъ выраженіяхъ, напр. (въ пѣснѣ): „ужъ какъ мнѣ по этимъ сѣничкамъ *не хаживати*, родну матушку за рученьку *не важивати*, и т. п.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія глаголовъ совершающагося дѣйствія упомянемъ, что всѣ они могутъ быть подраздѣлены на два класса—*непрерывныхъ* (напр. несу, плыву) и *кратныхъ*, представляющихъ какъ бы рядъ моментовъ (напр. трясу, махаю); дѣленіе это является важнымъ по отношенію къ способу образованія совершеннаго вида отъ глаголовъ той и другой категоріи, о чемъ будетъ говориться въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Б. Глаголы исполненнаго (совершеннаго) дѣйствія.

Мы уже видѣли, что исполненность дѣйствія выражается чаще всего помощью присоединенія префикса къ простому глаголу (нести<принести) иногда же простымъ глаголомъ того же корня, но другого образованія (напр. бросать—бросить), или наконецъ глаголомъ другого корня (брать—взять).

Прежде всего постараемся объяснить, какимъ образомъ прибавленіе префикса вызываетъ измѣненіе вида и даже производитъ перемѣну времени, переводя настоящее время въ

[1]) Эти глаголы въ грамматикахъ принято выдѣлять въ особую категорію многократнаго вида; однако разсматривать ихъ какъ особый самостоятельный видъ нѣтъ основанія, да и самый терминъ «многократность» не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію этихъ глаголовъ.

будущее (напр. клалъ—наклалъ, кладу—накладу). Естественно предположить, что первоначально присоединеніе предлога къ простому глаголу не обусловливало совершеннаго вида, но выражало то же дѣйствіе совершающимся въ направленіи и въ границахъ, опредѣляемыхъ предлогомъ. Благодаря этой опредѣленности, дѣйствіе съ теченіемъ времени стало представляться въ своемъ результатѣ, т. е.: въ формѣ прошедшаго времени (напр. наклалъ) не какъ совершавшееся, но какъ совершившееся, а въ формѣ настоящаго времени (напр. накладу) не какъ совершающееся, но какъ такое, которое совершится въ направленіи, опредѣленномъ предлогомъ. Въ томъ случаѣ, когда несовершенный видъ въ простомъ глаголѣ для своего перваго и второго значенія имѣютъ разныя образованія, напр. несу—ношу, то указанное измѣненіе вида и времени вслѣдствіе присоединенія префикса, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто только при глаголѣ перваго значенія, напр. несу<принесу, вторая же форма (ношу) въ случаѣ соединенія съ предлогомъ (напр. приношу) осталась для выраженія совершающагося дѣйствія, при чемъ расширилась въ своемъ примѣненіи, служа не только для второго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ принявъ на себя и первое значеніе. Въ томъ же случаѣ, когда для перваго и второго значенія простой глаголъ несовершеннаго вида имѣетъ одну лишь форму (напр. крашу), и она въ соединеніи съ префиксомъ перешла въ значеніе вида совершеннаго (напр. крашу—перекрашу), то для восполненія предложной формы вида несовершеннаго, языкъ воспользовался дальнѣйшимъ производствомъ отъ даннаго глагола, напр. перекрашиваю. [1])

---

[1]) Отголосокъ или пережитокъ той эпохи, когда предложный глаголъ не пріобрѣлъ еще въ формѣ настоящаго времени значенія будущаго, мы встрѣчаемъ и въ современномъ языкѣ (обыкновенно при нарѣчіи *какъ*) для оттѣнка неожиданности при изображеніи прошедшихъ событій, напр. «какъ *закричитъ* онъ, такъ всѣ и побѣжали отъ него». Особенно часты эти случаи

I. **Предложные глаголы** совершеннаго вида представляютъ два частныхъ случая въ своемъ значеніи: а) глаголъ обозначаетъ *исполненное дѣйствіе + оттѣнокъ направленія*, указываемый предлогами, напр.: *вы*рвалъ зубъ, *со*рвалъ цвѣтокъ, *ото*рвалъ пуговицу и т. п., и б) глаголъ обозначаетъ просто *исполненное дѣйствіе безъ оттѣнка направленія*, напр. „вымазалъ". Одинъ и тотъ же простой глаголъ, соединяясь съ разными префиксами, вступаетъ въ ту или же другую изъ этихъ категорій, напр. рядомъ съ глаголами — „накрасилъ", „перекрасилъ" и т. п., выражающими кромѣ исполненности дѣйствія еще и направленіе, имѣется глаголъ „вы́красилъ", который означаетъ просто совершенность дѣйствія. Второй изъ этихъ типовъ совершеннаго вида распадается на два случая: когда глаголъ выражаетъ, что *дѣйствіе начато* (напр. *за*пѣлъ), и когда выражаетъ, что оно *исполнено* или *окончено*, напр. спѣлъ или *про*пѣлъ.

Глаголы совершеннаго вида окончательные болѣе разнообразны по префиксамъ, напр. *вс*потѣлъ, *вы*красилъ, *на*поилъ, *о*стригъ, *по*цѣловалъ, *про*читалъ, *с*прятал̂ъ. Надо думать, что и въ этихъ случаяхъ префиксъ первоначально придавалъ свой оттѣнокъ направленія дѣйствію, съ теченіемъ же времени этотъ оттѣнокъ утратился вслѣдствіе того, что при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ одно изъ направленій могло быть наиболѣе обычнымъ, такъ что глаголъ употреблялся чаще всего съ однимъ и тѣмъ же префиксомъ, оттѣнокъ направленія стирался, что и переводило глаголъ въ категорію просто совершеннаго вида безъ оттѣнка направленія. Нерѣдко для одного и того же простого глагола при одномъ и томъ же его значеніи видъ совершенный безъ оттѣнка направленія можетъ быть выраженъ помощью двухъ или болѣе предлоговъ,

---

въ нашихъ былинахъ. Переходъ въ предложныхъ глаголахъ значенія настоящаго времени въ будущее мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, напр. мыѭ (наст. вр.) || оумыѭ (буд. вр.).

напр. строилъ<выстроилъ, построилъ. [1]) Если простой глаголъ имѣетъ не одно значенiе, то совершенный видъ выражается или посредствомъ одного и того же префикса, или же посредствомъ разныхъ префиксовъ (валялъ<*вывалялъ* т. е. „запачкалъ" напр. платье, *свалялъ* напр. сапоги).

Что касается глаголовъ совершеннаго вида начинательныхъ, то обыкновенно они образуются помощью префиксовъ *за* или *по*, смотря по характеру дѣйствiй, напр. *за* при глоголахъ рѣчи, пѣнiя и т. п. (запѣлъ, засвисталъ, закричалъ и др.), *по*—при глаголахъ движенiя (пошелъ, поѣхалъ, поплылъ и др.). [2])

Кромѣ того развился цѣлый рядъ другихъ оттѣнковъ, напр. *уменьшительности* и *ласкательности* (поиграть, попѣть; въ нѣм. передается посредствомъ ein wenig, напр. spiele ein wenig=поиграй), оттѣнокъ *удовлетворенности дѣйствiемъ* (наговориться, наиграться), *увлеченiя дѣйствiемъ* (заговориться). Присоединенiе того или другого префикса для выраженiя совершеннаго вида можетъ стать предметомъ болѣе спецiальнаго изученiя.

2. Какъ мы уже говорили, различiе вида несовершеннаго и совершеннаго въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ достигается различiемъ суффиксовъ, при чемъ оба глагола могутъ быть **безпредложными**, напр. брос*а*ть—брос*и*ть, пуск*а*ть—пуст*и*ть, садиться—сѣсть и т. д. Отношенiе вида совершеннаго къ несовершенному въ этихъ глаголахъ можно сопоставить съ тѣмъ случаемъ предложныхъ глаголовъ, когда

---

[1]) Иногда выборъ того или другого префикса обусловливается говоромъ; напр. обычно въ литературномъ языкѣ говорится «*поставитъ* самоваръ», но у Тургенева встрѣчаемъ—«*наставитъ* самоваръ».

[2]) Языки, не выработавшiе въ префиксѣ оттѣнка начинательности, пользуются описательными выраженiями, напр. въ нѣм. присоединенiемъ глаголовъ anfangen или beginnen (напр. онъ заплакалъ=er fing an zu weinen), во франц.—commencer à.

въ послѣднихъ присоединеніе предлога придаетъ только совершенность и не выражаетъ оттѣнка направленія, т. е.

бросалъ : бросилъ=красилъ : выкрасилъ.

Въ разсматриваемыхъ глаголахъ (т. е. такихъ, какъ „бросить", „пустить", „сѣсть") настоящее время также получило значеніе будущаго. Если къ этимъ глаголамъ присоединить предлогъ, то чрезъ это прибавится только оттѣнокъ направленія, видовая же категорія останется та же, напр. сѣлъ <присѣлъ.

Примѣрами того случая, когда глаголы несовершеннаго и совершеннаго вида происходятъ отъ разныхъ корней, могутъ служить : бралъ—взялъ, клалъ—положилъ, говорилъ—сказалъ.

Отъ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ совершеннаго вида нужно отличать случай *однократности*, являющійся при нѣкоторыхъ глаголахъ. Дѣло въ томъ, что дѣйствія (какъ переходныя, такъ и непереходныя) представляютъ собою два класса—непрерывныя (напр. несу, плыву) и кратныя, представляющія какъ бы рядъ моментовъ (напр. качать, махать). Глаголы, обозначающіе какъ тѣ, такъ и другія дѣйствія, образуютъ обыкновенный совершенный видъ помощью префиксовъ (поплылъ, замахалъ), но вторые глаголы сверхъ того иногда могутъ образовывать безпредложный совершенный видъ съ помощью суффикса *н* || *ну* (дернетъ, дернулъ; махнетъ, махнулъ), при чемъ эти глаголы на *-нуть* служатъ для обозначенія одного момента такого кратнаго дѣйствія, почему и называются однократными. Присоединеніе префикса къ однократному глаголу не измѣняетъ вида, а только придаетъ оттѣнокъ направленія, какъ это вообще бываетъ въ случаѣ безпредложныхъ глаголовъ совершеннаго вида, т. е.

бросилъ : перебросилъ=кинулъ : перекинулъ.

III. Разсмотрѣвъ съ достаточною подробностью наиболѣе трудныя семазіологическія категоріи въ глаголѣ, каковыми являются залоги и виды, мы скажемъ теперь въ краткихъ словахъ о прочихъ категоріяхъ измѣненій глагола, т. е. о *наклоненіи*, *времени*, *числѣ* и *лицѣ*. Различіе наклоненій основывается на томъ, является ли представленіе дѣйствія (какого бы залога и вида ни былъ глаголъ) только умственнымъ актомъ, или же къ этому акту присоединяется моментъ желательно-волевого побужденія и повелѣнія. Въ первомъ случаѣ употребляются формы глагола, служащія для обозначенія дѣйствія какъ факта и именуемыя *изъявительнымъ* наклоненіемъ (напр. читаю, я читалъ и проч.); во второмъ случаѣ употребляется форма прошедшаго времени съ присоединеніемъ частицы *бы*, т. е. такъ наз. *сослагательное* наклоненіе (напр. „почиталъ бы я!", „почиталъ бы ты!") и, наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ—особая форма *повелительнаго* наклоненія (напр. бери!). [1]) Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ семазіоло-

---

[1]) Говоря о наклоненіяхъ, мы имѣемъ здѣсь въ виду употребленіе ихъ только въ главныхъ предложеніяхъ, оставляя въ сторонѣ придаточныя, въ которыхъ наклоненія могутъ получать другіе оттѣнки значенія. Что касается такъ наз. *неопредѣленнаго наклоненія*, то оно не принадлежитъ къ наклоненіямъ, а представляетъ собою «общую» глагольную форму и стоитъ особнякомъ, т. е. составляетъ самостоятельную категорію. По происхожденію своему оно представляетъ падежную форму имени, и иные склонны считать въ силу этого неопредѣленное наклоненіе существительнымъ и для современнаго русскаго языка; однакожъ ясно, что явленія современнаго языка нельзя опредѣлять мѣркою прошлаго. Сравнивая выраженія: я люблю *пѣть* || я люблю *пѣніе*, легко замѣтить, что въ первомъ случаѣ предполагается, что я самъ люблю пѣть, тогда какъ во второмъ случаѣ нѣтъ этого оттѣнка лица. Выраженіе: ты любишь *пѣть* = указываетъ на второе лицо (т. е. какъ бы: ты любишь ты пѣть). И въ случаѣ объективнаго значенія неопредѣленному наклоненію присущъ оттѣнокъ лица (срв. я велю *вамъ* читать). Глагольность неопред. наклоненія, этой общей формы глагола, подтверждается также тѣмъ, что оно распространяется тѣми же падежными формами, какъ и соотвѣтствующій личный глаголъ (срв. читаю *книгу* || читать *книгу*, но: чтеніе *книги*).—Наше *повелительное* наклоненіе, какъ видно изъ сравненія съ греч., произошло изъ желательнаго, срв. бери=φέροις

гическое сродство между сослагательнымъ и повелительнымъ наклоненіями; разница же между ними заключается въ томъ, что сослагательное наклоненіе можетъ имѣть смыслъ какъ субъективный (напр. „поигралъ бы я!“), такъ и объективный (напр. „поигралъ бы ты!“), повелительное же наклоненіе имѣетъ по преимуществу объективный оттѣнокъ значенія, почему и не имѣетъ обычно формы перваго лица. Въ связи съ указаннымъ выше семазіологическимъ отличіемъ изъявительнаго наклоненія отъ наклоненій сослагательнаго и желательнаго находится еще то, что только въ изъявительномъ наклоненіи глаголъ измѣняется по временамъ, тогда какъ другія наклоненія не соединены сами по себѣ съ значеніемъ того или другого времени. Въ изъявительномъ наклоненіи различаются времена дѣйствій *настоящее*, *прошедшее* и *будущее*. Мы уже знаемъ, что настоящее время служитъ для выраженія совершающагося какъ бы на глазахъ дѣйствія и такимъ образомъ отвѣчаетъ умственному акту „воспріятія“, а кромѣ того, оно можетъ обозначать дѣйствіе какъ обычное, т. е. абстрактно. Что касается двухъ другихъ временъ, то прошедшее время служитъ выраженіемъ умственнаго акта „воспоминанія“, а будущее соотвѣтствуетъ акту „ожиданія“, если дѣйствіе относится къ другому лицу, и акту „намѣренія“, если дѣйствіе относится къ самому говорящему, т. е. къ первому лицу. Намъ остается прибавить, что *личныя окончанія* глагола, особыя въ единственномъ и множественномъ числѣ, служатъ для выраженія связи дѣйствія, какъ сказуемаго, съ подлежащимъ соотвѣтствующаго числа и лица. [1])

(отголосокъ прежняго значенія можно видѣть въ такихъ выраженіяхъ, какъ «*приди* онъ ко мнѣ, я помогъ бы ему»).

[1]) Для ознакомленія съ семазіологическими категоріями глагола въ сравнительно-грамматическомъ освѣщеніи и притомъ въ доступномъ изложеніи см. въ моемъ Краткомъ очеркѣ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ (2-ое изд., Казань 1917) стр. 173—187.

От семазіологической стороны русскаго глагола мы перейдем к его флексійной сторонѣ, т. е. к *спряженію*. Здѣсь нам представляется задача—классифицировать глаголы, т. е. распредѣлить их по разрядам. Классифицировать спряженія мы будем с двух точек зрѣнія—по различію окончаній и по различію ударенія, т. е. как мы поступали и при классификаціи склоненій имен существительных.

Выдѣлив в особую группу спряженіе трех глаголов —*есмь*, *ѣмъ* и *дамъ*, представляющих собою пережитки нѣкогда болѣе обширнаго класса глаголов так наз. нетематическаго (т. е. без тематическаго гласнаго) спряженія, мы примем для всѣх прочих глаголов общепринятое дѣленіе спряженій на так называемыя А) „первое", куда принадлежат глаголы с окончаніем *-ешь* во 2-м лицѣ ед. ч., и *-утъ* или *-ютъ* в 3-м лицѣ мн. ч., и Б) „второе", куда относятся глаголы с окончаніем *-ишь* во 2-м лицѣ ед. ч. и *-атъ* или *-ятъ* в 3-м лицѣ мн. ч. Каждый тип спряженія является в двух разновидностях: I) спряженіе без *-ся* (напр. мою, ношу) и II) спряженіе с *-ся* *-сь* (наприм. моюсь, ношусь). Для наглядности указаннаго подраздѣленія спряженія глаголов (исключая *дамъ* и пр.), приведу нѣсколько форм спряженія настоящаго времени:

Первое спряженіе.

Спряженіе безъ -ся.	*Спряженіе на* -ся.
мо*ю*	мо*юсь*
мо*ешь*	мо*ешься*
мо*ютъ*	мо*ются*.

Второе спряженіе.

Спряженіе безъ -ся.	*Спряженіе на* -ся.
но*шу*	но*шусь*
но*сишь*	но*сишься*
но*сятъ*	но*сятся*.

Не трудно видѣть, что спряженіе на *-ся* получается изъ спряженія безъ *-ся*, при чемъ неударяемое *-ся* сохраняется въ положеніи послѣ согласныхъ, въ положеніи же послѣ гласныхъ сократилось въ *-сь*. Въ виду столь простого соотношенія между этими разновидностями спряженія мы ограничимся въ дальнѣйшемъ лишь глаголами безъ *-ся*.

Какъ первое спряженіе, такъ и второе въ свою очередь подраздѣляются на болѣе частные разряды въ зависимости отъ различія окончаній неопредѣленнаго наклоненія: въ первомъ спряженіи неопред. накл. кромѣ окончанія *-ть* или *-ти́* [1]) встрѣчается съ окончаніемъ *-ать*, напр. несу—нес*ти*, сосу—сос*ать*; во второмъ спряженіи кромѣ окончанія *-ить* неопр. накл. имѣетъ еще окончаніе *-ѣть* (или, послѣ шипящихъ, *-ать*). [2]) Такимъ образомъ мы получаемъ въ томъ и другомъ спряженіи по два различія. Затѣмъ въ первомъ спряженіи въ томъ и другомъ различіи настоящее время можетъ представлять или твердое спряженіе (несу, сосу), или же мягкое (колю—колоть, стелю—стлать); кромѣ того, особый разрядъ твердаго спряженія составляютъ глаголы на *-ну*, напр. вяну, крикну. Такимъ образомъ, первое спряженіе подраздѣляется на пять частныхъ разрядовъ, а второе спряженіе на два, всего—семь разрядовъ. Всѣ эти разряды, полученные нами чрезъ сопоставленіе образованія настоящаго времени съ образованіемъ неопр. наклоненія (и прошедшаго времени), мы должны разсмотрѣть еще по типамъ ударенія.

Въ настоящемъ времени глаголовъ удареніе представляетъ три типа: 1) удареніе постоянное на основѣ (напр. вя́ну), 2) удареніе переходное—въ 1-мъ лицѣ ед. ч. на окон-

---

[1]) Окончаніемъ неопр. накл. служитъ *-ти́*, если на него падаетъ удареніе; въ случаѣ же ударенія на основѣ окончаніе неопр. накл. является въ сокращенномъ видѣ *-ть*.

[2]) Въ соотвѣтствіи съ окончаніями неопр. наклоненія находятся окончанія прошедшаго времени, напр. кол*оть*—кол*олъ*, чит*ать*—чит*алъ*, крас*ить*—крас*илъ*.

чаніи, а въ прочихъ лицахъ на основѣ (напр. тону́), 3) удареніе постоянное на окончаніи (напр. беру́). Удареніе повелительнаго наклоненія находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ 1-го лица ед. наст., напр. вя́ну—вя́нь, тону́—тони́, беру́—бери́. Въ прошедшемъ времени удареніе можетъ быть постояннымъ на основѣ, напр. мы́лъ—мы́ла—мы́ло—мы́ли, или же постояннымъ на окончаніи (за исключеніемъ муж. рода ед. ч., гдѣ удареніе передвигается по необходимости на основу), напр. не́съ—несла́—несло́—несли́, а въ нѣкоторыхъ глаголахъ перенесеніе ударенія на окончаніе имѣется только въ жен. р., напр.—жи́лъ—жила́—жи́ло—жи́ли. Удареніе неопр. накл. находится въ соотношеніи съ прош. вр. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ разсматривать типы ударенія отдѣльно для каждаго изъ указанныхъ выше семи разрядовъ, которые мы подраздѣлимъ еще на болѣе мелкіе.

А. Первое спряженіе.

Первый разрядъ: *несу—нести.* Глаголы даннаго разряда всѣ—первообразные или коренные (т. е. образованы непосредственно отъ корня), при чемъ корень или основа этихъ глаголовъ оканчивается какимъ-либо согласнымъ. [1]) Въ зависимости отъ характера окончаній послѣдній согласный основы подвергается измѣненіямъ, которыя въ наст. вр. зависятъ отъ твердости или же мягкости слѣдующаго гласнаго (срв. пе*к*-у || пе*ч*ешь), а въ прош. вр. и неопр. накл. отъ согласныхъ, начинающихъ окончанія этихъ формъ (срв. пе*к*ъ вм. пеклъ; пе*ч*ь). Такъ какъ согласные разныхъ категорій измѣняются неодинаково, то будетъ цѣлесообразно глаголы даннаго раз-

---

[1]) Но въ этомъ разрядѣ имѣются глаголы, корень которыхъ нѣкогда оканчивался дифтонгомъ: пою́, плыву́ и слыву́, какъ это доказываетъ сравнительная грамматика.

ряда расположить въ физiологическомъ порядкѣ согласныхъ, оканчивающихъ корень или основу:

а) *гребу́*, *скребу́*;
б) *везу́*, *грызу́*, *ползу́*, *лѣ́зу*; *несу́*, *трясу́*, *пасу́*;
в) *тру́*, *запру́*, *умру́*;
г) *пеку́*, *теку́*, *сѣку́*, *толку́*, *влеку́*; *стригу́*, *жгу́*, *берегу́*, *стерегу́*, *запрягу́*, *ля́гу*, *могу́*;
д) *веду́*, *бреду́*, *ся́ду*, *кладу́*, *краду́*, *паду́*; *плету́*, *мету́*, *расту́*, *цвѣту́*, *прочту́*;
е) *жму́*, *возьму́*, *мну́*, *жну́*, *начну́*;
ж) *плыву́*, *слыву́*, *живу́*;
з) *пою́*.

Ударенiе въ *настоящемъ времени* почти всѣхъ глаголовъ перваго разряда постоянное на окончанiи (на первоначальномъ тематическомъ гласномъ). Только глаголъ „лѣ́зу“ спрягается съ постояннымъ ударенiемъ на основѣ, а глаголъ „могу“ имѣетъ переходное ударенiе. Нужно еще указать на глаголы „ля́гу“ и „ся́ду“ съ постояннымъ ударенiемъ на основѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ эти глаголы представляютъ особенность въ семазiологическомъ отношенiи, какъ имѣющiе значенiе будущаго времени, независимо отъ присутствiя предлога.

Въ *прошедшемъ времени* глаголы перваго разряда имѣютъ всѣ три типа ударенiя, указанные нами въ предварительныхъ замѣчанiяхъ; поэтому намъ нужно установить здѣсь соотношенiе между ударенiемъ настоящаго и прошедшаго времени. Изъ немногихъ глаголовъ, имѣющихъ въ наст. вр. постоянное ударенiе на основѣ, глаголъ „лѣ́зу“ имѣетъ постоянное ударенiе на основѣ и въ прош. вр.; сюда же надо отнести глаголъ „ся́ду“, при чемъ въ прош. вр. (сѣ́лъ—сѣ́ла—сѣ́ло—сѣ́ли) видимъ особый видъ корня—съ долгимъ первоначальнымъ гласнымъ, т. е. К. *sēd; глаголъ же „ля́гу“ по

ударенію прош. вр. принадлежитъ къ группѣ съ постояннымъ удареніемъ на окончаніи. Если же въ настоящемъ времени имѣется постоянное удареніе на окончаніи, то и въ прошедшемъ времени большинство глаголовъ имѣетъ постоянное удареніе на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. р. ед. ч.), напр. несу́—нёсъ—несла́—несло́—несли́, меньшая же часть глаголовъ имѣетъ въ прошедшемъ времени постоянное удареніе на основѣ. Глаголы послѣдней группы представляютъ нѣкоторую особенность въ своемъ корневомъ вокализмѣ, именно—они имѣютъ въ корнѣ или первоначальный долгій гласный (*кладу́*, *краду́*, *паду́*, *сѣку́*, *стригу́*, *грызу́*), или же въ прош. времени имѣютъ гласный *я* (*а*)=ст.-сл. ѧ (мну—*мялъ*, жму—*жалъ*, жну—*жалъ*). Наконецъ, глаголы на *-ву́*, содержащіе первоначальный долгій гласный въ корнѣ и имѣющіе въ настоящемъ времени удареніе постоянное на окончаніи, въ прош. вр. переносятъ удареніе на основу за исключеніемъ формы женскаго рода ед. ч. (напр. живу́—*жи́лъ*—*жила́*—*жи́ло*—*жи́ли*). Глаголъ „*могу́*", съ переходнымъ удареніемъ въ настоящемъ времени, въ прош. вр. имѣетъ удареніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. родѣ ед. ч.).

Удареніе *неопредѣленнаго наклоненія* находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ прошедшаго времени: если въ прош. вр. имѣется удареніе постоянное на основѣ, то и въ неопредѣленномъ наклоненіи на основѣ (напр. лѣзу—*лѣзла*—*лѣзть*, грызу́—*гры́зла*—*гры́сть*); если въ прош. вр. удареніе постоянное на окончаніи (съ извѣстною особенностью въ муж. ед.), то и въ неопр. накл. будетъ на окончаніи, напр. „грести́"; если же удареніе въ прош. вр. переходное, то въ неопр. накл. оно одинаково съ удареніемъ большинства формъ прош. вр., т. е. находится на основѣ. Глаголы на *-ку* и *-гу* представляютъ уклоненіе въ томъ отношеніи, что въ нихъ неопред. наклоненіе всегда имѣетъ удареніе на основѣ независимо отъ того, гдѣ оно стоитъ въ прош. вр., а потому и окончаніе

неопр. накл. въ этихъ глаголахъ всегда является въ сокращенномъ видѣ (срв. „печь" при „пекла́", какъ „стричь" при „стри́гла"); впрочемъ отъ глаголовъ „печь" и „стеречь" встрѣчаются формы неопр. накл. съ удареніемъ на окончаніи: „печи́" и „стеречи́ (въ басняхъ Крылова); сюда же относится форма „беречи́" въ Домостроѣ гл. 50.

Второй разрядъ: *колю—колоть*. Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому: въ немъ наст. вр. образовано посредствомъ j; прош. вр. оканчивается на *-лъ*. Весьма характерную чертою этого разряда служитъ то, что въ немъ вовсе нѣтъ глаголовъ, въ которыхъ бы передъ **-jу́* были другіе согласные кромѣ *л* и *р*. Такъ какъ въ родственныхъ языкахъ встрѣчаются и другіе согласные (срв. въ греч. кромѣ такихъ глаголовъ, какъ *φθείρω*, сюда принадлежатъ и такіе, какъ *φράζω*), то можно думать, что въ русскомъ языкѣ (и другихъ славянскихъ) часть глаголовъ этого разряда перешла въ другой разрядъ; для такого перехода должно было существовать сходство между этими разрядами, которое могло бы быть поводомъ къ переходу; можно думать, что такимъ другимъ разрядомъ былъ четвертый, въ которомъ наст. вр. образуется тоже посредствомъ j, прошедшее же время оканчивается на *-алъ*. Глаголы на *-лю* и *-рю* (прош. вр. на -ло́лъ и -ро́лъ и неопр. накл. на -ло́ть и -ро́ть, съ первымъ полногласіемъ) разсматриваемаго разряда всѣ корневые; что же касается въ этомъ разрядѣ глаголовъ, основа которыхъ кончается гласнымъ (т. е. группы б, в, г), то они частію корневые и въ такомъ случаѣ имѣютъ односложную основу (напр. мо́ю, лью, зна́ю, смѣ́ю), большею же частію или отъименные (напр. играю, бѣлѣю), или же отглагольные (напр. помогаю, почитываю). Такъ какъ относящихся сюда глаголовъ, которые образованы отъ именъ и глаголовъ, очень много, то мы ограничимся лишь приведеніемъ отдѣльныхъ примѣровъ, тогда какъ корневые глаголы исчислимъ возможно полнѣе:

а) *полю́*, *колю́*, *мелю́*; *борю́*, *порю́*;
б) *мо́ю*, *ро́ю*, *кро́ю*, *во́ю*, *но́ю*;
в) *бре́ю*; *бью́*, *шью́*, *лью́*, *вью́*, *пью́*;
г) *зна́ю*, *даю́*, *узна́ю*; *рыда́ю*, *чита́ю*, *хвата́ю*, *дѣ́лаю*, *вѣдаю*....; *почитываю*....; *гуля́ю*, *мѣня́ю*....; *смѣю*, *спѣю*, *зрѣю*, *рдѣю*; *умѣю*, *бѣлѣю*....; *ду́ю*.

Что касается ударенія корневыхъ глаголовъ на *-лю́* и *-рю́*, то въ настоящемъ времени оно переходное, т. е. въ первомъ лицѣ единственнаго числа на окончаніи, въ прочихъ же лицахъ на основѣ; въ прошедшемъ времени этихъ глаголовъ удареніе постоянное на окончаніи (-о́лъ и пр.), при чемъ нужно замѣтить, что формы прош. вр. имѣютъ первое полногласіе и удареніе находится на вторичномъ *о*. Удареніе глаголовъ второй группы, тоже корневыхъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ времени постоянное на корнѣ. Удареніе глаголовъ третьей группы, также корневыхъ, въ одномъ глаголѣ (бре́ю), подобно предъидущей группѣ, постоянное на корнѣ; прочіе же глаголы той же группы имѣютъ въ настоящемъ времени постоянное удареніе на окончаніи, а въ прошедшемъ времени два глагола принимаютъ постоянное удареніе на корнѣ (бью, шью), а прочіе три (лью, вью, пью) въ ж. р. ед. ч. переносятъ удареніе на окончаніе *-ла*. [1]) Всѣ глаголы послѣдней группы, корневые и производные, имѣютъ удареніе постоянное на одномъ и томъ же слогѣ основы въ настоящемъ и прошедшемъ времени; только глаголы „даю́“ и „узнаю́“ (послѣдній, надо думать, подъ вліяніемъ дифференціаціи къ буд. вр. „узна́ю“) имѣютъ въ на-

---

[1]) Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ глаголахъ данной группы j можетъ принадлежать корню, а не суффиксу (срв. напр. вью ≑ литов. vej-ŭ, а въ такомъ случаѣ они собственно не относятся къ мягкому разряду по образованію настоящаго времени и, не смотря на присутствіе j, принадлежатъ къ первому разряду, т. е. подобно глаголу «пою»; глаголъ «шью» безспорно относится ко второму разряду, такъ какъ здѣсь j не принадлежитъ корню, какъ показываетъ сравненіе съ литовскимъ (siūv-ŭ).

стоящемъ времени удареніе на окончаніи, а въ прош. вр. первый имѣетъ переходное удареніе (т. е. удареніе на корнѣ во всѣхъ формахъ, кромѣ жен. рода ед. ч.), удареніе же второго въ прош. вр. одинаково съ простымъ глаголомъ „знаю", т. е. постоянное на корнѣ.

Третій разрядъ: *сосу—сосать*. Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, всѣ—корневые; по образованію настоящаго времени они могли бы быть зачислены въ первый разрядъ, но прошедшее время и неопр. наклоненіе отличаются отъ перваго разряда, такъ какъ оканчиваются на *-áлъ* и *-áть*, тогда какъ въ первомъ разрядѣ тѣ же формы оканчиваются на *-лъ* и *-ть* (*-ти*). Къ этому разряду принадлежатъ слѣдующіе глаголы:

> сосý; ткý; *лгý*; врý, *жрý*, *берý*, дерý, орý; *ржý*; *зовý*, *ревý*; *ждý*.

Удареніе во всѣхъ приведенныхъ глаголахъ въ *настоящемъ времени* постоянное на окончаніи. Что касается ударенія въ *неопредѣленномъ наклоненіи*, то оно всегда падаетъ на окончаніе *-ать*. Въ *прошедшемъ времени* въ двухъ глаголахъ съ постояннымъ *о* въ корнѣ (сосý, орý) оно оказывается постояннымъ на окончаніи, падая на то *а*, которое стоитъ передъ *л*; въ прочихъ же глаголахъ, въ корнѣ которыхъ имѣется исчезающее *е* или же нѣкогда имѣлся гласный *ъ* (ŭ) и *ь* (ĭ), удареніе въ жен. родѣ ед. ч. переходитъ на конечный гласный (напр. бралá, ждалá); впрочемъ въ глаголахъ „тку" и „лгу" встрѣчается и на *а*, стоящемъ передъ *л*. Совершенно отдѣльно въ данномъ разрядѣ стоитъ глаголъ „стонý", имѣющій одинъ во всемъ разрядѣ переходное удареніе въ настоящемъ времени; глаголъ этотъ, судя по гласному корня,—отъименной и, можно думать, сначала принадлежалъ къ глаголамъ на *-аю* предъидущаго разряда, а затѣмъ по аналогіи (черезъ посредство неопр. накл.) перешелъ въ данный разрядъ; въ словаряхъ даже и указывается глаголъ „стонáю".

Четвертый разрядъ: *пишу—писать.* Это—мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому; въ настоящемъ времени встрѣчается такая же перемѣна согласныхъ (подъ вліяніемъ j), какъ въ сравнительной степени, оканчивающейся на -е. Всѣ эти глаголы—корневые, какъ и глаголы съ односложною основою, оканчивающеюся гласнымъ; отъименными являются лишь многосложные глаголы, имѣющіе въ первомъ лицѣ ед. ч. наст. вр. окончанія *-ую* и *-юю*, а въ прошедшемъ времени *-овалъ* и *-евалъ.* [1]) Въ слѣдующемъ далѣе перечнѣ глаголовъ даннаго разряда приводятся всѣ корневые и лишь отдѣльные примѣры отъименныхъ:

а) коле́*блю*; тре*плю́*, кле*плю́*, щи*плю́*, сы́*плю*; дре*млю́*; гло*жу́*; пря́*чу*, ме*чу́*; сви*щу́*, хле*щу́*; клеве*щу́*, трепе*щу́*; рѣ́*жу*, ма́*жу*, вя*жу́*, ли*жу́*, ка*жу́*, ни*жу́*; пи*шу́*, пля*шу́*, подпоя́*шу*, че*шу́*, дви́*жу*, бры́*жжу*; пла́*чу*, ска*чу́*; и*щу́*, пле*щу́*; сте*лю́*, ш*лю́*; о*рю́*;

б) *кую́*, с*ую́*, сн*ую́*; ца́рств*ую*, цѣл*у́ю*; пл*юю́*, кл*юю́*; во*ю́ю*, гор*ю́ю*; [2])

а) *ла́ю*, *та́ю*; *сѣ́ю*, в*ѣ́ю*, см*ѣ́юсь*.

---

[1]) Если согласный, предшествующій окончанію — твердый, то прош. время оканчивается на -*о*валъ; если же окончанію предшествуетъ мягкій согласный, то прош. время оканчивается на -*е*валъ. Очевидно, здѣсь имѣемъ такое же чередованіе *о* || *е*, на какое мы указывали уже, говоря объ особенныхъ окончаніяхъ твердаго и мягкаго склоненія существительныхъ, тѣмъ болѣе, что глаголы на *-ую* происходятъ отъ существительныхъ твердаго склоненія, а глаголы на *-юю* отъ существительныхъ мягкаго скл., напр. пиръ<пирую, горе<горюю.

[2]) При заимствованіи глаголовъ изъ другихъ европейскихъ языковъ русскій языкъ обнаруживаетъ склонность къ отнесенію такихъ глаголовъ къ типу *-ую* || *-овать*, напр. танцу́ю, вербу́ю, аттесту́ю (*-ова́ть*). Тенденція къ такимъ новообразованіямъ восходитъ къ древне-русскому, срв. философьств*оваше* (Ип. л. подъ 1299 г.) и даже вмѣстѣ съ тѣмъ къ ст.-сл., срв. цѣсарьств*уетъ* (Изб. 1073 г. и подобная же форма въ Остр., Мар.). Нѣкоторые глаголы французскаго происхожденія въ русскомъ языкѣ имѣютъ нѣмецкій суф. -ировать, свидѣтельствующій, что французское вліяніе шло къ намъ частію черезъ посредство нѣмецкое, срв. protéger>протежировать.

Примѣчаніе. Отклоненіе отъ типа составляетъ глаголъ «хочу́», такъ какъ образуетъ прош. вр.—*хотѣлъ* и неопр. накл.—*хотѣть*.

Ударені е въ *настоящемъ времени* можетъ представлять всѣ три типа. При этомъ оказывается, что въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на согласный, имѣются два типа: а) удареніе постоянное на основѣ (напр. ма́жу) и, чаще, б) удареніе переходное (напр. треплю́—тре́плешь); только въ одномъ глаголѣ (шлю́—шле́шь) удареніе по необходимости падаетъ на окончаніе. Въ глаголахъ, основа которыхъ оканчивается на гласный, въ настоящемъ времени вовсе не встрѣчается переходнаго ударенія, а только два другіе типа: а) удареніе постоянное на основѣ—въ нѣкоторыхъ корневыхъ глаголахъ на *-ѣю* и *-аю* (сѣ́ю, ла́ю, та́ю, ча́ю) и въ производныхъ на *-ую* и *-юю*, при чемъ предпослѣдніе *у* и *ю* бываютъ ударенными или же стоятъ за удареніемъ (пиру́ю, ца́рствую, горю́ю, цк.-сл. у́треннюю), б) удареніе постоянное на окончаніи—только въ корневыхъ глаголахъ (кую́, плюю́, смѣю́сь). Удареніе въ *прошедшемъ* времени всегда постоянное или на основѣ (пря́талъ), или на окончаніи (мета́лъ) и находится въ соотвѣтствіи съ удареніемъ 1 ед. наст.: если удареніе въ 1 ед. наст. приходится на окончаніи, то и въ прош. времени оно на окончаніи, если же въ 1 ед. наст. имѣется на основѣ, то и въ прош. времени тоже (исключая одинъ глаголъ съ двусложной основою: коле́блю—колеба́лъ). Выше мы высказали предположеніе, что нѣкоторые глаголы могли перейти въ данный разрядъ путемъ аналогіи изъ второго разряда; и дѣйствительно, нѣкоторымъ русскимъ глаголамъ четвертаго разряда въ литовскомъ соотвѣтствуютъ глаголы второго разряда, напр.: сую—совать || šáuju—šáuti, плюю—плевать || spiáuju—spiáuti.

Пятый разрядъ: *вяну—вянуть.* Глаголы, принадлежащіе къ этому разряду, частію имѣютъ значеніе настоящаго времени, будучи при этомъ непереходными (напр. вяну, сохну, глохну и пр.), частію же будущаго времени (напр. прысну, топну, хлопну, толкну́ и пр.).

Первая группа глаголовъ на *-ну* имѣетъ ударенiе на корнѣ и по своему значенiю сближается съ глаголами на *-ѣю* (2-го разряда), произведенными отъ прилагательныхъ; срв.

красный<краснѣю	слѣпой ‖ слѣпну
черный<чернѣю	глухой ‖ глохну
толстый<толстѣю	сухой ‖ сохну
слабый<слабѣю	слабый ‖ слабну.

Такого рода глаголы на *-ѣю* и *-ну* обыкновенно называются „начинательными", но не вполнѣ точно, такъ какъ ими выражается не начало дѣйствiя, но процессъ прiобрѣтенiя качества, обозначеннаго прилагательнымъ.

Ко второй категорiи принадлежатъ многiе глаголы, обозначающiе звуковыя представленiя, напр. хло́пну, сви́стну, бо́тну и др.; они имѣютъ ударенiе на корнѣ, независимо отъ ударенiя въ соотвѣтствующемъ глаголѣ наст. времени (срв. хло́паю, свищу́). Кромѣ того, къ этой же группѣ относятся глаголы движенiй, могущихъ имѣть быстрый или разовый характеръ: грести́ ‖ гребну́ть, бода́ть ‖ боднýть, ляга́ть ‖ лягну́ть и т. д.

Б. Второе спряженiе.

Шестой разрядъ: *солю—солить*. Къ этому разряду принадлежатъ отъименные глаголы на *-итъ* (прош. вр. на *-илъ*):

солю́; *варю́*; *ра́ню*, *цѣню́*; *сто́ю*, *стро́ю*; *клею́*; *люблю́*; *хожу́*, *сужу́*; *служу́*; *мучу́*; *учу́*, *му́чу*.

Ударенiе въ *настоящемъ времени* глаголовъ даннаго разряда представляетъ всѣ три типа, ударенiе же *прошедшаго времени* и *неопред. наклоненiя* соотвѣтствуетъ первому лицу ед. ч. наст. времени (солю́—соли́шь—соли́лъ, сужу́—су́дишь—суди́лъ, ра́ню—ра́нишь—ра́нилъ); такимъ образомъ шестой разрядъ глаголовъ по ударенiю представляетъ сходство съ

четвертымъ разрядомъ, съ которымъ, быть можетъ, связанъ и родствомъ суффиксальнаго образованія.

Примѣчаніе. Какъ отклоненіе отъ типа отмѣтимъ глаголы: *гоню́ го́нишь* || *гнать гналъ*; *сплю спишь* || *спать спалъ*. По образованію настоящаго времени они относятся къ шестому разряду, тогда какъ по образованію неопредѣленнаго накл. и прошедшаго врем.—къ четвертому.

Седьмой разрядъ: *вижу—видѣть*. Этотъ разрядъ отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ прошедшее время оканчивается на *-ѣлъ* или (послѣ шипящихъ и j) на *-алъ*. Глаголы, относящіеся къ этому разряду,—по преимуществу корневые. Отъименными глаголами можно признать довольно многочисленные непереходные глаголы, обозначающіе звуковыя представленія и происходящіе главнымъ образомъ отъ именъ существительныхъ на *-пъ* и *-къ* (напр. храпъ—храпѣ́ть, скрипъ—скрипѣ́ть, шипъ—шипѣ́ть....; стукъ—стуча́ть, пискъ—пища́ть, крикъ—крича́ть....); такъ какъ дѣйствіе этихъ глаголовъ по природѣ длительное, тянущееся, повторяющееся, то бо́льшая часть ихъ образуетъ еще однократную форму на *-нуть* (т. е. по пятому разряду). Примѣры глаголовъ разсматриваемаго разряда:

а) ве*лю́*; го*рю́*; зве*ню́*; скорб*лю́*; скри*плю́*; шу*млю́*; си*жу́*; леч*у́*; виш*у́*;

б) леж*у́*; слы́ш*у*; молч*у́*; трещ*у́*; [1]) сто*ю́*; бо*ю́*сь.

Что касается ударенія, то оно въ *настоящемъ времени* бываетъ только постоянное и притомъ двоякое, т. е. или на основѣ, или же на окончаніи, а въ соотвѣтствіи съ этимъ находится удареніе *прошедшаго времени* и *неопр. накл.*

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ глаголы данной группы послѣ шипящихъ принимаютъ окончанія *-ѣлъ* (прош. вр.) и *-ѣть* (неопр. накл.), т. е. подобно предъидущей группѣ, напр. кричѣлъ и т. п. Въ литературномъ языкѣ также встрѣчается такое отступленіе, а именно въ глаголахъ: кишѣть, срв. «миръ *кишѣлъ* движущимися людьми» (Л. Андреевъ «Другъ»), оравнодушѣть.

Глава XI.

О нарѣчіи и частицахъ.

Нарѣчіемъ называется знаменательная часть рѣчи, обычно присоединяющаяся въ качествѣ опредѣленія къ глаголу (иногда—къ прилагательному или даже къ другому нарѣчію, о чемъ говоримъ ниже), на что указываетъ и самое названіе ея: „нарѣчіе"=приглаголіе (срв. лат. adverbium). По своему происхожденію нарѣчія представляютъ нѣсколько группъ. Наиболѣе обширную группу составляютъ нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ. Такія нарѣчія чаще всего представляютъ собою краткую форму качественныхъ прилагательныхъ средняго рода на -*о*, напр. хорошо, дурно, скоро и т. п. Подобныя формы, относясь къ существительнымъ средняго рода, представляютъ явленіе согласованія. При глаголѣ онѣ не могли исполнять такой функціи, обозначая признакъ дѣйствія; такимъ образомъ онѣ получили смыслъ нарѣчій и обособились отъ прилагательныхъ. [1]) При этомъ онѣ удержали характерное свойство качественныхъ прилагательныхъ, именно—способность къ степенямъ сравненія. Нарѣчныя образованія

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ какомъ отношеніи находится нарѣчіе къ своему прилагательному, въ такомъ же дѣепричастіе къ соотвѣтствующему причастію; такимъ образомъ, дѣепричастіе является какъ бы глагольнымъ нарѣчіемъ.

могутъ происходить также отъ числительныхъ (напр. однажды), мѣстоименій (напр. такъ), а также глаголовъ (напр. пожалуй). Наконецъ, очень много нарѣчій получилось вообще изъ падежныхъ формъ склоняемыхъ частей рѣчи какъ въ безпредложномъ употребленіи, такъ и въ соединеніи съ предлогами, напр. вчера, понемногу. Такимъ образомъ мы видимъ, что нарѣчія могутъ происходить отъ каждой знаменательной части рѣчи, благодаря тому, что извѣстная флексійная форма, часто употребляемая въ разныхъ оборотахъ рѣчи, получаетъ новое, болѣе общее значеніе. При этомъ она утериваетъ тотъ частный формальный смыслъ, который бываетъ ей присущъ въ отдѣльныхъ фразахъ и зависитъ отъ обычныхъ отношеній къ другимъ членамъ предложенія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней теряется принадлежность къ флексійной системѣ, такъ что она уже перестаетъ образовываться путемъ присоединенія къ основѣ требуемаго окончанія, но помнится и употребляется цѣликомъ, служа для соотвѣтствующей общей характеристики дѣйствія, напр. относительно мѣста, времени, способа и т. под. (напр. домой, зимой, по-немногу и т. д.), а иногда обозначая и признаки качества прилагательнаго или нарѣчія (напр. *ужасно* великъ, *ужасно* громко). Въ этомъ переходѣ флексійной формы въ нарѣчіе не слѣдуетъ видѣть уменьшенія знаменательности, а только измѣненіе значенія, которое, какъ мы указывали, принимаетъ болѣе общій характеръ (срв. *вверхъ*, *домой*); пониженіе же знаменательности можетъ наступить лишь въ дальнѣйшей жизни нарѣчія, какъ увидимъ ниже. Что касается формальной стороны нарѣчій, то обособившись отъ флексійной системы и какъ бы окостенѣвъ въ своемъ неизмѣнномъ видѣ, они тѣмъ самымъ лишили себя возможности слѣдовать по пути тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣвали родственныя имъ флексійныя формы. Благодаря такой окаменѣлости, нѣкоторыя изъ нарѣчій сохранили для насъ въ качествѣ „пережитковъ“ древніе типы словообразованія и словоизмѣненія (напр. босикомъ, понемногу, долой).

Давъ общее понятіе о процессѣ возникновенія нарѣчій изъ флексійныхъ формъ, мы представимъ рядъ примѣровъ, распредѣливъ ихъ въ группы соотвѣтственно ихъ происхожденію.

А) Нарѣчія отъ **существительныхъ** могутъ происходить отъ всѣхъ падежныхъ формъ (кромѣ Имен. и Зват.), взятыхъ чаще всего въ ед. ч. и нерѣдко въ соединеніи съ предлогами:

1) Нарѣчіе произошло отъ существит. въ *Винит.* падежѣ [1]) безъ предлога, но въ соединеніи съ указательнымъ мѣстоименіемъ или же указательно-мѣстоименною частичкою—*съ* [2]), и служитъ для обозначенія *времени*, напр.: сейча́съ, то́тчасъ, лѣ́тось, простонар.—зи́мусь. Къ данному виду принадлежатъ далѣе безпредложныя нарѣчія, обозначающія небольшое *количество*, при чемъ существительное взято въ уменьшительной формѣ, напр. крошечку, чуточку, капельку. Нарѣчія съ предлогами *въ* и *на* служатъ для обозначенія *направленія* (напр. наоборотъ, вверхъ, впередъ, на̀земь), *способа* дѣйствія или же *времени* (напр. натоща́къ, вскачь, вскользь, въявь, вновь, встарь; внѣ этихъ формъ почти всѣ соотвѣтствующія существительныя уже не употребляются).

2) Нарѣчіе возникло изъ существительнаго въ *Родит.* пад. безъ предлога, получивъ въ этомъ случаѣ *мѣстное* или *временное* значеніе—до́ма, вчера́, [3]) вчера́сь; нарѣчія данной

---

[1]) Мы отступаемъ здѣсь нѣсколько отъ обычной послѣдовательности въ перечнѣ падежей, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что Вин. пад. относится къ одной группѣ съ падежами Им. и Зват., служащей для обозначенія предметовъ, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ глагольнымъ дѣйствіемъ въ предложеніи.

[2]) Частичка -*съ* вообще встрѣчается только въ нарѣчіяхъ, обыкновенно временного или мѣстнаго значенія, придавая слову опредѣленный указательный оттѣнокъ, напр: лѣтось=прошлымъ лѣтомъ.

[3]) Въ данномъ нарѣчіи, въ отличіе отъ соотвѣтствующей падежной формы (ве́чера), мы видимъ не только переносъ ударенія на окончаніе, не-

падежной категоріи въ соединеніе съ предлогомъ *изъ* обозначаютъ исходный пунктъ дѣйствія, *пространственный* или же *временной*, напр. издали, изстари (удареніе въ такихъ словахъ падаетъ на предлогъ); въ составъ нарѣчій можетъ входить также предлогъ *съ*, напр. сверху, сроду (въ подобныхъ нарѣчіяхъ обычнымъ является окончаніе -у, тогда какъ въ аналогичныхъ нарѣчіяхъ прилагательнаго происхожденія не рѣдко встрѣчается окончаніе -а), снаружи, сзади; въ соединеніи съ предлогомъ *до* нарѣчія этой категоріи указываютъ на предѣльный пунктъ дѣйствія, напр. дóверху, дóсвѣту.

3) Безпредложныхъ нарѣчій, происходящихъ отъ *Дат.* пад. существительныхъ, почти нѣтъ; сюда можно отнести развѣ слова—домой, долой ← домовь, доловь ← домови, долови (срв. „ити гостю д о м о в ь бес пакости"—грам. Новг. 1199 г.; „понесеть его д о м о в ь"—грам. Смол. 1230 г.; соврем. курск. —д о л о в ь), представляющія собою отголоски исчезнувшихъ старинныхъ формъ. Обычно же нарѣчія, происходящія изъ Дат. пад., являются въ соединеніи съ предаогомъ *къ* или *по*, напр. кстати, не кстати, по-мелочамъ (въ послѣднемъ примѣрѣ существ. уже во множ. числѣ).

4) Что касается *Творит.* пад., то происшедшія изъ него нарѣчія служатъ во-первыхъ для обозначенія *времени*, напр. ночью, лѣтомъ, постомъ, во-вторыхъ же *способа* и *образа дѣйствія*: шагомъ, шажкомъ, опрометью, босикомъ (это слово представляетъ собою единственную уцѣлѣвшую форму отъ *босикъ, очевидно когда-то существовавшаго въ языкѣ), бѣгóмъ, верхóмъ, кругóмъ (въ этихъ словахъ нарѣчное значеніе связано съ перемѣною мѣста ударенія, по сравненію съ соотвѣтствующими падежными формами). Случай Твор. пад. съ предлогомъ мы видимъ въ нарѣчіи „слишкомъ".

рѣдко встрѣчающійся въ нарѣчіяхъ, но и потерю гласнаго въ начальномъ слогѣ, происшедшую конечно уже послѣ того, какъ удареніе съ этого слога перемѣстилось на конецъ.

5) Въ примѣры нарѣчій, получившихся изъ такъ называемаго *Предложн.* пад., укажемъ: вверху, впослѣдствіи; напослѣдяхъ, второпяхъ (послѣдніе два примѣра представляютъ собою предложную падежную форму мн. ч. отъ существительнаго иначе неупотребляемаго; у Карамзина въ Письм. рус. пут. встрѣчаемъ еще „въ такихъ торопяхъ"—Московж. Журн. 1802^2, ч. 1, стр. 46). Нѣкогда форма Предл. падежа существовала въ языкѣ и въ безпредложномъ видѣ, имѣя мѣстное значеніе, и отголоскомъ такого употребленія ея теперь являются немногія устарѣвшія нарѣчія, какъ *горѣ*, *долу*, встрѣчающіяся тамъ и сямъ въ стихотворной рѣчи.[1]) Простонародное выраженіе „намедни" представляетъ собою также пережитокъ сущ. мѣстнаго падежа безъ предлога (намедни← *ономь-дьни).

Б) Нарѣчія отъ прилагательныхъ чаще всего происходятъ изъ простыхъ формъ:

1) Нарѣчія на -*о* представляютъ собою форму *Вин.* пад. безпредложную или же съ предлогомъ, происшедшую отъ простыхъ прилагательныхъ средняго рода, частью существующихъ въ языкѣ, частью же вышедшихъ изъ употребленія. Напр.: близк*о*, скор*о*, ран*о* (очевидно, производящее прилагательное получило, уже по обособленіи отъ него даннаго нарѣчія, дальнѣйшее суффиксальное распространеніе посредствомъ втораго „*н*"—„ранній"), словн*о* (это нарѣчіе уже уклонилось въ своемъ значеніи отъ производящаго прилагательнаго, которое теперь не встрѣчается въ простомъ видѣ, а только въ сложеніи—„условный", „многословный"), прост*о* (нарѣчіе встрѣчается и съ измѣненнымъ значеніемъ, напр.: „просто бѣда", „просто замучился", въ смыслѣ — „совсѣмъ, совершенно"); можн*о*, нужн*о*, должн*о*, надобн*о* (эти нарѣчія получили уже

[1]) Срв. въ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстого: «Среди садовъ деревья гнутся *долу*», «Грустныя *долу* она опускала рѣсницы» гдѣ впрочемъ нарѣчіе «долу» ближе подходитъ къ значенію *Дат.* падежа.

значеніе глагольности вслѣдствіе того, что ихъ всегда сопровождаетъ или подразумѣвается при нихъ глаголъ „быть", напр. можно || можно было || можно будетъ; поэтому языковое чутье относитъ эти нарѣчія въ одну категорію съ безличными глаголами—надлежитъ, слѣдуетъ, подобаетъ); *на́*чисто, *на́*бѣло. Укажемъ еще на то, что многія изъ нарѣчій разсматриваемаго типа способны, подобно прилагательнымъ, къ образованію какъ степеней сравненія (напр. худо—хуже—всего хуже), такъ и уменьшительныхъ формъ (напр. немножко, [1]) маленько); послѣднія особенно часты въ нѣкоторыхъ литературныхъ жанрахъ, какъ напр. въ басняхъ, а также въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, срв.:

На ту бѣду лиса *близехонько* бѣжала.
(Крыловъ).
А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ по утрышку *ранехонько*,
Умывается онъ да *бѣлехонько*,
Снаряжается онъ *хорошохонько*
(Гильф. Онеж. былины, 1873 г., стр. 107).
Тяжелешенько тутъ царь да порасплакался.
(Тамъ же, стр. 109).

Кромѣ разсматриваемаго типа, существуютъ нарѣчія отъ прилагательныхъ въ Вин. же падежѣ, но въ сложной формѣ женск. р. и въ соединеніи съ предлогомъ, напр. вплотну́ю, зачасту́ю (удареніе по сравненію съ прилагательными оказывается перенесеннымъ на окончаніе), напропалу́ю.

2) Нарѣчія происходятъ изъ простыхъ прилагательныхъ въ Род. пад. съ предлогами *съ*, *изъ* и *до*, при чемъ окон-

---

[1]) Для этой уменьшительной формы нѣтъ соотвѣтствующаго прилагательнаго; значитъ, уменьшительный суффиксъ прибавился уже на почвѣ нарѣчія.

чаніемъ прилагательнаго является ударяемое или неударяемое *-а*, а иногда *-у* безъ ударенія, напр. слегк*á*, прост*á*, сн*ó*в*а*, с*ó*-слѣп*у*, сд*ý*р*у* (внѣ этой комбинаціи соотвѣтствующее прилагательное не встрѣчается, т. е. здѣсь имѣется пережитокъ выраженія), до-бѣл*á*, д*ó*сыт*а*, издалек*á*, съ́изнов*а*, съизмал*á* (два послѣдніе примѣра представляютъ соединеніе двухъ предлоговъ).

3) Нарѣчія представляютъ форму *Дат.* ед. простого прилагательнаго съ предлогомъ *по*, напр. понапрасн*у*, понемног*у*, понемножк*у*, помал*у*, помаленьк*у*, потихоньку. Въ случаѣ „повидимому“ имѣемъ сложную форму глагольнаго прилагательнаго, употребляющуюся какъ вводное выраженіе.

4) Что касается нарѣчій, происшедшихъ изъ прилагательныхъ въ *Твор.* ед., то встрѣчаемъ ихъ въ выраженіяхъ, содержащихъ повтореніе слова и служащихъ для усиленія значенія, напр. *давны́мъ*-давно, *ра́нымъ*-рано. [1])

5) Примѣрами нарѣчій изъ прилагательныхъ въ *Предл.* ед. могутъ служить: вполн*ѣ*, вдалек*ѣ*, вкратц*ѣ* (отмѣтимъ пережитокъ смягченія *к* въ *ц*), вскор*ѣ*, внов*ѣ*, впроч*емъ*.

Примѣчаніе 1. Имѣются также нарѣчія, происходящія изъ именъ числительныхъ, напр.: дважды, вдвойнѣ, наединѣ, вчетверомъ, во-первыхъ, теперь (срв. народн. топерь изъ *то-пьрьво).

Примѣчаніе 2. Что касается нарѣчій мѣстоименнаго происхожденія, то ихъ оказывается поразительное изобиліе, при чемъ многія изъ нихъ совершенно уже утратили для чутья ясность морфологическаго состава и приблизились къ частицамъ или даже перешли въ нихъ. Въ виду этого мы позволимъ себѣ ограничиться простымъ приведеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ: только, авось, когда, туда, вездѣ, гдѣ, здѣсь, всюду, едва, такъ, нипочёмъ, почему, нечего, по-моему, совсѣмъ, про-себя.

---

[1]) Аналогичныя по смыслу выраженія образуются также изъ Вин. пад. прилагательныхъ въ соединеніи съ предлогомъ *на*, срв. просто-на́-просто, перво-на́-перво. Подобныя же нарѣчія образуются и изъ существительныхъ, при чемъ предлогъ можетъ и отсутствовать; напр. точь-*въ*-точь, чуть-чуть.

В) Нарѣчія **глагольнаго** происхожденія могутъ отражать собою слѣдующія формы:

1) Настоящее время: видишь, значитъ, кажется.

2) Прошедшее время: было (вводное словечко, напр.: „онъ, было, пошелъ"), стало („Вы, стало, изъ тѣхъ, что опрóститься хотятъ"—*Новь* Тургенева).

3) Будущее время: буде, будетъ (=довольно).

4) Повелительное наклоненіе: пускай, пусть, почти, народн. „почитай", пожалуй, пожалуйста, небось, кажись, глядь, спасибо.

5) Неопредѣленное наклоненіе: знать.

6) Древнія причастныя формы: молча, спустя (напр. „немного спустя"), народн.—знамо, вѣстимо. Къ этой категоріи, собственно говоря, можетъ быть отнесенъ цѣлый отдѣлъ дѣепричастій, изъ которыхъ нѣкоторыя, становясь настоящими нарѣчіями, мѣняютъ удареніе, напр. мóлча вм. молчá („Лизавета Васильевна *молча* встала и..." Писем. Тюфякъ гл. III). Замѣтимъ также, что причастія на *-щій*, становясь прилагательными, образуютъ нарѣчія по способу прилагательныхъ, срв. „машинка монотонно и *усыпляюще* стучала" (Л. Андреевъ Гостинецъ, гл. II).

Г) Нарѣчія, образовавшіяся **изъ выраженій**, напр. стремглавъ (въ Сб. 1073 г.—стръмоглавь).

Какъ мы уже упомянули, нарѣчія въ дальнѣйшемъ развитіи могутъ понижаться въ своей знаменательности, постепенно переходя въ *частицы*—предлоги и союзы (напр. около, хотя). Что касается возникновенія *предлоговъ*, то въ этомъ случаѣ первоначальное нарѣчіе обычно служило для пространственнаго опредѣленія глагола и нерѣдко сопровождалось существительнымъ въ опредѣленномъ падежѣ; на этой стадіи мы различаемъ еще въ нарѣчіи довольно ясно матеріальную и формальную стороны, хотя оно, обособившись отъ своей флексійной системы, уже получило новый оттѣнокъ значенія. Вслѣдствіе частой повторяемости своей передъ существительными въ одной

и той же формѣ нарѣчіе начинаетъ тѣснѣе примыкать къ существительному и обособляться отъ глагола; вмѣстѣ съ тѣмъ центръ тяжести значенія въ нарѣчіи переносится на формальный оттѣнокъ и оно легко становится формальною принадлежностью слѣдующаго слова—препозиціоннымъ нарѣчіемъ и затѣмъ предлогомъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой перемѣны служитъ утрата нарѣчіемъ самостоятельнаго ударенія и подчиненіе ударенію слѣдующаго слова. И такъ, предлоги обычно представляютъ дальнѣйшую ступень измѣненія нарѣчій и относятся уже не къ глаголу, а къ имени (или мѣстоименію). Основное значеніе предлоговъ—выражать пространственное и временное отношеніе предметовъ. Соотвѣтственно этому и собственное значеніе нарѣчій, переходящихъ въ предлоги, принадлежитъ къ типу пространственно-временныхъ, срв. близь, около, вдоль и пр.; обычно при такихъ предлогахъ стоитъ Род. падежъ, какъ и при существительныхъ, отъ которыхъ произошли нарѣчія, обратившіяся затѣмъ въ предлоги. Предлоги могутъ еще входить въ качествѣ постояннаго элемента въ составъ слова для образованія его собственнаго значенія; въ такомъ случаѣ они становятся морфологическою частью слова, именуемою *префиксомъ*. Нѣкоторые предлоги извѣстны только въ видѣ префиксовъ: *воз-*, *низ-*, *раз-*, *вы-*, *па-*, *пра-*, *су-*, *пере-*. Переходъ первоначальныхъ флексійныхъ формъ въ нарѣчія и предлоги принадлежитъ разнымъ эпохамъ. Къ древнѣйшимъ предлогамъ, имѣющимъ родичей въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ и потому восходящимъ къ эпохѣ аріо-европейскаго праязыка, принадлежатъ такіе простѣйшіе какъ—*про*, *пра*, *въ*, *съ* и *су*, *къ*, *отъ*, *изъ* и пр.; они соединяются съ разными падежами, что зависитъ отъ взаимнаго соотвѣтствія смысла предлога и смысла падежа.

Древнѣйшіе *союзы* имѣютъ мѣстоименное происхожденіе (напр. а, и, что...), а это указываетъ на то, что первоначально это были мѣстоименныя словечки, служившія для указанія видовъ ассоціаціи между представленіями и мыслями,

напр. по *смежности* и *послѣдовательности* (и, когда), а въ дальнѣйшемъ развитіи они могутъ выражать и *причинность* (когда, такъ какъ), *подобіе*, *различіе* и *контрастъ* (какъ; но, а). Такимъ образомъ, союзы различаются по своему значенію отъ предлоговъ, представляя однако съ ними то сходство, что какъ тѣ, такъ и другіе не имѣютъ полнаго собственнаго значенія. [1]) Союзы глагольнаго происхожденія: если, хотя; они представляютъ уже продуктъ позднѣйшаго образованія.

Междометія по происхожденію представляютъ рефлекторные звуки, вызываемые тѣмъ или другимъ сильнымъ эмоціональнымъ состояніемъ, напр. чувствомъ боли, радости и т. п., а въ послѣдующемъ развитіи языка они становятся словесными восклицательными символами, выражающими эмоціи. Вслѣдствіе частоты употребленія и привычки Зват. падежъ нѣкоторыхъ словъ пріобрѣтаетъ характеръ междометнаго восклицанія, напр.: ахъ, батюшки! матушки! Господи! Особый видъ междометій—звукоподражанія, первоначально представлявшія родъ рефлекса со слуха на органъ произношенія.

Примѣчаніе. Такъ называемыя «глагольныя частицы» (звукоподражательныя), какъ напр. бацъ! трахъ! и т. п. должны считаться неизмѣняемыми глагольными образованіями. Глагольность ихъ подтверждается тѣмъ что они по смыслу рѣчи получаютъ значеніе того или другого времени и лица, а кромѣ того распространяются падежами одинаково съ родственными глаголами; напр. онъ бацъ (=бацнулъ) его по головѣ! тутъ онъ бацъ (=бацнулся) ему въ ноги! срв. также у Крылова (Зеркало и Обезьяна): «...тихохонько медвѣдя *толкъ* ногой».

---

[1]) Поэтому-то въ малограмотныхъ написаніяхъ часто нѣкоторые предлоги и союзы встрѣчаются написанными слитно съ словомъ, къ которому они примыкають (напр. *анадругойжа*).

Синтаксисъ.

Глава XII.

Предметъ синтаксиса. Понятіе о предложеніи съ точекъ зрѣнія психологической, синтаксической и логической; объемъ предложенія. Простое нераспространенное предложеніе—его составъ и типы.

Въ морфологіи мы изучали отдѣльныя слова, при чемъ установили какъ наиболѣе крупные разряды словъ, именуемые частями рѣчи, такъ и различія смысловыя и формальныя въ области каждой части рѣчи. Теперь мы должны приступить къ разсмотрѣнію типовъ сочетанія словъ для выраженія нашихъ мыслей, что̀ и составляетъ предметъ синтаксиса. Наше изложеніе синтаксиса не будетъ особенно обширнымъ, такъ какъ многіе семазіологическіе вопросы, обычно разсматриваемые другими авторами въ синтаксисѣ, по нашему мнѣнію гораздо болѣе принадлежатъ морфологіи, куда мы и предпочли ихъ перенести. При такомъ расположеніи матеріала достигается бо́льшая систематичность въ изложеніи синтаксиса, гдѣ послѣдовательное разсмотрѣніе различныхъ типовъ предложенія уже не прерывается вставкою цѣлаго ряда подготовительныхъ и побочныхъ разсужденій, какъ напр. о частяхъ рѣчи, семазіологическихъ категоріяхъ имени существительнаго, или залогахъ и видахъ глагола.

Каждое сочетаніе словъ (а иногда и одно слово), служащее для выраженія цѣльной мысли и извѣстнымъ образомъ грамматически организованное, называется *предложеніемъ*. Въ элементарной грамматикѣ предложеніе обыкновенно опредѣляется какъ „мысль (или по другимъ—отдѣльная мысль), выраженная словами". Это опредѣленіе содержитъ однако нѣкоторую неточность, ибо предложеніе есть фактъ рѣчи, а не мысли; этой неточности не имѣетъ то опредѣленіе предложенія, которое дано нами выше. Въ сущности и наше опредѣленіе далеко не можетъ считаться полнымъ, такъ какъ не указываетъ самой организаціи предложенія; но съ этимъ недочетомъ необходимо примириться въ виду того, что грамматика не ограничивается однимъ опредѣленіемъ, но вслѣдъ за нимъ переходитъ къ указанію состава предложеній (какъ простыхъ, такъ и сложныхъ). Составъ же предложеній грамматически настолько сложенъ и разнообразенъ, что включить опредѣленіе этого состава въ формулу предложенія слишкомъ бы усложнило ее, а потому гораздо удобнѣе, ограничившись наиболѣе простымъ и краткимъ опредѣленіемъ предложенія, перейти къ подробному разсмотрѣнію его съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Постараемся прежде всего взглянуть съ *психологической* точки зрѣнія на процессъ образованія въ нашемъ умѣ простѣйшихъ мыслей въ связи съ воплощеніемъ ихъ въ предложеніяхъ, т. е. въ связи съ моментомъ *грамматическимъ*. Какъ мы знаемъ, въ нашемъ умѣ хранятся многочисленныя представленія предметовъ и явленій съ ихъ признаками, тѣсно связанныя со своими названіями. Но каждое такое представленіе не сознается нами до тѣхъ поръ, пока мы не встрѣтимъ соотвѣтствующаго предмета или явленія, или не вспомнимъ о немъ; тогда образъ даннаго предмета всплываетъ въ нашей памяти и въ случаѣ наличности предмета позволяетъ „узнать" его и назвать, т. е. воспринять его какъ уже извѣстный. Такая дѣятельность ума можетъ считаться за-

родышемъ мысли, такъ какъ затѣмъ легко переходитъ въ дѣйствительную мысль. Процессъ этого перехода заключается въ томъ, что наше вниманіе выдѣляетъ одинъ изъ признаковъ такого воспоминанія или видимаго образа въ особое представленіе и приписываетъ основному представленію предмета. Такая комбинація представленій уже является настоящею *мыслью*, а сочетаніе словъ, выражающее эту комбинацію, должно считаться грамматическимъ *предложеніемъ*, въ которомъ словесный символъ основного представленія является *подлежащимъ*, а символъ признака—*сказуемымъ*. Такимъ образомъ, самая простая мысль, когда мы ее выражаемъ словами, естественно расчленяется на двѣ части соотвѣтственно тому, что, думая о какомъ-нибудь предметѣ, мы непремѣнно приписываемъ ему что-нибудь, откуда и происходятъ двѣ основныя категоріи въ предложеніи: подлежащее, обозначающее предметъ, о которомъ мы думаемъ, и сказуемое, выражающее, что̀ думаемъ объ этомъ предметѣ, при чемъ грамматическое согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ указываетъ на цѣлостность самой мысли. [1]) Воспользуемся какимъ-нибудь нагляднымъ примѣромъ. Такъ, если мы видимъ или вспоминаемъ напр. липу, то можетъ случиться, что наше вниманіе устремится на какой-нибудь признакъ ея, предположимъ—на цвѣтеніе, и тогда рядомъ съ общимъ представленіемъ липы появляется представленіе даннаго признака, которое мы присое-

---

[1]) Слѣдуя нѣмецкому ученому Габеленцу, нѣкоторые лингвисты, трактуя о предложеніи, выдвигаютъ на видное мѣсто ученіе о такъ наз. «психологическихъ» подлежащемъ и сказуемомъ. Уже самое названіе показываетъ, что при этомъ психологіи навязываются чуждыя ей категоріи, что̀ и обнаруживается въ существующемъ разногласіи относительно пониманія какъ самыхъ категорій, такъ и отношенія ихъ къ одноименнымъ грамматическимъ. Въ общемъ можно принять, что здѣсь не болѣе, какъ неудачная замѣна прежняго ученія о логическомъ удареніи, которое можетъ приходиться на любомъ членѣ предложенія, модифицируя соотвѣтствующимъ образомъ смыслъ этого предложенія и вліяя на порядокъ словъ въ послѣднемъ.

диняемъ къ первому, и такимъ образомъ получается мысль, могущая найти свое выраженіе въ предложеніи, напр. „липа цвѣтетъ", въ которомъ самыя формы словъ указываютъ слушателю на опредѣленное отношеніе между данными двумя представленіями. Далѣе, если въ томъ образѣ или картинѣ, которая дала поводъ къ нашему предложенію, вниманіе остановится еще и на тѣхъ или другихъ побочныхъ представленіяхъ, то при выраженіи ихъ словами получается распространенное предложеніе. Представивъ въ общемъ соотношеніе психологическаго и грамматическаго моментовъ при образованіи предложеній и переходя къ болѣе частному разсмотрѣнію вопроса съ грамматической стороны, мы должны теперь отмѣтить *роль частей рѣчи и ихъ формъ при образованіи предложеній*. Какъ мы уже указывали (стр. 105—106), части рѣчи и ихъ формы складывались и развивались на протяженіи большихъ періодовъ времени, при чемъ самое развитіе ихъ обусловливалось развитіемъ мысли, выражаемой въ предложеніи. Такимъ образомъ, въ настоящее время мы имѣемъ рядъ готовыхъ словесныхъ категорій, соотвѣтствующихъ нашимъ представленіямъ предметовъ, качествъ, дѣйствій и проч. и служащихъ словеснымъ матеріаломъ для выраженія мысли; всѣ эти части рѣчи примѣняются въ тѣхъ формахъ, которыя выработались для передачи тѣхъ или иныхъ отношеній между различными представленіями, составляющими данную мысль-предложеніе, при чемъ самыя флексійныя окончанія этихъ формъ именно и являются носителями тѣхъ синтаксическихъ функцій, которыя принимаютъ слова въ предложеніи. Такъ, напр., главный предметъ мысли выражается обычно *именной частью рѣчи* и притомъ въ формѣ *Именит. падежа* (подлежащее), обычнымъ же словеснымъ выраженіемъ того признака, на который обращено главное вниманіе, служитъ *глаголъ* въ *личной* формѣ [1]) (сказуемое), которая при этомъ согласу-

---

[1]) Или именное слово въ случаѣ составного сказуемаго.

ется съ подлежащимъ, что̀ и знаменуетъ въ нашей рѣчи—какъ мы уже указывали—цѣлостность мысли. Если мы говоримъ, что предложеніе является результатомъ расчлененія цѣлостной мысли, то это будетъ справедливо лишь по отношенію къ *говорящему*; что же касается *слушающаго*, то очевидно, что процессъ воспріятія предложенія, высказаннаго другимъ лицомъ, будетъ уже обратнымъ, т. е. не расчлененіемъ цѣлостной мысли, а образованіемъ таковой по отдѣльнымъ ея элементамъ, выраженнымъ членами высказаннаго предложенія. Какъ ни простъ разсмотрѣнный способъ выраженія мысли, однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ не сразу дошелъ до него, такъ какъ для этого требуется какъ навыкъ въ опредѣленномъ разложеніи цѣлостнаго впечатлѣнія, такъ и наличность соотвѣтствующихъ словесныхъ формъ. Надо думать, что въ самомъ началѣ человѣчество выражало свои мысли одиночными словами, которыя и были первоначальной формой предложенія. Эту стадію рѣчи мы можемъ наблюдать и теперь у дѣтей, начинающихъ говорить, которыя въ одномъ словѣ умѣщаютъ всю свою мысль; такъ ребенокъ, говоря „t'u“ или „t'uj“ (т. е. стулъ), не просто называетъ предметъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ включаетъ сюда свою мысль или желаніе относительно этого предмета, какъ это доказываютъ мимика и жесты, сопровождающіе данное слово, которое можетъ обозначать напр. „придвинь стулъ“, „посади меня на стулъ“ и т. п. [1]) Въ дальнѣйшемъ наши дѣти, перенимая родную рѣчь отъ взрослыхъ, усваиваютъ и вышеуказанный готовый способъ расчлененія цѣлостныхъ впечатлѣній, т. е. всѣ съ дѣтства уже такъ привыкаютъ къ выработаннымъ типамъ словесныхъ выраженій, что болѣе не

---

[1]) Основываясь на этихъ данныхъ дѣтской рѣчи, мы не можемъ согласиться съ тѣми лингвистами, которые развитіе человѣческой рѣчи выводятъ изъ *корней-словъ*. Мы думаемъ, что основною формою рѣчи является и всегда являлось предложеніе, а не отдѣльныя слова, почему и правильнѣе было бы говорить о первоначальныхъ не корняхъ-словахъ, а *корняхъ-предложеніяхъ*.

замѣчаютъ творческаго процесса расчлененія мысли посредствомъ предложенія. А между тѣмъ человѣчеству нужно было самому дойти до такого способа расчлененія и создать тѣ или другія языковыя средства для его выраженія, и мы невольно приходимъ теперь въ глубокое удивленіе передъ рѣшенною столь успѣшно человѣкомъ задачею—выработать соотношеніе между своимъ міромъ мысли и міромъ реальнымъ при посредствѣ звуковыхъ символовъ, благодаря чему и сталъ возможенъ болѣе легкій обмѣнъ мыслей между людьми. Что касается *руководящаго фактора, направлявшаго всю эту эволюціонную работу мысли и рѣчи*, то имъ несомнѣнно являлась та естественно-логическая способность ума, которая, классифицируя всѣ наши представленія, тѣмъ самымъ даетъ толчокъ дальнѣйшему ходу мысли и попыткамъ выражать ее въ словѣ (конечно—въ соотношеніи съ міромъ дѣйствительности [1]) какъ созерцаемой, такъ и запечатлѣвшейся уже въ памяти на основаніи всего предъидущаго опыта). Эта естественно-логическая способность ума и составляетъ въ рѣчи тотъ логическій моментъ, къ опредѣленію роли котораго мы должны теперь обратиться.

Роль *логическаго* момента въ предложеніи до сихъ поръ представляетъ собою спорный пунктъ въ наукѣ, а потому мы должны развить свое мнѣніе по этому вопросу съ необходимою подробностью. Напомнимъ, что старая, философская, грамматика при анализѣ синтаксическихъ явленій принорав-

---

[1]) Совершенно ошибочно проф. Будде отрицаетъ участіе этого момента въ жизни языка, опираясь на возможность грамматически-правильныхъ, но противорѣчащихъ дѣйствительности, фразъ въ родѣ: «на вербѣ растутъ груши» и т. п. Возможность такихъ фразъ доказываетъ только лишь то, что мы создаемъ ихъ по аналогіи къ усвоеннымъ и привычнымъ рѣчевымъ типамъ; отрѣзать же говоримую рѣчь, этотъ объектъ грамматическаго изученія, отъ міра дѣйствительности, который составляютъ не только природа, но и культура и всѣ событія, значитъ отказаться отъ пониманія процесса семасіологической эволюціи языка, совершающейся именно въ связи съ дѣйствительностью и подъ вліяніемъ ея.

ливалась къ тѣмъ нормамъ, какія установились въ логикѣ въ отношеніи сужденій; но около половины минувшаго столѣтія нѣмецкій мыслитель-лингвистъ Штейнталь подвергъ разрушительной критикѣ этотъ способъ трактованія синтаксическихъ явленій, показавъ, что грамматика занимаетъ независимое отъ логики положеніе, при чемъ синтаксическіе вопросы должны изслѣдоваться не логически, а психологически. Въ русской лингвистической литературѣ впервые выдвинулъ точку зрѣнія Штейнталя харьковскій профессоръ А. А. Потебня, примѣнивъ ее въ разысканіяхъ своихъ по русскому синтаксису; приведемъ нѣсколько общихъ его замѣчаній: „Грамматическое предложеніе вовсе нетождественно и непараллельно съ логическимъ сужденіемъ. Названія двухъ членовъ послѣдняго (подлежащее и сказуемое) одинаковы съ названіями двухъ изъ членовъ предложенія, но значенія этихъ названій въ грамматикѣ и логикѣ различны". „Тѣмъ менѣе возможно вывести изъ логическаго сужденія прочіе члены предложенія: опредѣленіе, обстоятельство, дополненіе". „Языкознаніе и въ частности грамматика ничуть неближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ". [1]) Намъ кажется однако, что современные лингвисты, совершенно правильно отдѣляя грамматику отъ „*науки* логики", упускаютъ изъ виду тотъ упомянутый выше *естественно-логическій* моментъ мысли, которымъ необходимо направляется и процессъ рѣчи. Иному читателю можетъ показаться, что этимъ утвержденіемъ мы возвращаемся къ той же старой, логической, грамматикѣ, которую сами же отрицаемъ. Но въ этомъ случаѣ будетъ недоразумѣніе: подъ логическимъ моментомъ мы разумѣемъ здѣсь не науку логики, а естественную логику ума, которую строго должно отличать отъ первой. [2]) Такъ, напр., *наука*

---

[1]) Потебня А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Изд. 2-е (1888), стр. 61, 63.

[2]) Различіе между естественною логикою ума и наукою логики, представляющею собою чисто теоретическое построеніе опредѣленныхъ типовъ

логики признаетъ только два члена въ сужденіи—субъектъ (подлежащее) и предикатъ (сказуемое), которые не всегда совпадаютъ съ одноименными грамматическими членами предложенія; такъ, для научной логики въ сужденіи „сильный вѣтеръ порывисто дуетъ" имѣются только два члена: субъектъ—„сильный вѣтеръ" и предикатъ—„порывисто дуетъ" (=есть порывисто дующій, со связкою „есть"), для грамматики же здѣсь четыре члена предложенія: кромѣ главныхъ членовъ „вѣтеръ" и „дуетъ" (при этомъ грамматика не замѣщаетъ послѣднюю форму чрезъ „есть дующій") она находитъ здѣсь еще второстепенные члены—„сильный" и „порывисто", относящіеся къ первымъ и отвѣчающіе на вопросы „какой?" и „какъ?" Вотъ всѣ подобнаго рода, такъ сказать, **направляющіе вопросы**, [1]) *слѣдуя которымъ мы образуемъ пред-*

сужденій и выводовъ, выступаетъ съ особенною ясностью, если обратить вниманіе на то, что первая сопровождаетъ все наше мышленіе, тогда какъ вторая имѣетъ цѣлью лишь указать условія полученія правильныхъ выводовъ и предохранить отъ обычно встрѣчающихся заблужденій. Въ своихъ формальныхъ построеніяхъ наука логики не затрагиваетъ живой рѣчи во всемъ ея разнообразіи, но ограничивается искусственнымъ составленіемъ схематическихъ предложеній упрощеннаго типа и комбинацій ихъ для полученія опредѣленныхъ логическихъ выводовъ. А такъ какъ грамматика имѣетъ въ виду изученіе фактовъ живой рѣчи въ ихъ конкретности, а не упрощенныя логическія нормы, то въ виду рѣшительнаго различія въ цѣляхъ обѣихъ наукъ становится очевидною необходимость строгаго отдѣленія научно-грамматическаго изученія языка отъ науки логики. Но, рѣшительно разграничивая области грамматики и логики, я долженъ еще разъ подчеркнуть, что грамматика никоимъ образомъ не можетъ игнорировать логическаго момента въ рѣчи, разумѣя подъ нимъ естественно-логическую способность ума. Эта послѣдняя такъ же мало совпадаетъ съ наукой логики, какъ и грамматика. Естественная логика ума прошла столь же длинный путь эволюціи отъ примитивнаго состоянія къ современному, какъ и наша рѣчь, и эта ея эволюція совершалась въ тѣсной связи съ эволюціей языка.

[1]) *Существованіе такихъ вопросовъ въ умѣ* подтверждается практикою повседневной рѣчи: при недослышавшемся подлежащемъ мы спрашиваемъ «кто?» или «что?», а при недослышавшемся сказуемомъ спрашиваемъ: «что вы говорите о томъ-то?», и пр.

ложенія, и составляютъ **естественно-логическій** *моментъ высказываемыхъ нами предложеній.*

Скажемъ еще нѣсколько словъ относительно *объема предложеній.* Какъ извѣстно изъ элементарной грамматики, предложенія представляютъ большое разнообразіе по степени своей сложности, начиная отъ простого нераспространеннаго предложенія, состоящаго только изъ двухъ членовъ—подлежащаго и сказуемаго (а иногда и одного), и кончая распространеннымъ сложнымъ предложеніемъ. Цѣль расширенія предложенія—полнѣе выразить мысль въ одномъ словесномъ цѣломъ. Не трудно однакожъ убѣдиться въ томъ, что это расширеніе должно имѣть надлежащія границы, что долженъ быть хотя бы приблизительно *нормальный объемъ предложенія.* Такъ какъ предложеніе представляетъ сторону смысловую и сторону произносимую или словесную, то вполнѣ естественно думать, что и объемъ предложенія долженъ обусловливаться моментами внутреннимъ или семазіологическимъ и внѣшнимъ или фонаціоннымъ: 1) Въ отношеніи *семазіологическомъ* предложеніе, нормальное по объему, выражаетъ мысль не слишкомъ обширную, такъ что единство ея въ умѣ говорящаго не утрачивается въ теченіе выраженія ея словами и вмѣстѣ съ тѣмъ легко схватывается слушающимъ посредствомъ одного акта мысли. 2) Въ отношеніи *фонаціонномъ* предложеніе съ нормальнымъ объемомъ требуетъ по возможности одного выдыханія, правильно расчлененнаго между членами предложенія, чѣмъ достигается внѣшняя связность и цѣльность предложенія, необходимая для легкаго воспріятія его слушателемъ; при этомъ повышенія и пониженія голоса, а также и измѣненія его по силѣ соотвѣтствуютъ внутреннему содержанію предложенія. При помощи этихъ измѣненій и получается возможность одно и то же предложеніе видоизмѣнять по смысловымъ оттѣнкамъ, а также и прерывать слишкомъ растянутое предложеніе передышкой, не нарушая однакожъ цѣльности его. Нужно еще сказать, что съ развитіемъ письменности по-

лучилась возможность образованія болѣе обширныхъ сложныхъ предложеній, такъ какъ зрѣніе даетъ возможность охватить предложеніе съ болѣе обширнымъ объемомъ. Это должно было вызывать и развитіе соотвѣтствующихъ фонаціонныхъ пріемовъ для произнесенія такихъ предложеній (въ томъ числѣ и для такъ называемыхъ періодовъ).

Приступая теперь къ главному предмету настоящей главы—къ *анализу простого нераспространеннаго предложенія*, и припомнивъ, что оно состоитъ изъ двухъ главныхъ членовъ, обозначающихъ предметъ, о которомъ мы думаемъ, и то, что думаемъ о предметѣ, мы теперь обратимъ вниманіе на одно существенное различіе въ самомъ характерѣ нашей мысли: мы можемъ думать о предметѣ или какъ наблюдаемомъ (напр. лошадь идетъ), или же абстрактно, относя предметъ по тому или другому признаку къ соотвѣтствующему родовому классу (напр. лошадь—животное). Сообразно этому различію мысли, простыя предложенія представляютъ два типа: А) предложенія, изображающія фактъ, и Б) предложенія, опредѣляющія предметъ относительно его родового понятія. Кромѣ того нужно указать еще В) переходный типъ между этими двумя главными, который, принадлежа по формѣ ко второму типу, по характеру мысли нерѣдко приближается къ первому типу; это—предложенія, опредѣляющія свойство или качество предмета, напр. „лошадь мала", „лошадь пуглива". Не трудно видѣть, что разница между указанными типами предложенія сводится внѣшнимъ образомъ къ *различному составу сказуемаго*, т. е. въ первомъ типѣ сказуемымъ служитъ одинъ глаголъ, тогда какъ во второмъ и третьемъ типѣ сказуемое состоитъ изъ глагола „быть" съ существительнымъ или прилагательнымъ, почему такое сказуемое и называется обыкновенно „составнымъ"; другими словами—указанные нами типы предложеній различаются между собою по *формамъ сказуемости*.

Примѣчаніе. Каковъ бы ни былъ составъ предложенія, его можно разсматривать двояко: съ точки зрѣнія синтаксической—по членамъ пред-

ложенія, и съ точки зрѣнія морфологической—по частямъ рѣчи. Нельзя однакожъ не признать, что такое рѣзкое отдѣленіе сторонъ морфологической и синтаксической, допускаемое ради удобства изложенія, страдаетъ нѣкоторою искусственностью, такъ какъ въ дѣйствительности та и другая сторона тѣсно связаны и даже слиты между собою, ибо *морфологія* представляетъ такъ сказать инвентарь отдѣльныхъ категорій словъ и ихъ формъ, а *синтаксисъ* показываетъ всѣ эти слова и формы въ ихъ движеніи и жизни— въ предложеніи.

А. Предложенія, изображающія фактъ.

Когда мы выражаемъ простую мысль о предметѣ наблюдаемомъ и совершающемъ дѣйствіе, то пользуемся для этого частями рѣчи слѣдующимъ образомъ: въ роли подлежащаго употребляется Именительный падежъ предметной части рѣчи, т. е. имени существительнаго, а также—прилагательнаго, числительнаго и мѣстоименія въ смыслѣ существит. (напр. „богатый“, „трое“, „онъ“, и т. п.); въ роли сказуемаго употребляется личный глаголъ, который всегда *согласуется* съ подлежащимъ. При этомъ различаются случаи: если подлежащее выражено личнымъ мѣстоименіемъ перваго или второго лица, то оно соединяется съ соотвѣтствующими личными формами глагола; если же подлежащее выражено предметнымъ названіемъ, то оно сочетается съ формою третьяго лица сказуемаго-глагола. [1]) Личный глаголъ при этомъ можетъ измѣнять-

[1]) Объ особенностяхъ *согласованія по смыслу* сказуемаго съ существительными собирательными въ древне-русскомъ языкѣ говорилось въ морфологіи (стр. 166). Здѣсь прибавимъ лишь, что такіе случаи древне-русскаго языка, какъ «*братия* творяаху», «*братия* събираються» (Житіе Θеодосія, XII в.), гдѣ видимъ собирательное имя ед. ч. «*братия*» (т. е. *братья*) въ соединеніи съ глаголомъ-сказуемымъ во мн. ч., повели къ тому, что самая форма «*братья*» стала чувствоваться уже формою мн. ч., а въ дальнѣйшемъ приняла участіе совмѣстно съ нѣкоторыми другими образованіями (срв. имена собирательныя на *-іе*, а также окончаніе И. мн. *-іе* въ склоненіи словъ типа «путь»), въ созданіи для цѣлаго ряда существительныхъ м. р. новаго типа склоненія во множ. числѣ при собирательномъ оттѣнкѣ значенія (срв. братья, колосья и т. п.). Къ отступленіямъ относятся также случаи, когда въ разговорѣ при подлежащемъ, обозначающемъ единичное лицо,

ся по временамъ и наклоненіямъ. Припомнимъ также, что глаголы по самому характеру дѣйствія распадаются на переходные и непереходные. Такъ какъ *переходные* глаголы непремѣнно предполагаютъ объектъ дѣйствія и послѣдній можетъ быть указанъ (въ Вин. пад.), то такимъ образомъ сказуемое простого нераспространеннаго предложенія можетъ дополняться названіемъ объекта дѣйствія. Мысль, выражаемая такимъ предложеніемъ, можетъ быть еще представлена въ *обратной* или *страдательной* формѣ, напр. отецъ наказываетъ сына || сынъ наказывается отцомъ. Однако тотъ и другой оборотъ не являются тожественными; такъ, въ приведенномъ примѣрѣ въ первомъ случаѣ мы утверждаемъ нѣчто объ отцѣ, а во второмъ—сынъ является предметомъ сужденія.

Разъяснивъ составъ простого нераспространеннаго предложенія, изображающаго фактъ, укажемъ еще тотъ частный случай, когда *личная* форма такого предложенія замѣняется *безличною*, болѣе или менѣе равносильною по значенію съ первою формою, напр. я хочу, братъ не спитъ || мнѣ хочется, брату не спится и т. п. Послѣднія предложенія тѣмъ отличаются отъ первыхъ, что дѣйствія въ нихъ представляются не какъ производимыя субъектомъ, а какъ бы происходящія независимо отъ его воли и лишь къ нему относимыя (срв. стр. 163). А потому въ этихъ предложеніяхъ названіе предмета, которому приписывается дѣйствіе, стоитъ не въ Имenит., а уже въ Дательномъ падежѣ, соотвѣтственно основному смыслу этого послѣдняго падежа. [1]) О другихъ безлич-

---

сказуемое *изъ почтенія* ставится во мн. ч., напр. у Писемскаго: «Да-съ,— отвѣчалъ Иванъ Иванычъ—прекрасная пѣсенка, да и *Юлія Владиміровна* прекрасно *изволятъ* пѣть» (Тюфякъ, гл. V).

[1]) Наука логики, имѣющая въ виду изучать не столько словесную сторону выраженій, сколько основные типы сужденій, пренебрегаетъ подобными варіаціями предложеній, ограничиваясь лишь случаями личныхъ предложеній. Старая, такъ называемая философская грамматика, опираясь на упрощенныя логическія нормы, старалась и въ этихъ, собственно без-

выхъ предложеніяхъ мы будемъ говорить въ концѣ настоящей главы. Отмѣтимъ еще, что сказуемое можетъ выражаться неизмѣняемыми глагольными образованіями—т наз. „глагольными частицами“, придающими выраженію особый семазіологическій нюансъ (срв. стр. 198).

Б. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно его родового понятія.

Этотъ типъ предложеній употребляется въ томъ случаѣ, когда требуется опредѣлить, что̀ такое называемый предметъ (напр. „лошадь—животное“). Въ этомъ случаѣ подлежащее представляетъ собою видовое понятіе, сказуемое же указываетъ то или другое родовое понятіе, къ которому говорящій относитъ видовое. Въ такихъ предложеніяхъ какъ подлежащее, такъ и сказуемое выражаются предметнымъ именемъ въ Именительномъ падежѣ, при чемъ въ составъ сказуемаго предметное имя входитъ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, который въ русскомъ языкѣ обычно опускается въ формѣ наст. времени (напр. „лошадь—животное“ вм. лошадь есть животное). Этотъ пропускъ возможенъ потому, что чрезъ это не происходитъ затрудненій для пониманія подобныхъ выраженій, такъ какъ въ живой рѣчи въ такихъ предложеніяхъ названіе родового понятія обычно произносится съ логическимъ удареніемъ и

личныхъ, предложеніяхъ открыть нормальныя подлежащее и сказуемое. Отсюда получались странные выводы, напр. что подлежащее кромѣ Именительнаго падежа можетъ иногда стоять въ Дат. (напр. *мнѣ* хочется—подлежащее *мнѣ*) и т. п., къ сожалѣнію и доселѣ нерѣдко повторяющіеся въ грамматическихъ руководствахъ. Въ этихъ послѣднихъ можно найти мнимые примѣры и для подлежащаго въ падежѣ Родит. (напр. «*много воды* утекло») и Творит. (напр. «имъ *хозяинъ съ женой* низко кланялись»); на самомъ дѣлѣ въ первомъ примѣрѣ подлежащимъ служитъ «много», лишь пополняемое словомъ «воды», а во второмъ подлежащимъ является «хозяинъ», распространенное дополненіемъ «съ женой», что̀ и вызвало употребленіе сказуемаго во множ. числѣ (т. е. согласованіе по смыслу).

отдѣляется иногда короткою паузой отъ названія опредѣляемаго предмета. Такой способъ произношенія является достаточнымъ для показанія того, что родовое понятіе въ подобнаго рода выраженіяхъ служитъ сказуемымъ, при чемъ упомянутый частичный пропускъ глагола не можетъ свидѣтельствовать о потерѣ сказуемымъ глагольнаго значенія, такъ какъ съ перемѣною времени выступаютъ и соотвѣтствующія глагольныя формы—былъ, буду, будешь и пр. [1]) А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ грамматикахъ глаголъ „быть" считается „связкою", чѣмъ какъ бы исключается изъ глагольнаго разряда словъ. На самомъ же дѣлѣ глаголъ „быть" въ разсматриваемыхъ случаяхъ несомнѣнно глаголъ съ глагольною флексіей и не имѣетъ такого признака, который могъ бы заставить видѣть въ немъ слово особой категоріи; онъ выражаетъ собою *актъ* нашей классификаціи, посредствомъ котораго предметъ зачисляется, и притомъ съ идеей времени, въ ту или другую родовую категорію. Такимъ образомъ глаголомъ *быть* здѣсь выражается извѣстное движеніе мысли, т. е. подобно глаголамъ въ предложеніяхъ перваго типа. Особенность же разсматриваемаго типа происходитъ отъ того, что глаголъ „быть" принадлежитъ къ тѣмъ глаголамъ, которые для полнаго выраженія сказуемаго требуютъ непремѣннаго присоединенія аттрибута изъ предметнаго имени (срв. *считаться*, *становиться*, *казаться* и др.), благодаря чему полная знаменательность ихъ со временемъ могла понижаться и принимать болѣе формальный характеръ. Такимъ образомъ, разсматриваемый типъ предложеній, равно какъ и слѣдующій, въ сущности представляетъ собою лишь отвѣтвленіе перваго.

Родовое названіе въ разсматриваемомъ типѣ предложеній не всегда ставится въ Имен. падежѣ, но при употребленіи глагола *быть* въ другихъ временахъ, а также при повелитель-

---

[1]) Система спряженія глагола «быть» составилась на почвѣ двухъ разныхъ корней—*es- и *bhū-.

номъ наклоненіи того же глагола, можетъ стоять и въ Творительномъ (N былъ учитель || N былъ учителемъ; будь учителемъ), правда — при нѣсколько особомъ оттѣнкѣ значенія; при перечисленныхъ же другихъ глаголахъ (т. е. *считаться* и проч.) Творит. падежъ сталъ уже почти во всѣхъ случаяхъ обязательнымъ. Сравненіе съ родственными языками и древнимъ состояніемъ самого русскаго языка показываетъ, что замѣна второго Именит. (т. е. предикативнаго) посредствомъ Творительнаго представляетъ собою сравнительно позднее явленіе и свидѣтельствуетъ о происшедшемъ въ предложеніи *процессѣ* „переразложенія", благодаря которому прежній предикативный аттрибутъ сталъ мыслиться какъ бы подъ категоріей обстоятельства образа дѣйствія, такимъ образомъ тѣснѣе сблизившись съ глаголомъ-сказуемымъ.

Во-вторыхъ, къ разсматриваемому типу можно отнести еще тѣ элементарныя предложенія, въ которыхъ на мѣстѣ сказуемаго стоитъ названіе самого предмета, а на мѣстѣ подлежащаго — указательное слово, которое при непосредственномъ указаніи предмета нерѣдко опускается, напр. „это — лошадь". Данная разновидность предложенія отличается отъ предыдущихъ того же типа большею конкретностью, такъ какъ тамъ предложенія служатъ для отнесенія названнаго предмета къ тому или другому родовому понятію и, слѣдовательно, представляютъ собою уже продуктъ отвлеченной мысли, тогда какъ здѣсь имѣющійся на лицо предметъ только еще получаетъ свое наименованіе. [1])

Упомянемъ наконецъ, что могутъ встрѣчаться такія предложенія, въ которыхъ повидимому подлежащее выражается

---

[1]) Всѣ заглавія книгъ въ сущности представляютъ собою эту же разновидность предложеній, т. е. самое заглавіе является сказуемымъ, а указательное слово опущено. Что это дѣйствительно такъ, мы убѣждаемся изъ случаевъ, гдѣ въ заглавіи еще сохранилось указательное слово; напр. Лѣтопись Нестора озаглавлена такъ: «*Се* повѣсти времяньныхъ лѣтъ».

любымъ словомъ въ любой формѣ, но въ этомъ случаѣ послѣднее непремѣнно мыслится какъ опредмеченное представленіе, почему на письмѣ нерѣдко заключается въ кавычки, напр. (при грамматическомъ разборѣ): „читаетъ“—глаголъ. [1])

В. Предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно качества.

Предложенія этого типа употребляются въ томъ случаѣ, когда требуется указаніе того или другого качества предмета, напр. волкъ—сѣръ. Въ этихъ предложеніяхъ подлежащимъ служитъ предметное имя въ Именительномъ падежѣ, а также неопредѣленное наклоненіе глагола, сказуемымъ же прилагательное или причастіе въ простой формѣ въ соединеніи съ глаголомъ *быть*, въ извѣстныхъ случаяхъ опускаемымъ; при этомъ отмѣтимъ то отличіе отъ предъидущаго типа, что здѣсь сказуемое необходимо согласуется съ подлежащимъ не только въ числѣ и падежѣ, но также и родѣ.

Предложенія, опредѣляющія качество подлежащаго, по внѣшнему своему составу сходны съ предъидущимъ типомъ, а по внутреннему сходству нерѣдко съ первымъ или изображающимъ фактъ типомъ; послѣднее имѣетъ мѣсто въ случаѣ примѣненія въ данномъ оборотѣ отглагольныхъ прилагательныхъ (напр. „онъ хвастливъ“) и въ особенности причастій. Современный литературный русскій языкъ допускаетъ въ такихъ выраженіяхъ лишь причастія страдат. залога, напр. „онъ любимъ“, „онъ убитъ“, „онъ былъ убитъ“. Что касается причастій дѣйствительнаго и средняго залоговъ, то они въ настоящее время въ литературномъ языкѣ въ указанной роли не встрѣчаются, между тѣмъ какъ въ древней письменности мы находимъ примѣры такого ихъ употребленія, напр. „*сутъ*

---

[1]) Въ языкахъ, имѣющихъ членъ, при опредѣляемомъ словѣ будетъ поставленъ членъ, напр. по-нѣмецки: das «liest» ist Verbum.

хитро *сказающе*", „*бѣ* Кыевѣ *сѣдя*", „*бяху ловяще* звѣрь", въ настоящее же время отголоскомъ этихъ первоначально причастныхъ оборотовъ, является категорія дѣепричастій, служащихъ для образованія придаточныхъ предложеній. Единственнымъ современнымъ случаемъ, близко подходящимъ къ вышеприведеннымъ примѣрамъ изъ древняго языка, является простонародный оборотъ (не чуждый впрочемъ и литературному разговорному языку), гдѣ дѣепричастіе прош. врем. входитъ въ составъ сказуемаго, напр. „онъ—*выпивши*", „онъ *былъ уставши*", „онъ *былъ не выспавшись*" и т. п. Наконецъ, причастныя формы прош. вр. на *-лъ* въ соединеніи съ глаголомъ наст. вр. „есмь" и проч. стали служить для передачи прошедшаго времени глаголовъ, при чемъ самый причастный оттѣнокъ уже утратился и выраженіе стало просто временною формою глагола, которая затѣмъ утратила и вспомогательный глаголъ; такимъ образомъ, временное глагольное значеніе, передававшееся ранѣе двумя словами, сосредоточилось въ одномъ словѣ причастнаго происхожденія („пришьлъ есть"→ пришелъ). Вмѣстѣ съ этою замѣною и самое предложеніе, первоначально относившееся къ третьему типу, перешло въ первый, т. е. стало служить для обозначенія факта, что и подтверждаетъ высказанное выше замѣчаніе объ особенной близости по смыслу этихъ двухъ типовъ.

Какъ въ предложеніяхъ перваго типа, такъ и въ разсматриваемомъ типѣ кромѣ *личнаго* оборота встрѣчается *безличный* способъ выраженія и съ такимъ же различіемъ въ оттѣнкѣ значенія, напр. я веселъ || мнѣ весело. Первое выраженіе прямо указываетъ, каковъ самъ субъектъ (самъ по себѣ субъектъ веселъ), тогда какъ второе выраженіе показываетъ только, что качество или признакъ веселости присутствуетъ у даннаго лица, независимо отъ него самого. Нерѣдко безличныя выраженія съ прилагательнымъ имѣютъ параллельные обороты съ личнымъ глаголомъ (что опять свидѣтельствуетъ о внутренней связи данныхъ типовъ предложеній), напр. мнѣ

грустно || я грустенъ или я грущу; при этомъ личное глагольное выраженіе показываетъ, что субъектъ самъ проявляетъ свое душевное состояніе, тогда какъ безличное выраженіе лишь констатируетъ, что у субъекта существуетъ такое состояніе. Какъ мы видимъ, въ безличныхъ оборотахъ прилагательное-сказуемое является съ окончаніемъ средняго рода, но уже не по согласованію съ подлежащимъ, а самостоятельно, какъ бы указывая на безличность. [1])

Установивъ основные типы простыхъ нераспространенныхъ предложеній, мы представимъ ихъ образцы въ нотномъ обозначеніи, чтобы показать *обычную* ихъ интонацію: [2])

Братъ не спитъ. Ло-шадь жи-вот-но-е. Волкъ сѣръ.

Какъ мы видимъ, во всѣхъ этихъ примѣрахъ начало предложенія, т. е. подлежащее, значительно выше конца, т. е. сказуемаго. [3])

Мы ознакомились съ тремя основными типами предложеній, которые зависятъ отъ характера признаковъ, приписы-

---

[1]) Разсмотрѣнные нами три основныхъ типа простыхъ предложеній, благодаря элементарности, усваиваются дѣтьми раньше вступленія ихъ въ обычную рѣчь, т. е. до трехлѣтняго возраста; впрочемъ, что касается второго типа, то въ дѣтской рѣчи чаще всего примѣняется вторая изъ указанныхъ нами разновидностей его.

[2]) Замѣтимъ, что знакъ ∿∿ помѣщенный надъ нотою показываетъ, что тонъ нѣсколько выше этой ноты; будучи же помѣщенъ подъ нотою, показываетъ, что тонъ нѣсколько ниже; знакъ соединенія служитъ для обозначенія glissando; длительность осталась не отмѣченною.

[3]) Такое же движеніе тона, т. е. пониженіе, мы наблюдаемъ и въ томъ случаѣ, когда въ предложеніяхъ перваго типа подлежащему предшествуетъ сказуемое-глаголъ, напр.: «Подулъ вѣтеръ». Иногда можетъ показаться, что и здѣсь подлежащее произносится выше сказуемаго, но это происходитъ только въ томъ случаѣ, когда данная фраза ждетъ продолженія въ видѣ другихъ однородныхъ, либо придаточныхъ предложеній, напр.: «Подулъ вѣтеръ, зашумѣли деревья, полилъ дождь...»; «Подулъ вѣтеръ, нагоняя тучи».

ваемыхъ субъекту. Но кромѣ этой *объективной* стороны, соотвѣтствующей міру представляемой мыслью дѣйствительности, можетъ быть при каждомъ изъ трехъ типовъ еще моментъ *субъективный*, въ зависимости отъ того, представляетъ ли высказываемое чистую мысль (прямую, или же вопросную), мысль, усложненную чувствованіями, или же желаніемъ и волей. Такимъ образомъ, каждый изъ трехъ типовъ можетъ являться въ трехъ видахъ; такъ, предложенія „я читаю" или „читаешь ли ты?" обозначаютъ двѣ варіаціи чистой мысли, соотвѣтствующей совершающемуся въ дѣйствительности дѣйствію; предложеніе „ну, и читаешь же!" предполагаетъ уже участіе эмоціональнаго момента; въ предложеніи „почиталъ бы я!" мысль представляется желаемой, а въ предложеніи „читай!"—требуемою. И такъ, у насъ получается подраздѣленіе каждаго изъ трехъ основныхъ типовъ предложеній на виды: 1) *повѣствовательный*, 2) *восклицательный* и 3) *желательный* и *повелительный*. Всѣ эти виды отличаются между собою отчасти наклоненіями въ глаголѣ-сказуемомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибавляемыми частицами и, наконецъ,—различнымъ движеніемъ интонаціи.

Что касается перваго случая, т. е. предложеній повѣствовательныхъ, то мы уже разсмотрѣли ихъ въ ихъ главныхъ типахъ. Теперь мы должны прибавить, что эти предложенія могутъ служить не только для указанія на дѣйствительное явленіе (*утвердительныя* предложенія), но и для выраженія отсутствія его (*отрицательныя* предложенія), что достигается присоединеніемъ къ утвердительной формѣ отрицательной частички *не*. [1]) Кромѣ обыкновенной или повѣствовательной

[1]) Здѣсь отмѣтимъ особенность русскаго языка, допускающаго при глаголѣ отрицательномъ мѣстоименія отрицательныя, напр. «я *ничего не видѣлъ*». Эту особенность встрѣчаемъ и въ ближайше родственномъ съ славянскими языкѣ литовскомъ; другіе языки въ такомъ случаѣ допускаютъ только одно отрицаніе.

формы можетъ быть еще *вопросительная*. Эта послѣдняя вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ или другой членъ мысли-предложенія можетъ быть неизвѣстенъ; чтобы спросить о немъ и употребляется особая вопросительная форма. Вопросъ можетъ касаться того или другого члена въ предложеніи; при этомъ будетъ естественно разница въ способѣ обозначенія вопроса смотря по тому, долженъ ли относиться послѣдній къ подлежащему или же къ сказуемому; напр. для повѣствовательнаго предложенія „лошадь идетъ" могутъ быть вопросительныя предложенія: 1) „*кто* идетъ?" (вопросъ для подлежащаго) и 2) „*что̀ дѣлаетъ* лошадь?" (вопросъ для сказуемаго). Кромѣ того могутъ быть вопросы другого рода, такъ сказать—для удостовѣренія: 1) лошадь ли идетъ? 2) идетъ ли лошадь? Мы видимъ, что въ послѣднемъ случаѣ порядокъ словъ въ предложеніи имѣетъ существенное значеніе: слово, относительно котораго желаемъ удостовѣриться, занимаетъ первое мѣсто и сопровождается частицею *ли*; кромѣ того здѣсь соотвѣтственно видоизмѣняется и интонація. Даже одной послѣдней иногда бываетъ достаточно, чтобы повѣствовательное предложеніе превратилось въ удостовѣрительно-вопросительное, напр. „лошадь идетъ"? при чемъ усиленная интонація можетъ приходиться или на подлежащее или на сказуемое, смотря по тому, относительно котораго изъ этихъ членовъ предложенія желаемъ удостовѣриться. Говоря о вопросительной формѣ, нужно указать на *отвѣтную*, въ которой могутъ быть опущены всѣ слова кромѣ того, которое собственно относится къ отвѣту, независимо отъ синтаксической роли этого слова. [1])

В о с к л и ц а т е л ь н ы й видъ предложеній обыкновенно содержитъ восклицательную частицу (напр. ахъ! о! и т. п.)

---

[1]) Въ виду того, что живая рѣчь изобилуетъ такими отвѣтными недосказываемыми предложеніями, я не могу согласиться съ тѣми педагогами, которые съ величайшею педантичностью требуютъ отъ дѣтей полныхъ отвѣтовъ, не допуская какихъ-либо сокращеній; этимъ, думается мнѣ, они отучаютъ ребенка отъ естественнаго языкового чутья.

или вообще слово, могущее выполнять подобную функцію (напр. какой, какъ), а кромѣ того имѣетъ свое характерное движеніе тона, срв. напр.: „ахъ, какъ я усталъ!“

Предложенія, передающія не фактъ дѣйствительности, а желаніе или требованіе, нуждаются (какъ мы уже указывали на стр. 175—176) для своего выраженія въ другомъ наклоненіи глагола-сказуемаго: въ случаѣ желанія употребляется *сослагательное* наклоненіе, напр. „поигралъ бы я!“ [2])

а въ случаѣ требованія или просьбы—*повелительное*, напр. „читай!“

Типы эти по самой своей природѣ не способны къ вопросительной формѣ. [3]) Что касается повелительнаго типа предло-

---

[1]) Интонація «ахъ!» иногда представляетъ glissando.

[2]) Въ древне-русскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ прибавлялась не безразличная частица *бы*, но глагольная форма соотвѣтствующаго лица, напр. «рѣша отче братья умножаются а *хотѣли быхомъ* поставити манастырь» (Лавр. лѣтоп. подъ 1051 г.).

[3]) Въ такихъ вопросительныхъ предложеніяхъ, имѣющихъ смыслъ рѣшительнаго повелѣнія, какъ «уйдешь ли ты отсюда?» и т. п., сказуемое выражено въ формѣ не повелительнаго, а изъявительнаго наклоненія буд. вр.; съ присоединеніемъ отрицанія такія выраженія получаютъ вѣжливо-просительный характеръ, напр., «не подвинитесь ли немного?»

женій, то при глаголѣ-сказуемомъ во второмъ лицѣ повелительнаго наклоненія подлежащее (соотвѣтствующее личное мѣстоименіе) обычно подразумѣвается, иногда же выражается именемъ предмета въ формѣ Зват. падежа; въ послѣднемъ случаѣ такое подлежащее называется въ грамматикахъ *обращеніемъ* и отдѣляется отъ сказуемаго паузою—въ произношеніи и запятою (иногда знакомъ восклицанія)—на письмѣ. Разсматриваемый типъ предложенія кромѣ повелѣнія служитъ также *для* выраженія просьбы какъ обыкновенной, такъ и ласковой; въ случаѣ ласковой просьбы нерѣдко обращеніе выражается уменьшительнымъ или ласкательнымъ именемъ, а къ глагольной формѣ можетъ присоединиться частица *-ка*, самое же выраженіе сопровождается соотвѣтствующей интонаціей. Повелительное наклоненіе съ присоединеніемъ къ глаголу отрицанія получаетъ смыслъ запрещенія, напр. „не шуми!“ [1]) а сослагательное съ присоединеніемъ отрицанія выражетъ отговариваніе отъ предполагаемаго дѣйствія, напр. „не ходилъ бы ты лучше!“

Къ какому бы изъ разсмотрѣнныхъ типу или виду ни относилось предложеніе, оно при томъ же сочетаніи словъ можетъ путемъ измѣненія интонаціи получать разнобразные оттѣнки, напр. восклицанія, удивленія, угрозы, сожалѣнія и т. д. Подъ вліяніемъ эмоцій измѣняется также и темпъ рѣчи. Такимъ образомъ живая рѣчь пользуется для передачи оттѣнковъ настроенія говорящаго не только опредѣленными сочетаніями словъ (какъ въ нераспространенныхъ, такъ и рас-

---

[1]) Существуетъ особый видъ повелительныхъ предложеній, въ которыхъ повелѣніе выражено одною «общею формою» глагола (т. наз. неопредѣленнымъ наклоненіемъ), напр «молчать!» «не смѣть!» и т. п., для выраженія категорическаго требованія. По всей вѣроятности, такія выраженія явились результатомъ сокращенія цѣлаго предложенія, въ родѣ: «приказываю молчать», «ты долженъ молчать» и т. п. Такія сокращенія мы встрѣчаемъ еще въ старомъ русскомъ языкѣ, напр. въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича и еще раньше въ грамотахъ.

пространенныхъ предложеніяхъ), но также соотвѣтствующимъ измѣненіемъ тембра и тона голоса, усиленіемъ или ослабленіемъ его, а также замедленіемъ или ускореніемъ темпа рѣчи и наконецъ удлиненіемъ ударяемаго гласнаго въ подчеркиваемомъ словѣ; сюда же относятся и паузы. Къ сожалѣнію, все разнообразіе оттѣнковъ, получаемыхъ такимъ образомъ въ нашей рѣчи, пока еще—можно сказать—совершенно не изучено и даже считается нѣкоторыми лингвистами элементомъ „не-грамматическимъ" въ нашей рѣчи; но очевидно, что этотъ терминъ представляетъ пережитокъ прежнихъ лингвистическихъ воззрѣній на языкъ, когда имѣлась въ виду письменная его передача, а не живое произношеніе въ полной его конкретности. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду именно послѣднее, то для иллюстраціи этой стороны произношенія мы укажемъ на нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій. Въ предложеніи повѣствовательномъ обыкновенно средняя высота тона держится приблизительно на одномъ уровнѣ, понижаясь въ самомъ концѣ предложенія. [1]) Въ предложеніи вопросительномъ мѣсто наибольшаго повышенія голоса опредѣляется тѣмъ словомъ, на которомъ сосредоточена сила вопроса; отвѣтныя же предложенія по движенію тона подходятъ вобще къ повѣствовательнымъ. Предложенія восклицательныя представляютъ большое разнообразіе въ повышеніи и пониженіи тона въ зависимости отъ мѣста логическаго ударенія (напр. въ фразѣ „ахъ, какъ я усталъ!" тонъ можетъ или понижаться отъ начала къ концу, или же приходиться на томъ или другомъ подчеркиваемомъ словѣ предложенія). Что касается варіацій въ темпѣ рѣчи, то въ качествѣ примѣра можно указать на быстро-энергичную гнѣвную рѣчь и на торопливую радостную; при рѣшительныхъ требованіяхъ или выговорахъ рѣчь можетъ принимать медленно-размѣрен-

---

[1]) Въ малорусскомъ нарѣчіи тоническое различіе оказывается болѣе замѣтнымъ; тамъ обычно повѣствовательная фраза начинается относительно высоко, но затѣмъ тонъ падаетъ на среднюю ступень и еще разъ понижается въ концѣ фразы.

ный характеръ. Иллюстраціей удлиненій въ словахъ могутъ служить слѣдующіе примѣры, представляющіе варіаціи одного и того же предложенія: „а на горахъ—ту*маа*нъ!“; „а туманъ как*оо*й, ту*маа*нъ, просто дышать нельзя“. При переспрашиваніи же слово „туманъ?“ было произнесено уже совершенно иначе: ударенный слогъ, кромѣ значительнаго повышенія тона, былъ выговоренъ энергично и кратко; именно такое энергичное staccato и придало характеръ вопроса нашему слову, хотя при немъ и не было употреблено никакихъ вопросительныхъ словечекъ. Въ заключеніе прибавимъ, что общеупотребительное письмо лишь въ слабой степени (напр. при помощи знаковъ препинанія) можетъ намекать на особенности живой рѣчи въ ея разнообразныхъ нюансахъ и модуляціяхъ; этотъ недостатокъ письменной передачи заставляетъ писателей прибѣгать при воспроизведеніи разговоровъ къ указаніямъ характера произнесенія и эмоціональнаго состоянія говорящаго.

Въ заключеніе мы остановимся на проявленіяхъ экономическаго фактора въ жизни простого нераспространеннаго предложенія, именно на случаяхъ *подразумѣваемости*. Здѣсь нужно различать случаи временнаго и постояннаго опущенія того или другого члена въ предложеніи.

Что касается временнаго подразумѣванія въ живой рѣчи, то сюда принадлежатъ тѣ нерѣдкіе случаи, когда тотъ или другой членъ предложенія опускается, если онъ самъ собою ясенъ по условіямъ разговора, напр. пропускъ подлежащаго-обращенія въ повелительномъ предложеніи. Возьмемъ еще другой примѣръ: если кто-нибудь пришелъ, то обыкновенно докладывающій объ этомъ называетъ одно только подлежащее, напр. „полковникъ Скалозубъ!“ („Горе отъ ума“).

Въ рядѣ случаевъ подразумѣваніе имѣетъ болѣе или менѣе постоянный характеръ: 1) подразумѣваніе подлежащаго—*личнаго мѣстоименія*, напр. пишу Вамъ эти строки и т. д. 2) подразумѣваніе сказуемаго—*глагола „быть“ въ наст. врем.*,

напр. „время—деньги, знаніе—богатство". Тире указываетъ на пропускъ и паузу.

На почвѣ подразумѣваемости возникли и одночленныя *безличныя* предложенія, которыя могутъ соотвѣтствовать всѣмъ тремъ типамъ простыхъ нераспространенныхъ предложеній, напр. „морозитъ", „морозъ!" „морозно!" Эти предложенія состоятъ только изъ одного члена, другой же остается по той или другой причинѣ не названнымъ и какъ бы подразумѣвается въ названномъ членѣ. Что касается перваго случая („морозитъ"), то по всей вѣроятности онъ возникъ на почвѣ предложеній, состоявшихъ изъ однокоренныхъ существительнаго-подлежащаго и глагола-сказуемаго (т. е. „морозъ морозитъ"), или на почвѣ предложеній, въ которыхъ хотя подлежащее и сказуемое выражались разнокоренными словами, но сказуемое примѣнялось обыкновенно къ данному подлежащему (срв. „дождь мороситъ"→„мороситъ"). Если же глаголъ-сказуемое былъ другого корня и легко сочетался съ разнообразными подлежащими, то понятно, что опущенія подлежащаго въ этомъ случаѣ уже не могло произойти, срв. выраженіе „дождь идетъ" и т. п. Что это такъ, видно изъ другихъ языковъ нашего семейства, гдѣ для даннаго выраженія имѣются однокоренныя существительное и глаголъ и гдѣ находимъ поэтому уже безличныя выраженія (срв. лат. pluvia || pluit, франц. la pluie || il pleut, нѣм. der Regen || es regnet), при чемъ хотя во французскомъ и нѣмецкомъ и находимъ кажущееся подлежащее-мѣстоименіе, но оно понизилось въ своей знаменательности до роли формальнаго элемента. Правда въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не смотря на наличность однокоренныхъ существительнаго и глагола, употребляемъ двучленныя предложенія, напр. „громъ гремитъ", но и въ этихъ случаяхъ возможенъ уже пропускъ подлежащаго. Второй случай безличныхъ выраженій („морозъ!") представляетъ собою одно подлежащее съ пропускомъ легко подразумѣваемаго сказуемаго (напр. „морозъ!" ← „морозъ насталъ").

Третій случай представляетъ собою сказуемое, подлежащимъ къ которому служитъ наблюдаемое явленіе природы. Нужно еще прибавить, что подразумѣваемость вообще легко ведетъ къ *видоизмѣненію значенія*, къ перемѣнѣ чутья формы. Это особенно ясно видно на такихъ безличныхъ выраженіяхъ именного происхожденія, какъ „жаль" (собственно—сущ.), „можно", „нужно" (прил.), которыя теперь являются для чутья уже глаголами или глагольными частицами, благодаря подразумѣваемому глаголу „есть" (срв. прош. вр. „жаль было", „нужно было"), почему въ нѣкоторыхъ грамматикахъ даже и зачисляются прямо въ отдѣлъ безличныхъ глаголовъ.

Анализируя далѣе *собственно глагольныя* безличныя выраженія, мы можемъ въ нихъ выдѣлить слѣдующіе случаи: 1) дѣйствіе относится къ людямъ, при чемъ по-русски ставится глаголъ въ 3 л. множ. числа (по-франц. *on*, по-нѣм. *man*), напр. „читаютъ", „ходятъ" (срв. въ Лавр. лѣт. стр. 7— „якоже *сказаютъ*"), во 2 ед. изъяв. или повел. (напр. „тише ѣдешь, дальше будешь", „куда ни кинь, вездѣ клинъ"), а также въ неопред. накл. („не пить до дна, не видать добра"); 2) дѣйствіе относится къ неодушевленной природѣ, при чемъ глаголъ становится въ 3 л. един. числа (франц. *il*, нѣм. *es*), а въ прош. вр. въ неродовой формѣ, напр. „морозитъ", „морозило"; срв. Лавр. лѣт. подъ 946 г.: „и повелѣ ольга яко *смерчеся* (=какъ смерклось) пустити голуби... и не бѣ двора идеже не *горяше*", 3) безличныя глагольныя выраженія въ 3 л. ед. ч. съ *-ся*, обыкновенно служащія для обозначенія настроенія, какъ напр. „мнѣ хочется", о которыхъ уже говорилось выше.

Примѣчаніе. Синтаксическій строй языка, подобно морфологическому и фонетическому, тоже измѣняется въ теченіе времени. Въ русской лингвистической литературѣ были попытки открыть основной законъ измѣненія синтаксической стороны языка, при чемъ указывалось (проф. Потебня) на усиленіе глагольности и сказуемости въ предложеніи на счетъ субстантивности. Это обобщеніе мнѣ кажется однакожъ *одностороннимъ*; ибо, если дѣйствительно и встрѣчаемъ случаи расширенія глагольности и

сказуемости, напр. при образованіи безличныхъ выраженій (срв. «жаль» и др.), неопредѣленнаго наклоненія и т. п., то съ другой стороны можно указать не менѣе фактовъ, доказывающихъ также и развитіе субстантивности (срв. переходъ прилагательныхъ и иногда даже причастій въ категорію существительныхъ, возможность образованія къ каждому глаголу именного названія дѣйствія, возможность опредмеченія даже цѣлыхъ предложеній и т. п.), а мы уже указывали на тѣсную связь членовъ предложенія съ частями рѣчи въ извѣстныхъ формахъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ развитіи языка существуетъ то и другое теченіе и оба они необходимы, что̀ конечно не исключаетъ того, что они могутъ получать своеобразныя черты на почвѣ отдѣльныхъ языковъ; при этомъ обѣ категоріи, т. е. субъекта и предиката, сохраняются въ языкѣ, какъ необходимыя. Съ другой стороны, какъ простое предложеніе, такъ и сложное, подвергаются въ своемъ развитіи извѣстному намъ процессу «переразложенія», срв. развитіе обстоятельственныхъ словъ разнаго рода, возникновеніе предлоговъ изъ нарѣчій, переходъ въ сложныхъ союзахъ указательно-мѣстоименнаго элемента изъ главнаго предложенія въ придаточное. Всѣ эти преобразованія однако не служатъ показателемъ расширенія или же убыли какой либо синтаксической функціи; кажущаяся убыль восполняется новымъ языковымъ творчествомъ.

Глава XIII.

Распространеніе простого предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что простѣйшее предложеніе, состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго, выражаетъ собою расчлененіе одного цѣлостнаго представленія. При этомъ одно и то же представленіе можетъ быть расчленено весьма различнымъ образомъ въ зависимости отъ того, на какой особенности предмета или явленія фиксировалось наше вниманіе, напр. созерцаніе одной и той же липы можетъ дать поводъ къ возникновенію цѣлаго ряда простѣйшихъ предложеній, напр. „липа цвѣтетъ", „липа высока", „липа—дерево" и т. п. Такъ какъ каждое наше представленіе связывается со сходными элементами всего предшествующаго опыта, то это обстоятельство можетъ безгранично расширять область выраженій мысли посредствомъ отдѣльныхъ предложеній. При этомъ каждое такое расчлененіе мысли можетъ въ свою очередь распадаться на новые болѣе частные элементы, а это ведетъ къ тому, что подлежащее и сказуемое, соотвѣтствующія главнымъ расчлененіямъ и потому называемыя *главными* членами предложенія, могутъ получать, въ зависимости отъ усложненія мысли, разнаго рода опредѣленія, которыя уже будутъ представлять собою *второстепенные члены предложенія*. Эти послѣдніе распадаются на двѣ группы: 1) собственно *опредѣле-*

нія (или *аттрибуты*), указывающія признаки, существующіе въ предметныхъ представленіяхъ и въ представленіяхъ дѣйствій, напр. „*эта большая* лошадь *быстро* бѣгаетъ", 2) *дополненія*, указывающія новыя предметныя, а также глагольныя представленія, которыми распространяется предложеніе, при чемъ первыя выражаются тѣмъ или другимъ косвеннымъ падежомъ, а вторыя неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что опредѣленіями могутъ быть части рѣчи съ собственнымъ значеніемъ, но не имѣющія самостоятельности, а дополненіями являются склоняемыя самостоятельныя части рѣчи съ полнымъ собственнымъ значеніемъ, а также неопредѣленное наклоненіе глагола. Опредѣлительныя слова, относящіяся къ предметному представленію, согласуются съ его названіемъ. Опредѣлительнымъ словомъ можетъ быть и имя существительное, напр. „*городъ* Казань", при чемъ, смотря по ходу представленій, оно или предшествуетъ опредѣляемому, или же слѣдуетъ за нимъ (въ послѣднемъ случаѣ оно называется *приложеніемъ*).[1]) Опредѣлительными словами дѣйствій служатъ нарѣчія прилагательнаго происхожденія, обыкновенно оканчивающіяся на *-о*; ихъ отличаютъ названіемъ *обстоятельственныхъ словъ*. Что касается дополненій, то они представляютъ два случая, смотря по тому, выражаются ли склоняемымъ словомъ или же неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Иногда склоняемое слово, будучи дополненіемъ, пріобрѣтаетъ смыслъ нарѣчія, особенно при обозначеніяхъ мѣста, времени и способа дѣйствія, и тогда оно становится обстоятельственнымъ словомъ (напр. *сегодня вечеромъ* я пойду *домой*).

---

[1]) Обыкновенно въ рѣчи приложеніе ставятъ лишь для перваго поясненія того или другого новаго только-что названнаго предмета, въ дальнѣйшемъ же оно употребляется уже не въ формѣ приложенія, но опредѣленія: срв. у Карамзина: «При Василіѣ II, Темномъ, *сынъ и наслѣдникъ Василія I*, произошли большіе раздоры въ Золотой Ордѣ»; «Въ такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ нашему отечеству государь осторожный, но твердый: таковъ былъ Іоаннъ III, *сынъ и наслѣдникъ Василія II, Темнаго*.

Можно думать, что определенія въ генетическомъ отношеніи вышли изъ самостоятельныхъ простыхъ предложеній съ именнымъ сказуемымъ; такъ, напр., предложеніе „это слово *мнѣ не понятно*“ можетъ послужить основаніемъ для новой, уже болѣе сложной фразы въ родѣ: „*непонятное мнѣ* слово имѣетъ слѣдующій смыслъ“. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ основныхъ процессовъ синтаксической эволюціи языка— *развитіе аттрибутивности въ предложеніи на почвѣ предварительной предикативности*, представляющее естественный для ума переходъ отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ синтаксическимъ построеніямъ; процессъ этотъ, не исключающій однако собою расширеній также въ области предикативности, однороденъ съ морфологическимъ процессомъ послѣдовательнаго наращенія словъ суффиксами и префиксами, а также съ процессомъ возникновенія сложныхъ словъ (срв. также примѣчаніе на стр. 224—225).

Перейдемъ теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію дополнительныхъ второстепенныхъ членовъ предложенія, выражаемыхъ какъ падежными формами, такъ и неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Замѣтимъ здѣсь, что употребленіе глаголовъ въ соединеніи съ тѣмъ или другимъ падежомъ представляетъ собою вовсе не *управленіе* глагола именемъ, а лишь *сочетаніе* глагола съ извѣстною падежною формою, вызванное *обоюднымъ соотвѣтствіемъ* ихъ при выраженіи данной мысли. Срв. напр. сочетаніе „одарить чѣмъ-л.“: здѣсь простой глаголъ соединенъ съ префиксомъ *о-*, выражающимъ окруженіе посредствомъ чего-л.; съ другой стороны имѣется форма Твор. падежа, указывающая, что данный предметъ выступаетъ въ качествѣ орудія или средства; это взаимное соотвѣтствіе значенія и привело къ данному словосочетанію.

Разсматривая употребленіе падежныхъ формъ, нужно различать употребленіе падежей безпредложное и съ предлогомъ. Мы уже знаемъ, что если падежная форма состоитъ изъ слова и предлога, то предлогъ становится такою же *необходимою*

частью формы, какъ и окончанie; поэтому когда имѣется падежная форма безъ предлога и та же форма съ предлогомъ, то семазiологически это будутъ особые падежи. Такъ, напр., въ выраженiяхъ—видъ *города* || идти *отъ города*—семазiологически имѣются разные падежи: въ первомъ случаѣ—*Родит.* падежъ, во второмъ—*Исходный*, при чемъ предлогъ считается фрмальнымъ элементомъ падежа. [1]) Обратимся теперь къ болѣе частному разсмотрѣнiю семазiологическихъ оттѣнковъ падежныхъ формъ, употребляющихся въ качествѣ второстепенныхъ членовъ предложенiя.

Винительный падежъ. Какъ мы уже знаемъ, *Винит.* падежъ въ предложенiи является дополненiемъ къ переходному глаголу, указывая на непосредственный объектъ глагольнаго дѣйствiя; такое дополненiе называется прямымъ. Съ перемѣною же дѣйствительнаго оборота на страдательный Винит. падежъ мѣняется на Именит. (срв. отецъ далъ *книгу* || *книга* дана отцомъ). При такомъ превращенiи прямого или дѣйствительнаго типа предложенiя въ обратный или страдательный измѣненiе, касаясь Именит. и Винит. падежа, не касается другихъ косвенныхъ падежей, которые могутъ остаться попрежнему (срв. отецъ далъ книгу *сыну* || книга дана отцомъ *сыну*). Кромѣ того, Вин. падежъ можетъ служить дополненiемъ при глаголахъ какъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ, для показанiя *времени*, въ продолженiе котораго совершается дѣйствiе, или *пространства*, которое проходятъ, проѣзжаютъ и т. п.; очевидно, въ этомъ случаѣ время и пространство представляются какъ непосредственный объектъ дѣйствiя (напр. я шелъ *версту* пѣшкомъ; я читалъ цѣлый *часъ*). Подобнымъ же процессомъ, какъ мы указывали при разсмотрѣнiи зало-

---

[1]) Школьная грамматика ошибочно видитъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же Родит. падежъ; это происходитъ отъ того, что она искусственно отрываетъ падежную форму отъ предлога и толкуетъ послѣднюю какъ бы безпредложную.

говъ глагола, нѣкоторые предложные глаголы, происходящіе отъ среднихъ, получаютъ дѣйствительное значеніе и сочиняются съ Вин. падежомъ, напр. „проходить площадь". Форма Винит. падежа въ соединеніи съ разными предлогами, получаетъ рядъ другихъ оттѣнковъ значенія; такъ, напр., находясь при глаголахъ движенія (переходныхъ или непереходныхъ) данная форма, смотря по предлогу, будетъ указывать или на то, что движеніе субъекта направлено во внутренность предмета („ѣду *въ* деревню"), или на переходъ дѣйствія субъекта за предметъ („ѣду *зá*-городъ") и пр.; при глаголахъ мышленія и рѣчи форма Вин. падежа въ соединеніи съ предлогомъ *про* получаетъ значеніе объяснительное, т. е. указываетъ тотъ объектъ, которымъ занята мысль подлежащаго (напр. думаю *про* урокъ).

Родительный падежъ. Подобно тому какъ глагольное представленіе переходнаго дѣйствія распространяется Винительнымъ падежомъ, такъ наиболѣе обычнымъ распространеніемъ именного представленія служитъ *Родительный* падежъ другого существительнаго въ смыслѣ опредѣленія или дополненія; чрезъ прибавленіе Род. падежа именное понятіе становится болѣе опредѣленнымъ, напр. „домъ *отца*" (исключаются возможности — домъ брата, друга и т. п.). [1]) При этомъ Родит. падежъ можетъ получать разнообразные оттѣнки значенія, въ зависимости отъ характера сочетающихся именныхъ представленій; такъ, напр., онъ можетъ служить для опредѣленія принадлежности („домъ *отца*"), разнаго рода качества („человѣкъ

---

[1]) Въ выраженіяхъ такого рода Родит. падежъ существительнаго можетъ по смыслу замѣняться соотвѣтствующимъ прилагательнымъ притяжательнымъ, напр. «*отцовъ* домъ»; однако въ первомъ выраженіи именное понятіе можетъ быть опредѣлено еще точнѣе чрезъ прибавленіе прилагательнаго или мѣстоименія къ Родит. падежу существительнаго, напр. «домъ моего добраго отца», тогда какъ второй случай не допускаетъ такихъ болѣе опредѣленныхъ указаній, благодаря наличности лишь одного существительнаго.

пожилыхъ лѣтъ", „высокаго роста", „мягкаго характера и т. п.), матеріала („свѣча *воску яраго*"), класса предметовъ при названіяхъ собирательныхъ и количественныхъ („стадо *свиней*") и т. д.

Примѣчаніе. Иногда приходится предложеніе измѣнять такимъ образомъ, что вмѣсто глагола подставляется отглагольное существительное, напр. «братъ *читаетъ*» || «*чтеніе* брата мнѣ нравится»; въ этомъ случаѣ Родит. падежъ существительнаго обозначаетъ субъекта дѣйствія. Но если глаголъ имѣетъ при себѣ прямое дополненіе, напр. «читаетъ *книгу*», то при упомянутой замѣнѣ глагола названіе объекта дѣйствія ставится также въ Родит. падежѣ—«чтеніе *книги*. Если же при глаголѣ указаны и субъектъ, и объектъ дѣйствія, напр. «*братъ* читаетъ *книгу*», то въ именномъ оборотѣ не могутъ быть допущены два Родительныхъ въ различномъ значеніи (субъектномъ и объектномъ), а только одинъ—для названія объекта, при чемъ названіе субъекта ставится въ Творит. падежѣ по образцу (по аналогіи) страдательной конструкціи, напр. «чтеніе *книги братомъ* идетъ успѣшно». Срв. сноску на стр. 142.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и переходные глаголы могутъ распространяться дополненіемъ въ Родит. падежѣ, напр. „я принесъ *воды*" и т. п. Здѣсь примѣненіе Родит. падежа нужно объяснить аналогіей къ выраженіямъ, обозначающимъ количество (срв. ведро воды, много воды и т. д.). То, что во взятомъ нами примѣрѣ Род. падежъ дѣйствительно зависитъ отъ подразумѣваемой идеи количества, слѣдуетъ изъ того, что при отсутствіи ея употребляется уже не Род., а Вин. падежъ, срв. „я несу (принесъ) *воды*" || я несу (принесъ) *воду*"; во второмъ примѣрѣ идея количества уже отсутствуетъ. Дальнѣйшее расширеніе употребленія Род. падежа представляютъ случаи примѣненія этого падежа въ сферѣ уже не матеріальной, а духовной, срв. „спрашивалъ ея *мнѣнія*" (Писем. „Тюфякъ" гл. I).

При глаголахъ *лишать, лишаться, остерегаться* и т. п. форма Род. падежа можетъ разсматриваться не какъ Род., но какъ Исходный (отдалительный) падежъ, служащій для обозначенія того предмета, котораго лишаются, отъ котораго

удаляются; напр. „лишаю *наслѣдства*“, „остерегаюсь *простуды*“ и т. п.

Теперь не трудно понять употребленіе Род. падежа послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ съ *отрицаніемъ*, напр.: „я даю *деньги*“ || „я не даю *денегъ*“. Во второмъ случаѣ Род. падежъ сталъ употребляться по аналогіи съ такими случаями, какъ „лишаюсь наслѣдства“, такъ какъ частица *не* тоже имѣетъ смыслъ лишенія; кромѣ того, здѣсь можно принять и вліяніе аналогіи къ случаямъ Родит. частичнаго при глаголахъ съ отрицаніемъ, напр. „я не принесъ дровъ“, откуда такая конструкція стала распространяться и на другіе случаи переходныхъ глаголовъ съ отрицаніемъ, хотя бы именное представляніе и не допускало частичности. Примѣръ изъ древне-русскаго языка: „отъврьзи врата“ || „не отъврьзи вратъ“ (Житіе Θеодосія, XII в.)

Въ томъ случаѣ, когда сказуемымъ является прилагательное въ *сравнит. степени*, то оно можетъ быть распространено Родит. падежомъ предметной части рѣчи, напр. „онъ сильнѣе брата“; однакожъ и здѣсь, быть можетъ, правильнѣе будетъ видѣть не Родит. падежъ, а Исходный, формы которыхъ въ славянскихъ языкахъ смѣшались; высказанное предположеніе подтверждается между прочимъ сравненіемъ съ латинскимъ языкомъ, гдѣ послѣ сравнит. степени ставится именно Исходный падежъ (Ablativus). Что касается *превосходной степени*, то—къ какому бы члену предложенія ни относилась она—указаніе при ней родового представленія или класса предметовъ выражается въ русскомъ языкѣ посредствомъ формы Родит.-Исходнаго падежа съ предлогомъ *изъ*, напр. „храбрѣйшій изъ людей“.

Дательный падежъ. Когда въ предложеніи требуется въ качествѣ дополненія указать тотъ предметъ, для котораго совершается дѣйствіе, то въ этомъ случаѣ глагольныя и частію именныя названія распространяются *Дательнымъ* падежомъ,

напр.: „даю книгу *тебѣ*“. Въ случаѣ замѣны глагола отглагольнымъ существительнымъ Винит. падежъ, какъ мы знаемъ, долженъ замѣниться Родит. падежомъ, а Дат. падежъ остается безъ измѣненія: „даваніе книги *тебѣ*“. Дополненіе въ Дат. падежѣ встрѣчается еще при сложномъ сказуемомъ, въ составъ котораго входятъ нѣкоторыя существительныя, а также и при нѣкоторыхъ прилагательныхъ, напр. „онъ другъ моему отцу“, [1]) „это извѣстно мнѣ“, „это понятно намъ“ и т. д. Въ древне-русскомъ Дат. падежъ безъ предлога употреблялся еще въ названіяхъ городовъ на вопросъ *куда?* срв. „возвратися Киеву“ (Лавр. подъ 945 г.) и т. п., а кромѣ того являлся въ качествѣ *Дат. самостоятельнаго* при опредѣленіи времени или обстоятельствъ событія, напр. бывши нощи, полудьнию сущю, и т. п.

Творительный падежъ. Дополненіе къ глаголу или къ отглагольному существительному полагается въ *Творит.* падежѣ, когда требуется обозначить дѣйствующій предметъ въ страдательныхъ оборотахъ, напр. „сынъ наказывается *отцомъ*“, „наказываніе сына *отцомъ*“. Дополненіе въ Творительномъ падежѣ можетъ служить также для обозначенія орудія, которымъ совершается дѣйствіе, напр. „пишу *перомъ*“. Въ иныхъ случаяхъ Творит. падежъ пріобрѣтаетъ обстоятельственное значеніе, напр. „малина растетъ кустами“, „иду полемъ“ и т. п.; „придоша *ночью*“ (Лавр. подъ 1015 г.).

Особаго вниманія заслуживаетъ примѣненіе въ Творит. падежѣ существительныхъ и прилагательныхъ въ сложномъ сказуемомъ, въ составъ котораго входятъ такіе глаголы, какъ

---

[1]) Въ этомъ случаѣ можетъ быть употребленъ также Род. падежъ: «онъ другъ моего отца». Въ послѣднемъ случаѣ чрезъ прибавленіе Род. падежа становится болѣе ограниченнымъ (опредѣляется) представленіе «другъ»; въ первомъ же случаѣ Дат. падежъ относится не только къ слову «другъ», но вмѣстѣ и къ подразумѣваемому глаголу «есть», въ чемъ и заключается разница между сравниваемыми выраженіями.

—*звать, называть, считать, объявлять*.... *являться, казаться, называться, считаться, становиться* .... *быть, жить, рости, ходить, умереть*...; напр.: онъ называется Петромъ; я считаю тебя добрымъ; быть битымъ; сидѣть сиднемъ; и т. д.; „поставленъ бысть *презвутеръмь*“ (Житіе Ѳеодосія, XII в.). Не трудно видѣть, что въ предложеніяхъ такого рода составное сказуемое выражаетъ не только дѣйствіе, но и способъ его проявленія въ признакахъ, указываемыхъ Творит. падежомъ существительнаго или прилагательнаго. Въ другихъ языкахъ въ такихъ предложеніяхъ вмѣсто Творит. падежа ставится Именит. или же Винит., т. е. въ согласованіи съ падежомъ подлежащаго или прямого дополненія (двойной Именит. можно встрѣтить и въ современномъ русскомъ языкѣ, тогда какъ двойной Винит.—только въ старомъ языкѣ, срв. Лавр. лѣтоп. подъ 945 г. „и повелѣ засыпати я (т. е. ихъ) *живы*“. [1]) Нужно однако замѣтить, что при этомъ вторые Именительный или Винительный, входя въ составъ сказуемаго, получаютъ нѣсколько особый оттѣнокъ значенія по сравненію съ соотвѣтствующими падежами подлежащаго или дополненія; эта разница въ греческомъ языкѣ выражается отсутствіемъ члена при второмъ падежѣ; въ русскомъ языкѣ (и другихъ славянскихъ), какъ мы только что видѣли, вмѣсто Именительнаго или Винительнаго сталъ примѣняться падежъ способа или Твори-

[1]) Въ поэзіи XVIII в. также можно встрѣтить примѣненіе такихъ устарѣвшихъ оборотовъ, напр. у В. И. Майкова въ баснѣ «Роза и Змѣя»: «Натура насъ съ тобой *подобныхъ* (т. е подобными) сотворила» (Сочин., изд. 1867, стр. 190). Примѣненіе второго Именит., особенно отъ прилагательныхъ, какъ упомянуто,—встрѣчается и въ новомъ языкѣ, срв. у Пушкина «Къ морю»:

«Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я *тихій* и *туманный*,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ».

Или также у Лермонтова въ «Пророкѣ»: «Изъ городовъ бѣжалъ я *нищій*».

тельный.[1]) Вообще же говоря, здѣсь измѣняется синтаксическая зависимость: то, что раньше относилось къ подлежащему или дополненію, теперь приходитъ въ ближайшую связь съ сказуемымъ-глаголомъ, т. е. происходитъ „синтаксическое переразложеніе“.[1])

Примѣчаніе. Усвоеніе падежныхъ оттѣнковъ дѣтьми происходитъ весьма неравномѣрно. Такъ, легче всего кромѣ Им. и Зват. усваиваются Винительный прямого дополненія, Родит. вещественный, Дательный лица и изрѣдка Творит. орудія; изъ предложныхъ выраженій раньше всего усваиваются выраженія съ предлогами *въ* и *на*, отвѣчающія на вопросы: куда? гдѣ?

Не касаясь случаевъ распространенія членовъ предложенія посредствомъ падежныхъ формъ въ соединеніи съ разными предлогами,[2]) остановимся на распространеніи личныхъ глаголовъ *неопредѣленнымъ наклоненіемъ* въ качествѣ дополненія. Глаголы, распространяемые въ русскомъ языкѣ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, представляютъ въ отношеніи смысла два типа, изъ которыхъ одинъ можетъ быть названъ субъективнымъ (напр. *хочу, желаю*), другой—объективнымъ (напр. *заставляю, прошу*). Личные глаголы перваго типа естественно обусловливаютъ отнесеніе глагольнаго дополненія въ неопр. накл. къ тому же субъекту, личные же глаголы второго типа—къ объекту; напр. срв. „*я* хочу *читать*“ (=чтобы *я* читалъ) || „я заставляю *тебя читать*“ (=чтобы *ты* читалъ). Такъ какъ предложеніе можетъ заключаться въ безличномъ

---

[1]) Употребленіе въ подобныхъ оборотахъ Творит. падежа встрѣчаемъ также и въ ближайшемъ родичѣ славянскихъ языковъ—въ языкѣ литовскомъ, напр. ką karaliumi iššaukti «объявить кого-либо *королемъ*».

[2]) О т. наз. Предложномъ падежѣ и древнемъ Мѣстномъ см. выше стр. 116. Прибавимъ здѣсь, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ древнемъ языкѣ глаголы, сложные съ префиксомъ, сочетались съ простою падежною формою, тогда какъ въ современномъ языкѣ видимъ повтореніе предлога, срв.: *доить*дъ острова (=совр. *дошед*ъ *до*), отхожю свѣта сего (=совр. *от*хожу отъ); нерѣдки также случаи различія примѣняемыхъ формъ, напр.: противу брату моему (=совр. противъ съ Род.), и т. п.

глаголѣ и вообще безличномъ выраженіи, то тогда конечно оттѣнокъ безличности распространяется и на форму неопредѣленнаго наклоненія, напр.: „*слѣдуетъ* молиться“ „*хочется* играть“, „*полезно* читать“, „*жаль* разстаться“ и т. п. Глаголы непереходнаго дѣйствія по большей части не могутъ распространяться неопред. наклоненіемъ (напр. играю, торгую и т. п.), кромѣ глаголовъ движенія, при которыхъ неопред. наклоненіе служитъ для выраженія цѣли дѣйствія.[1]) Въ этихъ случаяхъ въ древне-русскомъ языкѣ употреблялась особая глагольная форма, именуемая *супиномъ* и оканчивавшаяся на -*тъ* (напр. иде учитъ), затѣмъ вышедшая изъ употребленія и замѣнившаяся обыкновеннымъ неопр. наклоненіемъ, сфера примѣненія котораго такимъ образомъ соотвѣтственно расширилась.

Переходя къ вопросу о **сложныхъ предложеніяхъ**, сдѣлаемъ сначала нѣсколько общихъ замѣчаній. Сложныя предложенія могутъ состоять во 1) изъ равноправныхъ предложеній (т. наз. *составныя*), напр. я читаю, а ты играешь; при этомъ если имѣются общіе члены въ томъ и другомъ, то они—согласно принципу экономіи—могутъ не повторяться, напр. братъ сидитъ и читаетъ (такія предложенія получили наименованіе *слитныхъ*); 2) изъ неравноправныхъ предложеній—главнаго съ зависимымъ отъ него придаточнымъ, напр. „Несется онъ къ Франціи милой, *гдѣ* славу оставилъ и тронъ“ (Лермонтовъ). Сущность разницы между этими двумя типами сложныхъ предложеній сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ, при *сочиненіи*, сохраняется самостоятельность и полнота смысла каждаго изъ сочетаемыхъ предложеній, тогда какъ во второмъ, при *подчиненіи*, одно предложеніе, именно придаточное, служитъ какъ бы частью главнаго, отвѣчающею

[1]) Кромѣ того, съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ могутъ сочетаться глаголы—боюсь, надѣюсь, рискую и нѣк. др.

на тотъ или другой вопросъ при этомъ послѣднемъ. Кромѣ этихъ двухъ типовъ сложнаго предложенія можно выдѣлить еще одинъ какъ бы переходный между ними типъ, въ которомъ обѣ части сложнаго предложенія взаимно обусловливаютъ другъ друга; сюда относятся предложенія условныя и уступительныя. Хотя въ этихъ предложеніяхъ школьная грамматика и находитъ часть придаточную съ союзами „если" и „хотя", выражающими условіе или уступленіе, однакожъ въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ того подчиненія, какимъ характеризуются другія придаточныя предложенія; это доказывается способностью условныхъ и уступительныхъ частей сложнаго предложенія выдѣляться въ самостоятельныя цѣлыя, чего не бываетъ при подчиненіи; срв. фразы: „*если бы* у меня были крылья!" „ну, *хотя бы* и такъ?" [1])

Что касается **интонаціи** сложныхъ предложеній то, какъ увидимъ изъ нотныхъ записей, они обычно подраздѣляются на двѣ половины, отдѣленныя одна отъ другой довольно значительною паузою. Движеніе тона въ той и другой половинѣ неодинаково: первая половина, будетъ ли она придаточною или же главною, имѣетъ болѣе или менѣе восходящее дви-

---

[1]) Такимъ образомъ обычное дѣленіе сложныхъ предложеній на сложносочиненныя и сложно-подчиненныя страдаетъ нѣкоторою искусственностью, особенно когда стараются живое разнообразіе языка уложить въ эти двѣ произвольно напередъ указанныя и слишкомъ категорически отграниченныя рубрики. Прежде всего—во *всякомъ сложномъ предложеніи его части составляютъ одно связное цѣлое* такъ что, будучи взяты отдѣльно, уже не могутъ имѣть вполнѣ прежняго смысла или даже совсѣмъ не возможны, подобно тому какъ морфологическія части слова существуютъ только въ самомъ словѣ, но не отдѣльно отъ него; такимъ образомъ ни та, ни другая часть сложнаго предложенія, строго говоря, не являются самостоятельными, но лишь совмѣстно образуютъ одно цѣлое. Ставъ на эту точку зрѣнія, изслѣдователь долженъ стремиться къ тому, чтобы безтенденціозно опредѣлить *типы связей или отношеній между обѣими частями сложныхъ предложеній и способовъ формальнаго обозначенія этихъ связей въ рѣчи* (включая сюда и отсутствіе соединяющихъ словъ, равно какъ порядокъ словъ и интонацію).

женіе и вообще произносится выше по сравненію со второй половиной, имѣющею нисходящее движеніе, которое на столько характерно, что даже ударяемый слогъ послѣдняго слова, слѣдующій за неударенными, произносится ниже послѣднихъ. При всемъ томъ вторая половина примыкаетъ къ первой такимъ образомъ, чтобы ея тоничность или тесситура находилась въ соотвѣтствіи съ начальной половиной, ибо иначе не получилось бы цѣлостности сложной фразы. Повышеніе тона первой половины сопровождается crescendo, а пониженіе второй—diminuendo. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ сложномъ предложеніи встрѣчаются повышенія голоса и помимо подраздѣленія такого предложенія на двѣ половины, эти повышенія обычны напр. въ слитныхъ предложеніяхъ при перечисленіяхъ, а также передъ союзами, чѣмъ какъ бы указывается слушателю на незаконченность фразы.

Придаточныя предложенія бываютъ въ такъ называемомъ полномъ и краткомъ видѣ. *Связь полнаго придаточнаго предложенія съ главнымъ* может**ъ** *обозначаться*: 1) посредствомъ мѣстоименій относительныхъ, 2) посредствомъ мѣстоименныхъ нарѣчій, 3) посредствомъ союзовъ (временныхъ, условныхъ, уступительныхъ, причинныхъ и пр.). Первый родъ связи употребляется обычно тогда, когда придаточное предложеніе *относится* къ главному или второстепенному члену предложенія, выраженному посредствомъ склоняемаго слова; второй родъ связи примѣняется въ томъ случаѣ, когда придаточное предложеніе *относится* къ обстоятельственному слову главнаго предложенія, но иногда можетъ употребляться также и въ первомъ случаѣ какъ параллельный оборотъ; третій родъ связи употребляется тогда, когда придаточное предложеніе *относится* къ главному въ его цѣломъ, а не къ отдѣльному его члену. [1])

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать мою группировку съ отрицаемымъ мною традиціоннымъ сопоставленіемъ придаточныхъ предложеній съ членами

Перейдемъ теперь къ болѣе частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ типовъ *полныхъ придаточныхъ предложеній* въ связи съ главнымъ предложеніемъ, классифицируя ихъ уже не по способу формальнаго присоединенія къ главному предложенію, а на основаніи смысловыхъ различій, при чемъ оговоримся, что факты живой рѣчи не всегда укладываются въ тотъ или другой опредѣленный типъ, но могутъ занимать переходное положеніе, относясь одновременно къ тому и другому.

а) Типъ **опредѣлительно-описательный** употребляется въ томъ случаѣ, когда тотъ или другой предметный членъ предложенія не можетъ быть выраженъ однимъ словомъ, а требуетъ описанія. Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе начинается относительнымъ мѣстоименіемъ или относительнымъ нарѣчіемъ, которымъ въ главномъ предложеніи соотвѣтствуютъ указательныя мѣстоименіе или нарѣчіе, нерѣдко опускаемыя. Если придаточное предложеніе начинается относительнымъ мѣстоименіемъ, то послѣднее полагается въ томъ падежѣ, какой обусловливается требованіями присоединяемаго придаточнаго предложенія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи даннаго типа:

Кто много посмѣетъ, *тотъ* у нихъ и правъ... (Достоев. „Прест. и Наказ.“ ч. 5, гл. IV):

главнаго предложенія; я говорю—*къ чему относится* придаточное предложеніе, а не *что замѣняетъ*. Въ общемъ при трактованіи придаточныхъ предложеній нужно имѣть въ виду: 1) къ чему они относятся, 2) какія примѣняются формальныя слова (а также другія средства—интонація и т. п.) и 3) какіе смысловые оттѣнки въ каждомъ случаѣ принадлежатъ самимъ придаточнымъ предложеніямъ (а не тому или другому члену главнаго предложенія).

Что пройдетъ, *то* будетъ мило. (Пушк. „Если жизнь тебя обманетъ“, 1825 г.).

Тому, кого караетъ явно,

Онъ втайнѣ милости творитъ. (Пушк. „Друзьямъ“, 1828 г.).

Она видѣла въ немъ что-то новое, *съ чѣмъ* ей не случалось встрѣчаться. (Тург. „Отцы и дѣти“ гл. XVI).

У васъ въ эту минуту тысяча мыслей въ головѣ, *изъ которыхъ* вы мнѣ ни одной не повѣрите. (Тург. „Наканунѣ“ гл. IX).

Такой тонъ былъ общій у всѣхъ прикащиковъ, *сколько* ихъ у него ни перебывало. (Л. Толстой „Анна Кар.“; ч. 2, гл. XIII).

...онъ вошелъ въ маленькую гостиннуго, *гдѣ* всегда пилъ чай... (Тамъ же, ч. 1, гл. XXVII).

б) Типъ **уподобительно-сравнительный** употребляется въ томъ случаѣ, когда требуется сравнить однородные предметы или явленія въ смыслѣ сходства, или же показать разницу между ними въ смыслѣ степени качества. Формальное отличіе такого типа состоитъ въ томъ, что придаточное предложеніе начинается съ относительнаго мѣстоименія или мѣстоименнаго нарѣчія, выражающихъ уподобленіе (напр. *какой*, *какъ*), или же со слова „чѣмъ“; въ первомъ случаѣ главное предложеніе содержитъ указательное мѣстоименіе (нерѣдко опускаемое), а въ послѣднемъ—сравнительную степень прилагательнаго или нарѣчія. Примѣры:

Каковъ попъ, *таковъ* и приходъ (Народ. поговорка):

...*какъ* всѣ русскіе дворяне, онъ въ молодости учился музыкѣ. (Тург. „Наканунѣ“ гл. V).

Вы не стѣсняйтесь, *какъ бы* наединѣ самъ себѣ! (Достоев. „Прест. и Нак.“ ч. 6, гл. VIII).

Какъ невозвратная струя блеститъ, бѣжитъ и исчезаетъ,
Такъ жизнь и юность убѣгаетъ... (Пушк. 1825 г.).

...произнесла весь этотъ маленькій спичъ съ особенною отчетливостью, *словно* она его наизусть выучила. (Тург. „Отцы и Дѣти“ гл. XVI).

Счастливѣй былъ, *чѣмъ* вы и я. (Лерм. „Казначейша“ XVII).

в) Типъ временной выражаетъ одновременность или же послѣдовательность дѣйствій главнаго и придаточнаго предложенія союзами, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и видами глагола несовершеннымъ и совершеннымъ. Срв.:

Когда онъ увидалъ все это, на него на минуту напало сомнѣніе (Л. Толстой „Анна Кар.“ ч. 1, гл. XXVI).

Въ то время, какъ она выходила изъ гостинной, въ передней послышался звонокъ. (Тамъ же, глава XXI).

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока. (Лерм. „Пророкъ“).

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ. (Пушк. „Поэтъ“).

Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ какъ тутъ (Лерм. „Бородино“).

И *только* небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось (Тамъ-же).

г) Типъ **изъяснительный** служитъ для распространенія главнаго предложенія, сказуемое котораго выражено глаголомъ изъяснительнымъ (напр. *думаю, говорю, знаю* и мн. др.). Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе начинается союзомъ „что“ (иногда „какъ“). [1]) Къ этому типу подойдутъ и **зависимыя вопросительныя** предложенія, начинающіяся вопросительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ. Напримѣръ:

И *знать, что* никогда не проникнешь въ эту душу, не будешь *вѣдать, отчего* она груститъ, отчего радуется?... (Тург. „Наканунѣ“ гл. IX).

Спой мнѣ *пѣсню, какъ* синица
Тихо за моремъ жила,
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла. (Пушк. „Зимній вечеръ“).

Кѣмъ убитъ и *отчего*,
Знаетъ соколъ лишь его. (Пушк. „Шотландск. пѣсня“ 1828).

Жаль, что ты не разобралъ Устрялова (Письма Пушк., № 482, ред. Морозова).

д) Типъ **условный** употребляется тогда, когда осуществленіе положенія, высказываемаго главнымъ предложеніемъ, зависитъ отъ того или другого условія, заключающагося въ придаточномъ предложеніи. Въ этомъ случаѣ придаточное предложеніе обычно присоединяется къ главному посредствомъ союза „если“, происшедшаго изъ глагольной формы „есть“ съ прибавленіемъ вопросительной частицы „ли“. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ мы усматриваемъ *связь условныхъ придаточныхъ предложеній съ вопросительными*. Что это дѣстви-

---

[1]) Если придаточное предложеніе зависитъ отъ главнаго, содержащаго изъяснительный глаголъ, и должно выражать *недостовѣрное знаніе*, то къ изъяснительному союзу прибавляются частицы *де* или *дескать*, а также *будто бы*.

тельно такъ, подтверждаютъ случаи изъ живой рѣчи, когда условіе выражено не сложнымъ предложеніемъ, а двумя равноправными, изъ которыхъ первое оказывается вопросительнымъ. Очень нагляднымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ писемъ Пушкина (1837 г.): „Не согласитесь *ли* вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? *Въ такомъ случаѣ* буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу". [1]) Когда въ условномъ предложеніи высказывается сужденіе не какъ фактъ дѣйствительности, а лишь возможности или желанія, то въ этомъ случаѣ примѣняется частица *бы*, придающая оттѣнокъ сослагательнаго наклоненія; иногда для той же цѣли въ придаточномъ предложеніи употребляется повелительное наклоненіе, которое, какъ мы видѣли (стр. 175, сноска), въ такихъ оборотахъ является пережиткомъ желательнаго наклоненія. Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ сложныхъ предложеній условнаго типа:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись! (Пушк. 1825 г.) [2])

Если жизнь тебя об-ма-нетъ, не пе-чаль-ся, не сер-дись!

---

[1]) Анализируя съ этой точки зрѣнія и другіе типы сложныхъ предложеній, въ которыхъ придаточныя предложенія присоединяются съ помощью *вопросительно-относительныхъ* мѣстоименій, нарѣчій или союзовъ, можно допустить, что всѣ они вырабатывались подъ аналогичнымъ вліяніемъ вопросительнаго типа.

[2]) Изъ нотнаго обозначенія видно, что «не печалься» въ придаточномъ предложеніи передъ запятою произносится съ повышеніемъ, объясняющимся тѣмъ, что дальше слѣдуетъ еще «не сердись»; но если бы та же фраза не имѣла этого слова и заканчивалась бы на словѣ «не печалься», то интонація его получилась бы иная—съ пониженіемъ:

не пе - чаль -- ся!

Если вы, господа, не боитесь скуки, пріѣзжайте ко мнѣ... (Тург. „Отцы и Дѣти“, гл. XV).

Русскій человѣкъ любитъ подчивать—*коли* не чѣмъ инымъ, *такъ* своими знакомыми. (Тург. „Наканунѣ“ гл. VII).

Посади я его слишкомъ рано (т. е. въ тюрьму), *такъ* вѣдь я ему пожалуй нравственную опору придамъ... (Достоев. „Прест. и Нак.“ гл. V).

Брожу *ли* я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу *ль* во многолюдный храмъ,
Сижу *ль* межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ. (Пушк. Стансы, 1829 г.).

Не будь на то Господня воля,—
Не отдали бъ Москвы! (Лерм. „Бородино“).

Примѣчаніе. Въ поговоркахъ и пословицахъ, отличающихся всегда возможною краткостью выраженія, часто наблюдается отсутствіе условнаго союза; срв. поговорку: «умъ—хорошо, а два—лучше того», гдѣ сопоставлены два условныхъ предложенія, а именно: *если* есть умъ, *то* это хорошо, а *если* есть два, *то* еще того лучше.

е) Къ условному близко подходитъ по смыслу типъ **уступительный**, употребляющійся тогда, когда осуществленіе положенія, высказываемаго главнымъ предложеніемъ, происходитъ вопреки условію, выраженному въ придаточномъ предложеніи. Обычнымъ звеномъ между главнымъ и придаточнымъ предложеніемъ служитъ здѣсь уступительный союзъ *хотя*, возникшій изъ дѣепричастія глагола *хотѣть*; такимъ образомъ здѣсь придаточнымъ предложеніемъ первоначально высказывалось желаніе, между тѣмъ какъ главное предложеніе служило для противоположенія. Примѣры:

Она играла очень хорошо, *хотя* немного строго и сухо (Тург. „Отцы и Дѣти“ гл. XVI).

Сколько ты *ни* стучись природѣ въ дверь, не отзовется о непонятнымъ словомъ... (Тург. „Наканунѣ“ гл. I).

...но, *не смотря на* голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду... (Лерм. „Маскарадъ", 1835 г.).

Пускай, какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ зато и небесамъ. (Лерм. „Толпѣ").

Пускай холодною землею
  Засыпанъ я,—
О другъ,—всегда, вездѣ съ тобою
  Душа моя. (Лерм. „Любовь мертвеца").

Примѣчаніе. Уступительныя предложенія съ союзомъ «хотя» выработались чрезъ переходъ дѣепричастія въ союзъ, путемъ пониженія знаменательности, и притомъ въ новое уже время; подтвержденіе этому находимъ въ письменности XVIII в., именно у Ломоносова, когда такія предложенія еще сохраняли до нѣкоторой степени свое первоначальное значеніе; внѣшнимъ образомъ это отражается у Ломоносова отдѣленіемъ ихъ отъ главнаго предложенія не запятой, а точкой съ запятою, срв. въ переведенной Ломоносовымъ Волфіанской физикѣ (1760)[2] § 66: «...такъ въ горлышкѣ укрѣплена (т. е. трубка), что *хотя* къ верьху и къ низу подвинута быть можетъ; *однако* воздуху изъ стклянки пройти нельзя». Въ приведенной фразѣ первоначальное значеніе слова «хотя» (=при желаніи) еще довольно прозрачно.

ж) Типъ, служащій для выраженія **причины и слѣдствія**, примѣняется въ томъ случаѣ, когда главное предложеніе высказываетъ событіе, а придаточное—или слѣдствіе, или причину его. Но каждое изъ такихъ сложныхъ предложеній въ свою очередь можетъ быть видоизмѣнено такимъ образомъ, что главное предложеніе послужитъ для выраженія причины или слѣдствія, а придаточное по смыслу какъ бы займетъ его первоначальное мѣсто, напр. „его похвалили, *потому что* онъ очень хорошо спѣлъ" || „онъ очень хорошо спѣлъ, *такъ что* его похвалили". Такія обращенныя предложенія могутъ являться также въ видѣ составного предложенія, напр. „онъ очень хорошо спѣлъ и *потому* его похвалили". Вотъ нѣкоторые примѣры разсмотрѣннаго типа:

Впрочемъ, я охотно васъ прощаю, *потому что*, вы знаете, я невзыскательный человѣкъ. (Тург. „Накануне" гл. VIII).

И сердце вновь горитъ и любитъ—*оттого*,
Что не любить оно не можетъ. (Пушк. „На холмахъ Грузіи", 1829 г.).

Да и день былъ *такъ* хорошъ, *что* нельзя было сердиться. (Л. Толстой „Анна Кар." ч. 2, гл. XIII).

з) Типъ, служащій для выраженія **цѣли**, въ главномъ предложеніи представляетъ событіе, а въ придаточномъ—цѣль его, при чемъ связующимъ словомъ служитъ союзъ „чтобы", а глаголъ придаточнаго предложенія выражается при одинаковыхъ подлежащихъ съ главнымъ предложеніемъ посредствомъ неопредѣленнаго наклоненія, въ случаѣ же разныхъ подлежащихъ—прошедшимъ временемъ; напримѣръ:

Надо биться, *чтобы* лучше, гораздо лучше жить...
(Л. Толстой „Анна Кар." ч. 1, гл. XXVII).

Я жить хочу, *чтобъ* мыслить и страдать. (Пушк. „Элегія" 1830 г.).

Желаю славы я, *чтобъ* именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно. (Пушк. „Желаніе славы").

Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья...
(Пушк. „Молитва", 1836 г.).

Закончивъ обзоръ полныхъ придаточныхъ предложеній, входящихъ въ составъ сложныхъ, приведемъ теперь соотвѣтственно тѣмъ же рубрикамъ примѣры изъ древне-русскаго языка (изъ Житія Ѳеодосія; см. Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго Собора, изд. подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, вып. 1-ый, М. 1899), [1]) чтобы

[1]) При этомъ мы опускаемъ въ приводимыхъ примѣрахъ тѣ слова, которыя не являются необходимыми для иллюстраціи того или другого типа сложныхъ предложеній.

этимъ дать хотя нѣкоторое понятіе о перемѣнахъ въ способахъ выраженія за протекшее время:

а) *яко же* бѣ еи повелѣно (=соврем.: *какъ* было ей повелѣно); *елико* ми велиши сътворити сътворю (=*что* мнѣ велишь сдѣлать, сдѣлаю);

б) *яко же* е лѣпо боляромъ (=*какъ* прилично боярамъ);

в) *егда* хотяху страньнии отъити възвѣстиша (=*когда* странники хотѣли отойти, они возвѣстили);

г) благодарю тя *яко* съподобилъ мя еси (=благодарю тебя, *что* ты сподобилъ меня);

д) *аще* не *бы* Господь помоглъ (=*если бы* Господь не помогъ); [1]) *аще ли* не твориши *то* истину ти глаголю... (=если же не творишь, то истинно говорю тебѣ...);

е) Ѳеодосии *аще и* старѣйшиньство приимъ не измѣни съмѣрения (=Ѳеодосій *хотя и* принялъ старшинство, не измѣнилъ смиренія; соврем. „хотя", какъ уже упоминалось, является продуктомъ поздняго времени);

ж) *яко же* трястися пещерѣ (=*такъ что* тряслась пещера); *яко* дивитися Антонию (=*такъ что* Антоній дивился),— своеобразный оборотъ съ неопредѣл. накл. при Дат. падежѣ;

з) блюдыи. *да не* гладъмь умреть (=остерегаясь, *чтобы не* умеръ съ голоду); сице же творяхуть *яко не* дати ему (=а такъ они дѣлали, *чтобы не* дать ему); *еже* мързъкааго не сътворити (=чтобы не сдѣлать мерзкаго).

Примѣчаніе. Просматривая приведенный рядъ древне-русскихъ примѣровъ, не трудно замѣтить, какъ нерѣдко одинъ и тотъ же союзъ фигурируетъ въ разныхъ типахъ для передачи различныхъ формально-семазіо-

---

[1]) Одинъ изъ частныхъ случаевъ совпаденія съ современнымъ языкомъ при томъ однако существенномъ различіи, что въ древнемъ языкѣ *бы* еще сознавалось здѣсь глагольною формою (3 ед.) въ составѣ сложнаго сказуемаго (бы помоглъ), между тѣмъ какъ въ новомъ языкѣ это «бы», *обобщившись* путемъ процесса аналогіи на всѣ лица, стало частицею, примыкающею даже къ союзу *если*.

логическихъ связей между главною и придаточною частями сложныхъ предложеній. Дальнѣйшая эволюція и заключалась въ процессѣ дифференціаціи, т. е. въ выработкѣ новыхъ формальныхъ средствъ для внѣшняго рѣчевого отличія разныхъ семазіологическихъ оттѣнковъ.

Что касается **краткихъ придаточныхъ предложеній**, то было бы ошибкою думать, что краткій видъ *произошелъ* изъ полнаго; оба вида имѣютъ самостоятельное происхожденіе и только другъ другу болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ. Краткія придаточныя предложенія представляютъ типы причастный и дѣепричастный и могутъ служить для выраженія разныхъ связей, при чемъ причастный типъ преимущественно соотвѣтствуетъ полному придаточному предложенію перваго рода, а дѣепричастный—полному придаточному третьяго рода (см. стр. 238). Примѣры:

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной. (Пушк. „Кавк.“).
Невидимо *склоняясь* и *хладѣя*,
Мы близимся къ началу своему... (Пушк., 19 окт. 1825 г.).

Причастный типъ можетъ относиться къ любому предметному члену главнаго предложенія, который по смыслу становится тогда подлежащимъ (подразумѣваемымъ) краткаго придаточнаго предложенія, а причастіе является какъ бы въ роли сказуемаго; дѣепричастный же типъ требуетъ одинаковости подлежащихъ.

Причастный типъ существовалъ и въ древнемъ языкѣ (срв. напр. въ Житіи Θеод., XII в.—изиде изъ дому не *имыи* ничьсо же), дѣепричастный же развился уже въ теченіе историческаго времени, въ древнемъ же языкѣ мѣсто дѣепричастія заступали причастія въ краткомъ видѣ, срв. напр.: „и мы сѣдимъ *платяче* (множ. число) дань“—Лавр. подъ 862 г.; *сшедъшеся* пѣнія творяахуть (Житіе Θеод.). Въ послѣднихъ приведенныхъ примѣрахъ, какъ видимъ, причастія употреблены въ своей простой формѣ съ соблюденіемъ согласованія съ подлежащимъ въ падежѣ, числѣ и родѣ, между тѣмъ какъ

въ современномъ русскомъ языкѣ имъ соотвѣтствуютъ уже неизмѣняемыя формы—*платя*, *сошедшись* (безъ всякаго отношенія къ роду и числу подлежащаго). Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы наблюдаемъ внѣшнее или случайное совпаденіе старыхъ и современныхъ выраженій, именно при подлежащемъ въ ед. ч., срв напр. въ Житіи Өеодосія (XII в.): „служаше воду *нося*", „*умилосердивъшися* на нь. нача увѣщавати", и т. п.; но разница здѣсь между старымъ и современнымъ языкомъ та, что въ приведенныхъ фразахъ стараго языка формы *нося* и *умилосердивъшися* содержатъ въ себѣ признаки числа, падежа и рода, тогда какъ въ современныхъ выраженіяхъ формы *нося* и *умилосердившись* подобны неизмѣняемымъ нарѣчіямъ; эта разница произошла такимъ образомъ, что нѣкоторыя древнія причастныя формы (именно—кончавшіяся на *-а-*/*-я*, *-учи*/*-ючи*, *-въ* и *-вши*) въ послѣдующей языковой жизни путемъ процесса аналогіи *обобщились*, распространившись на всѣ роды и числа, вытѣснивъ остальныя формы и принявъ такимъ образомъ характеръ неизмѣняемыхъ глагольныхъ нарѣчій, въ зависимости отъ чего стали въ болѣе близкое отношеніе уже къ сказуемому главнаго предложенія (родъ синтаксическаго переразложенія). Прибавимъ еще, что краткія придаточныя предложенія какъ причастнаго, такъ и дѣепричастнаго типа, въ современномъ литературномъ языкѣ въ значительной мѣрѣ являются уже продуктомъ чисто письменно-литературной эволюціи въ отличіи отъ народнаго языка, получивъ бо́льшую свободу для распространеній не только новыми словами, но и новыми придаточными предложеніями. На ряду съ преобразованіемъ причастныхъ придаточныхъ предложеній извѣстнаго типа въ дѣепричастныя происходилъ упадокъ независимаго причастнаго оборота—т. наз. *Дательнаго самостоятельнаго*.

Нужно еще упомянуть о существованіи въ современномъ литературномъ языкѣ краткихъ придаточныхъ предложеній

съ прилагательными, или другими эквивалентными имъ выраженіями, ставящихся въ началѣ сложнаго предложенія, при чемъ какъ бы подразумѣвается дѣепричастіе глагола „быть" (т. е. *будучи*); срв. напр. такія весьма обычныя построенія фразъ, какъ: „небольшого роста, худенькая, совершенная брюнетка, она имѣла густые, черные волосы" (Писемскій Тысяча душъ, ч. 1, гл. II).

Наконецъ, отмѣтимъ существованіе такихъ предложеній, которыя, будучи совершенно независимыми, вставляются въ другое предложеніе безъ какихъ-либо связующихъ словъ, это—т. наз. вводныя предложенія. При произношеніи они получаютъ особый темпъ (чаще—болѣе быстрый) и другую силу и тонъ (тише и ниже), между тѣмъ какъ часть фразы, слѣдующая за вводнымъ предложеніемъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ примыкаетъ къ типу или теченію начальной части, прерванной вводнымъ предложеніемъ. Въ этомъ наглядно убѣждаемся изъ слѣдующаго примѣра, взятаго изъ разговора:

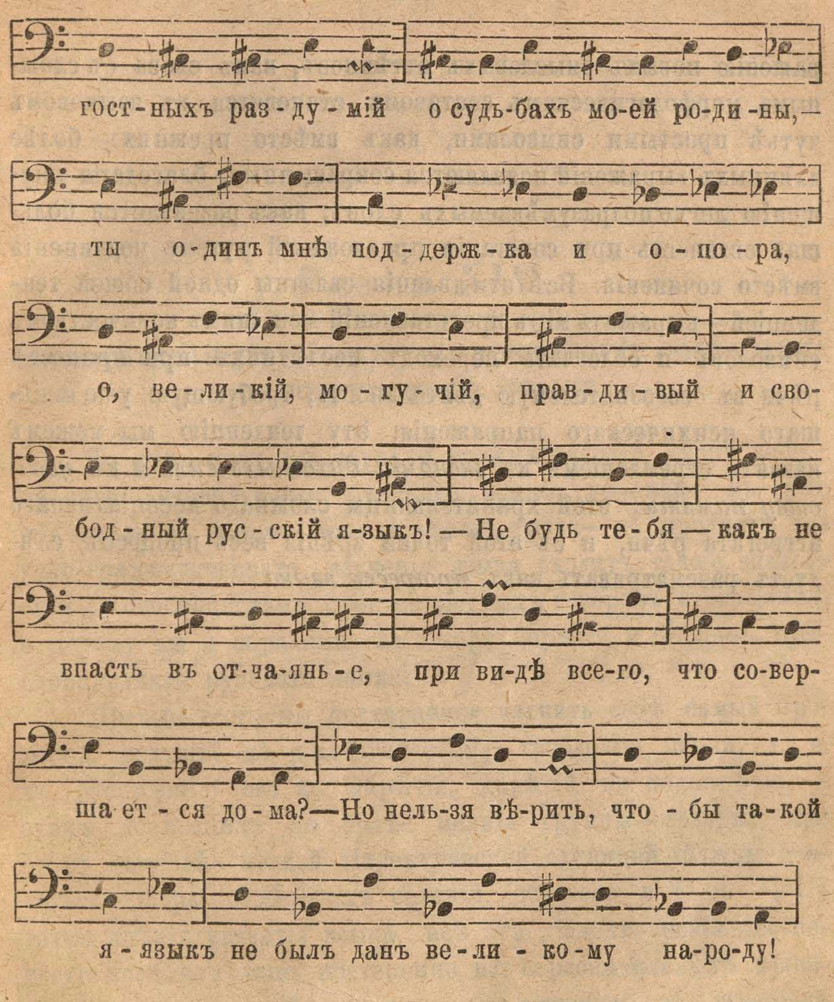
— А чѣмъ же онъ, *извините меня за безпокойство*, знаменитъ? (Аверченко „Незамѣтный подвигъ" гл. I).

Въ приведенномъ примѣрѣ вводное предложеніе произносится именно такъ, какъ указано.

Мы уже представляли образцы движенія тона въ предложеніяхъ простыхъ и сложныхъ. Дадимъ теперь въ видѣ дополненія нотную передачу цѣлаго разсказа, взявъ для этого извѣстное стихотвореніе въ прозѣ Тургенева, подъ заглавіемъ „Русскій языкъ", при чемъ мы довольствуемся для каждаго гласнаго лишь одною главной высотой, оставляя въ сторонѣ переходные тоны и длительность нотъ:

Рус-скій я-зыкъ. Во дни со-мнѣ-ній, во дни тя-

Заканчивая изложенiе морфологiи и синтаксиса литературнаго русскаго языка, сдѣлаемъ общую характеристику хода и развитiя морфологическихъ и синтаксическихъ процессовъ и явленiй. Мы видѣли, какъ языкъ пользуется прежнимъ запасомъ корней для обозначенiя новыхъ представленiй и понятiй, какъ излишнее разнообразiе однозначущихъ морфемъ редуцируется путемъ аналогiи или же приспособляется къ вы-

раженію новыхъ смысловыхъ оттѣнковъ, какъ слова съ сложнымъ морфологическимъ составомъ становятся въ языковомъ чутьѣ простыми символами, какъ вмѣсто прежнихъ болѣе длинныхъ выраженій появляются сокращенныя, благодаря опущенію легко подразумѣваемыхъ словъ, какъ развивается бóльшая связность при сочетаніи предложеній путемъ подчиненія вмѣсто сочиненія. Всѣ эти явленія связаны одной общей тенденціей—выражать міръ представленій меньшимъ количествомъ символовъ и облегчать переходъ послѣднихъ при процессѣ рѣчи въ безсознательную дѣятельность, требующую уже меньшаго психическаго напряженія; эту тенденцію мы можемъ назвать стремленіемъ къ *экономіи духовныхъ силъ* и къ *удобству памяти*, этой хранительницы сложнаго ассоціативнаго аггрегата рѣчи, и съ этой точки зрѣнія весь процессъ слѣдуетъ разсматривать какъ *прогрессъ языка*.

Глава XIV.

Важнѣйшія данныя по діалектологіи современнаго русскаго языка.

До сихъ поръ мы изучали грамматическій строй современнаго литературнаго русскаго языка, но—какъ мы уже объясняли въ самомъ началѣ своего труда—въ предметъ научно-грамматическаго изученія языка входитъ также знакомство съ особенностями простонародныхъ говоровъ этого языка, а потому мы и обратимся къ обзору нарѣчій и говоровъ простонароднаго русскаго языка.

Прежде всего мы постараемся уяснить себѣ самый процессъ, ведущій къ діалектическому дробленію языка, т. е. къ распаденію его на нарѣчія, нарѣчій на поднарѣчія, а этихъ послѣднихъ на болѣе мелкія группы—говоры; при этомъ наиболѣе мелкой діалектической единицей должны считаться говоры отдѣльныхъ селеній, деревень и т. п. [1]) Съ точки зрѣнія развитія языка, всѣ эти діалектическія особенности возникли лишь постепенно изъ первоначальныхъ незначительныхъ различій, которыя, увеличиваясь съ теченіемъ времени, дали начало главнымъ нарѣчіямъ; въ свою очередь въ этихъ послѣднихъ аналогичнымъ образомъ выступили новыя, болѣе частныя различія, послужившія основаніемъ для под-

---

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что и эти послѣдніе не представляются совершенно однородными, такъ какъ состоятъ изъ не вполнѣ идентичныхъ говоровъ индивидуумовъ различнаго возраста, пола, развитія и т. д.

нарѣчій; говоры же являются уже наиболѣе поздними продуктами діалектическаго развитія языка. Факторы, обусловливающіе діалектическое дробленіе или дифференціацію языка, весьма разнообразны, вслѣдствіе чего мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь главнѣйшихъ изъ нихъ. Выше, въ главѣ III-ей, мы разъяснили, что языкъ съ теченіемъ времени необходимо долженъ видоизмѣняться благодаря фактору *смѣны генерацій*. Но одно это обстоятельство еще не можетъ объяснить возникновенія нарѣчій или говоровъ въ языкѣ, ибо если бы говорящіе извѣстнымъ языкомъ могли всегда составлять одно тѣсно сплоченное небольшое цѣлое, то ихъ говоръ хотя и измѣнялся бы, но равномѣрно во всѣхъ частяхъ населенія, и слѣдовательно не распался бы на діалектическія различія. Возникновеніе послѣднихъ очевидно обусловливается еще другими моментами, именно: 1) разселеніемъ, 2) сосѣдствомъ съ другими говорами или языками, 3) смѣшеніемъ племеннымъ, 4) политическими и нѣкоторыми другими условіями.

1) Умноженіе населенія и экономическія условія заставляли нѣкоторую часть однороднаго населенія отдѣляться и избирать другое мѣсто жительства. При этомъ тѣ незначительныя варіаціи языка, которыя нивеллировались раньше при совмѣстной жизни населенія, теперь, съ разъединеніемъ его, могли получать свое особое развитіе. Вполнѣ понятно, что чѣмъ болѣе разъединенія между тою и другою частью населенія и чѣмъ труднѣе сообщеніе между ними, тѣмъ условія благопріятнѣе для діалектическаго распаденія языка, а чѣмъ больше соприкосновеній, тѣмъ больше будетъ сохраняться одинаковыхъ родственныхъ чертъ въ ихъ говорахъ.

2) Затѣмъ, діалектическому развѣтвленію языка способствуетъ то обстоятельство, что къ моменту разъединенія присоединяется новый, большой важности, факторъ сосѣдства уже съ другими говорами или языками, отличными отъ діалектовъ, съ которыми то же населеніе соприкасалось раньше. Понятно,

что сосѣдство, ведущее вообще къ взаимодѣйствію говоровъ (т. е. извѣстный говоръ, вліяя нѣкоторыми чертами на сосѣдній, въ свою очередь испытываетъ вліяніе со стороны послѣдняго), теперь будетъ вызывать въ данномъ говорѣ уже другія видоизмѣненія, чѣмъ тѣ, какія онъ испытывалъ при прежнемъ сосѣдствѣ. Такъ, напр., въ Сибири русскіе поселенцы нижняго теченія Енисея усвоили у сосѣдей-остяковъ произношеніе *с* и *з* вм. *ш* и *ж* и говорятъ п*о*с*о*л вм. по*ш*ол, *з*арко вм. *ж*арко и т. п.[1])

3) Иногда происходитъ смѣшеніе племенъ какъ родственныхъ, такъ и чуждыхъ между собою, при чемъ одни племена ассимилируются по языку другимъ. Въ этомъ случаѣ говоръ, получающійся въ результатѣ, будетъ однакожъ содержать нѣкоторыя особенности, пріобрѣтенныя имъ отъ поглощеннаго племени. Такъ, напр., русскій языкъ при своемъ распространеніи на сѣверо-востокъ въ область финскихъ племенъ вытѣснилъ діалекты послѣднихъ, воспринявъ однако въ себя нѣкоторые ихъ элементы, свидѣтельствующіе и теперь о поглощенной финской подпочвѣ.

4) На ходъ діалектическаго развитія языка могутъ вліять также и политическія условія, ведущія къ соединенію нѣкоторыхъ племенъ въ одно государственное цѣлое, или же, напротивъ, къ разъединенію близко-родственныхъ по языку племенъ. Это происходитъ отъ того, что общая политическая жизнь приводитъ соединявшіяся племена къ общенію между собою, а это послѣднее, какъ мы знаемъ, влечетъ за собою нѣкоторое уравниваніе говоровъ (срв. съ одной стороны объеди-

[1]) Въ случаѣ позднѣйшихъ переселеній сосѣдство могло еще и не оказать замѣтнаго вліянія на говоры пришедшихъ въ соприкосновеніе пришлаго и кореннаго населенія; благодаря этому, по степени взаимодѣйствія тѣхъ и другихъ говоровъ можно отчасти судить о давности переселенія; такъ, слѣдуетъ думать, что еще не сгладившаяся пестрота окающихъ и акающихъ говоровъ Нижегородской и нѣкоторыхъ другихъ приволжскихъ губерній указываетъ на сравнительно позднюю колонизацію.

неніе разныхъ племенъ московскимъ княжествомъ и съ другой подчиненіе юго-западныхъ русскихъ областей литовскимъ, впослѣдствіи польско-литовскимъ, государствомъ). Кромѣ политическихъ условій на діалектическое разнообразіе языка вліяютъ также различныя географическія и соціально-экономическія условія. Здѣсь можно указать на значеніе рѣкъ и рѣчныхъ бассейновъ, на различія языка въ отдѣльныхъ классахъ населенія, вліяніе школы и грамотности и т. п.

Какъ мы уже говорили (см. стр. 1—2), русскій языкъ прежде всего распадается на двѣ главныя вѣтви: языкъ *великорусскій*, господствующій въ сѣверной и средней части Европейской Россіи, и *малорусскій*, простирающійся къ югу отъ него; великорусскій языкъ подраздѣляется на нарѣчія *сѣверно-великорусское* и *южно-великорусское*, изъ которыхъ послѣднее въ своей западной части образуетъ особую вѣтвь—*бѣлорусскаго* нарѣчія. [1])

Нарѣчіе *сѣверно-великорусское* слышится въ сѣверо-восточномъ углу Псковской губерніи (въ Порховскомъ уѣздѣ), затѣмъ въ губерніяхъ Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Владимірской (кромѣ самой южной ея части), Вятской и Пермской; кромѣ того, оно слышится отчасти въ губерніяхъ средняго и нижняго Поволжья, а также въ Пріуральѣ и Сибири. Занимая такимъ образомъ сѣверную часть Россіи, это нарѣчіе на сѣверо-западѣ соприкасается съ языками финскими, на западѣ отчасти съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, на югѣ съ южно-великорусскимъ, на востокѣ приходитъ въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми финскими и татарскими языками. Главныя особенности этого нарѣчія слѣдующія:

---

[1]) Нерѣдко въ грамматическихъ сочиненіяхъ нарѣчіе бѣлорусское называется языкомъ; по этому поводу мы должны вообще замѣтить, что каждое нарѣчіе, разсматриваемое не по отношенію къ другимъ нарѣчіямъ того же языка, а въ отдѣльности, можетъ быть называемо языкомъ.

1) *оканье*, т. е. произношеніе гласнаго *о* на мѣстѣ орѳографическаго начертанія *о* въ различныхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. в*о*да, ск*о*р*о*, и т. п.;

2) *ёканье*, т. е. произношеніе орѳ. *е* какъ *ё* при слѣдующемъ твердомъ согласномъ не только при удареніи, но и въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. н*ʼ*ос*у́*;

3) произношеніе орѳ. *я* какъ *е*, а орѳ. *ѣ*—какъ *и*, преимущественно при удареніи и слѣдующемъ мягкомъ согласномъ, напр. п*е*ть (=орѳ. п*я*ть), нед*и*ля (=орѳ. нед*ѣ*ля);

4) *цоканье* и *чаканье*, т. е. произношеніе *ц* вм. *ч* и наоборотъ, напр. *ч*арь, до*ц*ь;

5) болѣе или менѣе сильное и отчетливое произношеніе всѣхъ неударяемыхъ слоговъ;

6) нѣкоторыя морфологическія особенности, какъ напр. окончанія *-ой* и *-ей* въ И. ед. прил. муж. рода не только при удареніи, но и въ случаѣ неударенности ихъ, напр. добр*о*й, трет*е*й, или окончаніе *-я́е* (орѳ. -ѣе) въ сравнит. степени прилагательныхъ и нарѣчій, напр. тепл*я́е*, и др.

7) нѣкоторыя синтаксическія особенности.

Южно-великорусское нарѣчіе занимаетъ губерніи по бассейну верхней и средней Оки, т. е. губерніи Орловскую, Калужскую, Тульскую, простираясь на значительную часть Московской и Тверской губерніи, а также часть Смоленской, и захватывая къ югу почти всю Курскую губернію, сѣверную половину Воронежской и бо́льшую часть земли Войска Донского. Кромѣ того, южно-великорусское нарѣчіе слышится въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ рядомъ или же въ смѣшеніи съ сѣверно-великорусскимъ. На западѣ это нарѣчіе переходитъ въ близко-родственное ему бѣлорусское, на югѣ соприкасается съ малорусскимъ нарѣчіемъ. Главныя особенности южно-великорусскаго нарѣчія:

1) *аканье*, т. е. произношеніе неударяемаго орѳ. *о* въ видѣ *а*, напр. в*а*да́;

2) произношеніе неударяемаго орѳографическаго *е* въ нѣкоторыхъ говорахъ какъ *я*, въ другихъ какъ *и*, а въ иныхъ какъ *я* чередующееся съ *и*, напр.: *нясу—нясёш*, *нису—нисёш*, *нясу—нисёш*;

3) придувное произношеніе *г*, напр. *уара́*, *сапо́х*;

4) переходъ *в* въ очень краткое полугласное ў (w) въ положеніи передъ согласнымъ и на концѣ словъ, напр. wнук, слоw и т. п. [1])

5) нѣкоторыя морфологическія особенности, напр. окончаніе *-уо́*, а безъ ударенія *-уă*, въ Р. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій, или окончаніе *-тъ* въ 3 ед. и мн. наст. вр. глаголовъ, напр. идё*тъ*, иду*тъ* и др.

Примѣчаніе. Русскій *литературный* языкъ, въ основу котораго легъ московскій говоръ, представляетъ частію черты сѣверно-великорусскаго нарѣчія (взрывное произношеніе *г*, окончаніе *-вó* или *-вă* въ Р. ед. муж. и ср. прилагательныхъ и мѣстоименій, *-тъ* въ 3 ед. и мн. глаголовъ), частію же южно-великорусскаго (аканье, произношеніе неударяемаго *е* преимущественно близко къ *и*, окончаніе *-ѣе* въ сравн. степени).

Бѣлорусское нарѣчіе слышится въ губерніяхъ Гродненской, въ части Сувалкской, въ Виленской, Минской, Витебской, Могилевской, западной части Смоленской и въ небольшомъ сѣв.-западномъ углу Черниговской. [2]) По сѣверо-западной своей границѣ бѣлорусское нарѣчіе сосѣдитъ съ языками латышскимъ, литовскимъ и польскимъ, по сѣверо-восточной—съ великорусскимъ, преимущественно южно-великорусскимъ, на югѣ-востокѣ и югѣ—съ малорусскимъ, доходя здѣсь до нижняго теченія Припяти. Составляя часть южно-велико-

---

[1]) Знакомъ *w* мы обозначаемъ полугласный ў, т. е. очень краткій гласный, приближающійся къ *в*.

[2]) Такимъ образомъ, бѣлорусское нарѣчіе занимаетъ область верхняго теченія рѣкъ—Днѣпра, З. Двины и Нѣмана, при чемъ самыя верховья первыхъ двухъ рѣкъ заняты уже великоруссами, верхнее же теченіе Нѣмана полностью принадлежитъ бѣлоруссамъ.

русскаго, бѣлорусское нарѣчіе представляетъ слѣдующія особенныя черты по сравненію съ этимъ послѣднимъ:

1) *дзеканье* и *цеканье*, т. е. произношеніе д͡з' и ц' на мѣстѣ мягкихъ д' и т', напр. *дзень*, *цихо*;

2) твердое *р* вм. мягкаго, напр. бя*р*оза;

3) удвоеніе мягкихъ согласныхъ, пришедшихъ въ сочетаніе съ j, напр. вясе*лл*е;

4) полугласный *w* не только вмѣсто *в*, какъ въ ю.-влр., но еще и вмѣсто *л* въ тѣхъ же условіяхъ, напр. быw и т. п.;

5) нѣкоторыя морфологическія особенности, напр. ра*цѣ* („рѣкѣ"), молод*ый*, п*ій*.

Малорусское нарѣчіе лежитъ къ югу отъ бѣлорусскаго и южно-великорусскаго, простираясь далеко на западъ отъ средняго и нижняго теченія Днѣпра (переходя далѣе уже въ предѣлы Австро-Венгріи—въ Галицію и Буковину) и на востокъ отъ средняго теченія той же рѣки. Такимъ образомъ, малорусская языковая область къ западу отъ Днѣпра занимаетъ губерніи Кіевскую, Херсонскую, Волынскую, Подольскую и часть Бессарабской, затѣмъ—южную часть Гродненской и часть Сѣдлецкой и Люблинской губерній, а къ востоку отъ Днѣпра—южную половину Черниговской, южную полосу Курской, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, южную часть Воронежской, небольшую часть земли Войска Донского (въ низовьяхъ Дона) и Кубанскую область на Кавказѣ. Кромѣ того, болѣе или менѣе значительныя малорусскія колоніи находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губерніяхъ, особенно въ Саратовской, Самарской и Астраханской. Главныя особенности малорусскаго нарѣчія слѣдующія:

1) русскому ороографическому *ѣ* соотвѣтствуетъ *і* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго, напр. д'іло („дѣло");

2) русскимъ постояннымъ (не-бѣглымъ) *о* и *е* во вторично-закрытыхъ слогахъ соотвѣтствуетъ *і*, какъ конечная стадія развитія, напр. ні́с („носъ") и н'і́с („несъ");

3) русскимъ орѳографическимъ *ы* и *и* соотвѣтствуетъ одинъ и тотъ же звукъ, именно—узкое *ы* или—точнѣе—гласный средній между *ы* и *и*, напр. быw=1) былъ и 2) билъ;

4) при произношеніи слоговъ съ гласными *е* и ы предшествующій согласный выговаривается твердо, напр. *не*су, быw;

5) отличное отъ великорусскаго антропофоническое строеніе словъ;

6) полное оканье, даже съ наклономъ въ сторону *у* въ слогахъ передъ удареніемъ;

7) произношеніе на мѣстѣ *г* придувного задне-язычнаго согласнаго *γ*;

8) рус. лрн. *в* отражается въ извѣстныхъ условіяхъ въ видѣ w, т. е. подобно южно-великорусскому и бѣлорусскому; кромѣ того, конечное -*л* въ ед. ч. прош. вр. муж. замѣнилось, какъ и въ бѣлорусскомъ, этимъ же звукомъ (*w*);

9) переходъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ j въ усиленные согласные, т. е. подобно бѣлорусскому;

10) окончаніе -*ий* (въ И. ед. прилагательныхъ) съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ=рус. литерат. -*ой*, напр. сліпий „слѣпой" (срв. бѣлор.);

11) окончаніе Р. ед. -*γо* въ прилагательныхъ муж. и ср. рода;

12) образованіе будущаго времени въ глаголахъ съ помощью -*иму*, напр. ходитиму.

Представленная нами общая характеристика нарѣчій русскаго языка была бы однако не полной, если бы мы не указали на существованіе *переходныхъ* говоровъ между этими нарѣчіями. Такіе переходные говоры слышатся въ мѣстно-

стяхъ, лежащихъ между областями сосѣднихъ нарѣчій, и представляютъ сочетанie чертъ того и другого нарѣчія. Такъ, существуютъ пограничныя области съ переходнымъ говоромъ между нарѣчiями сѣверно- и южно-великорусскимъ, бѣлорусскимъ и южно-великорусскимъ, бѣлорусскимъ и сѣверновеликорусскимъ, бѣлорусскимъ и малорусскимъ и, наконецъ, между малорусскимъ и бѣлорусскимъ, малорусскимъ и южновеликорусскимъ.

Глава XV.

Очеркъ исторіи русскаго языка.

Исторія каждаго языка имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе того, какъ данный языкъ достигъ современнаго состоянія, начиная отъ древнѣйшаго своего исходнаго пункта, до котораго можетъ достигать изслѣдователь. При этомъ исторія языка естественно распадается на два послѣдовательныхъ отдѣла: исторія до появленія письменности, возстанавливаемая путемъ сравненія съ родственными языками, и позднѣйшая исторія, опирающаяся уже на данныя письменныхъ памятниковъ. [1]) Соотвѣтственно этому мы займемся сначала исторіей русскаго языка въ до-историческія эпохи, понимая подъ послѣдними времена, предшествовавшія возникновенію у насъ письменности.

---

[1]) Лингвистъ, изслѣдуя явленія языка, можетъ открывать въ нихъ признаки, позволяющіе ему заключать о томъ, которыя изъ этихъ явленій болѣе древняго и которыя болѣе поздняго происхожденія. На основаніи такихъ признаковъ онъ старается расположить эти явленія по времени ихъ возникновенія или—говоря иначе—въ ихъ хронологической послѣдовательности отъ древнѣйшаго состоянія до позднѣйшаго («соотносительная» хронологія процессовъ), при чемъ, съ переходомъ къ историческому времени, сохранившіеся письменные памятники разныхъ вѣковъ позволяютъ уже изслѣдователю устанавливать для тѣхъ или другихъ явленій болѣе точныя хронологическія даты («документальная» хронологія).

ДО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Русскій языкъ своимъ древнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ имѣетъ аріо-европейскій праязыкъ, общій также и нѣкоторымъ другимъ языкамъ, которые поэтому вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ принадлежатъ къ одному языковому семейству, именно— „аріо-европейскому“ или „индо-европейскому“ (см. стр. 4, сн. 1). Нужно оговориться, что самый праязыкъ этого семейства не сохранился въ своемъ первоначальномъ видѣ, а дошелъ до насъ лишь въ своихъ языкахъ-потомкахъ, почему его первоначальное состояніе возсоздается гипотетически по даннымъ этихъ языковъ; что же касается самаго предположенія праязыка, то оно съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ массоваго сходства въ словахъ и грамматическомъ строѣ языковъ, составляющихъ данное семейство. Русскій языкъ съ его діалектами произошелъ не непосредственно изъ этого праязыка, но черезъ рядъ посредствующихъ болѣе частныхъ праязыковыхъ состояній, при чемъ могутъ быть указаны слѣдующіе этапы: 1) состояніе аріо-европейскаго праязыка, 2) литво-славянское единство, 3) общеславянское праязыковое состояніе и 4) основно-русскій языкъ (русское праязыковое состояніе) съ его дальнѣйшимъ діалектическимъ развитіемъ. Оставляя въ сторонѣ древнѣйшіе изъ этихъ этаповъ, какъ относящіеся къ сравнительной грамматикѣ, мы остановимся здѣсь только на послѣднемъ изъ нихъ, при чемъ дадимъ обзоръ тѣхъ звуковыхъ измѣненій, которыя произошли въ русскомъ праязыкѣ со времени его обособленія отъ другихъ славянскихъ вѣтвей, и установимъ извѣстную послѣдовательность этихъ измѣненій, сгруппировавъ ихъ въ нѣсколько эпохъ (которыя однако не должно представлять себѣ рѣзко ограничеными, ибо явленія, начавшіяся въ одну эпоху, могли и не закончиться въ ней, но продолжаться и закончиться въ слѣдующую или слѣдующія эпохи, и такимъ образомъ эпохи могутъ какъ бы частично налегать одна на другую). Важнѣйшія изъ этихъ измѣненій

слѣдующія: 1) извѣстные случаи непереходнаго смягченія согласныхъ, 2) переходъ носовыхъ гласныхъ въ чистые, 3) возникновеніе бѣглыхъ гласныхъ и 4) измѣненіе 'е→'о.

I. *Эпоха непереходнаго смягченія согласныхъ передне-язычныхъ и губныхъ подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ за ними палятальныхъ гласныхъ.*

Согласные, подвергавшіеся такому смягченію, принадлежали къ губному и передне-язычному рядамъ; такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ образовались пары по твердости и мягкости изъ согласныхъ звуковъ этихъ двухъ рядовъ, а именно: п || п', б || б', в || в', т || т', д || д', с || с', з || з', н || н', л || л', р || р' (три послѣднихъ мягкихъ звука, т. е. *н'*, *л'*, *р'*, кромѣ того были вынесены и изъ славянскаго праязыка, гдѣ они получились отъ слитія соотвѣтствующихъ твердыхъ согласныхъ съ j). [1]) Причина, обусловливавшая разсматриваемое смягченіе согласныхъ, чисто физіологическая и заключается въ наличности палятальнаго гласнаго, слѣдовавшаго за согласнымъ: приближеніе къ небу средней части языка, свойственное палятальнымъ гласнымъ, сообщалось предшествующему согласному, отчего этотъ послѣдній становился мягкимъ. Нужно добавить, что этотъ процессъ, подобно большинству звуковыхъ измѣненій физіологическаго характера, совершался постепенно, представляя въ ходѣ времени рядъ незамѣтныхъ переходныхъ моментовъ на пути отъ твердаго произношенія согласнаго къ мягкому.

Если мы обратимся къ отраженію этого смягченія въ современномъ языкѣ, то замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ указанная причина можетъ быть безъ труда обнаружена, такъ какъ палятальный гласный сохранилъ до сихъ поръ

---

[1]) Среди этихъ паръ отсутствуетъ согласный *ф*, который появился значительно позже, когда въ языкѣ появились вторично-закрытые слоги и когда затѣмъ конечные звонкіе согласные стали утрачивать свою звонкость.

свою палятальность, напр. *в'ел'і* (вели), *м'ǽл* (мѣлъ). Но есть цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ причина смягченія согласнаго въ современномъ языкѣ уже не можетъ быть усмотрѣна, такъ какъ за такимъ мягкимъ согласнымъ теперь слѣдуетъ или не-палятальный гласный, или твердый согласный, или— наконецъ—мягкій согласный оканчиваетъ собою слово, напр. *м'áсă* (мясо), *м'óдў* (меду), *т'мá* (тьма), *óс'* (ось). Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мягкость согласнаго была вызвана также палятальнымъ гласнымъ, который впослѣдствіи или измѣнился въ гласный не-палятальный, или же исчезъ, оставивъ по себѣ слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго. Такъ, въ случаѣ „*м'áсă*" мягкость *м* была вызвана палятальнымъ носовымъ гласнымъ (срв. ст.-сл. мѧсо, польск. mięso); въ словѣ „*м'óдў*" мягкость согласнаго была вызвана тѣмъ, что въ данную эпоху на мѣстѣ гласнаго *'о* произносился гласный *е* (срв. ст.-сл. медоу, серб. меду); [1]) что касается мягкости согласныхъ въ случаяхъ „*т'ма*", „*ос'*", то она была вызвана гласнымъ *ь* (ĭ), слѣдовавшимъ за этими согласными и впослѣдствіи исчезнувшимъ.

Однако не во всѣхъ частяхъ русскаго языка существуетъ столь широкое развитіе непереходнаго смягченія, какъ мы только-что представили. Существенное уклоненіе въ этомъ отношеніи представляетъ малорусское нарѣчіе, гдѣ въ нѣкоторыхъ изъ отмѣченныхъ случаевъ не наблюдается смягченія согласныхъ, напр. *мэ́ду*, *дэ́н'*, *пы́ты* (=влр. пить) и т. п. Нужно предположить, что діалектическіе задатки этихъ отличій малорусскаго нарѣчія имѣлись и въ прарусскомъ языкѣ, въ которомъ такимъ образомъ уже въ разсматриваемую эпоху намѣчалось развѣтвленіе на два главныя нарѣчія — сѣверно-русское (предокъ великорусско-бѣлорусскаго) и южнорусское

---

1) Примѣръ *л'óн* (ленъ), имѣющій такой же гласный и такъ же обозначаемый въ орѳографіи, представляетъ собою особый случай, такъ какъ въ ст.-сл. этому гласному отвѣчаетъ уже не є, но ь, т. е. ĭ (льнъ).

(предокъ малорусскаго). Тѣмъ не менѣе нѣкоторые случаи непереходнаго смягченія малорусскій языкъ раздѣляетъ съ великорусско-бѣлорусскимъ; сюда относятся: а) смягченіе, вызванное первичнымъ или общеславянскимъ *ѣ*, напр. *м'*іра (=влр. мѣра), а также вторичнымъ или южнорусскимъ *ѣ*, напр. *п'*іч (=влр. печь), *н'*іс (=влр. нёсъ), б) смягченіе, вызванное нѣкогда бывшимъ ь (ĭ), затѣмъ исчезнувшимъ, напр. дэ*н'*, *т'*ма.

II. *Эпоха измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые.*

Необходимо предположить, что измѣненіе это происходило въ болѣе позднее время, чѣмъ развитіе непереходнаго смягченія согласныхъ. Такое предположеніе основывается на слѣдующемъ. Если бы палятальной носовой гласный ę успѣлъ измѣниться въ чистый не-палятальный гласный (*а*) еще до процесса смягченія согласныхъ, то передъ этимъ послѣднимъ гласнымъ теперь не было бы смягченія согласнаго. А между тѣмъ въ такихъ примѣрахъ, какъ *п'*ăт', *м'*ăсă и пр., не смотря на не-палятальный гласный *а*, мы видимъ мягкость предшествующихъ согласныхъ, очевидно сохраненную отъ эпохи палятальнаго носового гласнаго. Что касается другого носового гласнаго, т. е. ǫ, то нужно думать, что переходъ его въ чистый (*у*) происходилъ параллельно съ аналогичнымъ измѣненіемъ уже разсмотрѣннаго носового гласнаго. Подтвержденіе этому представляютъ нѣкоторые изъ современныхъ славянскихъ языковъ, еще и теперь сохраняющіе носовые гласные, каковы—польскій и кашубскій, гдѣ модификаціи въ произношеніи того и другого гласнаго вполнѣ параллельны (срв. пол. mięso || wąsy, т. е. мясо—*усы*; пол. ą=ǫ). Но кромѣ общаго заключенія о томъ, что эпоха измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые слѣдовала за развитіемъ непереходнаго смягченія согласныхъ (а не наоборотъ), мы можемъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ указать приблизительно время полученія въ русскомъ языкѣ чистыхъ гласныхъ изъ носовыхъ.

Можно думать, что къ концу X в. въ русскомъ языкѣ слышались уже чистые гласные на мѣстѣ носовыхъ. Къ такому заключенію насъ приводятъ данныя отъ конца X в. въ сочиненіи Константина Багрянороднаго „Объ управленіи государствомъ“, которыя представляютъ собою древнерусскія названія Днѣпровскихъ пороговъ (не*я*сыть или не*я*сытъ „коршунъ“, гдѣ *я*=ст.-сл. ѩ; вър*у*чи—прич. отъ върѣти „кипѣть“, *у*=ст.-сл. ѫ), переданныя греческимъ письмомъ (*Νεασήτ*, *Βερούτζη*), при чемъ на мѣстѣ носовыхъ гласныхъ стоятъ знаки чистыхъ гласныхъ. Во всякомъ случаѣ къ эпохѣ *Остромирова Евангелія* (т. е. въ половинѣ XI в.) носовые гласные несомнѣнно уже смѣнились чистыми, такъ какъ въ этомъ памятникѣ встрѣчаемъ случаи смѣшенія знаковъ носовыхъ гласныхъ съ знаками чистыхъ, срв. напр. написанія— земл*ю* вм. землѭ, ꙗ вм. ѩ и пр.

Относительно самаго процесса перехода носовыхъ гласныхъ въ чистые также не слѣдуетъ думать, что онъ совершился быстро; на самомъ дѣлѣ оба носовые гласные постепенно измѣнялись въ своемъ качествѣ, прежде чѣмъ утратить носовой характеръ. При этомъ носовой гласный ę на пути своего измѣненія постепенно расширялся, пока не превратился въ предѣльный гласный и уже въ этомъ видѣ потерялъ свой носовой пазвукъ ('ę—>'ę^{a}—>'ą—>'a). Такъ должно думать на томъ основаніи, что если бы гласный *ę перестал быть носовымъ еще до своего расширенія въ *а*, то онъ смѣшался бы съ основнымъ *е* и подобно послѣднему не перешелъ бы уже въ *'а*. Другой носовой гласный (ǫ), наоборотъ, съ теченіемъ времени постепенно съуживался, пока не достигъ предѣльной стадіи узкаго гласнаго *у* съ носовымъ пазвукомъ и только въ этомъ видѣ утратилъ послѣдній. Если бы онъ утратилъ носовой пазвукъ ранѣе процесса съуженія, то подобно основному *о* не измѣнился бы въ *у*.

III. *Эпоха двоякаго развитія *ъ и *ь или — другими словами—эпоха образованія бѣглыхъ гласныхъ.*

Сущность разсматриваемаго явленія заключается въ томъ, что краткіе гласные *ъ (ў) и *ь (ĭ), находясь въ различныхъ положеніяхъ въ словѣ, измѣнялись въ двухъ разныхъ направленіяхъ, именно: тѣ краткіе *ъ и *ь, которые находились на концѣ слова или въ другихъ слабыхъ положеніяхъ, постепенно ослаблялись и наконецъ исчезали, а тѣ, которые занимали болѣе сильное положеніе въ словѣ, постепенно усиливались, измѣняясь по направленію къ гласнымъ *о* и *е*. [1]) Такъ, напр., слова сóн (сонъ) и д'éн' (день) до разсматриваемой эпохи имѣли каждое по два краткихъ гласныхъ (*съ̀нъ̥, *д' ь̀нь̥), изъ которыхъ первые имѣли болѣе сильное произношеніе, а вторые—болѣе слабое. Со временемъ конечные гласные исчезли, а первые расширились, при чемъ гласный *ъ (ў) расширился въ *о*, а *ь (ĭ) въ *е*. Слѣдуетъ думать, что ослабленіе конечныхъ и расширеніе предшествующихъ гласныхъ совершалось не только параллельно, но и въ связи одно съ другимъ, при чемъ расширеніе одного гласнаго какъ бы компенсировало ослабленіе другого. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда на концѣ слова стояли не краткіе *ъ̥ или *ь̥, а полный гласный, то *ъ и *ь предшествующаго слога уже не расширялись, а постепенно ослаблялись до исчезновенія, напр. с^на (*съ̥нá), д'^н'і (*д'ь̥н'ї) и т. д. Двоякое развитіе *ъ (ў) и *ь (ĭ) дало такимъ образомъ въ результатѣ въ русскомъ языкѣ явленіе бѣглыхъ гласныхъ *о* и *е*, т. е. такія чередованія, какъ

---

[1]) То, что гласный *ъ имѣлъ передъ разсматриваемымъ процессомъ звуковое значеніе ў—слѣдуетъ изъ указанія родственныхъ языковъ и прежде всего литовскаго, какъ ближайшаго родича языковъ славянскихъ (срв. напр. м е д ъ, ст.-сл. медъ=литов. med*ŭ*s; с ы н ъ, ст.-сл. сынъ=литов. sūn*ŭ*s и т. п.). Такое произношеніе нужно принять, какъ исходную точку въ нашемъ процессѣ, и для прарусскаго языка на основаніи указаній самого русскаго языка, такъ какъ только изъ *ў могъ чрезъ расширеніе произойти гласный *о*. Съ другой стороны ъ (ў), подвергавшійся ослабленію, постепенно терялъ губность, вмѣстѣ съ чѣмъ уложеніе языка становилось менѣе и менѣе глубокимъ; благодаря этому ослаблявшійся гласный ў постепенно измѣнялся въ сторону *ы* (ў→ўы→ыў→. . . ы).

сонъ || сна, пятокъ || пятка, *ложъ* || лжи, *день* || дня, *отецъ* || отца, *ленъ* || льна, *орелъ* || орла и пр.

Разсматриваемый нами процессъ, подобно процессу измѣненія носовыхъ гласныхъ въ чистые, слѣдовалъ за процессомъ непереходнаго смягченія согласныхъ. Это предположеніе основывается на такихъ случаяхъ, какъ *о́с'* (ось), *д'е́н'* (день), *т'ма́* (тьма) и пр., въ которыхъ мягкость согласнаго была обусловлена присутствіемъ узкаго палятальнаго гласнаго *ь. Если бы исчезновеніе этого гласнаго произошло еще до непереходнаго смягченія согласныхъ, то въ приведенныхъ словахъ этого смягченія не послѣдовало бы. А такъ какъ ослабленіе и исчезновеніе *ь совершалось въ связи съ расширеніемъ предшествующаго ь, то необходимо заключить, что и это послѣднее, т. е. расширеніе, также слѣдовало за эпохой непереходнаго смягченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы вправѣ думать, что и процессъ двоякаго развитія *ъ, шедшій параллельно съ измѣненіемъ *ь, совершался въ одну и ту же эпоху съ послѣднимъ. Нужно прибавить, что процессъ двоякаго (въ зависимости отъ различія условій) развитія *ъ и *ь произошелъ —подобно вообще звуковымъ измѣненіямъ физіологическаго характера — не разомъ, но пройдя цѣлый рядъ незамѣтныхъ переходовъ на своемъ пути къ расширенію или же ослабленію. Въ виду длительности въ развитіи какъ непереходнаго смягченія согласныхъ, такъ равно и бѣглыхъ гласныхъ, мы можемъ допустить, что первый процессъ могъ предшествовать второму лишь своей начальною фазою, въ дальнѣйшемъ же продолжалъ свое развитіе одновременно съ начавшимся вторымъ процессомъ (развитіемъ бѣглыхъ гласныхъ).

Процессъ двоякаго развитія *ъ и *ь совершался не вполнѣ одинаково во всѣхъ частяхъ русскаго праязыка; такъ, въ южнорусской части этого праязыка хотя и произошло ослабленіе конечныхъ *ъ и *ь и тоже въ связи съ расширеніемъ *ъ и *ь въ предшествующемъ слогѣ, но съ тою разницею, что передъ гласнымъ *е*, получившимся изъ *ь, въ современ-

номъ малорусскомъ языкѣ — какъ мы уже упоминали — предшествующій согласный имѣетъ не мягкое, а твердое произношеніе; срв. влр. *д'é*н' (бѣлор. *дз'é*н') || млр. *дэ́*н'.[1])

Непосредственно къ процессу двоякаго развитія *ъ и *ь примыкаетъ явленіе отвердѣнія мягкихъ согласныхъ передъ твердыми, отъ которыхъ раньше они отдѣлялись посредствомъ гласнаго *ь. Однако такое отвердѣніе происходило тогда не во всякихъ группахъ согласныхъ звуковъ, но главнымъ образомъ при соприкосновеніи мягкихъ передне-язычныхъ съ передне-язычными твердыми, срв. тѫрж || распьнѫ.[2]) Въ виду того, что такого рода случаи встрѣчаются уже въ памятникахъ XI в., мы вправѣ заключить, что къ этой эпохѣ успѣло произойти въ части случаевъ отвердѣніе согласныхъ, а слѣдовательно и образованіе бѣглыхъ гласныхъ; какъ непосредственно предшествующее ему.

IV. *Измѣненіе* 'е→'о *въ положеніи передъ твердыми согласными.*

Главнымъ условіемъ, вызывавшимъ это измѣненіе, была *твердость слѣдующаго согласнаго*, какъ это явствуетъ изъ сравненія л'е́ч' || л'о́к, jел' || jо́лка и пр. Въ литературной рѣчи присоединяется еще другое условіе — ударяемость разсма-

---

[1]) Кромѣ того, современный малорусскій языкъ указываетъ еще на одну діалектическую особенность въ разсматриваемомъ процессѣ, а именно ту, что ослаблявшіеся конечные *ъ и *ь вызывали не только расширеніе предшествующихъ *ѣ и *ѣ, но вліяли также и на средніе гласные (*е* и *о*) предшествующаго слога, обусловливая ихъ удлиненіе, соединенное съ видоизмѣненіемъ качества звука; отсюда влр *мёдъ*=млр. м'і д, а влр. *ночъ*= млр. н и ч (гдѣ *н* имѣетъ твердое или же полумягкое произношеніе).

[2]) Въ формѣ тѫрж раньше существовалъ слабый ь между согласными *т'* и *р*, обусловившій непереходное смягченіе согласнаго *т* (затѣмъ отвердѣвшаго); доказательствомъ предполагаемаго гласнаго ь служатъ такія формы, какъ тьреть (Сборн. 1073 г.), гдѣ посредствомъ ь обозначена мягкость перваго согласнаго, сохранявшаяся передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ.

триваемаго гласнаго, но въ окающихъ народныхъ говорахъ это условіе не обязательно, такъ что явленіе наблюдается также въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр. н'єс'і || н'осу́ и т. п. Попытаемся выяснить съ физіологической точки зрѣнія изучаемый процессъ. Измѣненіе 'е→'о состоитъ въ постепенномъ перемѣщеніи артикуляціи отъ средней части языка къ задней въ связи съ одновременнымъ и постепеннымъ развитіемъ съуженія губъ (лябіализаціи), характернаго для *о*, при чемъ измѣненіе это на своемъ пути отъ *е* къ *о* должно было пройти цѣлую непрерывную цѣпь переходныхъ нюансовъ е. . . .е°. . . . о. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ твердый согласный могъ вліять на переходъ предшествующаго гласнаго *'е* въ *'о*, напр. въ словѣ „*медъ*". Съ точки зрѣнія физіологіи *современнаго* намъ произношенія изслѣдуемое явленіе не объяснимо, такъ какъ твердый согласный, оканчивающій собою слово, имѣетъ резонансовый аккомпаниментъ *ы*, совершенно лишенный лябіализаціи, а потому не способный вызывать губной оттѣнокъ въ предшествующемъ гласномъ. Но это измѣненіе станетъ совершенно понятнымъ, если мы допустимъ, что въ эпоху, когда оно зарождалось, конечное ъ еще звучало, сохраняя при этомъ въ той или иной степени свойство лябіальнаго гласнаго, отъ котораго произошло, т. е. краткаго *у*. Понятно, что произносившееся такимъ образомъ ъ сообщало лябіальный оттѣнокъ и предшествующему согласному,[1]) а этотъ послѣдній въ свою очередь стоявшему передъ нимъ гласному *'е*. Изъ этого мы заключаемъ, что эпоха измѣненія *'е* въ *'о* не слѣдовала за законченною эпохою развитія бѣглыхъ гласныхъ, но своею значительною частью заходила въ эту послѣднюю. Что касается случаевъ, когда слѣ-

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, и въ современномъ русскомъ языкѣ мы наблюдаемъ такое вліяніе послѣдующихъ губныхъ гласныхъ *о* и *у* на предшествующій согласный, состоящее въ томъ, что лябіальный укладъ этихъ гласныхъ своей экскурсіей заходитъ въ моментъ предшествующаго согласнаго (стр. 71 сл.).

довавшій за гласнымъ *'е* твердый согласный сочетался съ вполнѣ опредѣленными губными гласными, напр. м е *д у* и т. п., то эти случаи такъ же легко объясняются вышеприведенными соображеніями. Остаются безъ объясненія тѣ случаи, гдѣ за твердымъ согласнымъ слѣдовали не-губной гласный (напр. с е-*л а*), или другой согласный (напр. в е с *л а*); можно предполагать, что здѣсь произошло расширеніе явленія, т. е. что звукъ *'е* сталъ получать нюансъ е° вообще при слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Описанному измѣненію 'е⟶'о подвергалось не только основное *'е*, но и то *'е*, которое развивалось изъ *ѣ въ эпоху образованія бѣглыхъ гласныхъ, напр. п *ё* с ъ (ст.-сл. пьсъ). Слѣдуетъ думать, что гласный *ѣ расширялся не одинаково передъ мягкими и твердыми согласными, при чемъ болѣе широкая его разновидность присоединилась къ процессу измѣненія основного *'е* въ *'о*.

Особенность представляютъ такіе случаи, какъ: т в *е* р-д ы й, т *е* м н ы й и т. д. Въ прарусскомъ языкѣ здѣсь группа внутреннихъ согласныхъ была раздѣлена краткимъ гласнымъ ъ, такъ что основа приведенныхъ словъ имѣла слѣдующій видъ: *т в ѣ р ь д-, *т ѣ м ь н-. Слѣдуетъ думать, что здѣсь слабое ь стало исчезать раньше, чѣмъ между другими согласными; благодаря этому, мягкій согласный здѣсь рано пришелъ въ соприкосновеніе съ послѣдующимъ твердымъ (отъ котораго раньше отдѣлялся посредствомъ ъ) и ассимилировался ему по твердости. Очевидно, что эта ассимиляція успѣла произойти до эпохи измѣненія 'е⟶'о, такъ что *'е* предшествовавшее отвердѣвшему согласному присоединилось къ этому процессу. [1]) Съ другой стороны, такое же раннее исчезновеніе ъ между согласными, изъ которыхъ послѣдующій былъ мягкимъ (напр.

---

[1]) Если однако за слогомъ *рь* слѣдовалъ не передне-язычный, а губной или заднеязычный твердый согласный, то *р'* сохранялъ свою мягкость, а потому и не происходило измѣненія 'е ⟶ 'о, срв. п е р в ы й, в е р х ъ и т. д.; вполнѣ понятно, что это измѣненіе не происходило также въ томъ случаѣ, если послѣдующій согласный былъ мягкій.

*лѣгъчe), повело къ ассимиляціи перваго согласнаго второму по мягкости (*лекче* или *лехче*); по этой причинѣ предшествующее *'е*, очутившись передъ смягченнымъ согласнымъ, не могло уже примкнуть къ процессу измѣненія 'е—>'о.

Такіе случаи, какъ от*е*цъ, гдѣ, не смотря на ударенность гласнаго *е* и твердость слѣдующаго согласнаго, не произошло измѣненія 'е—>'о, объясняются тѣмъ, что въ ту эпоху согласный *ц* былъ еще мягкимъ, когда же онъ отвердѣлъ, процессъ измѣненія 'е—>'о уже миновалъ и вліяніе твердаго согласнаго на предшествующее 'е могло проявиться только въ нѣкоторомъ расширеніи этого послѣдняго. Напротивъ того, передъ твердыми шипящими (*ш* и *ж*) мы обычно встрѣчаемъ 'о (благодаря вліянію аналогіи), хотя они въ эпоху измѣненія 'е—>'о вѣроятно были также мягкими, какъ и *ц*.

Изъ того обстоятельства, что *'е* изъ **ѣ* не подверглось измѣненію въ *'о*, слѣдуетъ заключить, что въ разсматриваемую эпоху произношеніе его отличалось какъ отъ основного *'е*, такъ и отъ *'е*, развивавшагося изъ *ъ.

Можно думать, что къ эпохѣ *Остромирова Евангелія* процессъ измѣненія *'е—>'о* въ сѣверно-русской діалектической области уже болѣе или менѣе совершился (срв. такія написанія въ Остром. Ев., какъ иєрданъ, иєрданьская, єрданьсцѣи = греч. *τὸν Ἰορδάνην* и пр., изъ которыхъ можно заключить о произношеніи въ этихъ словахъ буквы є приблизительно какъ *jo*), а потому становится вѣроятнымъ, что дьяконъ Григорій, списывавшій это Евангеліе, уже произносилъ въ обыденной рѣчи такое же 'о вм. 'е въ указанныхъ положеніяхъ, напр. л'óн, м'óду, н'осý и т. п., хотя на письмѣ и пользовался въ такихъ случаяхъ, соотвѣтственно тогдашнему правописанію, буквами є и ь. Описанный нами процессъ измѣненія 'е—>'о происходилъ также въ южно-русской вѣтви, хотя здѣсь онъ не былъ столь широко развитъ какъ въ сѣверной.

Описаніемъ процесса измѣненія 'е—'о мы и заканчиваемъ обзоръ фонетическаго состоянія русскаго праязыка, такъ

какъ дальнѣйшіе процессы совершались уже въ историческое время и запечатлѣны въ памятникахъ письменности.

Что касается морфологическихъ процессовъ, совершавшихся въ прарусскомъ языкѣ, то они продолжали собою тѣ тенденціи, какія намѣтились еще въ праславянскомъ, напр. въ области склоненія продолжался *процессъ дальнѣйшаго смѣшенія типовъ и дифференцированія ихъ по родамъ.*

* * *

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Историческое время развитія русскаго языка начинается собственно со второй половины XI в., отъ которой до насъ сохранились древнѣйшіе письменные памятники. Строго говоря, памятники эти лишь отчасти отражаютъ состояніе русскаго языка того времени, такъ какъ всѣ они не представляютъ собою настоящихъ русскихъ книгъ, а только списки со старо-славянскихъ оригиналовъ русскими людьми. Правда, старо-славянскій языкъ былъ настолько близокъ тогдашнему русскому, что для пониманія церковно-славянскаго текста не требовалось спеціальнаго перевода, но тѣмъ не менѣе извѣстныя различія между этими языками существовали. А разъ это такъ, то русскіе люди, читая произведенія старо-славянской письменности, невольно допускали въ своемъ произношеніи особенности русской рѣчи, а переписывая, легко впадали въ ошибки противъ оригинала, подставляя тамъ и сямъ написанія, болѣе соотвѣтствовавшія русскому произношенію. Именно на основаніи такого рода отступленій отъ древняго церковно-славянскаго текста изслѣдователь и можетъ до нѣкоторой степени составить себѣ представленіе о древнѣйшей исторической эпохѣ русскаго языка. Для дальнѣйшихъ эпохъ въ распоряженіи изслѣдователя имѣются уже и другіе памятники, не списанные со старо-славянскаго текста, но самостоятельно составленные, съ большею или меньшею однакожъ

примѣсью старо-славянскаго элемента, обусловленною привычкой къ старо-славянскимъ написаніямъ. Излагая ходъ развитія русскаго языка въ историческое время, мы расположимъ матеріалъ по столѣтіямъ, при чемъ будемъ подводить итоги въ каждомъ изъ нихъ тѣмъ новымъ чертамъ, которыя выступаютъ въ памятникахъ соотвѣтствующаго вѣка, начиная съ половины XI в. и кончая нашимъ временемъ.

XI-ый вѣкъ.

Число датированныхъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ данному столѣтію, очень ограничено, не болѣе семи; кромѣ того къ этому же столѣтію относятъ нѣсколько памятниковъ, не имѣющихъ даты. Важнѣйшими памятниками являются слѣдующіе: Остромирово Евангеліе (1056—1057 г.), Минеи (1095, 1096 и 1097 г.), два Сборника Святослава (1073 и 1076 г.) и нѣк. др. По мѣсту своего происхожденія первые два изъ названныхъ памятниковъ писаны въ Новгородѣ, а послѣдніе, т. е. оба Сборника Святославовы—въ Кіевѣ. Въ зависимости отъ этого указанныя двѣ группы памятниковъ кромѣ общерусскихъ чертъ содержатъ и нѣкоторыя такія, которыя отражаютъ діалектическія особенности соотвѣтствующихъ нарѣчій того времени. Конечно, этимъ не ограничивалось діалектическое разнообразіе русскаго языка XI-го вѣка, но изслѣдователь лишенъ возможности говорить о другихъ нарѣчіяхъ даннаго вѣка по отсутствію для нихъ письменныхъ памятниковъ. Въ своемъ изложеніи мы остановимся сначала на чертахъ общерусскихъ, а затѣмъ отмѣтимъ и черты діалектическія.

Указывая общерусскія языковыя черты, свойственныя XI-ому вѣку, мы должны оговориться, что намъ снова придется останавливаться на нѣкоторыхъ уже разсмотрѣнныхъ явленіяхъ, которыя отъ временъ праруcскаго языка сохранились до изучаемаго времени, отразившись въ письменныхъ памят-

никахъ этого вѣка. Кромѣ этихъ явленій, для которыхъ мы можемъ ограничиться иногда простымъ приведеніемъ примѣровъ, намъ придется отмѣтить и такія явленія, которыя возникли позже, такъ какъ время XI-го вѣка не непосредственно примыкаетъ къ прарусской эпохѣ, но отдѣлено отъ послѣдней нѣкоторымъ періодомъ, отъ котораго мы не имѣемъ письменныхъ памятниковъ и въ теченіе котораго происходило разселеніе и діалектическое дробленіе русской вѣтви славянства. Эти послѣднія явленія мы разсмотримъ уже съ большей обстоятельностью и постараемся разъяснить способъ ихъ происхожденія. Въ общемъ итогѣ русскій языкъ XI-го вѣка характеризуется слѣдующими чертами фонетическими и морфологическо-синтаксическими, по-скольку онѣ отражаются въ памятникахъ этого вѣка: 1) *ж* и *ч* (въ соотвѣтствіи съ ст.-слав. жд и шт, изъ праслав. *ďj и *ťj); 2) звуки чистыхъ гласныхъ вмѣсто носовыхъ; 3) полногласіе; 4) сложившееся уже явленіе бѣглыхъ гласныхъ; 5) случаи *ё* изъ *е*; 6) существованіе мягкихъ губныхъ и передне-язычныхъ, а также вѣроятно уже съ нѣкоторой мягкостью и задне-язычныхъ; 7) частичное смѣшеніе нѣкоторыхъ типовъ и формъ въ склоненіи существительныхъ подъ вліяніемъ факторовъ аналогіи и дифференціаціи, а также фонетическихъ измѣненій; 8) склоненіе простыхъ прилагательныхъ по всѣмъ падежамъ; существованіе въ сложномъ склоненіи длинныхъ окончаній и начало вліянія на него мѣстоименнаго склоненія; 9) существованіе разнообразныхъ типовъ образованія прошедшихъ временъ и прич. наст. дѣйств. на *-а*, *-аи*. Перейдемъ теперь къ частному разсмотрѣнію указанныхъ явленій. [1])

---

[1]) Приводя примѣры, мы опускаемъ надстрочные значки, ставившіеся въ извѣстныхъ случаяхъ надъ буквами, удерживая ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на нихъ опирается какой-нибудь фонетическій выводъ, а также для большей простоты вмѣсто буквы ѩ будемъ писать *я*, вм. оу — *у*, такъ какъ подобныя детали письма относятся къ палеографіи.

1) Примѣры *ж* и *ч*, ошибочно поставленныхъ на мѣстѣ старо-славянскихъ жд и шт: заблѫжѫшихъ, прѣ*ж*е, ро*ж*еныи, прихо*ж*ѫ (Остр. Ев.), зи*ж*ѫштеи, клеве*ч*ѫть, трепе*ч*уште (Изб. 1073), невѣ*ж*а (Мин. 1095) и др.

2) Примѣры начертаній чистыхъ гласныхъ на мѣстѣ знаковъ носовыхъ гласныхъ и обратно: бо*ю*ся || боѭся, *я*зыкъ || ѩзыкъ (Остр. Ев.); блаше (Изб. 1073), крьштати сѧ (Сб. 1076), дьаволъ (Мин. 1095) и т. п.

3) Примѣры словъ съ первымъ полногласіемъ вмѣсто ст.-сл. перестановки: в*оло*димира, новѣг*оро*дѣ, п*ере*гнѫвъ (Остр. Ев.), п*оло*нъ „плѣнъ", п*оло*ньникъ (Изб. 1073), законъ х*оро*нити „хранить", доброн*оро*вие, в*ере*дихъ „вредилъ" (Сб. 1076) и т. д.

4) Примѣры, доказывающіе, что старо-славянскимъ ъ и ь уже въ XI вѣкѣ соотвѣтствовали въ русскомъ языкѣ въ однихъ условіяхъ (болѣе сильныхъ)—гласные типа *о* и *е*, а въ другихъ (болѣе слабыхъ)—отсутствіе гласнаго: а) ст.-сл. „смокъвьница" встрѣчается въ Остр. Ев. также и съ буквою *о*—смок*о*вьница; тамъ же окончаніе Тв. ед. въ склоненіи типа „рабъ" встрѣчается въ видѣ -ъмь || -*о*мь; подобнымъ образомъ находимъ чередованіе окончаній -ьмь || -*е*мь (именьмь || имен*е*мь), -ьхъ || -*е*хъ (ѩсльхъ || ѩсл*е*хъ) и т. п.; б) вм. обычнаго „кънигы" въ Остр. Ев. встрѣчаемъ также книгы (тоже въ послѣсл. къ Изб. 1073—книгамъ) или вм. „сътвори"—створи и, наоборотъ, вм. обычнаго „югда" одинъ разъ встрѣчается написаніе югъда, т. е. съ лишнимъ ъ, доказывающее, что въ этомъ положеніи ъ уже не имѣлъ звукового значенія, а являлся лишь показателемъ твердости предшествующаго согласнаго и игралъ слогоотдѣлительную роль; такія написанія, какъ всакъ вм. „вьсакъ" (т. е. всякій), доказываютъ, что на мѣстѣ прежняго слабаго ъ уже не про-

износился гласный, самое же начертаніе ь обозначало лишь мягкость согласнаго. [1])

Присоединимъ еще примѣры отраженія памятниками изучаемаго вѣка т. наз. „второго“ полногласія, подтверждающіе вмѣстѣ съ тѣмъ высказанное соображеніе о рефлексахъ ъ и ь въ русскомъ языкѣ XI в.; такъ, въ Остр. Ев. при ст.-слав. формѣ „*влъкъ*“ встрѣчается также *в ъ л к ъ*, или при „*връху*“— полногласная форма *върьхж* (ж вм. у), чередующаяся съ написаніемъ *в ъ р х у* и просто *в ъ р х а*; [2]) отсюда мы видимъ, что и въ случаяхъ второго полногласія вторые ъ и ь уже не произносились, хотя въ нѣкоторыхъ группахъ согласныхъ иногда и могъ слышаться мимолетный переходный гласный, какъ иногда случается и въ современномъ языкѣ въ качествѣ индивидуальной особенности; что же касается первыхъ ъ и ь, то на мѣстѣ ихъ—надо думать—произносились уже гласные типа *о* и *е* (срв. написаніе *жестосеръдыимъ* Д. мн., въ Мин. 1095 г.). Исчезновеніе ъ и ь повело къ тому, что въ языкѣ снова *появились* закрытые слоги, которые заканчивались тогда какъ глухими, такъ и звонкими согласными. Послѣдніе со временемъ, находясь въ концѣ слова или внутри передъ глухими согласными, приглушаются, но не слѣдуетъ думать, что это приглушеніе наступило непосредственно вслѣдъ за исчезновеніемъ ъ и ь, ибо діалектически въ малорусскомъ звонкость ихъ сохраняется даже до настоящаго времени. Что касается согласнаго *в*, то онъ вмѣсто приглушенія подвергался діалектически измѣненію въ полугласный *w* (ў), о чемъ быть можетъ свидѣтельствуютъ такіе случаи въ Изб. 1073 г., какъ *у с е л'е н у ю* „вселенную“ рядомъ съ написаніемъ *въ*

---

[1]) Иногда на мѣстѣ пропущенныхъ начертаній ъ и ь ставился надстрочный значекъ ʿ или, надъ буквой предшествующаго согласнаго.

[2]) Примѣровъ этого рода написаній довольно много какъ въ Остром. Ев., такъ и въ прочихъ памятникахъ XI в.

вм. *у*, напр. „и *вѣ* г о д ь н о будеть богу“; [1]) въ тѣхъ же діалектахъ, гдѣ такого измѣненія *в* въ полугласный не было, тамъ развивалось приглушеніе этого согласнаго, какъ и другихъ звонкихъ согласныхъ.

5) Въ XI вѣкѣ уже существовали въ языкѣ мягкіе согласные передне-язычные и губные. Доказательствомъ существованія указанныхъ смягченныхъ согласныхъ въ разсматриваемую эпоху служатъ такіе примѣры, какъ и *дя* а ш е, жи*вя* а ш е, и *мя* а ш е (Остр. Ев.), *бл*ѧ а ш е (Изб. 1073 г.) и т. п. Эти написанія свидѣтельствуютъ о существованіи въ это время въ русскомъ языкѣ мягкихъ *д*, *в*, *м* и пр. Единственнымъ же источникомъ для возникновенія мягкости этихъ согласныхъ, какъ мы знаемъ, могли быть лишь смягчающіе гласные, въ томъ числѣ *ь*.

Что касается задне-язычныхъ согласныхъ, то есть основаніе думать, что въ XI в. діалектически начинаютъ появляться случаи нѣкоторой мягкости задне-язычныхъ согласныхъ въ сочетаніхъ *кы*, *гы*, *хы*, въ которыхъ одновременно съ измѣненіемъ *ы* въ сторону *і* соотвѣтственно перемѣщалась впередъ и артикуляція указанныхъ согласныхъ; правда, примѣры, подтверждающіе это явленіе, относятся къ области заимствованныхъ словъ (таковы напр.—с *ки* н и я Остр., с *ки* п т р ъ Мин. 1097), но тѣмъ не менѣе смягченное *к* уже существовало въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ, ибо оно уже появляется на мѣстѣ *ц* въ формѣ Д. Предл. ед. склоненія на -*а*, напр. дъмъкѣ вм. *дъмъцѣ (собственное имя) въ Мин. 1096 г. [2]) Необходимо еще отмѣтить присутствіе формъ Д. и Предл. ед. съ окончаніемъ -*кѣ* вм. -*цѣ* отъ прилагатель-

---

[1]) Отмѣтимъ однако написаніе оусєлєнѫѭ (В. ед.) также въ *Мар. Ев*, Лук. II, 1), т. е. старо-славянскомъ памятникѣ не-русской редакціи; второе же слово съ начальнымъ *v* встрѣчается еще въ чешскомъ (*v*hodný). Въ обоихъ случаяхъ можно видѣть чередованіе префиксовъ *въ* и *у*.

[2]) Именно—въ записи: стая бце помагаи рабу своему д ъ м ъ *кѣ* на мънога лѣта аминъ.

ныхъ на *-скъ* въ Изборн. 1073 г.: противу золобѣ женьс*кѣ*, въ ч҃лчс*кѣ*и души.

6) Въ разсматриваемомъ столѣтіи на мѣстѣ основно-русскаго *е* при извѣстныхъ условіяхъ уже произносился гласный болѣе или менѣе близкій къ *о*, о чемъ уже говорилось раньше (стр. 273).

7) Смѣшеніе нѣкоторыхъ типовъ и формъ склоненія существительныхъ, начавшееся еще въ славянскомъ праязыкѣ, къ половинѣ XI в. достигло въ русскомъ языкѣ болѣе значительной степени. Такъ, типы *муж. р.* „рабъ“ и „сынъ“ кромѣ И. В. ед. смѣшиваются еще и въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ вслѣдствіе дальнѣйшаго распространенія окончаній второго типа на первый; сюда относятся падежи Р. ед. и мн.; такъ, въ Изб. 1073 г. читаемъ вмѣсто „отъ льна“—„отъ льн*у*“, вмѣсто „плодъ“ или „трудъ“—„плод*овъ*“ и „тру*довъ*“, также—„чар*овъ*“ вм. чаръ, „грѣх*овъ*“ при параллельной формѣ „грѣх*ъ*“; [1]) въ мягкомъ склоненіи аналогичное окончаніе пишется черезъ *-евъ*, напр. „врач*евъ*“ (окончанія *-у* и *-овъ* || *-евъ* перенесены изъ второго типа). Съ другой стороны и во второмъ типѣ встрѣчаемъ въ тѣхъ же падежахъ окончанія перваго типа, напр. въ Остром. Ев.—Р. ед. „врьх*а*“ на ряду съ „до врьх*у*“ (слово это первоначально принадлежало къ склоненію основъ на -ŭ-, срв. литов. virš*ù*s); можно предположить, судя по современнымъ результатамъ, что уже тогда начала создаваться дифференціація окончаній *-а* и *-у* по особымъ оттѣнкамъ значенія и другимъ условіямъ употребленія, независимо отъ первоначальной принадлежности слова къ тому или другому склоненію. [2]) Кромѣ смѣшенія

---

[1]) По-видимому, окончаніе *-овъ* раньше всего появляется въ тѣхъ именахъ, въ которыхъ удареніе во мн. ч. падало на падежное окончаніе.

[2]) Такъ, въ примѣрѣ «отъ льн*у*» мы видимъ сочетаніе вещественнаго названія съ предлогомъ исходнаго значенія, а затѣмъ присоединяются и другіе оттѣнки значенія и вообще другіе моменты; такъ, въ XIV в. мы уже встрѣчается: со брег*у*, до тръг*у*, т. е. исходный и достигательный от-

указанныхъ типовъ именъ существительныхъ муж. рода мы встрѣчаемъ смѣшеніе и въ именахъ существительныхъ *ср. р.* между типами „тѣло“ (основа содержала суффиксальный слогъ -ес-) и „лѣто“ (безъ такого слога); срв. въ Изб. 1073 г. тѣ*лесе* (Р. ед.), тѣ*леса* (И. В. мн.), тѣ*лесъ* (Р. мн.) || тѣлу (Д. ед.), тѣлъмь (Тв. ед.). Толчокъ къ такому смѣшенію далъ И. В. ед., совпавшій въ обоихъ типахъ уже въ слав. праязыкѣ. Что же касается склоненія существительныхъ *жен. рода* на *-я* (*-а*), то въ немъ также начинаютъ появляться случаи смѣшенія нѣкоторыхъ падежныхъ формъ съ другими типами. Прежде всего въ Род. ед. мягкаго склоненія рядомъ съ окончаніемъ *-я* || *-ѣ* появляются формы на *-и*, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ склоненія словъ того же рода на -ь (напр. дверь, кость), благодаря чему получалась гармонія съ соотвѣтствующимъ окончаніемъ (*-ы*) твердаго склоненія; срв. въ сѣв.-рус. Род. ед. Е ѵ ф р о с и н и *і*, о т р о к о в и ч *и* (Мин. 1095 г.). Такимъ образомъ въ женскомъ мягкомъ склоненіи получились три одинаковыя формы для падежей Р. Д. и Предл. ед., что въ свою очередь вызывало потребность дифференцировать Род. падежъ отъ двухъ другихъ (болѣе родственныхъ между собою по смыслу); это и достигалось распространеніемъ въ этихъ послѣднихъ соотвѣтствующаго окончанія изъ твердаго склоненія, напр. въ п у с т ы н *ѣ* (Мин. 1096 г.). Отмѣтимъ, далѣе, въ склоненіи словъ *муж. рода* распространеніе формы Родит. ед. на Вин. ед. въ названіяхъ лицъ и вообще одушевленныхъ предметовъ, напр. „рабъ гн҃*а* своего славить“ (Изб. 1073 г., л. 28г). Толчокъ къ такому преобразованію могъ идти отъ случаевъ, когда при дѣйствительномъ глаголѣ стояло отрицаніе и названіе объекта ставилось уже въ Род. падежѣ; срв. въ Остром. Ев. (Іо. IV, 16—17) выраженія: призови м ѫ ж *ь* твои (Вин. ед.) || не имамъ м ѫ ж *а* (Род. ед.). Впрочемъ въ нѣкоторыхъ типичныхъ выра-

---

тѣнки значенія отъ именъ, не принадлежащихъ къ названіямъ вещественнымъ, и т. п.

женіяхъ еще продолжало сохраняться сходство съ И ед., какъ видно изъ такихъ выраженій лѣтописи, какъ: „поимемъ жену его Вольгу *за князь свой Малъ*“.

Намъ осталось указать еще на замѣну окончанія ѧ въ мягкомъ склоненіи не только черезъ *-я (-а)*, но еще и черезъ *-ѣ*, а именно въ падежахъ Р. ед. и И. В. мн. женскаго рода и В. мн. муж., напр. въ Остр. Ев.: великыя недѣл*ѣ* (Р. ед.), потъ ѥго яко капл*ѣ* кръви (И. мн.); Изб. 1073 г.: отъ троиц*ѣ* (при болѣе частомъ—„отъ троиц*а*“) л. 8ᵗ, и др.; обыкновенно послѣднее окончаніе считается исконно-русскимъ, а первое—церковно-славянизмомъ.

8) Прилагательныя (а также причастія) простыя въ XI в. склонялись еще по всѣмъ падежамъ подобно существительнымъ, напр.: на мъног*а* лѣта (Мин. 1096, приписка), мъног*амъ* душамъ (Остром. Ев., запись) и т. п. Что касается сложныхъ прилагательныхъ (и причастій), то они встрѣчаются въ памятникахъ XI в. въ двоякой формѣ—съ повтореніемъ гласнаго (того же или однороднаго) передъ конечнымъ слогомъ и безъ такого повторенія, напр. въ Изб. 1073 г.: обидим*аа*го, сир*уу*му, ближън*юу*му, храняшт*ии*мъ, различън*ыи*хъ и т. д. || съмрътън*а*го, супротивън*ы*хъ и пр. [1])

Примѣчаніе. Нѣкоторые изслѣдователи окончанія *-ааго* и *-уму* выводятъ фонетически изъ *-аего* и *-уему*, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ старо-славянскихъ памятникахъ. Однако мы не находимъ тѣхъ общихъ фонетическихъ законовъ, къ которымъ можно было бы свести такое звуковое измѣненіе. Не считая это преобразованіе фонетическимъ, мы его объясняемъ приноровленіемъ къ формамъ съ *-ии-*, гдѣ уже имѣлось повтореніе одного

[1]) Въ былинной поэзіи, а также въ нѣкоторыхъ сѣв.-влр. народныхъ говорахъ сохранились образованія съ *-ыи-* и *-ии-*; срв. въ былинѣ о Святогорѣ (Гильфердингъ, Онежскія былины, 1873 г., стр. 6):

На тыхъ горахъ высок*ii*хъ
На той на Святой Горы.
Былъ богатырь чюдн*ыи*.

и того же гласнаго. Что касается окончаній мягкаго склоненія *-яаго, -юуму*, то они при нашемъ толкованіи не представляютъ затрудненія, такъ какъ гласные *'а* и *'у* (т. е. съ мягкой экскурсіей) при повтореніи или, точнѣе, продленіи могли дать лишь гласные *а* и *у* (уже безъ мягкой экскурсіи).

Рядомъ съ приведенными образованіями имѣются такія, которыя обязаны вліянію мѣстоименнаго склоненія. Сюда относятся окончанія Дат. ед. муж. и ср. на *-ому -ему*, встрѣчающіяся уже въ памятникахъ XI в., напр. благовѣрьн*ому*, ближьн*ему* (Изб. 1073) и др., по образцу мѣстоименныхъ формъ т*ому*, *ему* и др. Формы Р. ед. съ окончаніями *-ого* и *-его* извѣстны за данное время лишь въ мѣстоименныхъ образованіяхъ, напр. въ Изб. 1073 г. — он*ого*, всяк*ого*, нѣк*ого*, юдин*ого* и пр. Кромѣ того въ И. ед. муж. рода первичное окончаніе *-ы* [1]) (|| -ыи) замѣнялось черезъ *-ои* подъ вліяніемъ соотвѣтствующей формы притяжательныхъ мѣстоименій и въ гармоніи съ окончаніями *-ому* и *-ого*, срв. Мин. 1095—бл҃г*ои* чл҃колюбьче. [2])

9) Въ области г л а г о л а въ памятникахъ русскаго языка XI в. тѣ же временныя образованія, какъ и въ старо-славянскомъ, т. е. настоящее время, имперфектъ (прош. несоверш. съ аористическимъ окончаніемъ), перфектъ (сложное образованіе для передачи такого прошедшаго, результаты котораго еще налицо), аористъ (прош. совершенное историческое) и будущее

---

[1]) Мы признали первичнымъ окончаніе *-ы*, такъ какъ только оно могло произойти изъ *ъ͡+і; къ этому окончанію восходятъ и соотвѣтствующіе рефлексы въ современныхъ славянскихъ языкахъ, а также отчасти въ русскомъ (именно въ бѣлорусскомъ нарѣчіи); это окончаніе встрѣчается и въ памятникахъ XI в., напр. въ Остром. Еванг. ст*ы* (въ записи), Мин. 1095 г. чьстън*ы* крстъ, Изб. 1073 г. чист*ы* и др. Что же касается окончанія *-ыи*, то оно представляетъ собою подновленіе ради гармоніи по виду и числу слоговъ съ другими сложными падежными формами прилагательныхъ.

[2]) Присутствіе окончанія *-ои* (И. Зв. ед. прилагат.) въ памятникѣ новгородскомъ гармонируетъ съ данными современной діалектологіи; на томъ же основаніи мы не ожидаемъ этого окончанія въ памятникахъ южнорусскихъ (срв. выше стр. 343, пунктъ 10-ый).

(несовершеннаго и совершеннаго вида). Однако мы замѣчаемъ и нѣкоторыя отличія въ этихъ образованіяхъ, зависѣвшія отъ особенностей русскаго языка. Такъ, въ *имперфектѣ* вмѣсто старо-славянскаго сочетанія *-ѣа-* передъ окончаніями (напр. идѣаше 3 ед.) нерѣдко встрѣчаемъ написанія съ *-яа-*, напр. и д *я а* ш е, Остром. Ев.; кромѣ этихъ протяженныхъ формъ существуютъ еще простыя съ однимъ *-ѣ-* (напр. идѣше), которымъ въ русскомъ произношеніи вѣроятно соотвѣтствовали образованія съ гласнымъ -ʾа-, напр. и д я ш е, каковыя написанія и встрѣчаемъ впослѣдствіи въ качествѣ господствующихъ. Что касается сложнаго прошедшаго съ значеніемъ *перфекта* (напр. неслъ ѥсмь и т. п.), то въ немъ глаголъ „быть" начинаетъ уже опускаться, срв. въ написи на Тмутораканскомъ камнѣ: „Глѣбъ князь м ѣ р и л ъ" (вм. мѣрилъ ѥсть). При этомъ причастныя формы на *-лъ*, исключительно примѣнявшіяся въ сложныхъ временахъ, удерживали еще это окончаніе и тамъ, гдѣ теперь оно оказывается уже утраченнымъ, срв. въ Изб. 1073 г.: п о г р е б *л ъ*, в ъ з д р а с *л ъ*, у м ь р'*л ъ* и т. п. Изъ причастныхъ формъ, употреблявшихся самостоятельно, а не для образованія временъ, отмѣтимъ причастія наст. и прош. времени дѣйств. залога, которыя, совпадая своими сложными формами (напр. текыи—прич. наст. и прош.), потребовали различенія; благодаря этому мы встрѣчаемъ въ XI в. причастныя формы *наст. времени* типа „т е к *а и*" (Изб. 1073 г.), по образцу которыхъ и соотвѣтствующія простыя формы смѣнили свое *-ы* на *-а* (тек*а* вм. тек*ы*); эти замѣны произошли по аналогіи къ существовавшимъ въ языкѣ первичнымъ формамъ того же причастія во второмъ спряженіи, изъ которыхъ сложныя оканчивались на *-яи* (т. е. -'аи), а краткія на *-я* (т. е. -'а).

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ относительно д і а л е к т и ч е с к и х ъ ч е р т ъ, выступающихъ въ памятникахъ XI в. Къ такимъ чертамъ въ новгородскихъ памятникахъ нужно отнести взаимную мѣну *ц* и *ч*; такъ, въ

Минеѣ 1095 г. встрѣчаемъ—*ц* вм. *ч*: наставьни*ц*е (вм. -че, Зват. ед.), слн*ц*ьныя (В. мн. муж.), четвероконь*ц*ьнии и пр.; *ч* вм. *ц*: ру*ч*ѣ (двойств. число), коньчи (И. мн.), про*ч*вьте и др.; само собою понятно, что эти орѳографическія погрѣшности встрѣчаются рядомъ съ правильными написаніями. Другою чертою сѣверно-русскихъ новгородскихъ памятниковъ XI в. служитъ встрѣчающаяся въ нихъ замѣна 'аС' черезъ *е* или *ѣ* (срв. стр. 257), напр.: въ Минеѣ 1095 г.—въждедая, сугаж*е*нинъ; въ Минеѣ 1097 г.—див*ѣ*щеся; въ Путятиной Минеѣ XI в.—бол*ѣ*щиимъ). Въ аналогичныхъ условіяхъ *ѣ* замѣняется иногда черезъ *и*, напр. въ Минеѣ 1096 г.: лицем*и*рьствовавъ, търьп*и*нию, претьрьп*и*лъ юси, нев*и*дѣния.

Что касается діалекта Изборниковъ Святослава, то уже Буслаевъ видѣлъ въ нихъ памятники южно-русскаго языка на основаніи чертъ, которыя онъ признавалъ за малорусскія; таковыми онъ считалъ случаи замѣны *ѣ* через *и* и частое отсутствіе окончанія *-ть* въ 3 ед. наст., напр. въ Изб. 1073 г., л. 153[г]—пламен*и*ю („пламенѣетъ, пылаетъ“) вм. пламе*нѣють*. Однако такая характеристика діалекта Изборниковъ Святослава не раздѣляется всѣми изслѣдователями; нѣкоторые видятъ въ діалектѣ названныхъ памятниковъ предка великорусскаго юга. Къ сожалѣнію Изборники Святослава пока еще не изучены съ достаточною полнотою.

Заканчивая обзоръ явленій русскаго языка за древнѣйшую историческую эпоху, т. е. за вторую половину XI в., мы оговоримся, что остановились на ней съ особенною подробностью въ виду того, что она представляетъ какъ бы исходную базу для изложенія дальнѣйшаго историческаго развитія русскаго языка; при обзорѣ послѣдующихъ вѣковъ мы будемъ уже болѣе кратки, ограничиваясь указаніемъ на появленіе новыхъ чертъ въ памятникахъ или же утрату прежнихъ, при чемъ будемъ приводить лишь древнѣйшіе примѣры.

XII-ый вѣкъ.

Къ памятникамъ этого вѣка, кромѣ книгъ церковныхъ и назидательныхъ (Мстиславово Ев. около 1115 г., Галицкое Ев. 1144, Добрилово Ев. 1164 г., два новгородскихъ стихираря 1157 г. и около 1163 г.; также къ XII или XIII в. по соображеніямъ палеографическимъ въ связи съ языковыми данными относятъ Житіе Ѳеодосія Печерскаго, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ и нѣк. др.), принадлежатъ двѣ грамоты: кіевская—великаго князя Мстислава Владиміровича, 1130 г., и новгородская — преп. Варлаама Хутынскаго, отъ конца этого вѣка, наконецъ нѣсколько надписей, напр. на чарѣ кн. Владиміра Давыдовича до 1151 г., на крестѣ св. Ефросиніи Полоцкой 1161 г. и др.

Русскій языкъ за данное столѣтіе сохраняетъ особенности языка второй половины предшествующаго столѣтія, представляя при этомъ лишь весьма немного новыхъ чертъ; за то въ немъ появляются новые памятники—галицко-волынскіе, обнаруживающіе въ себѣ ясные признаки южнорусскаго (впослѣдствіи—малорусскаго) типа. Остановимся сначала на первыхъ и преимущественно на грамотахъ, а затѣмъ уже обратимся къ памятникамъ галицко-волынскимъ.

Грамоты и другіе памятники разсматриваемаго времени, соотвѣтствуя въ общемъ по языку предшествующему столѣтію, тѣмъ самымъ подтверждаютъ и сдѣланные нами выводы. Такъ, напр., въ области *фонетики* мы встрѣчаемъ уже болѣе частые случаи *е* и *о* въ извѣстныхъ условіяхъ на мѣстѣ *ь* и *ъ* (противенъ—Грам. Мстисл., за Волховомъ—Вклад. Варл.) и пропускъ послѣднихъ въ другихъ условіяхъ (к͜то, в͜севолоду—Грам. Мстисл.; к͜то, з͜лыми, в͜се—Вклад. Варл.). Въ области *морфологіи* отмѣтимъ: въ мягкомъ женскомъ склоненіи продолжаютъ встрѣчаться случаи окончанія *-и* вм. *-я* или *-ѣ* (ст.-сл. *-ѧ*), напр. ѡфросиньи Р. ед. (надп. на крестѣ), а въ Д. Предл. ед. *-ѣ* вм. *-и* въ томъ

же склоненіи; въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ встрѣчается случай мѣстоименнаго окончанія *-ого* въ Р. ед.: великого (надп. на чарѣ); въ глаголахъ сложное прошедшее, служившее для передачи перфекта, попадается безъ вспомогательнаго глагола не только въ 3-емъ лицѣ, но и въ 1-омъ (конечно съ личнымъ мѣстоименіемъ, которое при сохраненіи сложной формы глагола можетъ опускаться), срв. въ Грам. Мстисл.: язъ далъ || далъ юсмь. Кромѣ того въ памятникахъ XII в. продолжаютъ употребляться также и аористическія образованія прош. времени, хотя въ грамотахъ они не встрѣчаются. Отсюда нѣкоторые ученые выводятъ, что эти формы въ данную эпоху уже или не существовали въ живой рѣчи, или же стали рѣдкими. Намъ кажется однако, что отсутствіе или же рѣдкость примѣненія аористическихъ образованій въ грамотахъ обусловливались самымъ смысломъ текста грамотъ, требовавшимъ употребленія перфекта, а не имперфекта или аориста. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что лѣтопись Нестора, дошедшая до насъ въ спискахъ не ранѣе конца XIV в., тѣмъ не менѣе изобилуетъ еще всѣми упомянутыми глагольными формами.

Переходимъ теперь къ галицко-волынскимъ памятникамъ XII в. и отмѣтимъ діалектическія особенности ихъ по сравненію съ прежде разсмотрѣнными памятниками. Къ этимъ особенностямъ принадлежитъ прежде всего нерѣдкое написаніе *ѣ* на мѣстѣ основно-русскаго *е* передъ мягкими согласными во вторично-закрытыхъ слогахъ.[1]) Такъ, въ *Добриловомъ Евангеліи* (1164 г.) на мѣстѣ этимологическаго *е* иногда стоитъ *ѣ* въ такихъ случаяхъ, какъ напр. камѣнью, корѣнья, камѣнь, пѣщь, шѣсть, о всѣмь, по чюжѣмь, будѣть, придѣть и пр. Кромѣ того галицко-волынскіе памятники представляютъ нѣсколько другихъ особенностей, какъ напр. случаи замѣны сочетанія *жд* через *жч*

[1]) О происхожденіи этого явленія см. выше—сноску 1-ую на стр. 270.

(напр. „*изж*ченуть“, Галиц. Ев. 1144 г.). Срв. также случаи постановки въ 3 ед. и мн. въ глаголахъ окончанія *-ти* вм. *-тъ* передъ мѣстоименіемъ *и*, т. е. „его“—В. ед. муж. (напр. „въдас*ти и*“—Жит. Бор. и Гл., „провожаху*ти и*“—Жит. Ѳеод.).

XIII-ый вѣкъ.

Число памятниковъ церковныхъ и грамотъ, дошедшихъ до насъ отъ XII в., болѣе значительно по сравненію съ предшествующимъ столѣтіемъ; между памятниками есть также принадлежащіе новымъ діалектическимъ областямъ—смоленскіе, рязанскіе и нѣк. др., при чемъ въ грамотахъ и договорахъ встрѣчаемъ частыя нарушенія традиціонной церковнославянской орѳографіи; съ другой стороны, изъ кіевской области памятники прекращаются, что объясняютъ запустѣніемъ этого края послѣ разоренія Кіева татарами, такъ что для юга Россіи за это время намъ извѣстны лишь памятники галицко-волынскіе, которые продолжаютъ содержать уже извѣстныя намъ черты. Въ виду этого мы въ своемъ изображеніи языка даннаго столѣтія оставимъ въ сторонѣ югъ и обратимся къ характеристикѣ сѣверно-русскаго языка съ его діалектическими различіями, для чего намъ будутъ служить слѣдующіе памятники: новгородская кормчая, съ присоединеніемъ Русской Правды, около 1282 г., договоры и грамоты Новгорода; ростовское житіе Нифонта 1219 г.; рязанская кормчая 1284 г.; смоленскіе договоры 1229 г. и 1230 г. и двѣ грамоты 1284 г., а также витебская грамота ок. 1300 г.

Остановимся сначала на чертахъ болѣе или менѣе общихъ указаннымъ памятникамъ, а затѣмъ постараемся установить по мѣрѣ возможности и нѣкоторыя діалектическія особенности.

1) Изъ предъидущаго мы знаемъ, что *ъ и *ь къ данному времени успѣли уже развиться въ двѣ стороны, а имен-

но—въ однихъ условіяхъ измѣнились въ *о* и *е*, а въ другихъ исчезли. Въ памятникахъ XIII в. мы встрѣчаемъ не только это явленіе, но еще и случаи вторичныхъ бѣглыхъ гласныхъ, возникшихъ по аналогіи къ первичнымъ бѣглымъ гласнымъ, напр. вѣдеръ (Новг. Кормч.) вм. вѣдръ; съ другой стороны основное *е* слова „камень" становится бѣглымъ, срв. на камъни (Жит. Ниф.) вм. на камени. Благодаря процессу возникновенія бѣглыхъ гласныхъ, согласные, прежде раздѣлявшіеся слабымъ гласнымъ *ъ* или *ь*, затѣмъ исчезнувшимъ, пришли въ соприкосновеніе, а вслѣдствіе этого происходила въ соотвѣтствующихъ случаяхъ ассимиляція ихъ по звонкости, что и отражается въ письменныхъ памятникахъ даннаго вѣка, хотя самое измѣненіе могло получиться ранѣе; срв. *з*дѣ, *з*бираютъ (Новг. Кормч.), *г*дѣ (Жит. Ниф.).

2) Гласный *е*, измѣнившійся передъ твердыми согласными въ *'о*, обозначается теперь нерѣдко черезъ *о* послѣ согласныхъ не-парныхъ по твердости и мягкости, т. е. послѣ шипящихъ и *ц*; такое обозначеніе встрѣчаемъ напр. въ Д. ед. сложныхъ прилагательныхъ и причастій, а также извѣстныхъ притяжательныхъ мѣстоименій, напр. лежащ*о*му (Новг. Кормч.), ваш*о*му, наш*о*му (Смол. Грам. 1284 г.); подобнымъ же образомъ пишется иногда *о* вм. *е* въ окончаніи Д. мн. существительныхъ, напр. купьц*о*мъ, нѣмьц*о*мъ (Смол. Грам. 1284 г.). Послѣ другихъ согласныхъ продолжаетъ писаться *е*, срв. ф*е*доръ (тамъ-же).

3) Въ твердомъ склоненіи существительныхъ муж. рода раньше начавшіеся процессы аналогіи и дифференціаціи развиваются дальше. Такъ, напр., окончаніе *-у* стало обычнымъ для обозначенія измѣряемыхъ веществъ при количественныхъ словахъ, между тѣмъ какъ въ Предл. ед. утверждается окончаніе *-у* въ сочетаніи съ предлогами мѣстнаго значенія (*въ* и *на*), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ окончаніе необходимо сопровождалось удареніемъ; срв. Р. ед.—взяти ꙁ҃ вѣдеръ

солоду.... а гороху ҁ уборковъ (Рус. Правда), Предл. ед.—въ пиру, на търгу (Новг. Кормч.). Рядомъ съ расширеніемъ окончанія *-у* мы видимъ расширеніе въ томъ же склоненіи и окончанія *-овъ*, которое примѣняется уже и въ случаяхъ безъ ударенія, напр. „повозовъ не имати“ (Новг. грам. 1270), закладниковъ (Новг. Догов. 1270), розбойниковъ (Смол. Догов. 1230). Сверхъ всего этого въ И. мн. того же склоненія утверждается по аналогіи новое окончаніе *-ы* (вм. *-и*), одинаковое съ окончаніемъ В. мн., напр. чины (Жит. Ниф.). Несомнѣнно здѣсь оказали вліяніе—твердое женское склоненіе, въ которомъ во мн. ч. уже издавна совпадали между собою названные падежи, оканчивавшіеся на *-ы*, [1]) а также то обстоятельство, что и въ самомъ муж. родѣ существовало совпаденіе тѣхъ же падежей въ ед. ч. Упомянемъ еще, что въ мягкомъ склоненіи муж. рода въ Мѣстн. ед. встрѣчается окончаніе *-ѣ* по аналогіи къ соотвѣтствующему твердому склоненію, напр. въ Ярославлѣ (Новг. Кормч.).

Представимъ теперь нѣкоторыя особенности въ памятникахъ разсматриваемаго вѣка, позволяющія установить три діалектическія области въ сѣверно-русскомъ языкѣ: *новгородскій* говоръ, господствующій въ сѣверной полосѣ, и затѣмъ говоры *ростовско-рязанскій* и *смоленскій*, изъ которыхъ первый занималъ востокъ средней полосы тогдашней Руси, а второй—западную часть.

Въ *новгородскихъ* памятникахъ мы встрѣчаемъ по прежнему смѣшеніе *ц* и *ч* (напр. у купчевъ, отча || процьДогов. новгор. 1270 г.), а иногда и замѣну ударяемаго гласнаго *а* между мягкими согласными черезъ *е*, напр. освящеѥтъ (Новгор. Кормч.); въ склоненіи существительныхъ

[1]) Совпаденіе по формѣ И. и В. мн. существовало и въ нѣкоторыхъ другихъ склоненіяхъ, а именно: въ склоненіи словъ ж. р. на -ь (напр. кость), въ склоненіи именъ ср. р. (напр. лѣто).

особенно замѣтно проявляется роль ударенія при дифференціаціи дублетныхъ окончаній, какъ въ мужескомъ, такъ и въ женскомъ родѣ: кромѣ указанныхъ раньше примѣровъ муж. склоненія, роль ударенія видна и при дифференціаціи окончаній *-ѣ* и *-и* въ женскомъ мягкомъ склоненіи, при чемъ въ Р. ед. присоединяется еще моментъ отличенія partitiv'наго значенія отъ обычнаго родительнаго; срв. въ Новгор. Кормч. „продаже г҃ гривны" — Род. partitiv. ‖ безъ вол*и*, не ползуеши душ*и* — обыкн. Род.

Востокъ средней полосы, занимаемый *ростовско-рязанскимъ* говоромъ, представляетъ нѣкоторое сходство съ новгородскимъ говоромъ, но не имѣетъ смѣшенія *ц* и *ч*. За отсутствіемъ спеціальныхъ изслѣдованій памятниковъ ростовскихъ и рязанскихъ, мы не въ состояніи говорить о частныхъ діалектическихъ отличіяхъ между ними; судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, въ рязанскомъ говорѣ уже происходило ослабленіе неударяемаго вокализма, но только простое, а не диссимиляціонное, срв. въ Ряз. Корм. такіе примѣры, какъ: слов*ѣ*сехъ, б*ѣ*сѣда (*ѣ* въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ, въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ).

Наибольшія особенности по сравненію съ предшествующими діалектами представляетъ *западъ средне-русской полосы*, при чемъ типичными памятниками являются Смол. грамоты 1229 и 1230 гг. Изъ данныхъ этихъ памятниковъ считаю возможнымъ заключать, что здѣсь уже начались измѣненія неударяемаго вокализма какъ количественныя (т. е. въ отношеніи длительности гласныхъ), такъ и качественныя. Къ первымъ относится сокращеніе конечнаго *-и* въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ окончаніяхъ; такъ, въ догов. 1229 г. читаемъ: посули*шъ* (вм. *-ши*, 2 ед.), усади*тъ* (вм. *ти*, неопр. накл.), въ дог. 1230 г. — постави*тъ*; одновременно съ этимъ могло происходить подобное же сокращеніе окончанія *-ои* въ Д. Мѣстн. ед. прил. ж. р., благодаря чему оно превращалось въ -oj (такое произношеніе мы приписываемъ на-

чертанію -*ои* въ примѣрахъ—по ногатѣ смольнеск*ои*, у рус*кои* земли). Что касается качественныхъ измѣненій въ области неударяемаго вокализма, то здѣсь уже намѣчаются видоизмѣненія *е* и *о* въ зависимости отъ ихъ неударяемаго положенія, а также отъ качества ударяемыхъ гласныхъ, твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ. Гласные *е* и *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ измѣняются въ направленіи диссимиляціи (расподобленія) съ ударяемымъ гласнымъ, а именно: неударяемое *е* склоняется къ *і* (пишется *ѣ*) при слѣдующемъ широкомъ ударяемомъ гласномъ, срв. у т в *ѣ* р д я т ь, д *ѣ* р ж а т и (грам. 1229 г.), с ѣ р *ѣ* б р а (грам. 1230 г.),[1]) между тѣмъ какъ гласный *о* измѣняется въ сторону *ы* (пишется *ъ*), напр. д ъ Травны, н ъ г а (грам. 1229 г.), т ъ в а р ъ (грам. 1230 г.). Далѣе, гласный *е* склонялся къ *і* въ положеніи послѣ ударенія внутри слова въ особенности передъ мягкими согласными, какъ это показываютъ написанія въ Грам. 1229 г. —о с т а н *ѣ* т ь с я, б у д *ѣ* т ь, въ Грам. 1230 г.—б у д *ѣ* т ь, б е р *ѣ* з ѣ „берегѣ"; напротивъ того, передъ твердыми согласными *е* измѣнилось въ *'о* какъ послѣ ударенія, такъ и непосредственно передъ удареніемъ, что и отразилось въ одномъ изъ списковъ (именно *Д*) грамоты 1229 г., какъ можно заключить изъ слѣдующихъ примѣровъ: с т а р е и ш *о* м у, н е м ц *о* м ъ, т а ж *о*, о ж *о*, с ъ ж *о* н о ю, у своее ж *о* н ы (въ дальнѣйшемъ это неударяемое *о* измѣняется одинаковымъ образомъ съ основнымъ *о*). Въ области консонантизма для смоленскаго говора характерными являются двѣ черты: переходъ согласнаго *в* передъ другимъ согласнымъ въ полугласный w (срв. въ Грам. 1229 г. *у* з д у м а л ъ, н а *у* с т о к о „на востокъ", *у* з я т и, *у* с х о ч е т ь) и смѣшеніе *ц* и *ч*, подобное новгородскому, хотя по-видимому въ менѣе широкомъ объемѣ

---

[1]) Подтвержденіемъ того, что начертаніе *ѣ* передавало напятальный гласный близкій къ *і*, можетъ служить чередованіе написаній: С м о л *ѣ* н ь с к ѣ || С м о л *и* н ь с к ѣ (грам. 1230 г.).

(напр. въ Грам. 1229 г.—Г о *ч* к о м ъ || Г о т с к о м ъ; к у п *ч* е м ъ—Д. мн.).

Примѣчаніе. Грамота 1229 г. представляетъ одно загадочное явленіе: вм. конечныхъ -*ъ* и -*ь* въ ней иногда написаны -*о* и -*е* (и даже -*ѣ*), напр. б е р ь г *о* «берегъ», на у с т о к *о*, в ъ с х о ч е т *е* || в ъ с х о ч е т *ѣ* || у с х о ч е т ь (3 ед.). По мнѣнію проф. П о т е б н и «памятники, подобные договору Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ, убѣждаютъ, что въ XIII и XIV в. глухіе звуки въ серединѣ и на концѣ словъ произносились въ Свр., къ которому принадлежатъ эти памятники, какъ глухіе гласные, составляющіе слогъ. Съ своей стороны прибавимъ, что подобныя формы конечно могли отчасти существовать въ старинномъ языкѣ, но лишь при извѣстныхъ условіяхъ сочетанія въ фразѣ, отчасти же вызывались на письмѣ графической аналогіей, а также, быть можетъ, и нѣкоторымъ мудрствованіемъ грамотника, для котораго смѣшиваніе отчасти эквивалентныхъ начертаній *ъ* || *о* и *ь* || *е* || *ѣ* представляло средство придать своему письму своеобразную ученость, затруднявшую чтеніе.

XIV-ый вѣкъ.

Русскій языкъ XIV в. уже значительно приближается къ современному типу: судя по памятникамъ, въ немъ складываются системы неударяемаго вокализма, происходятъ сокращенія слабыхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, нивеллировка системъ склоненія подходитъ къ концу, аористическія образованія и супинъ въ глаголахъ выходятъ изъ употребленія. Въ это время уже вырисовываются главнѣйшіе изъ современныхъ діалектовъ. Вообще говоря, XIV-ый вѣкъ оставилъ весьма значительное количество памятниковъ изъ разныхъ діалектическихъ областей; оставляя однакожъ въ сторонѣ памятники тѣхъ говоровъ, которые уже разсматривались нами выше, мы перейдемъ къ памятникамъ тѣхъ діалектическихъ областей, которыя теперь впервые проявляются письменно въ исторіи русскаго языка. Къ такимъ памятникамъ относятся грамоты—московскія, полоцкія, двинскія и галицко-волынскія, а также псковскіе памятники преимущественно церковнаго характера (изъ памятниковъ же другихъ

областей укажемъ на лѣтописи лаврентьевскую или суздальскую 1377 г. и новгородскую, которыя представляютъ собою списки съ прежнихъ не дошедшихъ до насъ лѣтописей.

Изъ всѣхъ произведеній письменности даннаго вѣка наибольшее вниманіе мы удѣлимъ нарѣчію московскихъ памятниковъ, которому суждено было стать доминирующимъ въ теченіе ряда послѣдующихъ вѣковъ. Такой роли московскаго нарѣчія способствовало конечно политическое значеніе, пріобрѣтаемое съ этихъ поръ Москвою, но кромѣ того не могло не благопріятствовать также и то обстоятельство, что это нарѣчіе являлось наиболѣе умѣреннымъ по своимъ фонетическимъ особенностямъ, представляя какъ бы среднiй звуковой типъ между сѣверно-русскими діалектами. Въ самомъ дѣлѣ, московское нарѣчіе, возникши въ восточной части средне-русской діалектической территоріи, не имѣло тѣхъ довольно рѣзкихъ фонетическихъ особенностей, какіе существовали въ новгородскомъ нарѣчіи, т. е. оно не знало смѣшенія *ц* и *ч*, не измѣняло ударяемыхъ *я* и *ѣ* при извѣстныхъ условіяхъ въ *е* и *и*, а съ другой стороны оно представляло меньше особенностей и по сравненію съ западнымъ нарѣчіемъ — смоленскимъ, знавшимъ мѣну *ц* и *ч*, измѣнявшимъ *в* передъ согласнымъ въ полугласный *w* и развивавшимъ диссимиляціонный типъ ослабленія неударяемаго вокализма. Такимъ образомъ въ указанныхъ отношеніяхъ московское нарѣчіе разнилось отъ другихъ сѣверно-русскихъ, но въ то же время сходствовало съ ними по многимъ другимъ фонетическимъ чертамъ; такъ, напр., оно имѣло *'о* изъ *'е* передъ твердыми согласными не только въ ударяемомъ положеніи, но и въ неударяемыхъ, срв. на шолку „на шелкў", Данилищова свободка (Духов. Ив. Калиты, ок. 1327 г.); но это неударяемое *'о* изъ *'е*, подобно основному, склонялось здѣсь къ *а*, представляя типъ гласнаго å, какъ о томъ можно заключить на основаніи случаевъ смѣшенія неударяемыхъ *о* и *а* въ пись-

менности конца этого вѣка. [1]) Что касается морфологической стороны московскаго нарѣчія, то оно пережило уже въ предшествующіе вѣка вмѣстѣ съ другими нарѣчіями указывавшіяся нами явленія аналогіи формъ склоненія и упрощенія спряженія. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь многія вторичныя формы, существовавшія также и въ другихъ нарѣчіяхъ, какъ напр. на шолк*у*, пояс*овъ*, суд*овъ* (Духов. Ив. Калиты), брать*ѣ* Д. ед. мягкаго склоненія съ окончаніемъ *-ѣ* вм. *-и*, винова*того*, старѣйш*его* (Догов. в. к. Сим. Іоан. 1341 г.) и др. [2]); далѣе, появляются уже такіе чисто-русскіе производные глаголы, какъ доканч*ивати*, свапж*ивати* (Догов. Сим. Іоан. 1341). Въ синтаксическомъ отношеніи нужно отмѣтить, что послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ въ названіяхъ одушевленныхъ предметовъ муж. р. начинаетъ примѣняться форма Род. вм. Вин. и во множ. числѣ (хотя рядомъ продолжаютъ сохраняться еще долгое время и прежнія формы), срв.: пожаловалъ есмь сокольник*овъ* печерск*ихъ* (копія грам. Ив. Калиты). Изъ частностей спеціально московскаго нарѣчія укажемъ на особенность въ склоненіи мѣстоименія „весь", представляющемъ формы съ *-и-* вм. *-ѣ-*, напр. со вс*и*ми (Дух. Ив. Калиты).

---

[1]) Напр. въ москов. Ев. 1393 имѣемъ такія примѣры, какъ: къ Си*м*а*ну* || з*а*п*о*да, указывающіе на существованіе аканья въ данномъ неударяемомъ положеніи, а съ XV в. появляются такія образованія по аналогіи, какъ пл*о*тят*ъ* (грам. Звенигородскаго князя, 1404 г.). Современныя малограмотности московскаго говора представляютъ аналогичныя написанія, напр. в*о*рила (т. е. «варила») и т. п., чѣмъ подтверждается правильность вывода изъ древ. ихъ написаній; кромѣ того, встрѣчается въ нихъ написаніе *е* вм. конечнаго неударенпаго *я*, напр. воренье («варенья»), досвиданье, погода стоитъ жарк*ое* (вм. жаркая).

[2]) Тѣмъ не менѣе на ряду съ новыми формами сохранялись еще и прежнія образованія, напр. И. ед. княгин*и* при болѣе новой формѣ княгин*я*; нѣкоторыя изъ старыхъ образованій держались даже до XVIII в. и даже далѣе, какъ напр. окончаніе *-ы* въ Тв. мн.; срв. въ стихотвореніяхъ Пушкина: «съ дубовыми, тесовыми вороты» (Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ). «Нидо съ товарищ*и* (Домикъ въ Коломнѣ, 7-ая строфа).

Переходя отъ московскихъ памятниковъ къ памятникамъ другихъ областей, можемъ сказать, что памятники *полоцкіе* вообще сходствуютъ съ памятниками смоленскими, какъ напр. по замѣнѣ *в* черезъ *у* передъ согласными, напр. въ Грам. около 1300 г. — *у* Полотеско (<—*въ Полотьскъ). Изъ деталей полоцкаго говора на основаніи той же грамоты отмѣтимъ написанія бласловлѣнье, бласловляю (|| благословляю), представляющія пропускъ неударяемаго слога *го*; этотъ пропускъ косвенно указываетъ на то, что согласный *г* произносился въ этомъ говорѣ какъ спирантъ, самый же слогъ находился въ наиболѣе слабомъ неударяемомъ положеніи (на второмъ мѣстѣ передъ удареніемъ, имѣя передъ собою еще одинъ слогъ), откуда заключаемъ, что система неударяемаго вокализма въ данномъ говорѣ представляла въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ значительную степень ослабленности.

Памятники *двинскіе*, образуя діалектическую разновидность новгородскаго нарѣчія, раздѣляютъ съ нимъ и смѣшеніе *ц* и *ч*; однако часть ихъ имѣетъ лишь одностороннюю замѣну, т. е. или *ц* черезъ *ч*, но не обратно, или же только *ч* черезъ *ц*; эти различія зависѣли вѣроятно отъ особенностей въ діалектѣ писавшихъ.

Псковскіе памятники указываютъ на нарѣчіе, составлявшее по нѣкоторымъ своимъ чертамъ переходное звено между новгородскимъ и бѣлорусскимъ: подобно первому оно знало смѣшеніе *ц* и *ч*, а подобно второму мѣняло *в* передъ согласными на *у* (т. е. *w*) и было акающимъ; но при всемъ томъ имѣло и свои особенности, какъ напр. смѣшеніе *ш* и *ж* съ соотвѣтствующими свистящими.

Мы должны еще сказать нѣсколько словъ о состояніи *галицко-волынскаго* говора. Въ памятникахъ его теперь уже вполнѣ обнаруживаются характерныя особенности малорусскаго языка, какъ это можно видѣть напр. изъ слѣдующихъ отраженій основно-русскихъ *о* и *е* въ разныхъ положеніяхъ:

а) Этимологическое *о* во вторично-закрытомъ слогѣ нерѣдко отражается на письмѣ въ видѣ *у* (какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными), напр. Ларивунъ, Кундрата, добровульно, чему отвѣчаетъ соврем. доброві́л'но, щадкумъ.

б) Этимологическое *е* во вторично-закрытыхъ слогахъ нерѣдко отражается на письмѣ въ видѣ *ю* (передъ твердыми согласными) и въ видѣ *и* (передъ мягкими согласными), напр.: по Божьюмъ, на своюмъ, будеть чтюнъ; шистдесять, шистьцятого, шисть.

Приведенныя данныя изъ грамотъ второй половины XIV в. и начала XV в. представляютъ посредствующія стадіи въ измѣненіи основныхъ *о*, *е* въ *і* во вторично-закрытыхъ слогахъ, при чемъ одновременными фазами измѣненія являются *у* вм. *о* (передъ твердыми и мягкими согласными), *ю* вм. *е* (передъ твердыми согласными), *и* вм. *е* (передъ мягкими согласными). [1])

XV—XVII вв.

Уже въ теченіи XIV в. происходило постепенное объединеніе русскихъ земель подъ властью московскаго князя и въ то же время развивалось вліяніе московскаго говора на другіе, благодаря чему началъ формироваться подъ гегемоніей Москвы типъ великорусскаго нарѣчія. Однако это политическое и языковое объединеніе русскихъ областей Москвою не простиралось на западныя и юго-западныя области вслѣдствіе двухъ причинъ: во первыхъ, силы Москвы требовались дома на случай борьбы съ татарами, а во вторыхъ —

[1]) Что касается отраженія этимологическаго *е* въ открытыхъ слогахъ, то въ положеніи передъ мягкими согласными *е* сохраняется (напр. шести), а передъ тв рдыми согласными встрѣчаемъ *о*, если только ему предшествуетъ шипящій, срв. чотыри, чотыриста, ничого, нашого, нашому.

на западѣ еще съ половины XIII в. начало усиливаться литовское княжество, которое постепенно подчиняло себѣ западныя и юго-западныя русскія области, подобно тому какъ то же самое совершала Москва съ сѣверо-восточными областями. Такимъ образомъ въ XIV в. русскія области раздѣлились на двѣ обособленныя политическія группы—московскую и литовскую, что естественно вело къ возникновенію отличительныхъ особенностей въ русскомъ языкѣ между тою и другою группою. Соотвѣтственно этому, переходя ко времени XV—XVII вв., мы поставимъ главною задачею изложенія не детали дальнѣйшаго діалектическаго дробленія русскихъ нарѣчій, но общую характеристику особенностей въ ходѣ развитія письменнаго русскаго языка въ московскомъ, а отчасти и въ литовскомъ государствѣ. Остановимся сначала на судьбахъ русскаго языка въ московскомъ государствѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что письменный языкъ въ московскій періодъ сталъ болѣе и болѣе отличаться отъ народнаго вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, къ выясненію которыхъ мы и переходимъ. Въ разсматриваемое время, когда грамотность должна была служить не только для цѣлей церкви, но также и для расширявшихся потребностей администраціи, появляется особое грамотное сословіе дьяковъ и подьячихъ, [1]) которые наряду съ своимъ приказнымъ дѣломъ занимались

[1]) Мы считаемъ слишкомъ одностороннимъ мнѣніе, будто основой русскаго литературнаго языка послужилъ говоръ московскихъ подьячихъ и грамотныхъ людей въ московскихъ приказахъ и другихъ государственныхъ учрежденіяхъ; съ своей стороны мы не можемъ игнорировать участія въ образованіи русскаго литературнаго языка разсматриваемой эпохи многихъ лицъ хотя и московскаго происхожденія, но не принадлежащихъ къ приказамъ, а кромѣ того—не мало было писателей, произведенія которыхъ имѣли широкое распространеніе въ московскихъ предѣлахъ, хотя ихъ авторы не принадлежали къ московскому говору. Словомъ, и въ разсматриваемую эпоху, какъ и впослѣдствіи, въ образованіи русскаго литературнаго языка принимали участіе весьма разнообразные общественные элементы, что должно было способствовать болѣе разностороннему его развитію, приказный же языкъ былъ лишь однимъ изъ частныхъ стилей.

и списываніемъ книгъ, какъ дѣломъ прибыльнымъ, но выполняли его уже не столь тщательно, какъ прежніе переписчики, видѣвшіе въ этомъ религіозный подвигъ. Отсюда порча текста церковныхъ книгъ стала рости очень быстро, а потому потребовалось наконецъ исправленіе богослужебныхъ книгъ. Это исправленіе совершалось свѣдущими людьми, которые сверяли новый текстъ съ болѣе исправными старыми, равно какъ и съ оригиналами, при чемъ кромѣ исправленія искаженнаго смысла устанавливали болѣе строгій типъ церковнославянскаго языка, получившаго даже затѣмъ и грамматическую обработку (М. Смотрицкій). Исправленный церковный текстъ, съ введеніемъ у насъ книгопечатанія въ половинѣ XVI в., естественно получаетъ болѣе широкое распространеніе, а это въ свою очередь ведетъ къ тому, что въ русскомъ языкѣ начинаютъ усиливаться и закрѣпляться церковно-славянизмы, сохраняющіеся и до нашего времени, и при томъ даже такіе, которые раньше нерѣдко замѣнялись русскими формами; срв. В*оло*димиръ (Послѣсл. къ Остром. Ев.)=соврем. В*ла*диміръ, законъ х*оро*нити (Изб. 1076 г.)=совр. х*ра*нить, стра*ж*еть (Патер. Син. XII в.)=совр. стра*жд*етъ, в*ере*мя (XII—XIV в.)=совр. в*ре*мя и т. п. [1])

Намъ остается еще указать на одну причину, имѣвшую слѣдствіемъ своеобразное произношеніе цѣлаго ряда словъ въ литературномъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что съ половины XVII в.,

---

[1]) Тѣмъ не менѣе, отъ разсматриваемой эпохи сохранились и такія письменныя произведенія, которыя чужды книжнаго характера, а отражаютъ простой разговорный языкъ того времени; срв. напр. собственноручныя письма царя Алексѣя Михайловича къ стольнику Матюшкину 1646—1662 г., представляющія интересъ также по своимъ чисто фонетическимъ написаніямъ, весьма цѣннымъ для характеристики московскаго нарѣчія въ данное время; приведу нѣсколько примѣровъ: *неудар. вокал.*—тежолъ, вешнека (т. е. вешняка́), кненя (*е* изъ *я*, γ'=j), сказ*а*вою («сказываю»), по палямъ, ут*а*къ, перенес*ть* (неопр.); *консонант.*=чюланы, мо*ш*но; *морфол.*—лѣса больш*ие*, глух*ие*, поля нарочеты*е*, птицы всяк*ие*, слѣп*ова* сокола, вы*лятца* станутъ.

т. е. съ присоединеніемъ Малороссіи, въ Москву приглашаются южно-русскіе ученые, которыми славился тогда Кіевъ; благодаря ихъ вліянію, въ Москвѣ утверждается произношеніе нѣкоторыхъ словъ съ *у* вм. *г* (Бога, благо и т. п.), съ *'е* вм. *'о* (небо, ветхій и др.) и нѣк. др.

Обращаясь къ бѣлорусско-малорусской половинѣ, подпавшей литовскому владычеству, нужно замѣтить, что здѣсь довольно долгое время господствующее положеніе занималъ русскій языкъ, который былъ оффиціальнымъ языкомъ правительственныхъ актовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разговорнымъ высшаго общества. Но съ конца XIV в. когда произошло династическое объединеніе литовскихъ (литовско-русскихъ) владѣній съ Польшею при Ягайлѣ, русское вліяніе въ Литвѣ начинаетъ слабѣть, уступая мѣсто польскому, и это продолжается нѣсколько вѣковъ. Вполнѣ понятно, что польское вліяніе должно было замѣтно отразиться и на языкахъ бѣлорусскомъ и малорусскомъ, тѣмъ болѣе, что просвѣщеніе здѣсь до конца XVI в. въ общемъ оставалось на невысокомъ уровнѣ вслѣдствіе малаго числа школъ и элементарности обученія въ нихъ. [1]) За усиленіемъ польскаго вліянія можно слѣдить и по памятникамъ XV—XVII вв., содержащимъ не мало польскихъ словъ и выраженій. Вотъ небольшой отрывокъ для иллюстраціи языка того времени (говорится о недостаточности тогдашняго русскаго просвѣщенія):

«велми много *зашкодило панству* русскому, *же* не могли школъ и наукъ *посполитыхъ* розширяти, и оныхъ не *фундовано*: *бо* коли бы науку *мѣли*, за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибели» (А. З. Р. IV, 204—205).

[1]) Хотя съ конца XVI в. въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ и заводятся православныя школы съ высшимъ образованіемъ для борьбы съ католицизмомъ, но это не могло уже остановить сильнаго польскаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ западно-европейскаго) вліянія на языкъ, тѣмъ болѣе что и сами поборники православія съ цѣлью болѣе широкаго распространенія своихъ сочиненій нерѣдко выступали съ полемикою также на польскомъ языкѣ, а затѣмъ по привычкѣ легко уже удерживали тѣ или другія польскія слова и выраженія и въ русско-церковнославянской рѣчи.

Такимъ образомъ создавался малорусско-бѣлорусскій литературный языкъ слишкомъ смѣшаннаго типа; съ присоединеніемъ же этихъ областей къ русскому государству, языкъ ихъ естественно уступилъ свое мѣсто литературному московскому, болѣе чистому и сильному.

Примѣчаніе. Вслѣдствіе временнаго распаденія русскихъ нарѣчій между двумя политическими цѣлыми, въ нихъ развиваются нѣкоторыя особенности, отличныя въ той и другой группѣ; такъ, въ московско-великорусскомъ отдѣлѣ, въ отличіи отъ литовско-русскаго, съ XIV в. распространяются глагольныя образованія на *-ыватъ -иватъ*, а съ XV в. появляется окончаніе *-á* въ И. мн. нѣкоторыхъ сущ. муж. р.; и нѣк. др.

XVIII — XIX вв.

Намъ осталось сдѣлать общій очеркъ исторіи русскаго языка за послѣднія два столѣтія, въ теченіе которыхъ литературный русскій языкъ достигаетъ одинаковой высоты съ литературными языками Запада. Эти успѣхи намъ покажутся огромными, если вспомнимъ, что въ Западной Европѣ уже въ XVI—XVII в. дѣйствовали такія литературныя силы, какъ Сервантесъ, Шекспиръ, Мольеръ, между тѣмъ какъ Россія, можно сказать, почти еще не приступала къ развитію художественно-литературныхъ жанровъ.[1]) Причина такого быстраго подъ-

[1]) Правда, существовали напр. переводныя «комедіи», ставившіяся при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, но онѣ были столь неуклюжи по стилю вслѣдствіе обилія церковнославянизмовъ, нерѣдко примѣненныхъ совершенно не къ мѣсту, что совершенно не могутъ идти въ сравненіе съ произведеніями Запада; о характерѣ языка этихъ комедій можно судить напр. по слѣдующему отрывку изъ комедіи «Іюдиоь» (1674 г.), представляющему рѣчь Іюдиои: «Ей, Боже мой! пичтоже убо окаяннѣйшаго пѣсть, яко человѣкъ, и паки пичтоже человѣку пѣсть обычнѣйшаго, яко болѣзнь: жизнь наша ничѣмъ инымъ есть, токмо опасеніемъ, смертъ такожде всегдашнимъ страхомъ намъ является; обаче ничтоже намъ благополучнѣйшаго быти можетъ, яко точію добрая кончина смерти. Предъ тремя лѣты и 6 мѣсяцей непщевахъ азъ, яко окаяннѣйшая есмь и прескорбнѣйшая жена на семъ свѣтѣ, зане Богъ ми блаженного и любезного сожителя моего Монасиса чрезъ скорую смерть отъ міра сего взя» и т. д. (см. Т и х о н р а в о в ъ Н. Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ, т. I, стр. 141).

ема литературы лежитъ главнымъ образомъ въ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, которая открыла широкій доступъ европейскому вліянію на всѣ стороны русской жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуя и возникновенію художественной литературы и науки по образцу тогдашней Европы. Легко себѣ представить, какія трудности предстояло побѣдить русскому языку, столь мало еще обработанному, чтобы достичь той гибкости и изобразительности, какія мы уже въ немъ находимъ въ XIX-омъ вѣкѣ. Чтобы имѣть нѣкоторое представленіе о языковомъ матеріалѣ начала XVIII в., можно обратиться къ письмамъ и бумагамъ самого Преобразователя, которыя достаточно отражаютъ состояніе языка этого времени, давая образцы какъ простого стиля, такъ и болѣе торжественнаго: первый мы встрѣчаемъ въ письмахъ пріятельскихъ и хозяйственно-распорядительныхъ, а второй, изобилующій церковно-славянизмами, — въ письмахъ дипломатическихъ (срв. въ послѣднихъ такія выраженія, какъ: протчимъ войськомъ — Д. мн., о нѣкоторыхъ дѣлехъ, приступили *есмы* и т. п.). Изъ тѣхъ же бумагъ можно видѣть и какъ быстро въ то время русскій языкъ наводнялся иностранными словами, которыя переходили къ намъ вмѣстѣ съ заимствуемыми предметами и оставались безъ перевода. Чтобы дать понятіе, до какой степени заполнялся русскій языкъ иноземными словами, дѣлавшими его даже мало доступнымъ для пониманія, можно судить по слѣдующему отрывку изъ „Регламента кригскоммисаріату“:

«Смотрѣть того, чтобъ никто, какъ изъ вышнихъ такъ и изъ нижнихъ г-дъ *офицеровъ* не употреблялъ какъ *драгуна* такъ и *солдата* и всего даннаго изъ казны царскаго величества къ своимъ услугамъ и корысти, чего ради *фискалы* должны въ томъ *обсервовать* и противу тѣхъ у *коммисаріату протестовать* и по *протестаціи* помянутыхъ *фискаловъ* во отлученіе главнаго *коммисаріату*, *оберкригскоммисаръ* долженъ доношеніе имѣть главному *командующему*, дабы того, на кого *протестація* подана будетъ, отсылать для розыска и показанія въ томъ дѣлѣ совершенности до *коммисарства* и потому соверша *инквизицію*, требовать *офицеровъ* къ *кригсрехту*, а по тому дѣлу окончаніе чинить какъ *сентенція* будетъ подписана».

И такъ, на долю XVIII—XIX в. выпало урегулировать соотношеніе въ языкѣ стихій русской, церковно-славянской и иноязычной, разработать собственныя лексическія средства для замѣны излишнихъ варваризмовъ, приспособить языкъ для художественной литературы въ прозѣ и стихахъ, а также установить основы орѳографіи, особенно съ перемѣною алфавита. Вся эта работа и была овершена цѣлымъ рядомъ талантливыхъ людей, которымъ Исторія русскаго литературнаго языка и обязана своимъ быстрымъ ходомъ. Представимъ теперь въ самомъ бѣгломъ очеркѣ дѣятельность писателей XVIII в. Первымъ русскимъ художественнымъ писателемъ считается Кантемиръ (1711—1744); но такъ какъ произведенія его были изданы большею частію послѣ его смерти (сатиры лишь въ 1762 г.), то его литературное вліяніе на современниковъ не могло быть значительнымъ; не лишне замѣтить, что Кантемиръ примѣнялъ еще силлабическій стихъ и допускалъ много церковно-славянизмовъ. Ломоносовъ, въ совершенствѣ знавшій какъ народную рѣчь (даже въ діалектахъ), такъ и церковно-славянскій языкъ, а также иностранные языки, совмѣщавшій даръ ученаго и поэта, впервые поднялъ русскій письменный языкъ до значенія литературнаго, давъ какъ самые образцы языка, такъ и теорію, а стиху придавъ размѣръ „тоническій“ (по удареніямъ), на который не задолго до того указывалъ и Тредьяковскій. Однако Ломоносовъ не могъ устоять противъ вліянія ложно-классицизма, которымъ была захвачена вся Европа, и усвоилъ русскому литературному языку несвойственное ему словорасположеніе по образцу латинскаго, какъ это можно видѣть напр. изъ слѣдующаго отрывка (Риторика. § 271):

«Когда мы о вещахъ *разсуждаемъ*, въ которыхъ части такъ расположенныя *видимъ*, что одна другой необходимо *нужна*, и весьма *полезна*; и когда сложеніе ихъ явственно показываетъ, что одна бытіе свое дѣйствительно имѣетъ для другой, которая безъ нея обойтись не *можетъ*: то отложивъ всякое сомнѣніе, изъ того *заключаемъ*, что оная вещь искуствомъ нѣкоего разумнаго существа *устроена*.

Съ именемъ Сумарокова соединяются успѣхи русскаго театра, при чемъ его ложно-классическія трагедіи вырабатывали высокій штиль. Съ другой стороны, комедіи Фонъ-Визина, а также императрицы Екатерины II-ой, дали мѣсто разговорному языку въ литературѣ. Лучшимъ цвѣтомъ поэзіи XVIII в. являются нѣкоторыя произведенія Державина, въ которыхъ стихія русская и церковно-славянская представляютъ высоко-гармоническое сочетаніе, полное силы.

Примѣчаніе. Вполнѣ естественно, что рядомъ съ крупными талантами, содѣйствовавшими быстрому совершенствованію литературнаго языка, были и посредственные, значительно отстававшіе отъ первыхъ. Въ этомъ мы убѣждаемся, обращаясь къ литературнымъ журналамъ конца XVIII в. Даже ихъ беллетристическая проза часто еще по-прежнему пестритъ церковно-славянскими словами и формами, напр.: [1]) улыбающіеся брега, главу мою (стр. 306), насытишься ты свѣжимъ млекомъ (318), гладъ (348), врата (325), нощъ (323), тысяща (327), ланиты (314), насладись прелестнымъ видомъ страны сея (305), зрю (305), хощу (310), мысль моя преселялась (308), и т. д.

Обращаясь къ XIX в., мы прежде всего должны упомянуть о Карамзинѣ, сочиненія котораго представляютъ уже вполнѣ сложившійся языкъ, въ которомъ упомянутыя три стихіи стройно сливаются ъъ одно цѣлое, при чемъ иностранныя слова и церковнославянизмы уже не загромождаютъ языка. Кромѣ того, Карамзинъ ввелъ въ употребленіе рядъ новыхъ словъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ и затѣмъ вошедшихъ во всеобщее употребленіе (напр. *вліяніе*=фр. influence, *трогательный*=touchant, *сосредоточить*=concentrer и пр.), а въ своей Исторіи Государства Россійскаго удачно употребляетъ и древнія лѣтописныя слова и выраженія. Въ то же время подъ перомъ Жуковскаго стихотворный языкъ поднимается на значительную высоту, чтобы вос-

[1]) Приводимъ нѣкоторыя выбранныя нами слова и выраженія изъ повѣсти «Адельгейда Бургундская», помѣщенной въ московскомъ журналѣ «Иппокрена или Утѣхи любословія» на 1800-ый годъ, ч. 7-ая.

питать Пушкина, который (вмѣстѣ съ Гоголемъ) начинаетъ новѣйшій періодъ языка и литературы, когда, вмѣстѣ съ широкимъ развитіемъ повѣсти, романа и драмы, въ литературный языкъ вводится уже какъ простонародная рѣчь, такъ и говоры другихъ сословій, напр. купеческаго, духовнаго, т. е. классовые языки, для большей живости и яркости при передачѣ разговоровъ.

Прибавленіе.

Нѣкоторые вопросы синтаксиса, морфологіи и семазіологіи въ примѣненіи къ русскому языку.

(Изъ чтеній на учительскихъ курсахъ въ Казани въ авг. 1915 г.).

Цѣль моихъ бесѣдъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы доказать, что и при школьномъ преподаваніи русской грамматики въ основу слѣдуетъ класть живую разговорную рѣчь, отъ которой уже переходить къ письменно-литературной; кромѣ того, я имѣю въ виду сдѣлать попытку разобраться въ нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ существующей грамматической литературы и обнаружить неправильность нѣкоторыхъ воззрѣній въ ней; наконецъ, я сдѣлаю нѣсколько практическихъ указаній [1]).

Полагая въ основу грамматическаго изученія языка явленія живой рѣчи, я долженъ поэтому предварительно сказать нѣсколько словъ о *важности наблюденій надъ разговорнымъ языкомъ при изученіи грамматики*. Я приписываю такое важное значеніе разговорной рѣчи потому, что именно эта послѣдняя лежитъ въ основѣ письменно-литературнаго языка (какъ прозаическаго, такъ и поэтическаго въ обѣихъ разновидностяхъ

---

[1]) Такъ какъ нѣкоторыя изъ моихъ положеній уже излагались въ прежнихъ моихъ трудахъ, то я считаю возможнымъ въ такихъ случаяхъ ограничиться здѣсь простымъ указаніемъ на эти положенія съ соотвѣтствующими ссылками на мои работы, при чемъ я буду пользоваться слѣдующими сокращеніями:

Оч. = Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3].

Лекціи = Лекціи по общему языковѣдѣнію (1915)[2].

послѣдняго—художественной прозы и стихотворной поэзіи), и тѣ перемѣны въ литературномъ языкѣ, которыя указываются въ исторіи языка, создавались главнымъ образомъ и прежде всего въ языкѣ разговорномъ, изъ котораго уже переходили въ языкъ литературный. Въ самомъ дѣлѣ, письменно-литературная рѣчь каждаго писателя, не только прозаика, но и поэта, основывается непосредственно на его рѣчи устной или разговорной; такъ, если напр. литературныя произведенія Пушкина сильно разнятся по языку отъ такихъ же произведеній Ломоносова, то это стоитъ въ прямой зависимости отъ того, что разговорная рѣчь послѣдняго соотвѣтственно отличалась отъ живой рѣчи перваго. Конечно, необходимо происходитъ и обратное вліяніе, т. е. письменно-литературнаго языка на рѣчь разговорную, но нельзя не признать, что вообще письменно-литературная рѣчь есть явленіе вторичное или производное, а такъ какъ учащіеся приступаютъ къ изученію ея лишь владѣя естественнымъ или разговорнымъ языкомъ, то и изученіе грамматики нужно начинать съ этого послѣдняго.

Высказываемая нами рѣчь проявляется непосредственно въ формѣ *предложеній*, изученіе которыхъ составляетъ предметъ синтаксиса; въ зависимости отъ этого и разсмотрѣніе грамматическихъ вопросовъ я начну именно съ этого отдѣла. Въ предложеніяхъ наша мысль обычно расчленяется на *подлежащее* и *сказуемое* съ относящимися къ нимъ *второстепенными* членами. Какъ ни проста эта форма, но человѣчеству, несомнѣнно, понадобились громадныя усилія, чтобы придти къ ней. Между тѣмъ теперь во время бесѣды мысль говорящаго какъ бы невольно отливается въ эту рѣчевую форму, на основаніи которой слушающій составляетъ въ своемъ умѣ ту картину, какую имѣлъ въ виду говорящій. Не слѣдуетъ думать, что говорящій, передавая другимъ въ словахъ мысль или картину, произноситъ весь рядъ словъ съ одинаковою сознательностью; нѣкоторую часть послѣднихъ онъ высказываетъ безсознательно, благодаря навыку, идущему еще съ дѣтства [1]).

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, какъ легко извѣстныя комбинаціи словъ вызываютъ недостающія слова, срв. напр. фразы: „дворникъ вчера наложилъ

Уже давно наука обратила вниманіе на то, что синтаксическія категоріи членовъ предложенія далеко не совпадаютъ съ сходными по названію научно-логическими и что вообще синтаксическое ученіе о членахъ предложенія должно быть рѣшительно отграничено отъ логическаго ученія о членахъ сужденія. Я нахожу, однако, что при этомъ упускается изъ виду *естественно-логическій* моментъ мысли, который, рѣшительно отличаясь отъ научно-логическихъ категорій, проникаетъ и направляетъ языковое мышленіе говорящаго, тѣсно сливаясь съ членами высказываемыхъ предложеній (см. выше стр. 204—207; Лекціи, 172—174).

Съ другой стороны безспорно, что процессъ нашей мысли-рѣчи представляетъ психологическую природу, и вотъ нѣкоторыми лингвистами было выдвинуто *ученіе о психологическихъ подлежащемъ и сказуемомъ*, могущихъ не совпадать съ грамматическими. Какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, это ученіе является лишь замѣною прежняго и при томъ болѣе правильнаго ученія о логическомъ удареніи въ предложеніи и потому, какъ излишнее, должно быть оставлено (Лекціи, 176—177)

Отъ разсмотрѣнныхъ принципіальныхъ вопросовъ о природѣ предложенія и его членовъ мы перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частностямъ и прежде всего остановимся на ученіи о такъ называемой *„связкѣ“* въ составномъ сказуемомъ Надо удивляться, что ученые, высказывавшіеся о рѣшительномъ отграниченіи синтаксиса отъ логики, такъ настойчиво ухватились за логическое ученіе о „связкѣ“, что даже расширили сферу этой категоріи отнесеніемъ къ ней цѣлаго ряда глаголовъ—с ч и т а т ь с я, с т а н о в и т ь с я, к а з а т ь с я и др. А между тѣмъ эти „связки“ имѣютъ всѣ свойства глаголовъ-сказуемыхъ, такъ что категорія „связки“ съ грамматической точки зрѣнія является чистѣйшей фикціей. Самый терминъ даже въ примѣненіи къ глаголу б ы т ь является безсодержательнымъ,

---

полную печку —“, „ученикъ второпяхъ — свои книги дома“, „собака лаетъ, а кошка —“; подобнымъ образомъ дѣйств. глаголъ возбуждаетъ въ рѣчевой мысли имя въ формѣ винит. падежа, союзъ *если бы*—глаголъ съ окончаніемъ прош. вр., и т. д.

такъ какъ глаголъ этотъ не связываетъ (какъ напр. союзъ), а является знакомъ классифицирующаго акта мысли [1]). Очевидно, въ синтаксическомъ ученіи о „связкѣ“ мы имѣемъ дѣло съ привычкою къ старому логическому термину и нежеланіемъ его покинуть; а между тѣмъ не значитъ ли это изгоняя одною рукою логику изъ синтаксиса, другою усиленно цѣпляться за ту же логику? Съ своей стороны я полагаю, что на мѣсто пресловутыхъ „связокъ“ синтаксисъ долженъ выдвинуть ученіе о „сложномъ“ сказуемомъ, состоящемъ изъ *основного сказуемаго*, именно—глагольной формы, и *пополняющаго слова* (я не говорю „дополняющаго“ во избѣжаніе двусмыслія, такъ какъ съ терминомъ „дополненіе“ грамматика соединяетъ другое, вполнѣ опредѣленное понятіе). Такъ, напр., въ предложеніи „Эта рѣка называется Казанкою“ словосочетаніе „называется Казанкою“ должно считаться сложнымъ сказуемымъ, гдѣ основною частью сказуемаго служитъ глагольная форма „называется“, а слово „Казанкою“ должно считаться пополняющею частью сложнаго сказуемаго [2]). Изложенное ученіе о сложномъ сказуемомъ основывается на томъ простомъ наблюденіи надъ глаголами, что, въ то время какъ одни глаголы сами по себѣ имѣютъ достаточно полное значеніе и потому могутъ функціонировать въ качествѣ простого сказуемаго, нѣкоторые другіе глаголы, напротивъ того, становятся полными по значенію лишь по присоединеніи пополняющаго слова и уже въ этомъ видѣ становятся сложнымъ сказуемымъ (срв. стр. 211—212).

Обратимся къ *второстепеннымъ* членамъ предложенія. Если въ огромномъ количествѣ случаевъ вопросъ не представ-

---

[1]) Правда, въ настоящемъ времени этотъ глаголъ опускается (напр. „лошадь—животное“, „волкъ — сѣръ“), однако этотъ пропускъ возможенъ лишь потому, что при этомъ именное слово, входящее въ составъ сказуемаго, въ живой рѣчи обычно произносится съ логическимъ удареніемъ и отдѣляется легкой паузой отъ названія опредѣляемаго предмета, а такой способъ произношенія является достаточнымъ для показанія того, что родовое понятіе въ подобнаго рода выраженіяхъ служитъ сказуемымъ.

[2]) Сложное сказуемое я вижу и въ такихъ предложеніяхъ, какъ: я хочу читать, я заставляю тебя читать и т. п.

ляетъ затрудненій, благодаря взаимной согласованности смыслового и формальнаго момента (напр. въ предложеніи „мой добрый товарищъ принесъ мнѣ книгу“ для всякаго очевидно, что слова „мой добрый“ являются опредѣленіемъ къ подлежащему „товарищъ“, а „книгу“ служитъ прямымъ дополненіемъ къ сказуемому „принесъ“), то есть рядъ случаевъ взаимнаго противорѣчія обоихъ моментовъ, и вотъ на этой почвѣ возникаетъ разногласіе между грамматиками при опредѣленіи членовъ предложенія, главнымъ образомъ въ отношеніи „опредѣленія“ и „дополненія“. Такъ, напр., въ фразѣ „я взялъ книгу отца“ одни считаютъ слово „отца“ косвеннымъ дополненіемъ къ прямому дополненію „книгу“, опираясь на формальный моментъ, такъ какъ „отца“—существ. въ косвенномъ падежѣ, между тѣмъ какъ другіе считаютъ это слово опредѣленіемъ, опираясь на смысловой моментъ, такъ какъ по смыслу словосочетаніе „книгу отца“=„отцову книгу“; аналогичное колебаніе будетъ и по отношенію къ словосочетанію „книгу въ переплетѣ“ въ предложеніи „передай мнѣ книгу въ переплетѣ“ [2]). Количество такихъ затруднительныхъ случаевъ для синтаксическаго разбора можно умножить какъ по числу, такъ и по разнообразію, и если они вызываютъ колебаніе у учащихъ, то—очевидно—разрѣшеніе ихъ не по силамъ учащимся. Причина колебанія, какъ уже было упомянуто, заключается въ противорѣчіи или несогласованности между формальнымъ и смысловымъ моментомъ, при чемъ одни желаютъ рѣшить вопросъ односторонне съ точки зрѣнія формальнаго момента, тогда какъ другіе, наоборотъ,—съ точки зрѣнія смыслового. Очевидно, на этомъ пути невозможно придти къ соглашенію, и не значитъ ли стремленіе стать непремѣнно на ту или другую точку зрѣнія, что поступающіе

[2]) Я пользуюсь для иллюстраціи своихъ положеній примѣрами изъ повседневнаго разговора, согласно выставленному выше положенію о разговорномъ языкѣ. Полагаю, что и при школьномъ преподаваніи синтаксиса слѣдуетъ пользоваться простыми примѣрами, такъ какъ учащіеся могутъ быть недостаточно знакомы съ литературными произведеніями, откуда обыкновенно почерпаются въ руководствахъ по синтаксису отрывочныя фразы, нерѣдко даже мало понятныя въ ихъ оторванности отъ цѣлаго.

такъ, унаслѣдовавъ по традиціи нѣкоторый ограниченный запасъ категорій и терминовъ, весьма подходящихъ быть можетъ къ большинству явленій рѣчи, стремятся уложить въ тѣ же рамки, совершенно какъ въ Прокрустово ложе, и такія явленія рѣчи, для которыхъ эти рамки являются неподходящими. Въ самомъ дѣлѣ, мы наблюдаемъ непрекращающееся творчество въ исторіи языка, а въ зависимости отъ этого я считаю возможнымъ и необходимымъ выдвинуть новыя синтаксическія категоріи. Въ виду того, что какъ то, такъ и другое изъ только что представленныхъ положеній одинаково является одностороннимъ и произвольнымъ, я предпочитаю ввести и здѣсь ученіе о *„сложныхъ" второстепенныхъ членахъ предложенія*. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ фразахъ мы можемъ назвать словосочетанія „книгу отца" и „книгу въ переплетѣ" сложными дополненіями, при чемъ слово „книгу" является основною частью дополненія, а слова „отца" и „въ переплетѣ" — пополняющею частью.

О нашемъ отрицательномъ отношеніи къ новому ученію о *неграмматическихъ* предложеніяхъ и элементахъ рѣчи см. Лекціи, 179. Мы полагаемъ, что все высказываемое рѣчью, равно какъ паузы, интонація и т. д., не можетъ считаться неграмматическимъ, и предложенія въ родѣ восклицательно-указательнаго выраженія „вотъ!" должны считаться однимъ изъ типовъ „неполныхъ" предложеній. Придуманный Вундтомъ особый терминъ для такихъ предложеній — „Satzäquivalente" нисколько не подвигаетъ впередъ пониманіе самой сущности явленія, а главное онъ неправиленъ, ибо въ этомъ случаѣ мы имѣемъ вовсе не *эквиваленты* предложенія, а лишь высказанную *часть* предложенія, другая часть котораго осталась въ мысли, не высказанною (срв. Лекціи, 198).

Чтобы закончить отдѣлъ о простыхъ предложеніяхъ, мы дадимъ *табеллярную классификацію* ихъ примѣнительно къ нашему изложенію синтаксиса въ настоящемъ курсѣ русской грамматики.

I. Со стороны объема, въ смыслѣ **числа членовъ** предложенія:

а) по наличности *главныхъ* членовъ предложенія:

1) одночленныя или неполныя—

α) съ однимъ сказуемымъ или безличныя (напр. „свѣтаетъ“);

β) съ однимъ подлежащимъ (напр. „Зима!.. Крестьянинъ, торжествуя“...);

γ) безъ обоихъ главныхъ членовъ—съ однимъ второстепеннымъ (напр. въ отвѣтахъ);

2) двучленныя или полныя съ простымъ или же сложнымъ сказуемымъ (напр. „солнце свѣтитъ“, „соловей—птица“);

б) по отсутствію или же присутствію *второстепенныхъ* членовъ предложенія:

1) нераспространенныя;

2) распространенныя.

II. Со стороны **характера сказуемаго** (замѣтимъ, что главнымъ образомъ на этомъ моментѣ основывается разнообразіе предложеній, такъ какъ именно при посредствѣ сказуемаго мы получаемъ возможность высказываться о подлежащемъ самымъ различнымъ способомъ):

а) по *объективному* содержанію сказуемаго:

1) предложенія, изображающія фактъ; сказуемое простое.

2) предложенія, указывающія качество; } сказуемое сложное.
3) предложенія классифицир. }

б) по *субъективному* моменту или отношенію говорящаго къ высказываемому (въ связи съ различіемъ наклоненій):

1) повѣствовательныя—	
α) собственно повѣствов.	А. положительныя
β) вопросо-отвѣтныя	или утвердительныя;
2) восклицательныя	Б. отрицательныя.
3) желательныя и повелит.	

III. По **залоговой структурѣ** предложеній:

а) предложенія въ *прямой* формѣ (напр. „я читаю книгу“)

б) предложенія въ *обратной* формѣ (напр. „книга читается мною").

Что касается *сложныхъ* предложеній, то они представляютъ два главныхъ типа: равноправныя или такъ называемыя сложно-сочиненныя и неравноправныя или сложно-подчиненныя [1]). Въ послѣднемъ случаѣ въ учебникахъ придаточныя предложенія характеризуются соотвѣтственно тому члену главнаго предложенія, который они какъ бы замѣщаютъ, напр. дополнительныя, опредѣлительныя и проч. Я считаю такое трактованіе вопроса неосновательнымъ уже по одному тому, что здѣсь придаточное предложеніе опредѣляется не по его собственнымъ свойствамъ, а по свойствамъ другого (главнаго) предложенія. Результатомъ такого неправильнаго взгляда являются случаи, гдѣ совершенно одно и то же придаточное предложеніе получаетъ разную характеристику при перемѣнахъ въ главномъ предложеніи, напр. „край, гдѣ все обильемъ дышетъ" (опредѣлительное) || „тамъ, гдѣ все обильемъ дышетъ" (обстоятельств.) || „не знаю, гдѣ все обильемъ дышетъ" (дополнит.). Вмѣсто подобнаго способа разсмотрѣнія придаточныхъ предложеній я считаю болѣе правильнымъ тотъ способъ, какой предложенъ мною въ настоящемъ курсѣ русской грамматики, т. е. придаточныя предложенія должны характеризоваться по ихъ собственнымъ свойствамъ и при томъ каждый разъ одновременно со стороны *значенія* (объяснительныя, опредѣлительныя и проч.) и со стороны *формальной связи* (союзъ „что", относительное мѣстоим. и т. п.); на тѣхъ же страницахъ книги, имѣя въ виду живую рѣчь, я обращаю вниманіе и на интонацію сложныхъ предложеній.

* * *

Отъ синтаксиса мы переходимъ къ *морфологіи*, представляющей и н в е н т а р ь ф о р м ъ, получающихъ свою жизнь въ синтаксисѣ въ качествѣ тѣхъ или другихъ членовъ высказываемыхъ предложеній. Этотъ инвентарь составляютъ части рѣчи

---

[1]) Я называю эти категоріи главными, такъ какъ можно принять еще переходную категорію между ними, куда я отношу, напр., условныя предложенія.

съ ихъ дальнѣйшими подраздѣленіями, при чемъ необходимо указать, что, въ отличіе отъ синтаксиса, формы частей рѣчи морфологія группируетъ по принадлежности къ обнимающимъ ихъ *типамъ* или *системамъ* словоизмѣненія. Сначала мы остановимъ свое вниманіе на наиболѣе крупныхъ морфологическихъ категоріяхъ или *частяхъ рѣчи.*

Такъ какъ мы на первый планъ ставимъ изученіе живой рѣчи, какъ она проявляется въ дѣйствительности, то въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, первый вопросъ, представляющійся изслѣдователю, заключается въ томъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли существуютъ въ умѣ говорящихъ категоріи частей рѣчи. Простое наблюденіе подтверждаетъ, что части рѣчи—*дѣйствительныя категоріи нашего ума*; въ самомъ дѣлѣ, на обращенные къ намъ вопросы мы отвѣчаемъ всегда формами соотвѣтствующей части рѣчи, напримѣръ: пусть нѣкто проситъ меня угадать, кто его обидѣлъ? и я угадываю—братъ? товарищъ? ..., но не скажу—домой? послѣ? или т. п. (Очерки 228).

Что касается самаго трактованія вопроса о частяхъ рѣчи, то при начальномъ обученіи знакомятъ съ ними учащихся по основному *смыслу* ихъ, при чемъ вмѣсто обычныхъ грамматическихъ терминовъ пользуются болѣе простыми наименованіями, какъ напримѣръ, „названіе предмета" (вм. имени существительнаго), „названіе качества" и т. д.; но при послѣдующемъ прохожденіи грамматики къ смысловымъ признакамъ частей рѣчи присоединяются и *формальные*, т. е. указаніе на виды словоизмѣненія, свойственные отдѣльнымъ частямъ рѣчи. Однако здѣсь обнаруживается тотъ недостатокъ школьной грамматики, что классифицируемыя части рѣчи ставятся обыкновенно на одну линію, безъ достаточнаго обращенія вниманія на соподчиненіе однѣхъ частей рѣчи другимъ. Попытка дать классификацію, которая удовлетворяла бы послѣднему требованію, сдѣлана мною выше на стр. 102—106 (срв. также Лекціи 158), такъ что здѣсь я позволю себѣ остановиться лишь на вопросѣ о разграниченіи категорій имени существительнаго, имени прилагательнаго и глагола. Это разграниченіе не требуетъ особыхъ разъясненій, пока рѣчь идетъ о такихъ примѣрахъ, какъ:

$$\begin{array}{ccc} A & \alpha & \xi \\ \text{столъ} \,\|\, & \text{черный} \,\|\, & \text{хожу.} \end{array}$$

Всякій скажетъ, что въ данномъ лексическомъ рядѣ слово столъ—сущ., черный—прил. и хожу—глаголъ; но чтобы получить болѣе точныя опредѣленія данныхъ частей рѣчи, необходимо считаться еще съ существительными, обозначающими качества и дѣйствія, напр. чернота, ходьба. Для того, чтобы разобраться въ вопросѣ, начнемъ съ *конкретныхъ* существительныхъ типа „столъ"; соотвѣтствующее представленіе получается изъ комплекса впечатлѣній отъ разнообразныхъ качествъ даннаго предмета—цвѣта (α), формы (β) и т. д., т. е.

$$A = \alpha + \beta + \gamma + \delta + \ldots$$

Въ то же время то или другое изъ этихъ качествъ можетъ встрѣчаться и въ цѣломъ рядѣ другихъ предметовъ (назовемъ послѣдніе L, M, N...), такъ что имѣемъ

$$\begin{array}{c} \alpha A \\ \alpha L \\ \alpha M \\ \alpha N \\ \ldots\ldots \end{array}$$

Благодаря повторенію идеи одного и того же качества въ представленіяхъ разныхъ предметовъ, идея этого качества можетъ обособиться въ нашемъ умѣ и мыслиться независимо или въ отвлеченіи отъ предметовъ, какъ бы опредмечиваясь; поэтому и слово („чернота"), которымъ оно обозначается, уже будетъ не прилагательное, а существительное *абстрактное* (отвлеченное), имѣющее свойственное этой части рѣчи склоненіе независимое отъ другого слова, тогда какъ соотвѣтствующее прилагательное („черный") извѣстнымъ образомъ согласуется при своемъ склоненіи съ тѣмъ существительнымъ, къ которому относится. Если мы теперь обратимся къ глаголу „хожу", „ходитъ" и проч., то усматриваемъ, что соотвѣтствующее дѣйствіе можетъ быть производимо весьма различными предметами (назовемъ ихъ P, Q, R...), такъ что и здѣсь имѣемъ:

P ξ

Q ξ

R ξ

.....

Въ результатѣ выдѣляется въ нашемъ умѣ идея даннаго дѣйствія, какъ особаго явленія, независимо отъ того, кто бы ни совершалъ его, т. е. въ отвлеченіи отъ исполнителя; такимъ образомъ, представленіе дѣйствія въ нашемъ умѣ опредмечивается, а его названіе („ходьба“) будетъ существительнымъ *абстрактнымъ*; въ то время какъ это послѣднее склоняется какъ самостоятельное существительное, соотвѣтствующій глаголъ („хожу“, „ходитъ“...), обозначающій дѣйствіе въ его совершеніи производителемъ, измѣняется въ зависимости отъ этого по лицамъ, такъ какъ естественно требуется указать, производитъ ли это дѣйствіе самъ говорящій, или лицо, съ которымъ онъ разговариваетъ, или, наконецъ, третье лицо. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что *существительное* обозначаетъ самостоятельное представленіе конкретнаго предмета, либо опредмеченныхъ качества или дѣйствія, имѣя при этомъ опредѣленное словоизмѣненіе; *прилагательное* обозначаетъ несамостоятельное частное представленіе качества въ другомъ самостоятельномъ предметномъ представленіи, какъ обладателѣ этого качества, при чемъ прилагательное склоняется, согласуя свои окончанія съ родовой категоріей существительнаго, къ которому относится; что касается *глагола*, то хотя онъ и согласуется опредѣленнымъ образомъ съ словомъ, обозначающимъ производителя дѣйствія, но, несмотря на это, долженъ быть отнесенъ къ самостоятельнымъ частямъ рѣчи, такъ какъ глаголъ можетъ употребляться безъ другихъ словъ въ качествѣ цѣлаго предложенія (напр. „хожу“, „ходишь“...). Такимъ образомъ, существительныя и глаголы являются самостоятельными частями рѣчи, а прилагательныя представляютъ часть рѣчи, подчиненную существительному. Къ самостоятельнымъ частямъ рѣчи нужно прибавить еще личныя мѣстоименія, а къ отдѣлу прилагательныхъ—извѣстныя числительныя, опредѣлительно-указательныя мѣстоименія и причастія. Подобно тому, какъ прилагательное

опредѣляетъ собою существительное, такъ аналогичное *нарѣчіе* служитъ для опредѣленія качества дѣйствія (хорошій столъ || хорошо пишу), съ тою, однако, особенностью, что нарѣчіе, хотя и является подчиненною частью рѣчи, но не согласуется съ своимъ глаголомъ, такъ какъ не допускаетъ никакого словоизмѣненія; къ этой же категоріи относятся дѣепричастія, представляющія собою отглагольныя нарѣчія. Въ отличіе отъ разсмотрѣнныхъ частей рѣчи *предлоги* и *союзы* не имѣютъ полнаго собственнаго значенія, связывающагося съ основою слова, а являются только показателями извѣстныхъ отношеній между словами въ предложеніяхъ и между предложеніями (союзы). Наконецъ, *междометія* служатъ выраженіемъ эмоціональныхъ состояній говорящаго. Такимъ образомъ, части рѣчи располагаются въ три главныя группы: I) слова съ полнымъ собственнымъ значеніемъ — а) самостоятельныя и б) подчиненныя, II) слова формальныя или словечки отношеній, III) слова эмоціональныя; при этомъ первыя двѣ группы въ отличіе отъ послѣдней относятся къ сферѣ умственныхъ представленій.

Разсмотрѣвъ части рѣчи, т. е. самыя крупныя морфологическія категоріи, въ которыя группируются въ нашемъ умѣ отдѣльныя слова, мы должны перейти къ частнымъ ихъ группамъ, представляющимся въ сферѣ *словоизмѣненія* и *словообразованія*.

Всѣ слова нашей рѣчи, обладающія словоизмѣненіемъ, разлагаются на *основу + окончаніе*, при чемъ основа (могущая быть простою и сложною) является носительницею собственнаго или матеріальнаго значенія словъ, тогда какъ окончанія выражаютъ извѣстныя отношенія между словами въ предложеніи и, такимъ образомъ, имѣютъ формальное значеніе. Какъ видимъ, разница между тою и другою частью слова является весьма существенною [1]). Это дѣленіе слова на основу и окончаніе явля-

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, основа касается объективнаго содержанія въ значеніи словъ, окончанія же (равно какъ и формальныя части рѣчи) отражаютъ тѣ собственныя категоріи ума, по которымъ воспринимается объективное содержаніе. Здѣсь, такимъ образомъ, языкознаніе тѣсно соприкасается съ философскимъ ученіемъ о познаніи или гносеологіей.

ется не просто теоретическимъ положеніемъ, но и дѣйствительнымъ фактомъ нашего ума, что подверждается цѣлымъ рядомъ доказательствъ, какъ напр. случаями заимствованія словъ, созданія новыхъ словъ, явленіями аналогіи и народной этимологіи и даже обмолвками, ослышками и описками (Оч. 223—225, Лекціи 155—156)

Намѣтимъ теперь въ самой общей схемѣ, основываясь на примѣрахъ изъ склоненія, тотъ путь, какимъ въ умѣ ребенка постепенно складываются типы словоизмѣненія. Конечно, эти типы образуются на почвѣ предложеній, а потому, приводя примѣры формъ склоненія, мы будемъ исходить изъ фразъ; напр.:

	I	II	III	
1. Это	столъ	рыба	соль	и проч.
	стаканъ	лампа		
				
2. Подвинь	столъ	рыбу	соль	
	стаканъ	лампу		
				
3. Нѣтъ	стола	рыбы	соли	
	стакана	лампы		
				

и т. д.

Вертикальные столбцы нашей схемы указываютъ, какъ однородныя слова собираются въ умѣ въ тотъ или другой типъ склоненія (также и спряженія). Такъ какъ самыя слова выступаютъ въ фразахъ, то, благодаря этому, въ произносимыхъ формахъ словъ устанавливается связь между звуковою ихъ стороною и смысловою; а такъ какъ при этомъ одно и то же слово встрѣчается въ разныхъ формахъ, то это ведетъ къ нѣкоторому выдѣленію постоянной части или основы въ отличіи отъ мѣняющихся формальныхъ частей или окончаній. Само собою разумѣется, что ребенокъ воспринимаетъ и примѣняетъ формы не въ какой-либо опредѣленной грамматической послѣдовательности, но въ зависимости отъ разговора, такъ что рядомъ съ прилагательными могутъ усваиваться частицы, рядомъ

съ именами глаголы въ тѣхъ или другихъ формахъ и т. д. Горизонтальные ряды схемы представляютъ разныя окончанія для одной и той же падежной формы, при чемъ около каждой варіаціи окончанія собирается цѣлая группа словъ, гдѣ данная варіація стоитъ въ соотношеніи съ опредѣленными окончаніями другихъ падежныхъ формъ той же группы словъ. Такимъ путемъ формируются въ нашемъ умѣ типы склоненій (а также спряженій) по различію окончаній, при чемъ въ каждомъ типѣ окончанія *соотносительны* между собою [1]); кромѣ того, въ каждомъ изъ этихъ основныхъ типовъ формируются еще болѣе частныя различія по ударенію и нѣкоторымъ особенностямъ въ окончаніяхъ, срв. напр. въ муж. родѣ: Р. ед. можетъ имѣть окончанія *-а* || *-у*, В. ед. О (нуль) || *-а*, Предл. ед. *-ѣ* || *ý*, и т. д. Классифицирующійся подобнымъ образомъ въ умѣ ребенка языковой матеріалъ прочно запечатлѣвается въ памяти, благодаря повторенію тысячи разъ однѣхъ и тѣхъ же формъ и оборотовъ, ибо извѣстно, что ребенокъ, если онъ здоровъ и не спитъ, говоритъ безъ умолку, такъ какъ все окружающее интересуетъ его своею прелестью новизны, при чемъ ребенокъ является не только слушающимъ, но и говорящимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельно создающимъ по запечатлѣвшимся образцамъ требующіяся формы для данныхъ словъ, хотя нерѣдко и ошибочно. Благодаря обильному упражненію, ребенокъ съ ходомъ времени овладѣваетъ настолько рѣчью, что образованіе формъ совершается уже *автоматически* и возможно правильно; поэтому мы видимъ неточность, когда нѣкоторые лингвисты, говоря о дѣленіи словъ на основу и окончаніе, утверждаютъ, что оно происходитъ въ „сознаніи“ говорящаго (правильнѣе было бы сказать—въ умѣ или языковомъ чутьѣ говорящаго).

Обращаясь къ собственно грамматической сторонѣ ученія объ основахъ и окончаніяхъ, я прежде всего долженъ сказать,

---

[1]) Вообще, флексійные или формальные признаки того или другого типа связаны между собою въ систему черезъ посредство словъ, принадлежащихъ къ данному типу, что и составляетъ сущность соотносительности (корреляціи) формъ соотвѣтствующаго типа, сопринадлежности ихъ словамъ общаго типа.

что считаю неточнымъ общепринятое въ учебникахъ опредѣленіе основы, какъ *неизмѣняемой* части словъ. Простое наблюденіе надъ фактами живой рѣчи съ очевидностью показываетъ, что основы обычно испытываютъ тѣ или другія звуковыя измѣненія, при чемъ эти послѣднія могутъ затрогивать какъ вокализмъ основы, такъ и консонантизмъ; видоизмѣненія въ вокализмѣ основы обусловливаются преимущественно вліяніемъ ударенія, а въ области согласныхъ (главнымъ образомъ заканчивающихъ основу)—древнимъ вліяніемъ j, а также качествомъ твердости или же мягкости гласнаго, начинающаго окончаніе. Эти измѣненія, въ зависимости отъ природы измѣняющагося звука, частію мало замѣтны, а частію довольно значительны. Что касается мало замѣтныхъ варіацій основы, то примѣромъ можетъ служить склоненіе слова „листъ“, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ падежныхъ формъ, приводимыхъ мною въ фонетической транскрипціи: л'ícт || л'їст-á || л'іс'т'-ӕ; здѣсь мы видимъ въ основѣ чередованіе удареннаго и неудареннаго гласнаго *i* и кромѣ того заканчивающей основу твердой и смягченной группы согласныхъ *ст*. Въ склоненіи такихъ словъ средняго рода, какъ *село́* || *сёла*, *весло́* || *вёсла* и т. д., мы уже наблюдаемъ значительную разницу въ вокализмѣ основы, при чемъ въ ед. ч. имѣется гласный *'э*, а во мн.—*'ó*. Это чередованіе *'э* || *'ó* въ склоненіи данной группы словъ является настолько характернымъ, что даже подчинило себѣ путемъ аналогіи слова „гнѣздó“ и „ведрó“ (собств. вѣдрó) съ гласнымъ *'э* изъ древняго *ѣ* [1]). Въ качествѣ примѣра значительныхъ варіацій основы по согласному можно указать на спряженіе глаголовъ, основа

[1]) Нѣкоторые ученые не совсѣмъ точно характеризуютъ разсмотрѣнные случаи, утверждая, что здѣсь чередованіе *'э* || *'o* служитъ для различенія ед. и мн. числа, при чемъ *'o* стало однимъ изъ формальныхъ признаковъ множ. числа. Въ дѣйствительности здѣсь данное чередованіе, ограничивающееся частною группою именъ средняго рода, связано съ различіемъ того и другого числа не само по себѣ, но въ связи съ опредѣленнымъ типомъ переходнаго ударенія, свойственнаго этой категоріи словъ. Для доказательства сошлюсь на категорію словъ женскаго рода, гдѣ чередованіе тѣхъ же гласныхъ имѣетъ уже нѣсколько иное морфологическое распредѣленіе (срв. „дёсны“, но „деснáмъ“), въ зависимости отъ иного способа вмѣнѣ ударенія.

которыхъ заканчивается задне-язычнымъ согласнымъ, срв. пе*к*у || пе*ч*ешь и т. п., при чемъ въ народномъ языкѣ это чередованіе уже нивеллируется подъ вліяніемъ глаголовъ съ основою на другіе согласные (какъ напр. несу || несешь и т. д.), въ результатѣ чего получилось спряженіе пе*к*у || пе*к*ешь и проч. [1]). Чтобы учащіеся возможно отчетливѣе уяснили роль фонетическаго момента въ морфологіи, считаю весьма желательнымъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ *фонетической транскрипціи*, конечно—въ возможно упрощенномъ видѣ, а какъ показалъ мнѣ личный опытъ, такого рода фонетическая транскрипція легко схватывается учащимися. Благодаря ей, они лучше поймутъ и нѣкоторые собственно морфологическіе факты, какъ напр. отношеніе между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ, гдѣ въ большинствѣ формъ вся разница сводится къ твердости или же мягкости конечнаго согласнаго основы, напр.:

в'іл*а* (вила) || пу̇л'*а* (пуля)
в'іл*у* (вилу) || пу̇л'*у* (пулю)
. . . . . .

Что касается *окончаній*, то я сдѣлаю возраженіе по поводу принимаемаго нѣкоторыми учеными подраздѣленія ихъ на *положительныя* и *отрицательныя*. Къ послѣднимъ относятся такіе случаи, какъ р а́ п („рабъ“), з' в' э́ р' („звѣрь“) и т. п., въ отличіи отъ р а б а́, з' в' э̆ р' а́, гдѣ формальная принадлежность или окончаніе признается положительною. Это ученіе, явившееся какъ протестъ противъ обычнаго школьнаго

---

[1]) Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что явленія фонетическія въ сущности входятъ въ морфологію, такъ какъ они непремѣнно происходятъ въ тѣхъ или иныхъ морфологическихъ категоріяхъ, вызывая въ нихъ фонетическія варіаціи или чередованія; подобнымъ образомъ и морфологія въ свою очередь входитъ въ синтаксисъ, такъ какъ послѣдній необходимо пользуется морфологическимъ матеріаломъ при построеніи предложеній. Такая связность частей грамматики вполнѣ естественна, такъ какъ слова нашей рѣчи представляютъ разными своими сторонами одновременно факты фонетики, морфологіи и синтаксиса. Лишь ради большаго удобства и отчетливости эти отдѣлы излагаются каждый особо, обыкновенно начиная съ простѣйшаго, т. е. фонетики.

ученія объ окончаніяхъ -ъ и -ь, основаннаго на буквахъ, а не звукахъ, въ свою очередь само грѣшитъ отчасти тѣмъ же недостаткомъ. Дѣло въ томъ, что и въ случаяхъ „рабъ“, „звѣрь“ и проч. имѣется положительный признакъ формы, а именно тотъ, что форма заканчивается послѣднимъ согласнымъ основы, произносимымъ въ одинъ слогъ съ предшествующимъ ему гласнымъ (срв. ра́п || ра|ба́); при чемъ, въ случаѣ парности согласнаго по звонкости и глухости, вмѣсто звонкаго согласнаго произносится на концѣ соотвѣтствующій ему глухой; такимъ образомъ, и въ этихъ случахъ мы видимъ положительный признакъ формы.

Чтобы покончить съ вопросами *склоненія, намъ осталось* еще сказать нѣсколько словъ о числѣ падежей и объ историкогенетической точкѣ зрѣнія на основы. *Число падежей* въ дѣйствительности больше, чѣмъ обыкновенно принимается въ школьныхъ руководствахъ. Послѣднія опираются на безпредложномъ примѣненіи падежныхъ формъ, за исключеніемъ, впрочемъ, т. наз. предложнаго падежа; а между тѣмъ нѣкоторые предлоги составляютъ такую же существенную часть падежной формы, какъ и окончаніе послѣдней; поэтому въ дѣйствительномъ языкѣ можно различить еще другіе падежи, какъ напр. исходный въ отличіе отъ родительнаго, мѣстный въ отличіе отъ изъяснительнаго, и нѣк. др. (см. выше стр. 115—116). Что касается *историко-генетической* точки зрѣнія на основы склоненія (въ отличіе отъ точки зрѣнія статической), то здѣсь должно обратить вниманіе на имѣющій принципіальное значеніе въ морфологіи законъ Бодуэна-де-Куртенэ о *сокращеніи основъ въ пользу окончаній* (Лекціи 161—162, Оч. 293—294, 385—386); согласно этому закону мы не можемъ говорить по отношенію къ русскому или старо-славянскому языкамъ о гласныхъ основахъ на *-а-*, *-о-* и т. д. (жена-, рабо- и пр.), такъ какъ въ такомъ видѣ основы существовали въ аріо-европейскомъ празыкѣ, но затѣмъ тематическіе гласные отошли къ окончаніямъ, такъ что прежнія гласныя основы стали заканчиваться согласнымъ (жен-, раб- и т. п.).

Въ отношеніи *словообразованія* нужно отмѣтить нерѣдкую неточность въ опредѣленіи смысловой стороны *суффиксовъ*, роль

которыхъ будто бы сводится къ видоизмѣненію оттѣнка значенія. Если это положеніе справедливо относительно такихъ случаевъ, какъ с т о л ъ<с т о л*и к ъ*, то совершенно не подходитъ къ случаямъ типа п е ч ь<п е ч*н и к ъ*, гдѣ слова обозначаютъ совершенно различные предметы, хотя и стоящіе въ извѣстномъ взаимномъ отношеніи.

* * *

Закончивъ свои замѣчанія по вопросамъ морфологіи, я перехожу къ послѣднему отдѣлу моихъ бесѣдъ—къ *семазіологіи*. Обыкновенно при школьномъ преподаваніи этотъ отдѣлъ излагается въ теоріи словесности подъ именемъ „поэтическихъ словъ". Мнѣ кажется, однако такой взглядъ на перемѣны въ значеніи словъ совершенно неправильнымъ, такъ какъ подобныя „поэтическія" слова переполняютъ и нашу обыкновенную рѣчь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, остановимся на какомъ-нибудь примѣрѣ изъ приводимыхъ въ теоріяхъ словесности. Такъ, въ случаѣ:

Бѣлѣетъ *парусъ* одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ

къ поэтическимъ словамъ относятъ „парусъ", такъ какъ это слово употреблено не въ основномъ смыслѣ, а переносномъ, именно—въ смыслѣ цѣлаго паруснаго судна (такое примѣненіе части вмѣсто цѣлаго называютъ „синекдохой"). Между тѣмъ подобный способъ выраженія нерѣдко встрѣчается и въ прозаической рѣчи, хотя бы на лодочныхъ гонкахъ, напр. „покатили *паруса*", „заработали *весла*" и т. п.; въ первомъ примѣрѣ двинулись не одни паруса, а лодки парусныя, и кромѣ того самое дѣйствіе обозначено по сходству съ колеснымъ (синекдоха+метафора), а во второмъ случаѣ заработали собственно не весла, а гребцы заработали веслами (метонимія). Подобнымъ образомъ въ двустишіи:

Читалъ охотно *Апулея*,
А Цицерона проклиналъ

поэтическимъ словомъ считается „Апулея" (метонимія), такъ какъ при этомъ разумѣется не Апулей, а сочиненія Апулея Однако развѣ въ разговорѣ мы не встрѣчаемъ аналогичнаго

выраженія, напр.: „я не читалъ Апулея", а между тѣмъ въ этой фразѣ поэзія отсутствуетъ. Все дѣло въ томъ, что не слово само по себѣ становится поэтическимъ, а въ зависимости отъ того образно-художественнаго цѣлаго, въ которое оно входитъ. Поэтическое произведеніе можетъ и не имѣть словъ съ переноснымъ значеніемъ и все-таки быть художественно-поэтическимъ, какъ напр. извѣстное стихотвореніе А. Майкова: „Кто онъ?" Кромѣ неправильности общаго взгляда на слова съ переноснымъ значеніемъ какъ на „поэтическія", я считаю и самое трактованіе вопроса пережиткомъ той эпохи, когда въ языкознаніи еще не утвердилось новѣйшаго психологическаго направленія; вслѣдствіе этого въ основу анализа и классификаціи явленій кладется не то или другое участіе психологическихъ факторовъ (ассоціацій разнаго рода), но многочисленная номенклатура стараго традиціоннаго ученія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что разсматриваемый нами отдѣлъ требуетъ полной переработки съ точки зрѣнія психологической, при чемъ за отправный пунктъ должна быть принята и здѣсь живая разговорная рѣчь. Желая освѣтить вопросъ именно съ этой стороны, мы предварительно остановимся на нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ въ природѣ разговорнаго языка, которыя намъ помогутъ лучше понять и типы переносныхъ значеній.

1) Разговорный языкъ въ зависимости отъ типа ума говорящихъ и также отъ сюжета рѣчи можетъ болѣе или менѣе склоняться въ сторону или языка прозаическаго, или же поэтическаго. Въ этомъ отношеніи мышленіе однихъ является болѣе или менѣе отвлеченнымъ и прозаическимъ, мышленіе же другихъ—болѣе образнымъ и поэтическимъ. Въ зависимости отъ этого нерѣдко одно и то же содержаніе получаетъ разное словесное выраженіе—болѣе прозаичное или же болѣе художественное. Но и сюжетъ не можетъ не оказывать вліянія на характеръ рѣчи: если, напр., описаніе при образности мышленія можетъ легко выливаться въ художественную рѣчь, то разсужденіе—даже и въ устахъ поэта—невольно будетъ клонить въ сторону празаичной рѣчи.

2) Семазіологическіе процессы въ рѣчи получаютъ то или другое направленіе въ зависимости отъ обстоятельствъ разго-

вора. Такъ, нѣкоторыя условія разговора благопріятствуютъ пропускамъ словъ, если это не вызываетъ недоразумѣнія; срв. названія матерій (напр. кашемиръ вм. матерія изъ Кашемира), винъ (напр. лафитъ, т. е. вино изъ лозъ замка Лафитъ) и т. п. Въ этихъ случаяхъ родовое названіе, какъ легко подразумѣваемое изъ обстоятельствъ разговора (напр. при покупкѣ, угощеніи и т. п.), опускается; такимъ путемъ, именно на почвѣ разговора, съ его характерною особенностью *пропусковъ излишнихъ словъ* при извѣстныхъ обстоятельствахъ (факторъ экономическій), и получились такія семазіологическія явленія, какъ напр. названіе продуктовъ именемъ мѣстности, откуда они произошли, въ зависимости отъ того, что то и другое связано въ нашемъ представленіи *ассоціаціей смежности*; разсматриваемое явленіе возникаетъ спорадически, а затѣмъ при своей удачности можетъ получить болѣе или менѣе общее употребленіе и перейти въ литературный языкъ.

3) Съ другой стороны, при иныхъ обстоятельствахъ, говорящій стремится въ своей рѣчи ярче представить слушателю образъ предмета, и тогда онъ прибѣгаетъ къ сравненію съ другимъ предметомъ, гдѣ данное качество представляется особенно рельефно, и отсюда возникаютъ такія сравненія и метафорическія выраженія, какъ „блеститъ какъ зеркало", „ясный умъ" и т. д.; эта группа семазіологическихъ явленій основана на *ассоціаціи сходства* и вызывается стремленіемъ къ возможно *большей изобразительности*.

Изъ всего изложеннаго нами слѣдуетъ, что поэтичность словъ зависитъ не отъ словъ въ отдѣльности, а отъ художественнаго цѣлаго, и что семазіологическія явленія словъ первоначально возникаютъ въ живомъ разговорѣ подъ вліяніемъ ассоціаціи смежности или же сходства. Отсюда получаются двѣ главныхъ категоріи семазіологическихъ перемѣнъ, при чемъ та и другая вызываются при своихъ особыхъ обстоятельствахъ и, какъ сейчасъ увидимъ, имѣютъ особыя области проявленія. Такъ,

А) по ассоціаціи *смежности*: а) названіе характерной части предмета можетъ служить для обозначенія цѣлаго: парусъ, голова, штыкъ; употребленіе въ собирательномъ смыслѣ ед.

числа вм. множ. (французъ, рыба); б) названіе дѣйствія, совершаемаго совмѣстно, переносится на помѣщеніе и на выполняющее это дѣйствіе сообщество (судъ, управленіе, совѣтъ), названіе мѣста, объединяющаго общество,—на это послѣднее (аудиторія, классъ; „городъ" спитъ); в) названіе переходнаго дѣйствія—на объектъ его (питье, шитье, вязанье, писанье); г) названіе матеріала—на продуктъ (бронза, фарфоръ; „не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ"); д) названіе мѣста добыванія продукта—на продуктъ (лафитъ, сардинка); и др.

Б) по ассоціаціи *сходства*: а) названіе части человѣческаго тѣла примѣняется для обозначенія аналогичныхъ частей другихъ предметовъ (ножка стола, ручка двери, спинка кресла), а также могутъ быть переносимы и названія частей одежды (рукавъ рѣки, жаркій поясъ); б) названіе частей тѣла животныхъ переносятся на аналогичныя части другихъ предметовъ (крыло арміи, стоять въ хвостѣ просителей); в) подобнымъ образомъ примѣняются и названія частей растеній (стволъ ружья, листъ бумаги, вѣтвь знанія); г) перенесеніе названія, относящагося къ впечатлѣнію одного чувства на аналогичное впечатлѣніе въ области другого чувства (острый ножъ—острый вкусъ, острый звукъ, острая боль; сладкій вкусъ—сладкій запахъ, сладкіе звуки); д) перенесеніе названія съ конкретнаго представленія на сходное абстрактное („ясный" умъ, „горькая правда"); и т. д.

Такъ какъ развитіе значенія словъ происходитъ главнымъ образомъ въ раговорѣ, т. е. въ *обществѣ*, а это послѣднее представляетъ довольно различныя по роду занятій группы, то нерѣдко одно и то же слово получаетъ въ разныхъ группахъ различное переносное значеніе; такъ, слово „о п е р а ц і я", въ первоначальномъ смыслѣ выражавшее „производство работы", затѣмъ получило разныя значенія, благодаря примѣненію въ разныхъ областяхъ (срв. военная операція, торговая операція, хирургическая операція). Конечно, наиболѣе узкою общественною группою является *семья*, и здѣсь многія слова получаютъ кромѣ своего родового значенія еще и индивидуальное (напр. „чернильница" не вообще, а опредѣленная).

Я не могу исчерпать въ краткой бесѣдѣ всѣхъ возможныхъ семазіологическихъ процессовъ; укажу еще напр. на то,

что въ прогрессѣ культуры названіе явленія переносится на преемственное явленіе въ силу того или другого ихъ сходства (срв. „вздувать“ огонь, хотя уже безъ дутья на горячій уголь, а посредствомъ спички), и, такимъ образомъ, находимъ пережитки словъ, по которымъ можно читать лѣтопись былого; укажу далѣе на то, что иногда съ принятіемъ крупнаго дара цивилизаціи отъ другой народности связывается заимствованіе словъ въ болѣе возвышенномъ значеніи (срв. въ русскомъ языкѣ такіе дублеты словъ, какъ глава || голова, стражъ || сторожъ, житіе || житьё и т. п., или появленіе въ эпоху возрожденія классической древности латинизированныхъ словъ во французскомъ рядомъ съ соотвѣтствующими природными); и др.

На основаніи изложеннаго мы приходимъ къ тому практическому выводу, что при преподаваніи ученія о тропахъ возможно совсѣмъ изгнать традиціонную номенклатуру семазіологическихъ перемѣнъ въ словахъ (синекдоха и т. п.), а просто говорить о *переносномъ значеніи* словъ, подраздѣляя случаи на указанныя двѣ категоріи, въ зависимости отъ участія того или другого типа ассоціаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ указать на неточность выраженія „измѣненіе“ значенія, такъ какъ въ семазіологическихъ процессахъ не происходитъ измѣненія значенія, но только названіе одного представленія переносится на другое представленіе, связанное съ первымъ ассоціаціею смежности или же сходства. Въ самомъ дѣлѣ, если мы говоримъ „стволъ“ по отношенію къ извѣстной части ружья, то вѣдь при этомъ не происходило какого-либо измѣненія значенія (а только переносъ названія), ибо данные предметы продолжаютъ каждый свое особое существованіе и принадлежатъ разному порядку.

Наконецъ, что касается *поэтичности*, то здѣсь кромѣ общей художественно-поэтической концепціи особенно важную роль играютъ, какъ я уже указывалъ въ прежнихъ работахъ (Оч. 326—331, Лекціи 184), *красочныя части рѣчи*, т. е. прилагательныя при существительныхъ и нарѣчія при глаголахъ (конечно, въ связи съ метафорами и сравненіями); срв.

Надъ Невою *рѣзво* вьются
Флаги *пестрые* судовъ,

Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни *дружныя* гребцовъ.

Заканчивая свои грамматическія бесѣды по русскому языку, не могу не коснуться воззрѣнія, высказываемаго иногда даже преподавателями, что предметъ русской грамматики считается учащимися сухимъ и скучнымъ. Я не могу согласиться съ такимъ представленіемъ, такъ какъ знаю факты, когда именно русская грамматика казалась учащимся предметомъ живымъ и интереснымъ, тогда какъ исторія русской литературы—предметомъ мертвымъ и неинтереснымъ. Очевидно, все дѣло сводится къ способу преподаванія предмета, почему я и позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ. Я полагаю, что русская грамматика будетъ казаться учащимся скучною, когда дѣло ограничивается однимъ прохожденіемъ учебника въ порядкѣ параграфовъ. Въ этомъ случаѣ у учениковъ отсутствуетъ самодѣятельность, а между тѣмъ именно она и способна возбудить у нихъ интересъ къ предмету; поэтому я думаю, что преподаваніе грамматики можетъ быть оживлено въ школѣ при помощи небольшихъ грамматическихъ работъ, въ формѣ задачъ, самостоятельно исполняемыхъ учащимися. Приведу нѣсколько образцовъ задачъ для старшихъ классовъ, какія могли бы предлагаться ученикамъ для рѣшенія на дому въ связи съ проходимымъ въ классѣ:

1. Выбрать въ такомъ-то небольшомъ произведеніи или отрывкѣ сложныя слова, распредѣливъ ихъ по частямъ рѣчи и болѣе мелкимъ категоріямъ (срв. типы: водовозъ, мореплаватель; темносиній; долгорукій; и пр.).

2. Выбрать въ данномъ произведеніи или отрывкѣ иностранныя слова и классифицировать ихъ по источнику заимствованія, предметамъ и эпохамъ.

3. Выбрать слова съ переноснымъ значеніемъ изъ художественнаго произведенія или отрывка, распредѣлить ихъ по категоріямъ ассоціацій смежности и сходства и привести рядомъ выраженія съ тѣми же словами въ томъ же переносномъ значеніи изъ разговорнаго языка.

4. Особенности рѣчи простонародной (или: купечества, духовенства и т. п.) на основанiи соотвѣтствующихъ небольшихъ произведенiй (народныхъ сказокъ, тѣхъ или другихъ произведенiй Островскаго, Лѣскова и т. п.).

5. Фонетико-морфологическiй переводъ на современный литературный языкъ небольшого отрывка изъ того или другого простонароднаго русскаго дiалекта (слова изъ произведенiя должны быть выписаны столбцомъ, а рядомъ помѣщены соотвѣтствующiя имъ формы литературнаго языка).

6. Фонетико-морфологическiй и синтаксическiй переводъ на современный литературный языкъ небольшого отрывка изъ лѣтописи Нестора, Слова о полку Игоревѣ, или т. п.

Вообще, прохожденiе грамматики и стилистики должно сопровождаться небольшими работками въ указанномъ направленiи. Эти послѣднiя въ сущности аналогичны тѣмъ предварительнымъ работамъ, какiя производятся учеными, и, приводя ученика къ тѣмъ или другимъ самостоятельнымъ выводамъ, способны вызывать въ немъ то же чувство удовлетворенiя и радости, какiя испытываетъ ученый при своихъ работахъ. Самыя работки должны быть очень небольшiя, чтобы не мѣшать занятiямъ другими предметами; а чтобы облегчить учителю выборъ наиболѣе подходящихъ отрывковъ для того или другого вопроса, равно какъ и подборъ самыхъ вопросовъ, является желательнымъ появленiе толково составленныхъ *грамматическихъ задачниковъ* для отдѣльныхъ классовъ.

Того же автора:

Краткій очеркъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ. Изданіе 2-ое, исправленное и значительно дополненное. Казань, 1917. Ц. 2 р. 50 к.

Сравнительная грамматика аріо-европейскихъ языковъ. Вып. 1-ый. Казань, 1914. Ц. 70 к.

Курсъ экспериментальной фонетики примѣнительно къ литературному русскому произношенію. (Съ рисунками въ текстѣ). Вып. 1-ый. Казань, 1917. Ц. 1 р.

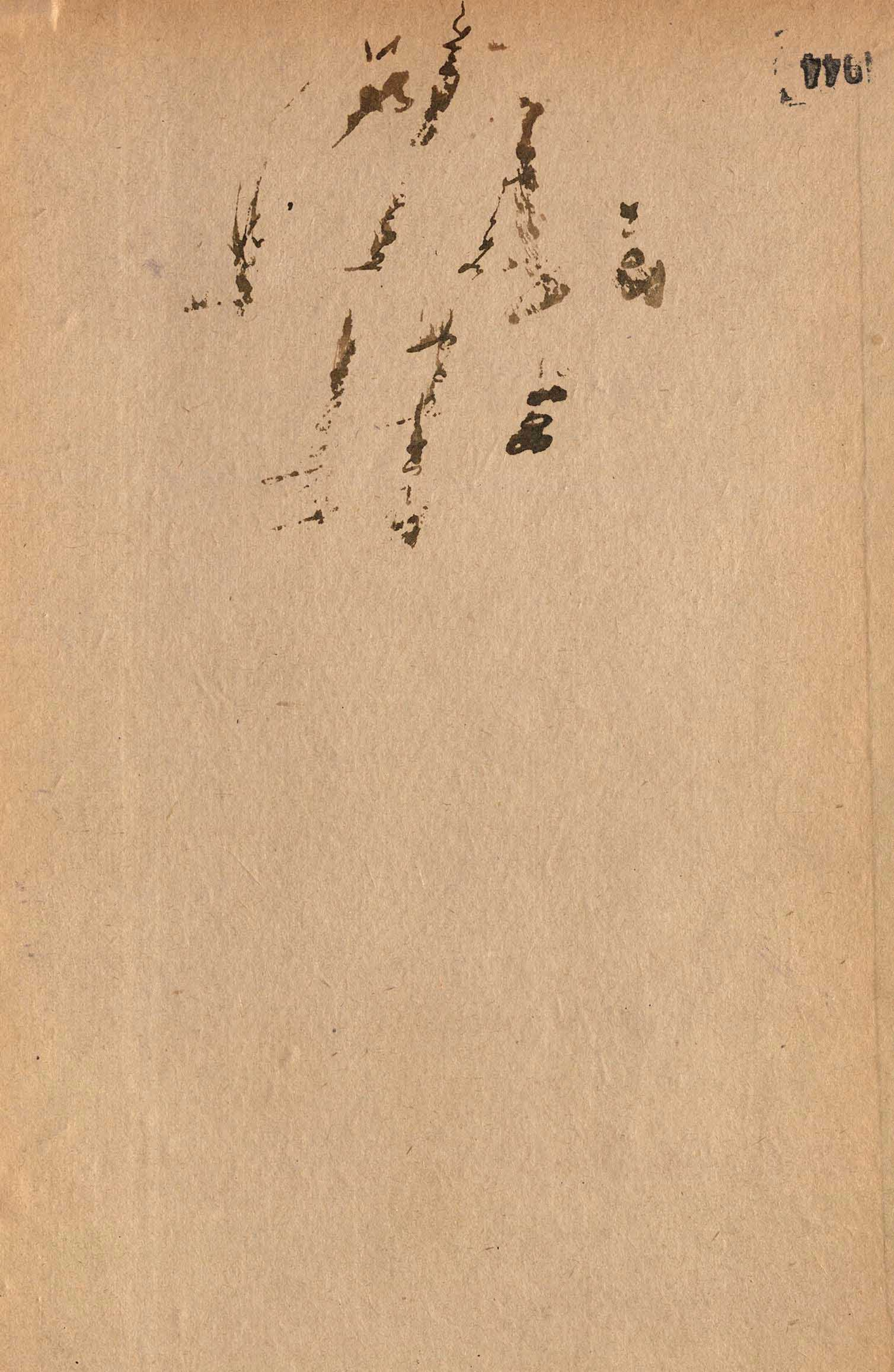
Лекціи по общему языковѣдѣнію. Изданіе 2-ое, значительно дополненное. Казань, 1915. Ц. 2 р.

Общій курсъ русской грамматики. (Изъ университетскихъ чтеній). Изданіе 4-ое, дополненное. Казань, 1913. Ц. 2 р. 50 к.

Сравнительно-грамматическій комментарій къ текстамъ аріо-европейскихъ языковъ. Вып. 1-ый: санскритъ. Казань, 1909. Ц. 1 р.

Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Изд. 3-ье, 1910. Ц. 2 р. Распродано.

Цѣны на сочиненія автора фиксированы и не подлежатъ повышенію.

1944

2011138852